

ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ

Огни Кузбасса

ИЗДАЕТСЯ С 1949 ГОДА

№ 6 / 2014
НОЯБРЬ – ДЕКАБРЬ

Литературный журнал
выходит
благодаря поддержке
администрации
Кемеровской области,
администрации
города Кемерово
и ОАО «Кемсцинбанк»

Главный редактор
Сергей ДОНБАЙ

Редколлегия:
Виктор АРНАУТОВ,
Владимир ИВАНОВ,
Александр КАТКОВ,
Виктор КОВРИЖНЫХ,
Иосиф КУРАЛОВ,
Вера ЛАВРИНА,
Владимир МАЗАЕВ,
Олег МАКСИМОВ,
Дмитрий МУРЗИН
(ответственный
секретарь),
Валерий ПЛЮЩЕВ,
Марина ЧЕРТОГОВА

Николай РАХВАЛОВ
(ответственный
за распространение
журнала)

Рукописи
не рецензируются
и не возвращаются

Адрес редакции:
650000, г. Кемерово,
Советский проспект, 40
Телефон 36-85-14



Содержание

«ОГНЯМ КУЗБАССА» – 65 ЛЕТ

Валерий Плющев. «Золотая осень...»
Вера Лаврушкина. Грани сотрудничества
Галина Карпова. Журнал «Огни Кузбасса» и КемГУ: два юбилея
Поздравления: **Аркадий Елфимов, Александр Кердан, Александр Ефремов,**
Николай Калашников.

ПРОЗА

Евгений Даниленко. Горик. Роман
Татьяна Ильдимирова. Монамур. Рассказ
Анатолий Колков. Как я не стал фермером
Михаил Кривошеин. Последний патрон. Эпидемия. Рассказы
Андрей Ворошень. Живем! Шинданская история. Рассказы
Дмитрий Шореев. Тень одиночества. Рассказ

ПОЭЗИЯ

Юрий Арбеков. Арсеньевы. Драма о ближайшем окружении Поэта
Ольга Хапилова. Пусть подольше удержится небо на наших плечах...
Светлана Уланова. Под шелест листвы осенней забыться в собственных мыслях...
Олег Мошников. В Рождество серебрится снег...
Дмитрий Филиппенко. В ладонях мы любовь хранили

И БОЛЬШИМ, И ДЕТЯМ

Эдуард Гольцман. Мамонты и Папонты. Стихи

КНИГА ПАМЯТИ

Георгий Гребенщиков. На Карпатах. Походная страда (к 100-летию Первой мировой войны)

ДАЛЬНИЕ СТРАНЫ

Вера Лаврина. Черногория.ру

ПУБЛИЦИСТИКА

Борис Дюкин. Путники и дорожники (Записки инженера путей сообщения)

БИБЛИОТЕЧЕСТВО

Сергей Подгорнов. Записная книжка № 17

ЛИКИ ЗЕМЛЯКОВ

Василий Киселев. Рожденные в СССР. Кавалер «Полярной звезды»

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Валерий Плющев. Царский подарок сибирского книжника. Власть Соловецкая
Мария Бушуева. СТИХИ. Любовь НИКОНОВА «Небесный свет земного сада...»

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Литературная хроника. Подготовил **Д. Мурзин**
Содержание журнала «Огни Кузбасса» за 2014 год. Подготовил **Д. Мурзин**

«ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ...

7–8 октября 2014 года в Кемерове проводился межрегиональный литературный форум «Золотая осень в Кузбассе», в рамках которого состоялось празднование 65-летия журнала «Огни Кузбасса».

Начало праздника

Накануне, 6 октября, в Доме литераторов Кузбасса состоялась встреча прибывших на праздник гостей из Омска и Екатеринбурга: поэта, члена Высшего творческого совета Союза писателей России, главного редактора издательского проекта «Тобольск и вся Сибирь», лауреата литературных премий Юрия Перминова, члена Правления СПР, руководителя Омской областной организации СПР, лауреата литературных премий, поэта Валентины Ерофеевой-Тверской, екатеринбургского писателя, поэта и прозаика, сопредседателя Правления СПР, координатора Ассоциации писателей Урала, Сибири и Поволжья, лауреата литературных премий Александра Кердана. Со стороны хозяев присутствовали писатели г. Кемерова.

Гостей представлял главный редактор журнала «Огни Кузбасса» Сергей Донбай.

Юрий Перминов пригласил кузбасских поэтов поучаствовать своими стихами в четырехтомнике, выпускаемом в рамках издательского проекта «Тобольск и вся Сибирь» к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. В предыдущем уникальном поэтическом проекте «Слово о Матери» в двух томах приняли полновесное участие поэты из Кузбасса.

Валентина Ерофеева-Тверская пригласила кузбасских коллег на возрожденный в столице Омской области фестиваль «Омская зима».

Александр Кердан, возглавляющий работу Ассоциации писателей Урала, Сибири и Поволжья, объявил место следующего сбора – г. Сургут, пригласил писателей из Кузбасса на этот форум.

Потом были стихи, которые поэты читали по своему выбору либо откликаясь на заявки слушателей. Читали и гости, и кемеровчане.

Открытие праздника литературы

Официальные торжества открылись 7 октября в Областной библиотеке для детей и юношества. Здесь уже писатели, приглашенные на 65-летие журнала «Огни Кузбасса», были в полном составе. В рядах гостей появилось мощное пополнение в лице члена Правления СПР, заместителя главного редактора журнала «Наш со-

временник», лауреата литературных премий, известного публициста и литературного критика Александра Казинцева, члена Правления СПР, главного редактора литературного и краеведческого журнала «Начало века», председателя Томской областной организации СПР, поэта Геннадия Скарлыгина и заместителя главного редактора издательского проекта «Тобольск и вся Сибирь», поэта из Бийска Сергея Филатова.

На празднике звучали поздравления от администраций Кемеровской области и г. Кемерова. Постановлением губернатора Кемеровской области Амана Тулеева Александр Казинцев был награжден областной медалью «За веру и добро», все гости, известные писатели, получили благодарственные письма губернатора.

О творческих достижениях, писателях разных поколений, этапах роста журнала-юбилера рассказал его главный редактор Сергей Донбай, который также вручил благодарственные письма членам редколлегии «Огней Кузбасса» и гостям юбилея: известному прозаику Владимиру Мазеву, ответсекретарю журнала Дмитрию Мурзину, прозаику Виктору Арнаутову, директору областной библиотеки им. В. Федорова Вере Никулиной и др.

Журнал в 1949 году возник как альманах с названием «Сталинский Кузбасс». В двух первых номерах были напечатаны роман Александра Волошина «Земля Кузнецкая», получивший Сталинскую премию.

С 2006 году «Огни Кузбасса» выходят шесть раз в год, журналом писателей России стал с 2010 года, приложением к журналу выпущено около 50 книг. Журнал дал дорогу в литературу многим писателям, в настоящее время он сотрудничает (является «связным», как сказал С. Донбай) с журналами России, среди которых «Наш современник», «Сибирские огни», «День и ночь», «Родная Ладога», «Подъем» и др. В журнале публикуются лучшие писатели со всей России.

Кроме ежегодных литературных премий «Огней Кузбасса» за лучшую публикацию года, в Кемеровской области есть еще литпремия «Энергия творчества» (состоит из более десяти номинаций), которая вручается спонсорами из Кузбасского филиала «Сибирской генерирующей компании» (бывшее ОАО «Кузбассэнерго»). Журнальная рубрика «Светлица», благодаря ОАО «Кемсочинбанку», имеет несколько лет свой конкурс «Гнездышко», по итогам конкурсов

Огням Кузбасса – 65 лет!

вышла подарочная книга «Премия «Гнездышко». Главный редактор за многолетнюю верную дружбу и финансовую поддержку детского творчества и журнала поблагодарил генерального директора банка Александра Ефремова (члена общественного совета журнала «ОК»), а также работника банка Татьяну Мигунову, которую считает душой этой дружбы.

Сергей Донбай особо отметил дружбу журнала с Кемеровским музеем изобразительного искусства, библиотеками области и Областной научной библиотекой им. Василия Федорова, представители которой здесь же рассказали о своих планах оцифровки всех номеров журнала.

Александр Казинцев назвал «Огни Кузбасса» одним из лучших региональных журналов в России. Он разъяснил свое понимание слова «связной», прозвучавшее в выступлении коллеги-кемеровчанина: «Если бы не такие «связные», как «Огни Кузбасса», то в России не было бы духовных связей между регионами, которые есть сейчас». Выступали гости и хозяева, представители спонсоров, было много наград и подарков, среди которых яркие и красочные номера в исполнении студентов художественного училища.

Минутой молчания присутствующие почтили создателей «Огней Кузбасса», всех, кто оставил литературный след в истории журнала и Кузбасса.

Александр Кердан сказал: «Литература – это оружие дальнего боя!» Сергей Филатов отметил интеллигентность журнала. Геннадий Скарпыгин назвал огонь, который заложен в названии журнала, теплым, греющим, огнем души. «Дело, которое несет добро» – так определил он то, что делает журнал.

Встречи с читателями

День 8 октября был отдан встречам с читателями. Кто-то работал в областном центре, другие выезжали в Анжеро-Судженск и Ленинск-Кузнецкий район.

Александр Казинцев и Сергей Донбай встречались со студентами КемГУКИ, КемГУ. Большой, серьезный и весьма эмоциональный разговор с читателями-библиотекарями и просто читателями состоялся в зале Областной научной библиотеки им. Василия Федорова. Были многочисленные вопросы и интересные ответы, было чтение стихов. Александр Казинцев поделился главными редакторскими заботами: «Донести до читателей, как это хорошо сделано автором!» Он отметил высокий уровень культуры литера-

турных встреч, которые организуются в Кузбассе. Его слова о том, что хорошая книга требует всего человека, не дает спокойно спать, подтвердили и слушатели.

Юбилей «Огней Кузбасса» позволил встретиться редакторам ряда журнальных изданий, как говорится, сверить часы, обсудить проблемы, наметить пути сотрудничества накануне Года литературы в России. Можно сказать, что в Кузбассе он уже стартовал.

Валерий Плющев,
Кемерово

ГРАНИ СОТРУДНИЧЕСТВА

Вы когда-нибудь задумывались, сколько лет журналу, который вы берете в руки? Некоторым журналам год-два, они только начинают долгий путь к завоеванию своего читателя. А есть солидные издания, которые уже полвека держат высокую планку качества.

Несомненно, главный герой в журнальном фонде Кемеровской областной научной библиотеки им. В. Д. Федорова литературный журнал «Огни Кузбасса». Он вышел в свет в 1949 году еще в Советском Союзе, пережил сложный период перестройки и продолжает радовать наших читателей сегодня. В его деятельности были и перерывы, менялись редакторы, издатели, количество номеров и т. п. Но неизменным остается самое главное – журнал способствует творческой реализации талантливых литераторов вне зависимости от места проживания, поддерживает условия для естественного развития литературного процесса, формирует систему критериев оценки литературных произведений, обеспечивающих необходимый и высокий уровень качества публикаций, по крайней мере, в зоне влияния журнала.

Все номера журнала за все годы его существования, начиная с 1949 года, когда он носил название «Сталинский Кузбасс», и до сегодняшнего дня, не просто хранятся в библиотеке им. В. Д. Федорова, но и активно используются историками и литераторами, студентами и школьниками, краеведами и обычными читателями.

Добрая традиция уже 65 лет живет в библиотеке: совместно с журналом организуются творческие встречи с литераторами, читательские конференции, представления новых имен, новых произведений, опубликованных на страницах «Огней Кузбасса». Редакция журнала и со-

трудники библиотеки популяризируют журнал в селах и городах области совместными культурно-просветительскими проектами: «Литературный десант», «Золотая осень в Кузбассе», Баяновские, Федоровские, Чивилихинские, Небогатовские, Киселевские, Бересневские и другие чтения.

Желая, чтобы прекрасный и умный журнал как можно быстрее попал в муниципальные и школьные библиотеки Кузбасса, «федоровка» взяла на себя доставку «Огней Кузбасса» по городам и районам региона.

Библиотека, используя богатейшие материалы журнала, создает печатные и электронные ресурсы, например энциклопедию писателей и поэтов «Литературная карта Кузбасса», которые внесли неоценимый вклад в развитие литературного образа области: <http://www.kemrsl.ru/litmap>.

В планах Библиотеки – перевести в электронный вид весь архив замечательного журнала с 1949 по 2008 годы.

Журнал «Огни Кузбасса» шагает в ногу со временем: есть комфортный сайт, страницы практически во всех популярных социальных сетях.

Бытует мнение, что лет через сто печатная пресса будет очень дорогой даже для элиты. Вроде как сегодняшняя печать книг из тисненой кожи. Желаем нашим «Огням Кузбасса» все возрастающего финансового благополучия и через пятьдесят, и через сто лет. А творческий потенциал журнала «Огни Кузбасса», без всякого сомнения, всегда на высоте.

В. Лаврушкина,
главный библиотекарь отдела библиотечного краеведения Кемеровской областной научной библиотеки им. В. Д. Федорова.

ЖУРНАЛ «ОГНИ КУЗБАССА» И КЕМГУ: ДВА ЮБИЛЯРА

В 2014 году одновременно с 65-летним юбилеем журнала «Огни Кузбасса» 65-летие отпраздновал факультет филологии и журналистики Кемеровского государственного университета.

Издание первого номера литературно-художественного альманаха в столице Кузбасса в 1949 году не случайно совпало с открытием Учительского института. Тесное творческое сотруд-

ничество редколлегии журнала и преподавателей и студентов вуза оформилось в 1960-е годы и укрепляется год от года. Студенты и преподаватели филфака были не только преданными читателями «Огней Кузбасса», но и авторами журнала, и литературными критиками. При редакторе журнала Евгении Буравлеве состоялась первая публикация двух стихотворений студента филфака Александра Ибрагимов. В 1970–1980-е годы, когда редколлегию журнала возглавлял Владимир Мазаев, на страницах «Огней Кузбасса» засветились имена поэтов, будущих членов Союза писателей России: Леонида Гержидовича, Ивана Полунина, Тамары Рубцовой (Старосветовой), Тамары Страховой, Владимира Соколова, Ирины Фроловой и других студентов КемГУ. Одновременно выступили в качестве литературных критиков ученые вуза Е. Л. Цейтлин, А. П. Казаркин, В. С. Пушкарева, Л. А. Ходанен, Т. Г. Черняева. Сотрудничество с журналом «Огни Кузбасса» для А. П. Казаркина было столь плодотворным, что свою докторскую диссертацию он защитил по литературной критике XX века. На рубеже XX–XXI веков, когда главным редактором журнала стал Виктор Баянов, состоялась первая публикация выпускника филфака КемГУ С. М. Павлова, будущего автора многолетней «Кузбасской саги» и лауреата литературной премии имени А. Н. Волошина, автора романа «Земля Кузнецкая», опубликованного в альманахе «Сталинский Кузбасс» в 1949 году. При Сергее Донбае журнал «Огни Кузбасса» стал подписным журналом, выходящим шесть раз в год и способным составить конкуренцию известным столичным журналам. Отрадно, что талантливый кузбасский поэт Дмитрий Мурзин, выпускник матфака КемГУ и Литературного института имени М. Горького, столь же талантливо работает в качестве ответственного секретаря главного кузбасского журнала.

Сегодня «Огни Кузбасса» являются лучшим журналом Сибири и Дальнего Востока. Для многих современных читателей и для меня лично «Огни Кузбасса» уже много лет является любимым журналом. Множество встреч с редколлекцией и авторами журнала «Огни Кузбасса» в стенах КемГУ были обоюдно полезны. Журнал воспитывал культурных читателей и пробуждал интерес к изучению литературы Кузбасса. 29 марта 2012 года по инициативе преподавателей КемГУ к 50-летию Кемеровского отделения Союза писателей России состоялась региональная

научно-практическая конференция, на которой с пленарным докладом выступила доцент И. В. Ащеулова «Региональная литература в современном литературном процессе». В 2013 году в КемГУ было издано учебное пособие «Литература Кузбасса XX – начала XXI века». Авторами его стали преподаватели литературы И. А. Ащеулова, Г. И. Карпова, Л. А. Ходанен и соискатель В. А. Алексютина. Союз журнала «Огни Кузбасса» и университета, на мой взгляд, прекрасен и, хочется надеяться, вечен.

Галина Карпова,
доцент кафедры журналистики и русской
литературы XX века КемГУ,
кандидат филологических наук

К ЮБИЛЕЮ ЖУРНАЛА «ОГНИ КУЗБАССА»

Уважаемый Сергей Лаврентьевич!

Уважаемые члены общественного совета и редакционной коллегии журнала «Огни Кузбасса»!

Дружески поздравляем вас с круглой датой – 65-летием одного из самых солидных и крепких журналов Сибири и России.

65 – это пора зрелости. Ровно столько лет назад вышел в свет первый номер альманаха, тогда еще с названием «Сталинский Кузбасс». За эти годы «Огни Кузбасса» превратился в «толстый» литературный журнал, который выходит шесть раз в год, из регионального издания он стал всероссийским. Однако, несмотря на новый статус, вы и сегодня не забываете о внимании к родному Кузбассу, в рубриках «Заповедная Сибирь», «Лики земляков» вы публикуете материалы о малой родине, ее главном достоянии – людях Кузбасса. На страницах издания находится место не только известным писателям, но и начинающим авторам.

В то же время вы не замыкаетесь исключительно на Кемеровской области. И это очень важно, ибо без четкого понимания, что писатели, живущие и творящие в Кузбассе, – это часть большой великой русской и российской литературы, к которой мы все сопричастны. Именно осознание себя частью целого дает вам силы участвовать в созидании единого литературного пространства нашей Родины. Недаром журнал «Огни Кузбасса» был одним из «застрельщиков» и в настоящее время последовательно

проводит курс на расширение творческих связей с писателями и изданиями других регионов России, такими как «Наш современник» (Москва), «Всерусский Соборъ» (Санкт-Петербург), «Сибирские огни» (Новосибирск), «День и ночь» (Красноярск), «Врата Сибири» (Тюмень), «Начало века» (Томск), «Алтай» (Барнаул), «Дальний Восток» (Хабаровск), «Сибирь» (Иркутск) и другими, совершенно справедливо отмечая при этом, что «по отдельности тиражи наших журналов небольшие, но если их сложить, сумма света, которую они несут, будет значительной». Со своей стороны смеем заверить вас, что издательский отдел фонда «Возрождение Тобольска», редакционный совет альманаха «Тобольск и вся Сибирь» всегда и всецело поддерживали и поддерживают это, безусловно, полезное и нужное сегодня начинание. Выражаем также благодарность за постоянную публикацию на страницах вашего журнала информации об издательских и просветительских проектах Общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска»

Журнал – это не только само издание, это еще и своеобразная атмосфера света и добра, дружбы и открытий, возникающая вокруг него. Недаром в год вашего юбилея прошел литературный форум «Золотая осень в Кузбассе», этот свет вместе с вами поддерживали в самых дальних уголках Кузбасса писатели из других регионов Сибири и Урала – ваши искренние друзья и единомышленники.

Хотелось бы еще отметить такие неотъемлемые качества журнала, а значит, прежде всего членов его редакционной коллегии, как профессионализм и интеллигентность. Действительно, содержательное наполнение журнала, особенно в последние годы, неизменно стоит на очень высоком литературном уровне, оно достаточно ровное и крепкое по профессиональному отбору материалов, последовательно придерживается главных принципов, присущих классической русской литературе, – умению сострадать человеку и нести людям разумное, доброе, вечное. Мы искренне рады и вашему умению тонко и интеллигентно вести диалог, в то же время достаточно последовательно и твердо отстаивая свои позиции, как в дискуссиях с вашими авторами, так и с властью предрешающими структурами, находить разумные и приемлемые компромиссные решения.

Огни Кузбасса – 65 лет!

От всей души желаем вам и далее процветания, плодотворной созидательной и одновременно трудной и кропотливой, очень необходимой сегодня всем нам работы во благо России, во благо нашей Родины и великой Русской литературы!

А. Елфимов,
председатель Президиума общественного
благотворительного фонда
«Возрождение Тобольска»,
Ю. Перминов,
главный редактор альманаха
«Тобольск и вся Сибирь»,
С. Филатов,
ответственный секретарь альманаха
«Тобольск и вся Сибирь»

На Красной горке в Кемерове стоит величественный памятник шахтеру, с немеркнущим огоньком в развернутой груди. Этот огонь виден издалека, виден в любую погоду...

Мне представляется, что журнал «Огни Кузбасса», отмечающий свой славный 65-летний юбилей, сродни этому символу шахтерского края: так же распахнут навстречу ветрам современности, открыт всем болям и проблемам родной страны, русских людей... Журнал все годы своей жизни является таким же маяком, освещающим непростые пути отечественной словесности, озаряющим новые литературные имена, напоминающим о необходимости хранить верность литературным традициям и главному принципу русской литературы – сострадательности и милосердию. И еще одна параллель: уголь, добытый в шахтах Кузбасса, согревает людей во многих регионах России. Так же и «Огни Кузбасса» делятся теплом своих номеров с литераторами, живущими далеко за пределами региона, выполняя тем самым важнейшую миссию – сращивает разорванное в последние десятилетия единое литературное пространство, создает духовные предпосылки для возрождения величия России.

От всего сердца поздравляю коллектив редколлегии, всех читателей и почитателей журнала с юбилеем, желаю вам творчества и процветания во благо нашей Родины и ее замечательной литературы.

Александр Кердан,
сопредседатель Союза писателей России,
координатор Ассоциации писателей Урала,
Западной Сибири и Поволжья

Уважаемый Сергей Лаврентьевич!

Уважаемые литераторы и сотрудники журнала «Огни Кузбасса»!

Коллектив ОАО «Кемсоцинбанк» поздравляет Вас с 65-летием журнала!

65 лет – изумительный юбилей, редкое событие для печатного издания. Сколько перемен, сколько разных эпох вместили в себя эти 65 лет, а Ваше издание выдержало это испытание временем, что является свидетельством высокой творческой планки.

На протяжении всех лет выхода в свет Вы стоите на страже великой русской литературы. Несмотря на столь значительный жизненный путь, «Огни Кузбасса» всегда остаются молодым и актуальным журналом, потому что неизменным является для Вас поиск подлинных талантов, настоящей литературы, которая трогает сердца читателей, заставляет сопереживать и думать. Особое восхищение вызывает активная работа редакции с самыми юными авторами. «Огни Кузбасса» – яркая точка духовности, нравственности и культуры на литературной карте России. Не случайно журнал любят читатели Кузбасса, Сибири, да и всей страны.

Примите слова искренней благодарности за Ваш труд, Ваше равнодушие, Ваш талант, Ваше служение литературе. От всей души желаем творческому коллективу редакции вдохновения, оптимизма и новых вершин! Рады нашему сотрудничеству!

А. Н. Ефремов,
председатель Совета директоров
ОАО «Кемсоцинбанк»,
В. В. Савицкий,
генеральный директор ОАО «Кемсоцинбанк»

Уважаемая редколлегия журнала «Огни Кузбасса»!

Члены новокузнецкого литературного клуба «Контакт» при городской библиотеке им. Н. В. Гоголя поздравляют вас с юбилеем журнала!

Мы рады, что на страницах вашего издания в разные годы были опубликованы произведения «контактовцев» – Александра Головкина, Евгения Грепа, Ольги Белоусовой, Натальи Колесовой... Надеемся и на дальнейшее наше сотрудничество.

Желаем редколлегии и читателям журнала «Огни Кузбасса» творческих удач, интересных публикаций, новых талантливых авторов!

Творческого долголетия журналу!

Здоровья и новых достижений в творчестве его сотрудникам и авторам!

Николай Калашников,
президент КЛФ «Контакт»

Юрий
АРБЕКОВ

АРСЕНЬЕВЫ

Драма о ближайшем
окружении Поэта



К 200-летию поэта Михаила Лермонтова

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Михаил Васильевич Арсеньев, дед,
Елизавета Алексеевна, бабушка,
Мария Михайловна, мать,
Юрий Петрович Лермонтов, отец,
Екатерина Алексеевна Хастатова, тетка,
Алексей Аркадьевич Столыпин (Монго), дядя.

ПРОЛОГ

Увы, и много, и немного
Позволит автору пролога
Наш умный зритель. Нить подать –
Уже сюжет предугадать.
...Итак, девятый год, Тарханы,
Уж дышат снегом облака,
Дом отставного капитана
Преображенского полка...

СЦЕНА 1

Михаил Васильевич смотрит в зеркало
Михаил Васильевич
Ужель я стар?.. Вот подлинная драма!
Не потому, что смерти я боюсь,

Которая преследует упрямо
Того, кто сед... И в юности, клянусь,
Не знал я страха перед этой дамой!
Но почему же нынче в полный рост
Меня тревожит вовсе не погост
И не подагры престарелой хруст –
Меня тревожит увяданье чувств!

Ужели то, что в молодости нашей
Дается удивительно легко,
Чего нет в жизни сладостней и краше,
Теперь для нас все так же далеко,
Как юности веселые проказы?
Теперь уже в седло – и то не сразу,
Теперь уж мне коляску подавай
Да не спеши, не шибко погоняй!

И вдруг – любовь... За что мне эту муку?
Познать все то, что было в двадцать лет –
Восторг, печаль, томление, разлуку,
Но в старости, когда уж меркнет свет?!

Пристально разглядывает себя в зеркало.
Иль, может быть, не все уж так ужасно
И я себя корю еще напрасно?

Кузнецов Юрий Александрович (Юрий Арбеков) – сын военного моряка, жил в Североморске, Мурманске, Балтийске, ныне в Пензе. Член СП и СЖ России, лауреат премии им. Карпинского, автор 30 книг прозы, поэзии, драматургии, произведений для детей.

Публикуется в журналах «Наш современник», «Сельская молодежь», «Московский Парнас», «Алтай», «Литературный меридиан» (Приморский край), «Сура» (Пенза), «Детектив+» (Киев), «Теегин герл» (Калмыкия), в электронном журнале «Континент», в альманахе «Материк» (Германия), интернет-журнале «Лексикон» (Чикаго), «Литературной газете».

Ведь прадед мой, Арсений Челебей,
В мои года имел еще детей!

Входит Елизавета Алексеевна.

Вы возвратились? Как прошло собрание?*

Бранили шведов** или поваров?

Кому из них досталось наказание?..

Да вы, мон шер, не в духе? Нездоров?!

Целует лоб супруга.

Михаил Васильевич:

Ах, полно, Лиза! Экая ты, право!

Всегда одна бессменная забава:

Мой бедный лоб на ощупь проверять.

Я жив еще... и рано отпевать!

Елизавета Алексеевна:

О Господи! О чем вы говорите?!

Какая муха укусила вас?!

Вы бледным показались мне, простите...

Михаил Васильевич:

Прости и ты меня.

Целует ее руку.

Но... поздний час!

Уходит.

Елизавета Алексеевна (одна)

Как сердце ноет! Ранено бойцом,
Пронзившим словом хуже, чем свинцом!

Еще б с ударом справилась таким,
Когда обидчик... был не так любим...

Шестнадцать лет живем мы вместе.
И Бога нечего гневить,
Он дочкой, будущей невестой,
Нас с ним сумел благословить.
Всегда-всегда с любимым взглядом
Я мужа ощущала рядом:
Моя опора, мой кумир...
И вдруг – как будто рухнул мир!

Что ж приключилось, в чем причина?
Когда задумчив стал мужчина,
Он или проигрался в вист
Иль влюблен, как гимназист...
Мне говорили, что соседка,
И щеголиха, и кокетка,

Не раз, на флирт сменить иглу,
С ним танцевала на балу!..
Меня учили: «Ради счастья
И ради Машеньки своей
Узнайте все, что в вашей власти,
Поговорите даже с ней:
«Когда, коварная особа,
И где встречаетесь вы оба?
Есть заповедь «Не возжелай»,
Есть Божий суд, ты так и знай!»

Но это, право, недостойно:
В век просвещенный, мудрый век
Из-за любви устроить войны?..
Мой муж – свободный человек!
Не буду я за ним шпионить,
И род мой чести не уронит!
...Себе не нанеся урон,
Во всем признается и он!

Мария (Входит, показывает матери вязание.)

Маман? А вот моя работа,
Глядите: завершила в срок!..
Чует неладное.

У вас, пардон, случилось что-то?..
Отец обидел?..

9

Елизавета Алексеевна
– Нет, дружок.

Мария

О Боже! Что за наказание:
И знать, и чувствовать страданье
Родимой матушки своей
И быть отвергнутою ей!
Ужели я не заслужила
Доверия? Ведь я, мой свет,
Делилась с вами всем, что было...

Елизавета Алексеевна

Мадмуазель! В пятнадцать лет
Не все возможно знать девице.
Потом!

Мария

Позвольте удалиться?

Елизавета Алексеевна

Спокойной ночи, дочь моя,
И не сердитесь на меня.

Мария, сделав книксен, уходит.

* Михаил Васильевич был предводителем дворянства
Чембарского уезда и вернулся с собрания.

** Имеется в виду Русско-шведская война 1808–1809 гг.

О, как я с ней была жестока!
Но что же делать, Боже мой?
Ведь не могу же я до срока
Ее, как в омут с головой,
Низвергнуть в горькую пучину
Своей беды. И половину
Не смею дочери сказать.
...Одной, одной дал Бог страдать!

СЦЕНА 2

Тарханы, январь 1810 года
Михаил Васильевич читает роль Могильщика
из «Гамлета».

Михаил Васильевич
«Скажи мне: чья это могила?» –
«Твоя, коль ты в нее залез»...
...Какая дьявольская сила!
Какой английский политес!
У них могильщик учит принца,
У них эсквайр умрет за принцип,
У них купец, припав к рулю,
На судне равен королю!

Сегодня ставим мы Шекспира...
Он, право, драматургов бог!
Его волнующая лира
Проникнет в сельский наш чертог.
И что же?.. Надобно признаться,
Что я не в силах разобраться:
Кого люблю, кого любил...
О Гамлет, Гамлет, дай мне сил!

Входит Елизавета Алексеевна.
Елизавета Алексеевна
Ну что, мон шер? Уж вы готовы?
Помочь примерить ваш костюм?

Михаил Васильевич
Могильщик прост. Его покровы
Не отнимают много дум.
Когда другим мостишь могилы,
Не фрак вам нужен – только силы,
Поскольку вылезть из могил
Порою не хватает сил.

Елизавета Алексеевна
Так вы, как ваш герой, философ?

Михаил Васильевич
То дьявол в голову залез...

Елизавета Алексеевна

Давно назревших к нам вопросов
Не разрешил ваш тайный бес?
Михаил Васильевич
Скажу вам нынче же, ей-ей,
Но... слышу голоса гостей?..

Елизавета Алексеевна
О да, соседей полон зал!
Пойду встречать их...
(Уходит.)

Михаил Васильевич заглядывает в щелку
занавеса.

Михаил Васильевич
Я пропал!..
Она... она сидит в партере!
Скажите, в чем моя вина?!
Когда бы то, по нашей вере,
Давно была б моя жена!
Из Золотой Орды пришедший,
Своею волей обрусевший,
Мой прадед, трех имея жен,
Не нарушал тогда закон?!

За что же мне, родному внуку,
Достался горестный венец?
Рожден на счастье и на муку,
Люблю жену и, наконец,
Когда виски седыми стали,
Когда от ласки мы устали,
Увы, другую повстречал...
И снова, снова вспылал?!

На много лет меня моложе,
Но, непонятно почему,
Она твердит, что любит тоже!..
Не глуп, но женщин не пойму.
Что ж делать? Вот ведь незадача!
Уйду – одна семья заплачет,
Останусь – будет плач в другой...
Быть может, выход есть иной?
Смотрит на заветный перстень.

Когда-то, бывши капитаном
Преображенского полка,
Я приобрел в порыве пьяном
У старого ростовщика
Сей скромный перстень: ценность в том,
Что он весь ядом напоен.
«Храни, – велел мне ростовщик, –
на старость!»...
Вот он – этот миг?!

Пойду, могильщика сыграю
И, откупорив смерть свою,
Я им обеим завещаю
Любовь печальную мою!
Целует перстень, уходит.

СЦЕНА 3

Тарханы, 1813 год
Елизавета Алексеевна в волнении ходит по
комнате.

Елизавета Алексеевна
Прошло три года, как супруга
Я схоронила... Что ж теперь?
Свобода – лучшая подруга,
Нам открывающая дверь
Туда, где женам входа нет?..
Смотрится в зеркало.
А мне ведь тридцать девять лет!
Вдова... Но кто же среди вдов
Семейный не оценит кров?..
Подходит к портрету молодого генерала.

...А он хорош собой, не скрою!
С французом дрался, ранен был,
Кутузов собственной рукою
Герою шпагу подарил!..
Без мужа я, он без жены,
Мы с ним печальями равны,
Меня он любит... Как же быть?
Возможно ль мне его любить
И, слово давши одному,
Уйти к герою моему?!..
Встает перед иконой.

Вот эту старую икону
Сняла когда-то мать моя,
Благословила нас с поклоном...

Долгая пауза.

О мой супруг! Навек твоя!!!
Когда я следом за тобою
В иное царство дверь открою,
Признаюсь честно: «Михаил,
Никто тебя не заменил!».
Скажу любимому супругу:
«Мы были созданы друг другу,
И под иконою вдвоем
Мы вместе к Господу взойдем!»

Раздается звон колокольчика, Елизавета Алексеевна смотрит в окно.

Елизавета Алексеевна
Чу! Кто-то едет... Это Маша!
С ней рядом барин молодой...
О дочь моя! Милей и краше
Девиц не знаю ни одной,
Люблю, люблю тебя как мать!
Но чувства надобно скрывать...

Входят Мария и Юрий Петрович.

Мария
Ах, маменька!
(бросается в объятия)

Елизавета Алексеевна
Мадмуазель!
Я тоже рада вам безмерно,
Но вам не следует отсель
Терять приличие... Наверно,
Представить гостя своего
Обязаны вы первым делом?

Мария
Пардон, мадам! Прошу его
Любить. Он кажется несмелым,
Но – капитан, сидел в седле,
Сражался в Тульском ополчении...
Мы познакомились в Орле,
Он был тогда на излечении...

Гость целует руку будущей тещи.

Юрий Петрович
Юрий Петрович!

Елизавета Алексеевна
– Рада Вам... Елизавета Алексеевна...

Мария
Ах маменька, я все отдам,
Но полюби его душевно,
Как я люблю!..
Кашляя, видит кровь на платке.
Недолго мне
Гулять в родимой стороне.

Елизавета Алексеевна
Ну будет, будет! Что за бредни?
Откуда вдруг такая блажь?
Приснилось что-нибудь намеренно?
Так это, доченька, мираж.

Тарханы, милая моя,
В неделю вылечат тебя,
Недаром, что родимый дом...
Сыграем свадебку потом,
А там, как бабушка, подряд
Вручишь мне дюжину внучат!*

СЦЕНА 4

Москва, осень 1814 года. Дом генерала Толя.
Москва! Ты русский дух и честь!
Первопрестольная, святая,
Ты потому уже родная,
Что многие рождались здесь!

В имении среди ветвей,
Среди дубрав, среди просторов
О, как щебечет соловей
Вдали от любопытных взоров!
Там – откровенье естества,
Там зарождение начала...
...Но обнажается листва,
В природе все похолодало,
И, подчиняясь естеству,
Не доверяя сельским слухам,
Любимых жен везут в Москву –
Там акушер, не повитуха.

Помолодевшая Москва!
Всего два года, как входила
Наполеоновская сила,
Как полыхали купола,
Но нам ли привыкать к пожарам?
Два года прожиты недаром,
И так же, как булат, остры
Стучат повсюду топоры!

А там, где Красные ворота,
Кирпичный дом, второй этаж,
Вселилась парочка в субботу,
Из Пензы прибыл экипаж.

Жена мила, но худосочна
И на сносях уже была...
Октябрьской лебединой ночью
Она сыночка родила!

Москва! Ты русский дух и честь!
Первопрестольная, святая,
Ты потому уже родная,

Что гении рождались здесь.

СЦЕНА 5

Тарханы, 1817 год
Печальный колокольный звон. Елизавета Алексеевна и Юрий Петрович возвращаются с похорон.

Елизавета Алексеевна
О Господи! Какая мука –
Допреже схоронить супруга,
Потом единственную дочь!!!
Чем тяжесть эту превозмочь,
Уж лучше бы в могилу тоже!
...Прости, прости мне, Матерь Божья!

Юрий Петрович
Я сам, ей-богу, вместе б с вами!
И приложу, ее любя,
Я дуло к сердцу... Но меж нами –
Ею рожденное дитя!
Любовью сотканную нить
Она молила сохранить!

Елизавета Алексеевна
Отцовским чувствам верю вашим...
Но и меня поймете ль вы?
Он был безрадостен и страшен –
Финал моей большой любви:
Сквозь одиночество и стужу
Я сохраняла верность мужу,
Сорокалетняя вдова,
Поскольку дочь была жива!..

Теперь, скажите, что ж мне делать?
Ни мужа нет, ни дочки нет...
Оставив оболочку тела,
Мне душу отняли вослед!
Одно лишь пятнышко надежды
Еще мне оставалось прежде:
Мой внук... Ужели и его
Из сердца вынут моего?
Что ж там останется?!! Ни справа,
Ни слева жизни больше нет!

Юрий Петрович
Но я отец, имею право...

Елизавета Алексеевна (молитвенно)
– Оставьте мне последний свет!!!
Зачем мне жить во мраке ночи?
Тройное горе выест очи,

* Бабушка, Мария Афанасьевна Столыпина, родила 11 детей.

Пойду бродить, не видя дня,
И там, в пруду, найдут меня!

Показывает за окно, рыдает.

Юрий Петрович

Ах Боже мой! Не плачьте, мама!
Вы сердце раните мое.
Как все Столыпины, упряма,
Но здесь... Ведь детище свое
Я защищаю!

Елизавета Алексеевна

Верьте слову:
Вы молоды, найдете снова
Подругу жизни, и она
Детей родит вам без труда!
А кто же мне заменит внука?!
Убьет, убьет меня разлука!

Открывает денежный сундук.

Возьмите деньги! Я богата!
Дам тысяч двадцать, двадцать пять...

Юрий Петрович (укоризненно)
Мадам!

Елизавета Алексеевна

Простите, виновата.
От страха стала ум терять...
Нервно ходит по комнате.

В сторону.

И суд на вашей стороне,
И царь помочь не сможет мне...
Последний довод – дань рассудку!
Зятю.

Представьте на одну минутку,
Что мальчик вырос и ему
Все нужно выдать, как тому,
Кто в жизнь приличную вступает:
Образование, имена,
Большие связи и казна –
Все это тоже роль играет?!

Меня, конечно, извините,
Но вы что юноше дадите?
Шотландский корень? Что с того?
Он для России мало значит,
Ужели же сравнить его
С столыпинским, с Мурзой в придачу?

Мой брат уж в двадцать с чем-то лет
Во дни суворовских побед
Его был верным адъютантом!
И внук мой воинским талантом
Авось не будет обделен,
Когда в кругу таких имен,
С полтысячами душ к тому же,
В гусары brave войдет,
Друзей достойных обретет
И станет первых лиц не хуже!
Примеров таких немало,
Как в тридцать лет стал генералом...
А что, скажите наперед,
Он бедным барином возьмет?

Юрий Петрович

У нас имение под Тулой...

Елизавета Алексеевна

Ах, перестаньте! Двести душ?..
Да меньше, я вас обманула!
С таким «именьем» впору уж
До капитана дослужиться...
Нельзя, нельзя не согласиться,
Что из Тархан скорее он
Достигнет радужных погон!

13 Юрий Петрович

Да, это так. Но как же быть?
Как людям это объяснить?!..

Грозит ей пальцем.

Как вещь вассала своего,
Вы покупаете его!

Елизавета Алексеевна (решительно)

Мишель – навек моя душа!
Ему составлю завещанье,
А нет, так вам же в наказание
Он не получит ни гроша!!!

Юрий Петрович (с гневом обращается к небу-сам)

О жуткий век вражды и брани!
В рабах здесь даже и дворяне!
Гляди: в бесправии своем
Отец, торгующий дитем!!!
Уходит.

Елизавета Алексеевна смотрит ему вслед

Елизавета Алексеевна

Прости меня, мой милый зять!
Нет, не обидела б я внука,

Но что могла еще сказать,
Когда грозила мне разлука
С тем, кто один – мой рай земной?!
Теперь он мой! Теперь он – мой!!!

СЦЕНА 6

Горячие воды (Пятигорск), лето 1820 года
Елизавета Алексеевна и Екатерина
Алексеевна, родные сестры, вдовы, сидят в саду.

Елизавета (с восторгом)
Седой Кавказ!.. Какое чудо!
Эльбрус, Бештау и Машук...
Преддверье рая!..

Екатерина
Рай повсюду,
Так говорил и мой супруг –
Боец Ермоловской закваски...

Елизавета
О да, я слышала не раз,
Как генерал смирил Кавказ,
Не столько саблей, сколько лаской...
Как хорошо, как мирно тут!
Спасибо, Катя, за уют...

Екатерина
Пустое!

Елизавета
После смерти Маши
Впервые мне Мишель не страшен
Своею бывшей худобой
И щек унылой желтизной...
Кавказ его преображает!

Екатерина
А как умен! Как много знает
Твой удивительный внучок!
В пять лет уже освоил краски,
И наизусть расскажет сказки,
И вскинет к скрипке свой смычок!..

Елизавета
Я верю в тайны поколений:
То в наш, столыпинский, букет
Вплелись удачно и Аксений,
И мсье Лермонт, сомнений нет!

Екатерина (нахмурившись)
А что ж отец? Он навещает?
Не нажил заново детей?

Елизавета
Приедет, горестно рыдает
Над гробом Машеньки моей,
Клянется, будто любит вечно,
Никто не надобен ему!

Екатерина
И говоришь ты так беспечно?..
Я, Лиза, право, не пойму.
Скажи, встречается он с сыном?..

Елизавета
А как же? Я прошу сама:
Нельзя мальчонке без мужчины...

Екатерина
Ты, право же, сошла с ума!
Никто мужчин не разумеет:
Любовь дитя покуда тлеет*,
Но вспыхнет порохом, а там
Не затушить!!! Любовь к отцам
Всегда сильнее, чем к дряхлым бабкам!
Ах, если б шло своим порядком,
Женился б зять твой!..

Елизавета
Что ж тогда?..

Екатерина
Есть злая мачеха всегда,
Которая, как в старой сказке,
Отцовские заменит ласки!

Елизавета
Так что же мне (с усмешкой): женить его –
Родного зятя своего?
С тяжелым вздохом.

Не надо, Катя... Я молчала,
Но... в зяте дочку увидала:
Свинцовый блеск в его очах,
Больной румянец на щеках...
Похоже, Мишенькин отец
На этом свете не жилец...

А потому молю я Бога,
Чтобы у юного раба
Иная выпала дорога,
Счастливей выдалась судьба!

* Став подростком, Михаил Лермонтов порывался переехать в Кропотово, к отцу...

СЦЕНА 7

Кропотово, осень 1831 года
Юрий Петрович в домашнем халате прощально
обходит портреты на стене...

Юрий Петрович
Ну вот и все. Уходит жизнь моя!
Но я роптать и гневаться не вправе.

Друзьям.

Скажу при встрече: «Помните, друзья?
Мы были с вами молоды и в славе,
Когда француза гнали от Москвы,
Под Малоярославцем и Смоленском
Немало пало витязей, увы!

В походном лазарете деревенском
Я вашими молитвами ожил
(Вы были к Богу ближе и желанней),
И Он меня на время отпустил,
Избавивши от смерти слишком ранней».

Обращается к портрету жены.

А через год, не более того,
Я получил подарок от Него,
Каким дарует лишь Господь один:
Любовь земную!
Странно, средь мужчин
Красавица заметила меня!
Обычный танец блеск ее огня
Волшебным сделал! Ею опьянен,
Я понял, что без памяти влюблен!
И не ошибся: пусть в гробу она,
Но мне навек – любимая жена!
И верую, что скоро там, в раю,
Я встречу вновь красавицу свою!

Переходит к портрету сына.

Лишь одного тебя, мой милый сын,
Средь неземных сияющих вершин
Я не хотел бы долго-долго видеть!
И пусть давно разъяты мы судьбой,
И ты спешил бы встретиться со мной,
Не торопись разлукою обидеть!

Ты нужен здесь! Поверь мне, милый друг,
Я знаю сотни юношей вокруг
Красивых, знатных, в доблестях,
Быть может,
Они и нашу славу преумножат!..

Но я читал, читал стихи твои

И сам себе не верил: так ли это?
Ужели я в столь недалеки дни
России подарил Поэта,
Сродни Жуковскому, а может, и еще?!
Не помню сам, чтоб кто-то из маститых
Так рано наострил перо свое
На гребень слов могучих, не избитых!

Кашляет и видит кровь на платке.

Грядет ли мне грядущая зима?..
Не ведаю, сынок, но завещаю:
Ты одарен способностью ума
Великого, привольного, без краю!
Не дай же бог его употребить
На что-то бесполезное, пустое,
Как если бы жемчужину разбить,
Мельча для стройки дно морское.
Учти, мой сын, алмазы или грант*
Все нашу жизнь отточат понемногу.
За царственный и горький свой талант
Ты должен дать ответ когда-то Богу!
Он каждого сподобит умереть,
Но чем чадить, так лучше уж гореть!!!

СЦЕНА 8

Санкт-Петербург, 1840 год
Елизавета Алексеевна у окна, ждет внука.

Ах, Петербург! Какая прелесть!
Как благолепен град Петра!
Снегов февральских тихий шелест,
И величаяя Нева,
И в белой дымке над тобой
Исаакий с гордой головой!..
С небес благу новость слышу:
Сегодня Мишеньку увижу!
Пустое время для меня,
Когда уж нет его два дня!

Подходит к зеркалу.

Мне шестьдесят... К чему кокетство?
Жизнь не бросает ничего.
Как быстро пролетело детство
Родного внука моего!
Еще вчера так было шумно –
Весь дом в прислуге и друзьях,
Потом в волнении безумном:
Москва, учеба... На часах

* В данном случае, по Далю, «грант – крупный чистый песок, дресва».

Стоит мой мальчик, юнкер мой...
С коня низвергнулся ногой...
Забот немеркнувший букет,
Когда «бойцу» шестнадцать лет.

Но вот уже указом царским
Переведен в гвардейский полк.
О, как хорош мундир гусарский –
Бобровый ментик, яркий шелк!..
...Однако вертопрах французский,
С трудом владеющий по-русски,
Зимою Пушкина убил,
Внук стих опасный сочинил,
И началось! Мишель в темнице,
У бабки с глаз нейдет слеза,
Давно знакомые мне лица
Отводят сумрачно глаза...

Ах, сколько было писем скорбных!
Великий князь молил царя!*
Как много жаждущих придворных
Все обещали... Только зря:
Мой милый поражен в приказе –
И снова, снова на Кавказе
(На этот раз уж без меня),
А там стреляют, там Чечня!

Но, слава богу, не убитый,
Он вновь в столице, снова здесь!
Во всех домах друзьям открытый,
А их, восторженных, не счесть.
Его поэмы нарасхвате,
На днях роман выходит, кстати.
Все хвалят внука моего,
Все домогаются его,
А мне, ей-богу, неспокойно:
Любовь толпы
страшней, чем войны!
А дамы, дамы... сколько ж их
Возле гусаров молодых!
Лишь отвернись, как женят внука,
И снова, снова с ним разлука?!

Входит Монго.

Монго

Позвольте, тетушка?

Елизавета Алексеевна

Позволю.

А где Мишель?.. Вы были с ним?

Монго

Он задержался... поневоле...

Долго молчит.

Елизавета Алексеевна

Алешка!.. Прут необходим,
Чтоб продолжать с тобой беседу!
Скажи: вернется он к обеду?

Монго

Боюсь я, тетушка, что нет.

Со значением.

Без нас... вам подадут обед.

Елизавета Алексеевна

О Боже! Что опять случилось?!
Я вижу: нет в тебе лица!
Что, говори, переменилось?
Он жив?!!

Монго

Убейте подлеца:
Хотел смолчать... Лишь ранен, в руку...
Французу дерзкому науку
Он преподал – и проучил!

16

Елизавета Алексеевна

Ты был там?!

Монго

Секундантом был.
Открыть подробности не смея,
Скажу: он честь не замарал!
На пулю дерзкую злодея
Свою на сторону послал!

Елизавета Алексеевна

Да кто ж он? Чья вина была?

Монго

Месье Барант, сынок посла.
...На ту дуэль еще немало
Досужих сплетен нанесут,
Но честь России – вот начало,
Дантес и Пушкин – тоже тут.

Елизавета Алексеевна

Увы! Дантес нанес урон
Не меньший, чем Наполеон:
Война войною, нет и слова,
Москву восстановили снова,

* Великий князь Михаил Павлович, получив слезное письмо Арсеньевой, просил своего венценосного брата смягчить наказание юному Лермонтову, но бесполезно.

Но кто нам Пушкина вернет?!

Со страхом.

А вас, мой милый... Что вас ждет?
Что вам грозит на этот раз?

Монго (по-гусарски беспечно)

Как прежде, видно, на Кавказ.

Туда шлют «новых декабристов» —

И забияк, и скандалистов...

Елизавета Алексеевна

Ты будешь вместе с ним, Алеша?

Монго

Везде! Ведь я его Монго,

И Пятница для Крузо — тоже.

Хотя, признаюсь, нелегко

С Мишелем совладать порою:

Ведь он, под стать его герою,

Повсюду лезет на рожон,

Повсюду правды ищет он!

Елизавета Алексеевна

Храни, храни его, мой милый!

Весь свет мой, все блаженство в нем!*

И никого уж до могилы

Ты в сердце не найдешь моем!

СЦЕНА 9

Пятигорск, 16 июля 1841 года. Ночь

Монго один возле открытого окна.

Монго

Все смолкло в мире, все уснуло,

На небе смена караула,

И вместо тучи грозовой

Луна блестит над головой.

Уже ни ветра нет, ни грома...

Такое тоже мне знакомо:

Вдруг налетят из-за скалы

Лихие горцы, выстрел грянет,

Свинец бойца смертельно ранит,

Завесит порохом стволы.

Звенит булат, трепещут кони,

И злобный крик, и тяжкий стон,

Потом раздастся звук погони,

И вот уже все дальше он...

В ущелье, где тропа крутая,

Стучат копыта, замирая,

Еще вдогонку грянет гром

В беспечном небе голубом,

И все исчезло, все пропало,

Как будто не было вовек,

Лишь кровь струит кусок металла —

То умирает человек...

Вот так вчера из горной кручи

Напал на город грозный шквал:

С Бештау вниз скатились тучи,

И яркой молнии кинжал

Пронзил насквозь их! Ливень хлынул,

На светлый город тьму надвинул,

Гремел не умолкая гром,

Потоки пенились кругом...

Но так же быстро все пропало.

Гроза ушла... Погрохотало

Еще на краешке земли,

Подкумок клокотал вдали,

Вдруг ставший грозным, словно Терек,

И заливая пеной берег,

Ручьи бежали между скал...

Но город снова прежним стал —

Таким, как крепость после боя.

...Вот только нет в живых героя!

Но крепости не привыкать

Своих защитников терять.

Встает рассвет уже... О Боже!

Из бед досталась мне, похоже,

Страшнее всех — где силы взять? —

Письмо Арсеньевой писать!

Уж лучше б сорок раз в сраженье,

Уж лучше бы в изнеможенье

Идти походом боевым,

Чем быть мне вестником таким!

Берет перо и бумагу, со вздохом.

Но делать нечего... Я ближе...

Других посланников не вижу,

Кто с первых слов бы не убил

Его бабулю...

Дай мне сил!

Пишет.

«Мы были, тетюшка, не раз

С ним вместе в битвах за Кавказ.

Как часто пули там летали!

Те дни мы адом называли,

* Подлинные слова Елизаветы Алексеевны из письма княжне Черкасской.

* 8 июля 1841 года на пикнике в гроте Дианы Лермонтов признавался друзьям в предчувствии скорой смерти.

Но в Пятигорске, здесь, в раю?..
С мистическим удивлением.
Ваш внук – он чуял смерть свою!!!

...Вы помните ли грот Дианы?*..
Мишель давал на днях пикник,
И все слегка мы были пьяны,
Когда он мне к плечу приник
И прошептал: «Вдруг мысль закралась,
Что мне недолго жить осталось...»
Его я переубеждал:
«Ты молод, брат, какой финал?!
С Чечней мы тоже примирились,
Еще не скоро под ружье,
С чего предчувствие твое?
Шальные мысли появились
Откуда вдруг?!»...
Он глубоко
Вздыхнул – и вылил прочь клико!

А вскоре звали нас на вечер
К Верзилиным, девицам... Там
Играл рояль, горели свечи...
Флирт разгорелся из-за дам...
И кто уж первый, я не знаю,
А оттого предполагаю,
Что вызов получил Мишель...

Он отдал дань Железным Водам*
И, возвращаясь, мимоходом,
Шутя – заехал на дуэль...

Природа вдруг рассвирепела,
Из низких туч гроза гремела,
И, благородный, как виконт,
На воздух выстрелил Лермонт!

Не смею я писать вам дальше...

Противник, сын вражды и фальши,
Все колебался и бледнел,
И секундант прервать хотел
Ту затянувшуюся муку,
Но грянул гром! И выстрел!..
«В руку?» –
Вскричал в тоске один из нас.
Мы подбежали, но из глаз
Уже сознание убегало...

Противник превзошел себя:
Стрелок до нынешнего дня
Не самый меткий, но попала
Здесь пуля в сердце!..

Видит Бог,
Я все вам выложил, как мог.
И только порученье ваше
Беречь его от силы вражьей
Не в силах был исполнить я:
Какой же враг?! Они – друзья!!!*

Мир изменился, безусловно,
Когда ваш давний школьный друг
Вам в сердце метит хладнокровно...
Все перепуталось вокруг!

Но я любил Мишеля свято,
Любил как друга и как брата,
Поэта – более всего!
Я верю: будут знать его
Не меньше Пушкина, быть может!
Наш род он славой преумножит,
И нам не превратиться в дым,
Поскольку жили рядом с ним!»

СЦЕНА 10

Лето 1841 года

Елизавета Алексеевна в глубоком трауре,
постаревшая и совсем седая, молится Богу.

Елизавета Алексеевна
Позволь, Господь, уйти в могилу!
На этом свете нет мне силы,
Вся жизнь моя оборвалась!
(Держит в руке письмо Монго.)
Из Пятигорска донеслась
Весть страшная, нельзя поверить,
Нельзя от ней захлопнуть двери,
Чтобы не слышать и не знать,
Не задыхаться, не страдать!!!

И первый раз я возроптала:
Ужели для одной судьбы
Всего, что мне досталось, мало?!.
Ужели прежние гробы –
Не тот на сердце груз свинцовый,
Что им понадобился новый?

78

* Последний день жизни, 14–15 июля, поэт провел с друзьями в Железноводске и колонии Шотландка.

* Н. С. Мартынов учился с Лермонтовым в Школе юнкеров, они вместе участвовали в экспедиции генерала Галафеева и вообще считались добрыми друзьями.

Ужель чугунная плита
Все для страдания не та?!..

Скажи, скажи мне, Боже правый:
За что же, на свою беду,
В твоих покаях величавых
Упокоенья не найду?
За что, за что же ты меня
Не взял до нынешнего дня?!
Лежала б я в гробу холодном,
От вести злой навек свободна,
И не коснулась бы она
Моих ушей...

Спohватившись.

Прости мне, Боже!
Все эти мысли сатана
Внушает в голову, похоже.

В ярости.

О, нет! Я жить еще хочу,
Чтоб выбрать кару палачу!!!
Молиться буду ночью, денно,
Чтобы на лбу его нетленно
Горело имя: «Я палач!»,
Чтоб всякий русский в страхе, вскачь
Бежал от этого злодея!!!

Долго молчит.

...Еще хочу внука привезть
В Тарханы... Вечно зеленея,
Шурша листвою благую весть,
Пусть дуб склоняется над ним,
Как над живым!
Как над живым!!!

СЦЕНА 11

Пятигорск, весна 1842 года

Примета в Пятигорске есть:
Когда на вас с утра
Глядит Эльбрус – благая весть,
А нет – не жди добра!

Весь город в зелени садов,
Плоды на всякий вкус!
А с вышины в сиянье льдов
Глядит на них Эльбрус.

Когда-то здесь, уже давно,
Творил один поэт.
Эльбрус глядел ему в окно
И улыбался, дед.

Июльский теплый светлый день
Беды не предвещал,
Но в небе пробежала тень,
И в ней Эльбрус пропал.

Молчал, насупившись, Машук
Под тучей грозовой,
И грянул гром! И все вокруг
Укрылось пеленой.
А поутру, как тяжкий груз,
Как сон, ушла гроза.
На Пятигорск глядел Эльбрус,
Холодный, как слеза...

...Пришла весна, забрезжил вновь
Кладбищенский рассвет,
Свою нетленную любовь
Нам завещал поэт.

На север тронул странный груз –
Тяжел, свинцов, уныл...
Глядел, глядел вослед Эльбрус,
Пока хватало сил...

Блистала вешняя вода,
И гор печальный свет,
С седым Эльбрусом навсегда
Прощался наш Поэт.

СЦЕНА 12

Пятигорск – Тарханы, апрель 1842 года

Нависли низкие туманы
Над белопенною Кумой*,
С Кавказа в милые Тарханы
Везут хозяина домой.

Скрипит натруженно телега:
И путь далек, и груз тяжел,
Освободившийся от снега,
Зазеленел широкий дол...

Ах, если бы в такую пору
На вороном своем коне!
Какую дал бы он им фору
В чеченском стареньком седле!

Каким бы вихрем он ворвался
В Апалиху**, в семью друзей,

* Река на Северном Кавказе с притоком Подкумок в Пятигорске.

** Имение Шан-Гиреев в трех верстах южнее Тархан, на берегу реки Милорайки.

Со всеми бы расцеловался
По-деревенски, без затей,
И снова, снова ногу в стремя –
Неси в Тарханы, верный конь!

Мы в бой летели, было время,
Повсюду полыхал огонь,
Вертелся чертом друг военный,
И пули не задели нас,
А нынче гордый, но смиренный
Колено преклони в тот час,
Когда бабуля, видя внука,
Из дома выйдет не спеша...
Какая долгая разлука,
Как надрывается душа!

Нависли низкие туманы
Над Милорайкою-рекой,
С Кавказа в милые Тарханы
Свезли хозяина домой,
И в день апрельский, в церкви новой*
На родине отпели чтоб,
Поставили простой, свинцовый,
Непреподъемно тяжкий гроб.

ЭПИЛОГ

Седая повесть прежних дней...
Зачем мы вспомнили о ней?
Что есть такого в этом свете,
Чего не знают наши дети?..

И уж совсем не для того,
Чтоб проповедовать и спорить...
Любовь! Вот тайный смысл всего.
Любовь и смерть, любовь и горе –
Все в море чувств переплелось!

Всепобеждающая сила
Порой сильнее, чем могила,
И тверже, чем земная ось!

Пятигорск – Тарханы – Пенза

* Церковь Михаила Архистратига была возведена в селе Тарханы в 1830-е годы. При церкви, в часовне Арсеньевых, погребены дед и мать поэта, он сам, бабушка, а рядом – его отец.

Евгений ДАНИЛЕНКО

ГОРИК

Роман

ВЫСТРЕЛ

Георгий Мамай с двадцати трех лет сажал людей без всякой пощады. Это он заставил подписать признательные показания карманника Калистрата, водя его голым по коридорам областного УВД. И вор в законе сдался. Но он, уловив момент, врезал Мамаю стоявшим на его столе гранитным пресс-папье. Несмотря на то что удар пришелся в затылок (Георгий нагнулся, чтобы поднять расчетливо оброненную вором на пол авторучку), Мамай его выдержал. И бил карманника стулом, пока на шум в мамаевский кабинет не заглянул наконец генерал Долженко:

– Чем ты тут гремишь уже целый час? – обратился он к подчиненному. Увидев же, чем именно тот гремел, распорядился умыть вора и впредь производить допросы потише.

Жена (тогда еще Мамай был женат на Ирине), заметив на одежде мужа кровь, спросила, в чем дело. Тот объяснил, что это кровь Калистрата. С тех пор Ирина старалась не задавать мужу вопросов, касающихся его работы.

Лет через двадцать, когда Георгий давно был уже женат на другой женщине, а шрам на его затылке от удара пресс-папье являлся всего лишь одним из многих, кто-то (дело происходило у кинотеатра «Родина» в очереди за билетами) хлопнул Мамаю по плечу. Он оглянулся, готовый

к чему угодно. Перед ним стоял улыбающийся Калистрат.

– Молодец! – сказал он Георгию и растворился в толпе.

В январе, когда что-то такое происходит в воздухе и урканы начинают почем зря срывать с запоздалых прохожих норковые шапки, Мамай, заняв денег, купил на рынке соболий треух и, надев его, с пистолетом в кармане поздними вечерами бродил по самому опасному месту в городе, району под названием Порт-о-Пренс. Заметив компанию дышащих свежим воздухом урканов, Георгий шел прямо на них. Но хитрые урканы расступались, чувствуя: здесь что-то не так.

В мае соболю шапку сожрала моль. А в июле Мамаю улыбнулась удача. Находясь на оперативном дежурстве, он получил информацию о том, что известный уголовник Мохнатенко, бывший в бегах, находится в данный момент на Луговой улице в доме своей тещи. Решив, что тут каждая секунда дорога, Мамай, как был, при оружии, ринулся на Луговую.

Всего Луговых – семнадцать. И все они похожи на Вторую Луговую, куда примчался на трамвае горячий молодой опер. Запах золы и помоев. Раскатанные в лепешку коты на проезжей части. Гладиолусы и георгины в огороженных спинками коек палисадниках.

Вечерело, и на Второй Луговой ужинали, когда Георгий, рванув калитку, влетел во двор дома мохнатенковской тещи. Двор охранялся овчаркой, бегавшей на подсоединенной к проволоке цепи. Мамай об этом не знал и, когда, гремя цепью, лютый пес бросился на него, не раздумывая, спустил курок.

Пес погиб, на несколько секунд задержав опера и дав возможность проклятому Мохнатенко выскочить в заднее окно.

После этого след Мохнатенко потерялся. А Георгию предстояло долгое и мучительное служебное расследование. Стрельба в жилом районе – происшествие не шуточное. Мохнатенковская теща криком кричала и клялась, что зятя духу не было в тот вечер в доме! Ни с того ни с сего человек в пиджаке с поднятым воротником ворвался в ее двор и открыл пальбу по собаке!

В дело вмешалась Москва, не любящая провинциальных инициатив. Впрямую встал вопрос об увольнении Мамаев из органов. И тут генерал Долженко достал из своего стола блокнот и, нацепив очки, которых стеснялся, нашел в блокноте нужный телефонный номер.

География, уже месяц как отстраненного от дел, вызвали в кабинет генерала.

Наглядевшись на стоящего перед его столом осунувшегося и мрачного лейтенанта, генерал спросил:

– Все понял?

– Так точно, – глядя в сторону, грубо ответил Мамай.

Поднявшись из кресла, генерал достал из шкафа бутылку коньяка и две серебряные стопки. Наполнил их. Кивком пригласил подчиненного взять одну стопку, себе взял другую.

Выпили не чокаясь, молча.

– Ну, что, приклеился к полу? – бросил Мамаев Долженко. – Приступай к исполнению обязанностей! Все правильно сделал.

ХРУСТАЛЬ

Олеся Ракицкая лишилась хрусталя. Его она получила в наследство от отца, золотых дел мастера. Выбрав время, когда наследница ювелира обедала в одном из самых модных городских кафе «Фантазия», воры подогнали к расположенному в сквере напротив Театра драмы дому Ракицкой грузовик. И часа полтора, без суеты пакуя хрусталь в коробки, выносили его из квартиры.

Наглость, как всегда, подействовала. Никто из жильцов дома не обратил на воров внимания.

Георгий Мамай не однажды видел Ракицкую в кафе «Фантазия», это место являлось популярным и у ментов. Конечно, тридцатилетняя немного полноватая блондинка с нежной кожей привлекала Геогию. Но Мамаев, бывало, прогуливающим за один вечер в «Фантазии» всю свою месячную зарплату, не интересовались женщины такого класса.

И вот – Олеся сидит перед ним в его служебном кабинете.

– Мне вас порекомендовали как одного из лучших сыщиков в городе. Вернете хрусталь – получите от меня все, что угодно.

Вечером того же дня хрусталь был у Олеси. Когда грузчики внесли все набитые статуэтками и посудой коробки в квартиру и убрались, получив «на лапу», наступил черед Мамаев. Ракицкая

протянула ему сотенную. Но опер, усмехнувшись, покачал головой.

Через минуту дочь ювелира и мент извивались на полу среди коробок так, словно участвовали в соревнованиях на гибкость. Затем, лежа рядом с Мамаев, но уже не на полу, а на кровати в спальне, Олеся поинтересовалась, как удалось столь быстро найти похищенное.

Мамай отделался загадочной фразой, которая у каждого порядочного опера всегда под рукой.

На самом же деле после визита Олеси Георгий места себе не находил. Чтобы справиться с волнением, принялся отжиматься от пола. Но это не помогло. В голове шумело, и глаза чесались, словно в них попала едкая пыль. В таком состоянии нечего было и думать об оперативно-розыскных мероприятиях!

Мамай совсем уже собрался звонить знакомой докторше, чтобы взять у нее справку о том, что температурит, и пойти выпить, когда дверь кабинета распахнулась. На пороге стоял генерал Долженко. Его кабинет располагался как раз над кабинетом Мамаев, и, в течение часа слыша доносящиеся из-под пола мягкие прыжки, генерал спустился вниз, чтобы поинтересоваться, что там, у Мамаев, опять происходит.

Узнав, в чем дело, Долженко шепнул Геогию адресок. Сев в трамвай, через сорок минут Мамай выскочил на остановке в Порт-о-Пренсе. Рысью пробежав по бугристым местным тротуарам, из трещин в которых лезла полынь, через пять минут курил на завалянке с Брекоткиным, он же Иславин, он же Михаил Андреевич Рябинин, Лаев, Шваркин, Конский и прочая.

Здесь между Мамаев и псевдо-Конским произошел следующий разговор.

– Хочешь, чтоб тебе почки отбили?

– Да ну его, и так все отбиты! Сорок семь лет отсидел, пора молодым уступить дорогу.

– А кто они?

– Да братаны Черман и этот, Володька Спекальский, кузен!

– Дочки ювелира?

– Он на ее хату и навел! В гараже у меня вся эта беда лежит, можешь забрать...

– Ладно.

– Оформить явку с повинной?

– Так гуляй пока!

– Как это я раньше о тебе не слыхал?

И тому подобное. Так разговаривает ветер с колышущейся у забора крапивой.

Нужно ли говорить, что после соревнований по гибкости на полу Олеся считала себя ничем не обязанной Мамаю. Вновь перестала его замечать. Георгий переживал, злился. И пил.

В нашем городе имелось одно излюбленное офицерами МВД и КГБ место. Центральный пляж. Вернее, та часть его, что в кустах за спасательной станцией. Ведь Серый дом, где бок о бок располагались областные УВД и КГБ, находился в сотне метрах от Центрального пляжа, и менты с гэбистами ходили туда после работы пить.

Однажды июньским вечером, побывав на упомянутом пляже, Георгий, пройдя мимо Серого дома, не взглянув на освещенное окно своего кабинета, за которым мелькала тень Жени Бойтмана, напарника Мамаю, миновал сквер у Театра драмы, пересек дорогу в неположенном месте, не обращая внимания на негодующие гудки автомобилей. Мимо Мамаю проплыл фонтан, журчащий в Комсомольском сквере (о, сколько скверов было в нашем городе-саде!), затем Георгий свернул с главной, освещенной стеклянными шарами, аллеи влево, спотыкаясь в темноте, пробрался по боковой лиственничной аллейке и, сам не зная как, оказался перед домом Олеси Ракичкой.

На лестничной площадке перед квартирой ювелира пахло моргом, но это не остудило пыл. У Мамаю было такое ощущение, как тогда, в загородном автобусе, когда Георгий случайно увидел Огаркова, находящегося в розыске за грабеж. Оружия при себе у Мамаю не имелось, он возвращался домой из пригородного Дома отдыха УВД, где провел два дня. Схватившись за поручни, свежее испеченный опер подтянулся и обеими ногами ударил сидящего в кресле Огаркова в лицо. Тот вылетел из окна, разнеся его вдребезги. Несмотря на то что скорость автобус держал приличную, Огарков отделался ушибами и переломом ключицы. Плюс пятнадцать лет отсидки. При себе у бандита имелись заряженный картечью обрез, кастет и изготовленное из мотоциклетной спицы шило.

Мамаю поднял руку и позвонил в дверь. Олеся открыла, не спрашивая, кто там, и замерла на пороге, судя по всему, ожидая увидеть совсем не Георгия. В те несколько мгновений, что они стояли друг напротив друга на освещенной, как камера для допросов, лестничной клетке, с глаз Мамаю словно спала пелена. И он удивился тому, что так бредил, болел этой пергидрольной

блондиночкой, которую черт дернул родиться красивой.

Не говоря ни слова, Олеся захлопнула перед Мамаю дверь, он сбежал по лестнице и у подъезда столкнулся с тремя смуглыми парнями. Как выяснилось впоследствии, гостями из Узбекистана.

Один из них, проходя мимо, с ухмылкой толкнул Мамаю плечом. Тот ответил ударом.

Узбек повалился на дощатый заборчик, окружавший дворовый фонтанчик, а Георгий ощутил во рту странную сладость. И, захлебываясь кровью, с ножом в спине, рывком выдернул из забора у фонтана штакетину.

Черепу узбеков оказались сделанными из хрусталя, Мамаю разносил их вдребезги прежде, чем потерял сознание.

АМПУТАЦИЯ

Узбекский нож оказался грязным. Правое легкое Мамаю, пробитое этим ножом, пожирала зараза.

Надежда, медсестра из процедурного кабинета, каждые два дня вводя между ребер пациента толстую иглу, откачивала великанским шприцем гной.

Пациент улыбался, шутил. Притом что все остальные «гноиники», отправляясь на процедуры к Надежде, покрывались липким потом, умоляя сестричку дать им столько обезболивающего, чтобы «не почувствовать ничего»!

Обезболивающее, конечно, давалось. Но выяснилось: на Мамаю оно не действует, настолько проспиртован его организм. И, наконец, во время очередного ввода иглы из глаз Георгия, его носа, даже, казалось, из ушей брызнули слезы.

— Ну, если уже такого проняло, — пробормотала Надежда и не знала, что еще сказать.

Но зато это знал заведующий отделением Моисей Абрамович. Он являлся противником всяческого скобления, откачивания и чистки. Был убежден: лучше кардинального метода ничего нет. Чтобы не потерять остальное, следует отдать заразе то, во что она успела вцепиться! И Георгию ампутировали легкое.

После этого Мамаю навестила в больнице мать, Вера Прокофьевна, полковник милиции в отставке.

Раньше его навещал напарник Женя Бойтман, другие коллеги, генерал Долженко переда-

вал ему пожелание скорейшего выздоровления через полковника Трилунного, своего зама. Но ни мать, ни сестры (их у Мамаю было две, обе намного старше его и обе преподавательницы в местной Высшей школе милиции) не приходили.

– Честно говоря, я бы радовалась, если бы он сдох, – говорила старшая сестра Лиза младшей Елене.

В отличие от младшей, старшая сестра никогда не могла скрыть, что у нее на уме. Лет через тридцать после этого разговора Георгий случайно узнал: Елена у колдуньи сделала брату заговор на смерть.

Если чужая душа потемки, чужая семья потемки вдвойне. Но что-то ведь заставило сестер ополчиться на братца. И, вероятно, не только то, что мать постоянно выделяла его. Правда, делала это своеобразно. Например, могла позвонить сыну среди ночи и, приказав: «Горик, через пятнадцать минут явиться», бросить трубку.

Мамай, в туфлях на босу ногу и накинутом на голый торс пальто, выскакивал из квартиры на улицу, ловил такси или частника – из городка Энергетиков, где жил, мчался к матери в центр, на Пролетарскую площадь, 1.

Жену Мамаю Ирину эти экстренные вызовы сначала тревожили, затем начали нервировать.

– Ну вот скажи, зачем она опять тебя выдерживала? – допытывалась она у мужа.

Вернувшись с Пролетарской под утро, Георгий, собираясь на службу, ничего не отвечал. Он просто не знал, что ответить.

Мать звонила, он являлся. Были крепкий чай, сигареты одна за другой и молчание. На стене тикали ходики – подарок отца, прошедшего от Москвы до рейхсканцелярии. И, как многие, сгоревшего в мирное время от полученных на войне впечатлений.

Ни разу ни одной из своих дочерей Вера Прокофьевна не позвонила, приказав: «Через пятнадцать минут быть».

И вот она сидит в отделении реанимации, перед койкой, на которой лежит Мамай. Седые короткие волосы. Прямая спина. Голос, как всегда, громко:

– Дурак! Дал себя продырявить каким-то уродам! Что Ирка? Приходила? Дура! Принесла тебе творогу! Еще бы шашлык принесла! Вот в этой банке – куриный бульон, сегодня утром сварила! Ешь бульон, а творог я с собой заберу! Ладно, смотри сдуру не околеи тут!

Захватив творог, Вера Прокофьевна ушла.

Лежащий рядом с Мамаем попавший в автокатастрофу Максим Маташнев, самый молодой в СССР доктор наук, глядя вслед ушедшей, нутжно просипел:

– Вот это мать у тебя... Хорошо, что у меня нет матери...

– Детдомовский?

– Зачем. Просто отец есть, а мать... В общем, это сложная история.

– Сбежала, что ли, с любовником?

– Догадливый. Не мент?

– И мама моя мент, и сестры!

Эти разговоры продолжились в больничном сквере. Толкая кресло-коляску, где сидел Маташнев, загипсованный до кончика носа, Георгий подтрунивал:

– Докторов наук в стране как собак нерезанных, а в магазинах вместо мяса копченые олени рога!

– Слушай, давно хочу спросить: когда с преступностью будет покончено?

– Никогда.

Максим начал плакать, затем рыдать в голос. Неужто это бесперспективность борьбы с уголовщиной так огорчила доктора наук? Оказывается – другое. Через полчаса Маташневу предстояло очередное свидание с Надеждой.

Напрасно Георгий пытался убедить Максима в том, что в этом свидании ничего страшного нет.

– Кричи, ругайся, плачь – и все будет нормально! Когда уже не сможешь терпеть – вырубись, а природа позаботится о дальнейшем.

Но природа, как это часто с нею бывает, пустила дело на самотек.

Через полгода Мамай встретил Максима в сквере у старинного здания Транспортного института, фронтон которого украшен такими обнаженными силачками, при взгляде на которых теряешь покой. Максим был в новом костюме-тройке. Щеки чисто выбриты, а на кадыке пук волос. И взгляд особенный. Георгий захотел Максима обнять, а тот всего лишь подал руку. Мамай предложил недавнему товарищу по несчастью присесть на скамеечку у фонтана, перекинуться парой слов, но, с лукавым прищуром следя за вырывающимися из фонтана струями, Максим возразил:

– Сяду, а скамейка кончится, и я – бух!..

Домой в этот день Георгий явился опять пьяным. Ирина уже не спросила его ни о чем.

А напрасно. Потому что, если бы спросила, Георгий рассказал бы ей о самом молодом в

СССР докторе наук, не сумевшем вынести боли. Поплакал бы у жены на плече.

Возможно, после этого Ирина не захлопнула бы дверь, которую собралась захлопнуть.

Звон хрусталя еще не утих. Из далекой солнечной республики прибыли в Сибирь аксакалы. Их сопровождали отцы двоих убитых. Лица отцов выражали страдание. Аксакалы качали головами. Голову одного из них покрывала тубейка, другой держал в руке четки.

Узбекский юноша, толкнувший Мамая плечом и спровоцировавший драку, отрицал данный факт. Напротив, это Мамай толкнул его, плюнул ему в лицо и оскорбительно отозвался о его матери и сестрах! Напрасно трое узбекских парней просили сибиряка оставить их в покое. Дыша перегаром, сибиряк продолжал их толкать и оскорблять.

Нож – такой, с широким лезвием и тонкой, как карандаш, рукояткой? Не было никакого ножа! Ах, этот... Да, его носил с собой Рустам, поэтому на рукоятке отпечатки его пальцев. Рустам привык резать этим ножом арбузы и дыни, ему трудно было расстаться с ножом. А тут – внезапно появившийся толкающийся сибиряк...

Лица отцов, аксакалов выразили непоколебимую веру в то, что лучший суд в мире покарает виновного.

И терпение Ирины лопнуло. С нее довольно Мамая, которого после посещений «Фантазии» и Центрального пляжа приносят домой и, словно вещь, кладут на диван, ей надоело трястись, когда муж отправляется на дежурство, так как, видите ли, неизвестно, что там опять произойдет, она сыта по горло посиделками Мамая со своей матушкой, и – далее по списку, заканчивающемуся связью Георгия с наследницей хрупких сервизов.

По всей видимости, именно эта мимолетная связь (а ведь кроме нее были другие, и на них Ирина закрывала глаза), явилась последней каплей.

– С меня хватит! – крикнула Ирина, добавив напоследок: – Найди себе такую, которая будет все это терпеть! – и хлопнула дверью.

Когда одна дверь закрывается, открывается другая...

А что же узбеки? Впервые в истории чаша весов Правосудия склонилась не в их пользу. Аксакалы и отцы начали было роптать, даже слово

«Москва» было произнесено, но местные менты уперлись. Ведь и у ментов иногда лопаются терпение.

Заместитель генерала Долженко полковник Трилунный прочистил кашлем горло.

– Капитан Мамай Георгий Иванович, – сказал он ровным тоном, глядя на аксакалов и избегая смотреть на отцов, – находился при исполнении!

Далее сообщил, что городская милиция располагает показаниями четырех свидетелей – все законопослушные граждане с незапятнанными служебными характеристиками. Из этих показаний следует: гости из Средней Азии, пытаясь ограбить капитана, тяжело ранили его и вынудили действовать в состоянии необходимой самообороны.

Прихватив своих мертвецов, узбеки покинули город на Иртыше. В вагоне поезда Москва – Чимкент, они пили из пиал водку, поминали полковника Трилунного, его речь.

Отец Рустама, взглянув на своего племянника, того самого, из-за которого Рустам пустил в ход нож, процедил сквозь зубы:

– В О. живет миллион человек! И среди миллиона вы выбрали капитана Мамая...

РАЗРЫВ

Мамая перевели в отдел кадров УВД. Квартиру в городке Энергетиков он оставил Ирине и дочери Ксюхе, а сам перебрался в общежитие.

Ксюхе не нравился ее отец – татуированный, со шрамами на лице, пахнущий табаком. В глубине души шестилетняя Ксюха удивлялась матери, выбравшей себе в мужа подобного типа. Ко всему прочему он допрыгался (выражение Ирины) до того, что лишился легкого.

От человека с такими наклонностями всего можно ждать.

Мамай не то чтобы не любил дочь, он просто не успел ее узнать. И вообще вся женитьба на Ирине – сплошная горячка в июльский зной.

Духота и жара, а старшему лейтенанту приспичило жениться. Был вечер в компании, и Георгий пошел Ирину провожать. Девушка жила на окраине города в хибаре с родителями и двумя пьющими братьями, из которых один уже отсидел, а второй собирался сесть. На Ирину произвело впечатление то, что Мамай взял такси и, как выяснилось в разговоре, недавно получил благоустроенную двухкомнатную.

Георгия не смутил поздний час.

– Посидим у тебя, чайку попьем. Что такого?

Родители Ирины уж спали. А братья сидели на кухне, пили и отнюдь не чай.

Первую Мамай выпил, не закусывая. Ему налили вторую. Он выпил и – закурил.

– Ты кто по жизни? – спросил у него тот брат, что имел «ходку».

– Мент.

Повисла длинная пауза. Уголовник-брат имел наколки даже на веках.

– Ирка, ты кого, тварь, в дом привела?! – перекосив лицо дикой гримасой, крикнул он.

Реакция у Мамай всегда была молниеносной, он понял весь здешний расклад.

– Возьми паспорт, – сказал он. – Больше ничего.

Ирина ушла с ним в платье и босоножках. К тому времени она была на третьем месяце. Познакомилась с азербайджанцем, он дарил цветы, пригласил в ресторан и вот.

Вера Прокофьевна, взглянув на Ирину, сказала:

– Зачем он тебе? Ты не будешь с ним жить.

– Ну, ма, – тихо произносит Георгий.

– Что ты дурак, это мне известно, – кинула мать, прикуривая новую сигарету от предыдущей.

На свадьбу она не пришла, зато явились обе сестры новобрачного – Лиза и Елена. Они смотрели на Ирину почти с нежностью. Обе чувствовали: эта девушка даст их братцу все, чего они ему желали.

Вместе со старшей сестрой увязался ее сын, ровесник Мамай, уже дважды разведенный майор. Он много ел, много пил. Затем захотел потанцевать с невестой. И получил отказ. Антон надулся. Его мать, заметив это, встревожилась: кто посмел обидеть ее мальчугана? Антон тут же сочинил про Ирину гадость. Лиза свято поверила каждому слову. Рассказ Антона тут же был передан ею, с новыми подробностями, Елене.

Ирина оказалась великолепной хозяйкой. Но Мамаю, большая часть жизни которого прошла в казарме (сначала суворовское, затем армия, после Высшая школа милиции), от окружавшего его уюта и домашности делалось не по себе.

Сестры, видя, что братец мрачен, нарядоваться на невестку не могли.

Ирина не обманула их ожиданий, вначале родив Ксюху, затем (напуганная видом мужа, допившегося до «белочки») сделав аборт.

После этого Мамай держался полтора года. Ирина даже поверила в то, что ей повезло с му-

жем. Когда она пыталась объяснить с ним по поводу Ксюхи, Георгий махал рукой:

– Оставь это!

Посреди Ирининых борщей, блинов и пельменей он ухитрялся питаться всухомятку. Спал на полу в кухне, не раздеваясь. Получил капитана. Начал лысеть.

Сестры, со своей стороны, пытались открыть глаза братцу.

– Твоя Ирина – с двенадцати лет пошла по рукам! – кричала ему в лицо Елена.

– У нее шесть приводов в милицию за занятия проституцией, – подергиваясь всем телом, шипела Лиза.

Он выслушивал их, не перебивая. Сестрам казалось: дело в шляпе, Горик ненавидит их не меньше, чем они его.

Но когда заболела Лиза, Мамай мотался в Ленинград к дяде своего напарника Жени Бойтмана, профессору медицины, за сверхдефицитным лекарством.

Никакой проституткой Ирина никогда не была. Азербайджанец, немолодой, с ниточкой усов под длинным носом, выглядел таким жалким и пришибленным. Сначала твердил о могуществе и знатности своего рода. Затем признался: его отец и мать – колхозники, он одиннадцатый ребенок в семье. Он плакал и целовал руки девятинадцатилетней Ирины, до той поры не подпускавшей к себе мужчин. Ведь мужчинами были ее отец и братья, тупые муторные подонки. В школе она училась на «четыре» и «пять». После восьмого класса поступила в технологический техникум, на специальность «закройщик верхней одежды». По вечерам работала уборщицей. В компании с Мамаем оказалась вместе с подружкой по техникуму, накануне познакомившейся в «Фантазии» с Женей Бойтманом.

Однажды Георгий возвратился домой со службы явно не в себе.

– Что случилось? – невольно вырвалось у Ирины.

Он сидел на стуле сгорбившись, в распахнутой на груди рубашке, и был виден оскаливший клыки барс – татуировка, оставшаяся памятью от ташкентского суворовского. Тогда человек двести суворовцев, не чуждых веяниям моды, набили себе этого барса, под один на все училище трафарет.

Георгий, вопреки своему обыкновению, ответил. Парикмахер, приревновав, загнал под кро-

вать жену и часа три полосовал ее опасной бритвой.

– Никогда мне такого не рассказывай! – с отвращением крикнула Ирина. – Слышишь?!

И – полуторогодовалый зарок оказался снят.

Затем грянула ампутация, показавшаяся не такой уж страшной на общем фоне того, что на Мамаю обрушилось.

Мало того, что ее муж спит на полу. Мало того, что он ест всякую дрянь. «Бедняжка, – бормотала Лиза, – ведь ты мне как дочь, душа разрывается глядеть, как он тебя топчет!» «Да, – с носом, полным слез, качала головой Елена, – ужас, что этот кобель творит!»

И души сестер разрывались, и слезы текли, пока Ирина не изнемогла и не хлопнула дверью.

Вообще-то, если быть точным, то дверь без стука закрыл за собою Мамай. В сером костюмчике, с чемоданом в руке, он сбежал по лестничным маршам. Закурив у подъезда, поднял воротник пиджака и пошагал к автобусной остановке.

ДИАГНОЗ

Стезя, по которой надлежало устремляться ровесникам Жени Бойтмана в городе О., – медицина. Или юридическая, лучше всего адвокатская, практика.

Кроме того, что в данных областях, как ни где, к месту харизма и способность к комбинаторному мышлению, свойственные соплеменникам Жени, так ведь всегда в тепле, что в здешнем климате немаловажно.

За окном трещит «сороковник», а вы в отутуженном белом халате совершаете утренний обход по вымытой до блеска больничной палате. Либо в сшитом на заказ костюме из ткани бостон держите речь в зале суда, где веет теплом водяных батарей и герань зеленеет на разузоренных морозами окнах.

Но «Дядя Стёпа – милиционер», прочитанный двухлетнему Жене теткой, известным на весь Союз педиатром, предопределил жизненный выбор ребенка.

Женя родился с зубом и черными волосами до плеч. Ходить начал в год. Читать в два с половиной. В три мать застала его за штудированием Уголовного кодекса Казахской Советской Социалистической республики.

С возрастающей тревогой клан Бойтманов, потомственных врачей, следил за дальнейшими шагами Жени.

В четыре года он сшил себе (вырезав ножницами кусок из багровой плюшевой занавески) нарукавную повязку дружинника. В пять обменял папин янтарный мундштук на обшарпанную милицмейскую фуражку. Она словно приклеилась к голове самого младшего из Бойтманов – на всех фотографиях того времени, даже свадьбах и похоронах, Женя запечатлен в этой фуражке.

Несмотря на это, старшие Бойтманы сохраняли уверенность: наследственность возьмет свое. Мама видела Женю психиатром, возможно, специалистом в области виктимологии. Папа был убежден, его сын – прирожденный адвокат. Не развеивая до поры родительских иллюзий, Женя хорошо учился, без проблем переходил из класса в класс, параллельно посещая секцию самбо.

Последнее, правда, вызывало недоумение и озабоченность его родителей. Но тетка-педиатр успокоила: молодому человеку физические упражнения полезны, они укрепляют скелетно-мышечный аппарат и, кроме того, способствуют более мягкому протеканию формирующихся половых инстинктов.

Мама этих инстинктов боялась как огня, поскольку насмотрелась у себя, в венерологическом, на то, до чего доводят инстинкты. Папа, хирург и то, что называется «ходок», сомневался в обуздывающей силе самбо, но по понятным причинам держал свое мнение при себе.

Большим спортсменом Женя не стал, однако первый взрослый разряд получил и после десяти-того класса отнес документы в о-скую Высшую школу милиции. Это несмотря на то, что младшего Бойтмана ждали как в местном медицинском институте, так и на юрфаке университета.

Разумеется, перед этим Женя выдержал бую. Весь клан Бойтманов собрался в четырехкомнатной квартире Жениных родителей с окнами, выходящими на Иртышскую набережную. На столе в гостиной, как некие улики, лежали истрепанная книжка с картинками «Дядя Стёпа – милиционер», багровая повязка дружинника и милицмейская фуражка старого образца со сломанным козырьком.

Женя стоял, держа руки за спиной и при этом качая кисти ручным эспандером. Родители и все остальные Бойтманы сидели на всех этих антикварных пуфах, пуфиках, софах, кушетках, диванах, стульях и тахтах, заполняющих старинную квартиру, внутренность которой отражалась в

застекленных книжных шкафах и фотографических портретах предков.

В полной тишине первым подал голос дядя Исай, имевший в О. более чем обширную зубо-рачебную практику.

– Женья, – осторожно, словно боясь причинить боль, сказал он, – дядя Степа – миф, красивый, не спорю. В жизни все запутанней и грубей. Ко мне приходят пломбироваться милиционеры. Дядь Степа среди них нет.

Тетя Соня, безупречно причесанная и одевающаяся в Париже, повертев в своих руках ухогорло-носа милицейскую фуражку, бросила племяннику:

– Неужели тебе нравится этот опереточный стиль?

Племянник, посчитав вопрос риторическим, смолчал. Только еще сильнее проступили веснушки на его побледневшем лице.

– Не понимаю, – произнес оказавшийся в О. проездом Марк Исраилевич Зискинд, потомок боковой ветви Бойтманов, московский нейрохирург и повторил: – Не понимаю.

После этого взгляды всех присутствующих обратились на тетю Раю, ту самую, которая помогла племяншу ознакомиться с михалковским шедевром.

– Не виноватая я! – с невесть откуда взявшейся «простонародинкой», крикнула чтица. – Он меня сам попросил!

Мать, держа возле носа платочек, произнесла голосом, полным горестных слез, указывая длинной, красивой, украшенной тяжелыми кольцами рукой в сторону Жени:

– Хочет с пистолетом за жуликами бегать...

– Да, хочу!!! – крикнул виновник «торжества» так, что находящаяся здесь же девятиностодвухлетняя Эсфирь Яковлевна, оправленная в январь и средней величины изумруды, покачала головой:

– Боюсь, малыш сделал свой выбор.

После этого все сели за стол. Разошлись не позднее одиннадцати. На следующий день Женья отнес документы. А через четыре года, когда курсант Бойтман, в лейтенантской форме, на всеобщем училищном построении получал красный диплом, Женин отец тихо произнес, обращаясь к своей половине, стоящей рядом с ним в толпе родных и близких выпускников:

– Может быть, к дяде Авелю, в прокуратуру?

– Разве ты не видишь, – так же тихо отозвалась половина, – у него глаза уже такие же лучистые, как у милиционера.

И Женья стал инспектором уголовного розыска.

Вместе с Мамаем его отправили на практику в соседний Н. Там напарники раскрыли тайну убийства, которую местные менты не могли раскрыть двадцать лет. Дело касалось солистки Н-ского оперного театра Анны Вяжевич. Ее изнасиловали и убили в собственной квартире.

Разумеется, зеленым оперкам из О. сначала подкинули в Н. работу совсем другого рода – простенькие квартирные кражи. Но когда практиканты взяли с поличным старого форточника Мутного, у него вдруг развязался язык. Такое случается с жуликами, идущими под откос. Среди всего прочего, Мутный упомянул о красноярском СИЗО, где восемнадцать лет назад находился с неким Сашей Даймером. Встретил его недавно в Академгородке. Идет в новой дубленке, сделал вид, что Мутного не узнает. Так вот же ему от всего сердца – пишите, менты!

Находясь в красноярском изоляторе, Саша, скорее всего, под влиянием минуты, поскольку Мутный помогал ему на первых порах деньгами, продуктами и чифирем, разоткровенничался.

Мутный узнал, что Даймер в дикий январский холод, скинув с себя верхнюю одежду, спрятал ее в подъезде за мусоропровод, а затем, в трусах и майке, позвонил в обитую кожей и показавшуюся ему богатой дверь квартиры на втором этаже.

Подобные номера Саша проделывал не раз и ими кормился. Риск минимальный. На вопрос «кто там?» – отвечаешь, что нижний сосед, которого вы, мол, затопили. Если дверь открывает мужик, да еще и не один, сматываешься под шумок. Если же старуха, баба или ребенок, запираешь их в ванной и чистишь квартиру.

Но однажды дверь на «соседа» открыла краля в шелковом халате и серебряных туфлях без задников. За спиной ее Даймер разглядел цветную афишу. На ней эта самая краля, декольте и в песцах, позировала на фоне симфонического оркестра.

Два десятка лет спустя, таким же январем практикант Мамай, в любой мороз ходивший в демисезонном пальто и без шапки, поравнявшись с гражданином, спешащим по заиндевелой аллее н-ского Академгородка, негромко произнес:

– Анна...

Даймер, это был он, упал как подкошенный. Державшийся позади напарника Женья Бойтман склонился над лежащим.

– Сердечный приступ, – констатировал он, поскольку являлся все-таки внуком профессора кардиологии.

ПОЦЕЛУЙ

Женя Бойтман обладал способностью знакомиться с заурядными девушками, у которых были выдающиеся подруги.

Так, на танцах в ДК «Химик», он весь вечер из гуманности провел с коротконогой и болтающей без умолку Тоней. А когда танцы закончились, выяснилось, что Тоню в сквере возле ДК ждет подруга Ирина, пряча свою рыжую гриву и балетную стать в тени шелестящих кленов. Как оказалось, девушка впервые пришла туда, где под ритмичную музыку одновременно вихлялось несколько сотен людей. Почувствовав головокружение и тошноту, златовласка поспешила на свежий воздух.

Женя, очарованный, пригласил Ирину (Тоня уже получила приглашение раньше) продолжить вечер в компании офицеров милиции. Никакой пошлости, пива, строго водка и записи «Битлз».

Бойтман надеялся, в свою очередь, очаровать Ирину. Но внезапно нагрянул Мамай, до той поры игнорировавший посиделки в квартирах, предпочитая тальники Центрального пляжа и красные стулья «Фантазии».

Хозяйка квартиры, начальница отдела кадров областного УВД Лариса Анатольевна, вдова, вначале не хотела Мамаю впускать, поскольку тот явно превысил все нормы выпивки. Но каким-то образом капитан убедил кадровичку, что хотя он и превысил, однако не настолько, чтоб оказаться лишенным доступа в «двушку», из недр которой несет сивухой.

Кажется, Лариса Анатольевна была не совсем равнодушна к Мамаю. Иначе чем объяснить, почему железная руководительница отступила, и напарник Жени, как всегда, своей прямо-той, грубостью и напором вскоре привлек взоры всех присутствующих дам.

Увы, жертвой отрицательного обаяния одной из первых пала Ирина.

И вот опять, но на сей раз не танцы, а прогулка на водном трамвае по Иртышу. Женя знакомится на верхней палубе с Инной, восемнадцатилетней брюнеткой с глазами навывкате и красным ртом. Угощает мороженым. Приглашает в кино. Затем предлагает просто побродить по вечернему городу. Девушка возражает:

– Зачем же просто бродить. Лучше пригласи меня в «Фантазию»! И знаешь что? Захватим с собой мою подругу. А то она целыми днями сидит дома, ревмя ревет!

– Отчего?

– Парень бросил! Такую жаднюжку любой бросит. Никому не дает.

При виде Веры, так звали Иннину подругу, сердце Бойтмана стукнуло в грудную клетку, как опер кулаком по столу во время допроса. Ничего особенного. Просто блондинка. Из тех, что во всем мире одна.

Наученный горьким опытом, Женя берег и скрывал Веру от чар Мамаю. Очень успешно. Между Верой и Бойтманом установилась и крепла духовная связь. Женя водил Веру в рюмочную и следил за тем, как девушка маленькими глотками осушает рюмку ликера.

До поцелуев еще не дошло, но Женя не तोпил события. Он был терпелив.

И тут напарник Бойтмана напоролся на нож. Лежал сперва в реанимации. Затем в гнойной хирургии. В конце концов Женин дядя Моисей Абрамович засучил рукава.

Оставшийся с одним легким напарник нисколько не изменил привычек. Бойтман, по его требованию, проносил в палату спирт в грелках и курево.

На утренних обходах Моисей Абрамович удивлялся: отчего от его больных стало перегаром разить? Мамай объяснял:

– Это не перегар.

– А что же?

– Да ночью опять был выброс из труб нефтяного.

– Но нефтезавод отсюда далеко!

– А ветер? Почему вы его сбрасываете со счетов? Он дул всю ночь и нанес в палату вонь через форточку!

Жениному дяде крыть было нечем.

Вслед за дядей опростоволохился племянник. Так выпало, что, спеша доставить очередную грелку, Женя выбился из графика встреч с Верой и, позвонив ей, предложил перенести свидание на час позже.

Вера поинтересовалась, в чем дело. Бойтман был правдив. Девушке тут же захотелось хоть одним глазком взглянуть на раненого героя.

Чрезвычайно противным голосом, появившимся у него в минуты сильного душевного волнения, Бойтман возразил, что это никакой не ге-

рой. Довела пьянка. Но Вера, как выяснилось, умела добиваться своего.

Скрепя сердце, Женя проводил ее в палату, где распростерся Мамай, неподвижный и бледный. Видите ли, ночью инвалид таскался в «самоход», покинув по пожарной лестнице находящееся на седьмом этаже отделение. Утром вернулся тем же макарон и вдруг, кто бы мог ожидать, почувствовал упадок сил.

Но появление напарника с блондинкой спровоцировало приступ радости у калеки. Впрочем, на Веру он не обратил внимания, вырвав у Бойтмана и нежно прижав к груди принесенную им грелку.

Выплеснув на пол лекарство из мензурки, ушлый пациент набулькал в нее спирт. Две мензурки подряд вызвали прилив легкого румянца к щекам, а в глазах серо-стального оттенка проявилась просинь.

— Приходи ко мне завтра, — бросил Вере с больничной койки, сыпля пепел с сигареты на перебинтованную грудь, — без этого своего ухажера...

По дороге из больницы Бойтман рассказывал девушке о своей победе на соревнованиях над мастером спорта. Насвистывал ей мелодии из Генделя и Вивальди. Объяснял различия между пистолетом и револьвером. Вера шагала рядом с Бойтманом словно в тумане, с какой-то неясной улыбкой на губах.

Лишь упоминание об испеченной Жениной мамой шарлотке заставило проголодавшуюся Веру на короткое время оживиться.

Но очутившись у Бойтманов в гостях, девушка вроде бы ни с того ни с сего (речь за столом шла о непротivлении злу насилем, эту тему поднял Женин папа) расхохоталась.

— Приходи, — лепетала гостя сквозь смех, — приходи... без ухажера... Ой, не могу... Извините...

Родители Бойтмана, застыв над разложенной по тарелкам шарлоткой, встревоженно переглядывались.

И только Жене дано было знать о причинах странного веселья гостыи. А также о том, что завтра она непременно примчится туда, где, свежескромсанный Моисеем Абрамовичем, травит анекдоты Женин друг и напарник.

Эти анекдоты совсем не смешны. По мнению Жени, Мамай никогда не умел рассказывать анекдоты. Но отчего же тогда от хохота сотрясается вся палата? Отчего все лучшие девушки сбегает к лысому пьянице и буяну?..

«Облопавшись», по ее выражению, шарлоткой, Вера села в троллейбус. Бойтман не провожал ее, она попросила, чтобы он ее не провожал.

Возвращаясь домой по заплетенным резными тенями улицам города-сада, Женя думал о поцелуе, том, до которого сегодня дело вполне могло бы дойти.

Но теперь не дойдет никогда. И это нужно было осмыслить. И дальше с этим жить.

ПОДНЯТИЕ ТЯЖЕСТЕЙ

Мамай томился в отделе кадров. Капитанский мундир — в нем теперь полагалось являться на службу — сковал Георгия. Его голый лоб, облысевшее темя покрывались бисеринками пота от раздумий на тему того, как переломить ситуацию.

Подполковник Лариса Анатольевна, чтобы отвлечь капитана от дум, завалила его работой. И, сидя в том же кабинете за специальным начальническим барьером, смотрела в зеркало, висящее у входа, сочувственно наблюдая за муками Мамай.

Муж Ларисы Анатольевны, майор Сладкий, восемь лет назад погиб при попытке задержания Мохнатенко, того самого, которого тщетно пытался задержать и Мамай. Поэтому между этими четверьмя: майором, его вдовой, уголовником и капитаном — существовала некая незримая связь.

Тени Сладкого и его убийцы витали в воздухе в те достаточно редкие минуты, когда не душила текучка и начальница со своим подчиненным могла поговорить. Разговоры эти были почти всегда одни и те же и сводились к одному: Мохнатенко — подонок, заслуживающий одного — пули.

Тут чувства Мамай и его начальницы сходились. А дальше дело не шло. Напрасно с упорством маньяка Лариса Анатольевна, некрасивая, немолодая, с доброй душой, вновь и вновь наводила разговор на связывающую ее с Георгием тему. Мохнатенко, сведшего в могилу мужа начальницы, Мамай, не задумываясь, кончил бы на месте. А к Ларисе Анатольевне относился как к дельному командиру, от которого все-таки лучше держаться подальше.

Между тем бисеринки пота продолжали выделяться из пор кожи на лбу и темени Мамай. И в конце концов капитан нашел способ вырваться

из капкана, держащего его, казалось бы, мертвой хваткой.

Явившись в спортзал на стадионе «Динамо», где соревновались гиревики – милиционеры городских и сельских райотделов, Георгий предложил известному спортивному активисту Жене Бойтману внести фамилию Мамай в списки. Бойтман, решив, что Георгий пьян, категорически отказался.

Мамай, действительно, был не слишком трезвый, но на ногах держался. Он объяснил бывшему напарнику: выпить ему понадобилось для храбрости. Потому что здесь, на помосте с гириями, сейчас решится его судьба!

Понимая, что друг несет бред, Женя из своего образного чувства протеста допустил хмельного сотрудника отдела кадров к поднятию тяжестей.

Скинув ботинки и носки, Мамай для чего-то закатал до колен брюки и в своем излюбленном сером костюмчике с поднятым воротником, взбежав на помост, вцепился в спортивные снаряды.

И был скандал. Потому что участник в сером костюмчике занял первое место.

– Что за пьяные выходки?! – кричал полковник Какк, руководящий физподготовкой в областном УВД, гиревик-рекордсмен. – Инвалид второй группы не может толкнуть двести семьдесят шесть раз двухпудовые гири!

Но на этого руководителя нашелся другой, генерал Долженко. Он вызвал виновника скандала к себе. Во второй раз в жизни Мамай оказался в кабинете своего начальника и учителя.

Девять лет назад, когда Мамай только пришел в органы, Долженко руководил городским Центральным РОВД и на глазах Мамаея раскрыл преступление одной фразой.

Между двумя собутыльниками, Бердюгиным Данилой и Станиславом Линьковым, возникла ссора, переросшая в драку. В результате более молодой Данила прикончил своего пожилого соперника. Просто затоптал его.

Осмотрев труп Станислава, Долженко обратился к подозреваемому в убийстве Бердюгину, задержанному по горячим следам, но вину категорически отрицающему:

– Штаны-то свои куда дел?

Данила дрогнул, тут же написал признательные показания и показал место, куда спрятал синие кримпленовые брюки-клеш, пропитанные кровью жертвы.

– Не думал, что опять о тебе услышу, – не предлагая Георгию сесть, произнес Долженко,

держа левую руку на столе, а правой под столом теребя за дужку очки, носить которые все еще стеснялся.

– Александр Романович, – на волне куража от своего неожиданного ни для кого спортивного успеха, взмолился Мамай, – переведите меня на прежнее место!

– Исключено.

– А если угадаю, что у вас в правой руке?

– Ты, вот что, Мамай, не наглей. Угадывай. А там видно будет.

– Окуляры! В тонкой золотой оправе.

– Как узнал?

– На переносице свежая розовая полоска от дужки, и вид, у вас, товарищ генерал, извините, глупый. Это оттого, что вам не хотелось, чтобы я застал вас в очках, и вы сорвали их, как только я постучал в дверь. Полоска узкая, значит, оправка тонкая. И золотая. Небось пластмассовой Мария Евдокимовна, ваша супруга, вам не позволит!

На следующий день Георгий сдавал дела в ОК.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Вера, после того как пришла в больницу к Мамаю в первый раз с Бойтманом, появилась у Георгия на следующий день с цветами.

Первый раз в жизни Мамаю дарили цветы. Он был напуган. Между тем Вера продолжала навещать Мамаея, доставляя ему в специальных кастрюльках (в них раздают обеды в пассажирских вагонах) бульон, картофельное пюре с куриными котлетками, сырники и манную кашу.

Капитана мутило от пюре, сырников и манной каши. Но, сам себе удивляясь, он их проглатывал, после чего Вера уносила кастрюльки домой.

Однажды Мамай не выдержал и спросил, откуда у Веры такие кастрюльки. Та ответила, что ее мама в молодости работала проводником в поездах дальнего следования.

На самом деле Георгий хотел спросить о другом: неужели девушке с подобными фигуркой и личиком больше нечем заняться, кроме того как таскать алкашам пресную, безвкусную, отвратительно приготовленную жратву?

Неожиданно для себя Мамай повторил этот вопрос вслух.

Вера обиделась. Главным образом на то, что капитан назвал себя алкашом. Но, после того как он привел в пользу этого веские аргументы, согласилась: у Георгия есть проблемы с выпивкой.

– Черт меня подери, – шептал Мамай, лежа в ночной палате, глядя в окно на луну, – у меня «есть проблемы с выпивкой»...

Кляня себя за бесхарактерность, Георгий проглатывал из специальных кастрюлек очередную порцию стряпни. И вдруг решившись, стал энергичен и груб. Смысл похожей на брань речи Мамаю сводился к следующему. Его скоро выпишывают. Впереди у него полный мрак. И нет никакой надобности в кастрюлях.

Вера, опустив голову, ушла. Максим Маташев, лежавший на койке по соседству с капитаном, отвернулся. Он не сказал больше с Мамаем ни слова, до той самой случайной встречи у фонтана.

Остальные обитатели палаты тоже повели себя с недавним своим атаманом так, словно и нет никакого Мамаю на свете.

Всю зиму капитан перекладывал в отделе кадров бумажки. Запоем читал – все подряд, от «Евгения Онегина» и «Капитала» до Фолкнера и инструкции по пользованию стиральной машинкой «Тундра-3». Дошло до того, что к своему соседу по комнате в милицейской общаге, румяному и усатому старлею, Мамай однажды обратился с вопросом:

– Как думаешь, в чем смысл жизни?

Старлей, прибывший делать карьеру в О. из райцентра на севере области и до сих пор пре- 32 красно относившийся к Мамаю, пробормотал:

– У нас соседка в деревне была, тоже читала, пока не попала в дурку.

Вера Прокофьевна во время очередных «посиделок», вглядевшись в сына, вынула из губ дымящуюся сигарету, чего не делала даже во сне.

– Врезался? Только этого и следовало от тебя ждать! Жаль девушку. Нищий, бездомный, увечный. В таких влюбляются без ума.

Вновь получив удостоверение, пистолет и в качестве напарника Женю Бойтмана, Мамай первым делом отправился к Вере.

Был апрель. Лед на Иртыше шел пятнами, в открывающихся полыньях скакали солнечные зайцы.

Вера прогуливалась перед подъездом своей пятиэтажки, где жила в «однушке» вместе с матерью и отцом. Болоньевая курточка, вязаная шапочка. Завернутый в одеяло младенец на руках.

Георгий понял, что опоздал. И в первый и последний раз в своей жизни подумал: «Уеду на электричке в лес и...»

Но девушка уже заметила его. Когда капитан подошел, сказала, глядя на него без улыбки:

– Я ждала тебя. А это мой племянник. Старшая сестра попросила понянчиться, пока в парикмахерской в очереди сидит.

Тут к Мамаю с Верой подлетела запыхавшаяся девушка со свежей химической завивкой.

– Твой, что ли? – зыркнула она на Георгия. – Ой, какой старый!

– Вера, – не обращая внимания на разбитную старшую сестру, нарушил молчание Мамай, – у меня проблемы с выпивкой, ненормированный рабочий день, небольшая зарплата. И, кроме того, нам с тобой негде жить.

– Ты что, делаешь ей предложение? – вновь встряла разбитная.

По-прежнему не обращая на нее внимания, капитан ждал ответа.

– У мужика ни кола ни двора! И пьет, – не унималась разбитная. – Неужели ты за него пойдешь?

– Господи, – вздохнула Вера и, передав младенца сестре, наконец улыбнулась, – да я за него поползу...

Как всегда в апреле, то здесь, то там торчал вытаявший из сугробов мусор. По вспученным тротуарам текла грязная вода. Раскачивались сухие бурьяны вокруг детской площадки.

ЗАСАДА

Сквозь крышу дощатого сарая, где Мамай находился, была видна луна. Холодный и влажный воздух октябрьской ночи напывал все вокруг – темноту, поленницу, к которой капитан прислонился, его демисезонное пальто с поднятым воротником, макарона, дремлющего в тактической кобуре под мышкой.

Засада была устроена на Леву Холева, чемпиона мира по вольной борьбе, голыми руками убившего вохровца и завладевшего его наганом. После этого последовала серия вооруженных нападений на городские сберкассы. Во всех эпизодах действовал одиночка, описание которого стопроцентно совпадает с приметам Холева.

В нескольких метрах от сарая находился барак, где жил школьный друг Левы. По оперативным данным, Холев именно у него держал захваченные в сберкассах деньги. Барак находился под наблюдением уже месяц, но пока это результатов не дало.

Луну скрыли облака. Ночь становилась все холоднее. У Мамаю заломило затылок, затем на-

чало щипать уши. Ног в тонких туфлях он уже не чувствовал давно. И нельзя было согреться движением – демаскировка.

Чувствуя, что превращается в ледышку, капитан натянул на голову пальто и принялся усиленно дышать. Становилось немного теплей.

Вдруг – шум подъехавшего легкового автомобиля. Хлопнула дверца. Тарахтенье старенького автомобильного двигателя, зеленый огонек такси удалились. Но зато все ближе и ближе шаги. Мамай сунул руку подмышку.

Стрелять в человека ему приходилось за все время работы в угро только раз.

...Калистрат оплошал, такое случается и с карманниками-прима. Горожанка, из разрезанной сумочки которой начали тащить портмоне, почуввав неладное, ударила в набат.

Есть, несомненно, мистическое в узах, которыми связаны между собою менты и воры. Увидев выскочившего из переполненного троллейбуса красивого холеного господина, рыжеусый плебей, на соседней остановке поджидавший трамвай, выхватил из-под пиджака «тэтэшник».

– Стой!

Кидая пятками под увесистый зад, вор уходил галопом.

– Стой, стрелять буду!!!

Центр города. Утро. Спешащий на работу люд замер, переводя взгляды с бегущего, на человека с пистолетом. В ту пору такое не часто видели и в кино.

Но бетонная стена, ограждающая строительную площадку перед домом со шпилем, стремительно приближалась к Калистрату. Он знал, что сделает. Поднырнет под стену (между нею и тротуаром щель сантиметров в семьдесят) и сегодня же исчезнет из этого города, где пассажирки автобусов столь чутки, а переодетые менты с пушками понатыканы на каждом углу!

Однако нырнуть в щель не удалось. Рыжеусый придурок, вопреки всем требованиям и уставам, не шмальнул, как полагается, в воздух. Он, видя, что вор вот-вот уйдет, вероятно, решил: одним вором меньше...

Бетонная стена над головой Калистрата украсилась пробоиной, в которую можно вставить кулак. Звук выстрела долетел чуть позднее. Знатный карманник подпрыгнул (как утверждали очевидцы) на полтора метра и рухнул на о-ский вспученный асфальт.

Мамаю оставалось защелкнуть наручники.

...Шаги становились все отчетливей. Припав к щели в стене сарая, Георгий увидел крадущегося по тропинке между бурьянов человека, вернее его расплывающийся в сырой темноте силуэт.

Несмотря на строжайшие инструкции, капитан с первых же дней, как начал получать пистолет, держал патрон в патроннике. И сейчас требовалось лишь снять большим пальцем предохранитель.

Как ни тих был щелчок, крадущийся его услышал и замер.

С вооруженным суперменом, из-за которого второй месяц вся о-ская милиция находилась на плохом счету, церемониться никто не собирався. Мамай решил стрелять через доски сарая. В этот момент послышалось:

– Горик, это я...

С треском распахнув дверь, капитан вывалился наружу. Перед ним стояла Вера, робко улыбающаяся, беременная, с узелком.

Сидя на поленице, Мамай жевал бутерброд с салом, пил водку из своей еще курсантской фляжки, а жена, прижавшись к нему, шептала:

– Какая жуткая ночь! Лежу в постели, в печной трубе ветер воет, и как представила, что ты там один...

Никогда Вера после не могла мужу объяснить, как узнала, по какому адресу устроена засада. Почему направилась именно в тот сарай, где Мамай поджидал хищника.

И Георгий не признался ей: в ту ночь она и второй, который будет назван в честь отца Мамай Иваном, выжили лишь потому, что патронник оказался пустой.

ШАХМАТЫ

Георгий и Вера снимали квартиру в Порт-о-Пренсе. На той самой Второй Луговой, где Мамай стрелял, замечательный пес погиб, а убийца майора Сладкого, выскочив в окно, сумел скрыться на старинном Казачьем кладбище.

Теперь покосившиеся кованые кресты и буйные чертополохи этого кладбища подступали к самым окнам мамаевской квартиры – комнатки в торчащей на крутом берегу Оми насыпuxe, хозяином которой был дядя Саша, пенсионер, браконьер, пьяница.

С Ваней, родившимся в январе, родители спали на полу, помещая младенца между собой.

Но отчего молодоженам не жилось, например, вместе с родителями Веры в их одноком-

натной, благоустроенной, с видом на железную дорогу, болото и прочее? Да все оттого, что поначалу Георгий с женой в этой благоустроенной и поселились, в каморке без окон, освещаемой лампой дневного света. Но, увидев, как зятя приносят домой после посещений «Фантазии» и Центрального пляжа, Верины родители из воска превратились в гранит.

В крохотном дворике дяди Саши вечно сушились на вешалах сети. Пробираясь в свою комнату через низкий и темный коридор, Вера и Георгий то и дело натывались на хранящиеся в коридоре весла, болотные сапоги, лодочный мотор.

По ночам дядя Саша ставил мотор на свою причаленную внизу дюралевую лодку и с грохотом уносился на ней все время в одном направлении – вниз по Оми, впадающей, как известно, в Иртыш. Возвращался под утро. Почти всегда с уловом, ведром или двумя стерляди.

Мамай не обращал внимания на браконьерские происки дяди Саши. Пусть на них внимание рыбнадзор обращает. Но когда выяснилось, что дядя Саша в пьяном виде не чурается того, чтобы поставить синяк под глаз тете Зине, в квартире разыграл милиционер. И предупредил драчуна: еще один эпизод – и дядя Саша будет привлечен по полной. Домовладелец поджал хвост, но тут встряла тетя Зина. Взяла обида за мужа. Не хватало, чтобы ему в его собственном доме указывали, как поступать!

И Вера с Георгием оказались вынуждены переехать на новую квартиру. Вернее, перейти, потому что очередная комнатуха в очередном домике находилась на соседней улице, буквально в двух шагах.

Таких квартир чета Мамаев за короткий срок переменяла немало. Везде было одно и то же. Вечный стук молотков. Лай собак. Звуки пьяных застолий. Колонка за два квартала. А удобства во дворе.

Поскольку на квартирах Мамаев телефонов не водилось, Вера Прокофьевна стала звонить ему на работу. Если не заставала сына, коллеги передавали ему:

– Звонила мать.

Больше ничего не требовалось. В первую же свободную ночь Мамай, как штык, являлся на Пролетарскую площадь, 1. Вера Прокофьевна, дымя сигаретой себе в лицо, чистила за столом именной парабеллум, а сын, сидя под горящим торшером, смотрел в потолок.

Но однажды на посиделки вместо сына прибыла невестка. С трехлетним Иваном на руках. Малыш, несмотря на свой солидный рост и вес, еще не говорил и не ходил. Мать Мамаев, хотя раньше в глаза не видела ни невестку, ни внука, сделала четкий шаг влево и посторонилась, впуская их в дверь.

– У Горика «белочка», он в реанимации, – сказала Вера так, словно речь шла о простуде.

Пролетарская площадь, освещенная бессмысленно ярким электрическим светом, пылаха за окнами без штор. Изредка по площади проносился, шелестя шинами, одинокий автомобиль. Хозяйка, не обращая на своих гостей внимания, играла в шахматы сама с собой. Ваня ползал на четвереньках по квартире, молча и внимательно рассматривая в ней все.

Вера, не спрашивая разрешения, взяла сигарету из пачки «Примы», лежащей на столе возле своей свекрови и тезки. Вынув из губ сигарету (происшествие чрезвычайное само по себе), Вера Прокофьевна дала невестке прикурить. Затянувшись и с непривычки закашляв, Вера сквозь кашель произнесла:

– Ничего, что я называю его, как вы?

– Ничего, – ответила хозяйка, несколько более внимательно, чем на кого бы то ни было, взглянув на ту, которая первой заметила, что барс, вытатуированный на груди Мамаев, слепой.

Автор трафарета спешил и, сосредоточившись на изображении клыков зверя, а также испещряющих его темных пятен, впопыхах забыл про глаза.

– Недавно у меня была Лиза. Она говорит, вы терпеть не можете, когда его кто-то еще Гориком называет.

– Лизка у нас докторесса, что с нее взять. Как насчет шахматистек?

– Играла с папой раз.

– Достаточно, чтобы разнести в пух старуху.

Лиза, в связи с чрезвычайным происшествием заехавшая к матери проездом от Антона к Елене, застала мать и очередную жену брата сосредоточенно дымящими «Примой» в гостиной над шахматной доской. Был полдень. Пролетарская площадь за окном гремела и лязгала. Иван, изнуренный ночными исследованиями, спал, как привык, на полу, вернее, на ковре, застилающем пол бабушкиной гостиной.

Лиза крикнула, что у нее туберкулез! В запущенной форме, черт его подери! И как такое мог-

ло случиться с нею, доктором юридических наук, полковником?!

– Будто полковники не могут заболеть туберкулезом, – скептически глядя на доску и не глядя на старшую дочь, процедила сквозь зубы Вера Прокофьевна.

– Мама! Жуть берет от твоих слов!

– А что же профосмотры? Ведь вас ежегодно проверяют.

– Понимаешь, это коварная болезнь...

– Значит, прошляпили.

Передавая Елене этот разговор, Лиза забыла даже о том, как тяжело больна.

– Представляешь, сидят над доской, на два пальца засыпанной пеплом...

Елена весьма отчетливо представила себе эту картину. Настолько, что в ближайший выходной вместе со старшей сестрой подъехала на личном «Москвиче-412» к домику очередного дяди Саши, у которого получили кров Мамай с супругой и сыном.

От взгляда Елены не укрылось ничего. Ни облупившаяся печь с развешанным над нею заштопанным бельишком невестки. Ни кусок черствого хлеба, который глотал безмолвный Иван. Вдобавок Лиза указала глазами сестре на неприменный атрибут жизни в Порт-о-Пренсе – помойное наполненное до краев ведро, стоящее у входа в конуру, где жил этот вечный счастливчик, их брат.

Разложив на застеленных выцветшей клеенкой ящиках (их Горик приволок со двора ближайшего овощного магазина) гостинцы – арбуз, пряники, конфеты «Мокко», пачку зефира, сестрички переглянулись.

– Бедняжка, – пролепетала Лиза, – ведь ты мне как дочь, душа разрывается глядеть, как он тебя топчет...

– Да, – с носом, полным слез, вступила Елена, – это ужас, что этот кобель творит...

Души сестер разрывались, и слезы текли, как известно, до тех пор, пока Ирина не изнемогла. Теперь, по мнению Елены и Лизы, настала пора изнемочь этой белянке с точеной фигурой и детским лицом.

Но произошло не укладывающееся в рамки. Улыбнувшись застенчиво и нежно, Вера перебила сестринский дуэт:

– Знаю, Горик негодяй и подлец. И очень вас любит. И, мне кажется, я тоже буду очень любить вас.

У Елены, садящейся за руль «москвича», тряслись руки так, что она была вынуждена принять две таблетки димедрола.

Лиза тут же вспомнила, что опасно больна.

Вдобавок ко всему едва оправившийся от «белочки» Мамай взял отпуск за свой счет и самолетом вылетел к профессору, дяде Бойтмана, в Ленинград, за лекарством для Лизы.

ЗАХВАТ

Леву Холева брали в только что открытом ресторане «Сибирь».

Ультрамодные витринные окна от пола до потолка, преобладание в отделке белого, красного, черного пластика. Даже стойка бара – единственная на весь О. – была.

И народ хлынул к барной стойке. Рассевшись за целлулоидными столиками в битком набитом зале, посетители таращились – главным образом, на тех избранных, которые, как в заграничном фильме, модно нахохлившись, восседали на высоких металлических табуретах у бара.

Все это: нахохленность, подсветка на полках с расставленными на них пустыми бутылками из-под «Чинзано», «Мартини», «Белой лошади» – действовали на посетителей гипнотически, ресторан сделался бойким местом.

35

Данное заведение находилось на первом этаже дома по адресу: Пролетарская площадь, 1. Так что на пятом этаже милицейский полковник в отставке, меряя шагами квартиру, сыпала пепел с сигареты на ковер, а на первом разворачивался начальный этап операции, впоследствии занесенный во все учебники высших школ МВД.

Оперативный источник, как это довольно часто бывает, подкачал. О-ские менты в течение нескольких месяцев пасли Леву возле барака, где проживал холевский школьный друг. А в это время чемпион мира после налетов на сберкассы отдыхал в зимнем Сочи.

И вот прикатил оттуда в джинсах и свитере цвета беж, с золотым перстнем-печаткой на безымянном пальце правой руки. Этим проклятым перстнем он и развернул переносицу Мамаю. Но не будем забегать наперед.

Итак, Новый год был только что отпразднован. Родился Иван, молчаливый, внимательно-глазый, замкнутый. Поцеловав жену и сына, старый капитан поднял воротник своего пальто и, сунув руки в карманы, сквозь метель заспешил к трамвайной остановке.

Когда, ровно в восемь, как и было назначено, Мамай входил в вестибюль «Сибири», снег на капитанской лысине даже не таял.

За витринными окнами «Сибири» все лютее становился мороз и завывал ветер. Стрелки ходиков на стене квартиры Веры Прокофьевны приближались к римской цифре одиннадцать, когда в ресторанном зале наконец появился тот, кого жаждали рассаженные за целлулоидными столиками оперативники.

Расположение звезд на ведомственном небе уже переменялось. Из Москвы поступило ЦУ: волоса не должно упасть с головы Холева. Брать живым. И судить показательно, чтобы другим была наука.

Лева вошел в зал в сопровождении лебезящего администратора и сразу сел к барной стойке. Рядом с нахохлившимся на высоком табурете Мамаем. Вообще-то на его месте должен был находиться самбист Бойтман. Но он как раз страшно затемпературил и участия в операции не принимал. Тем не менее провозжая напарника на задание, Женя показал ему пару приемов, действенных и простых.

И Мамай не стал медлить. Опрокинув табурет, ринулся на преступника, намереваясь взять его шею в захват и продержаться, пока подоспеют коллеги.

Но вышла загвоздка. Лева, как выяснилось впоследствии, вел наблюдение за залом, отражающимся в миксере бармена. И мамаевский маневр от чемпиона не укрылся. Не глядя, он ударил еще летящего к нему по воздуху капитана кулаком в лицо.

Когда Мамай пришел в себя – переносицы у него нет, кровь заливает «шашечный» пол, а Холев выступает один против семерых. Трое оперов (не считая Мамаю), уже валялись со сломанными костями среди опрокинутых стульев и столиков.

Семерым операм, вцепившимся в Леву, в конце концов, удалось повалить непобедимого борца. Но, совершенно осатанев, он, казалось, не чувствовал боли. Его хватали за волосы – они выдирались клоками, Холев же продолжал сопротивляться. Ему заламывали руки, пытаясь взять на болевую – суставы трещали на весь ресторан, а Лева все норовил вырваться.

И уже почти вырвался, когда из-за спин сгрудившихся вокруг места побоища посетителей, шатаясь, выбежал человек в красной маске. Он, как в воду пловец, бросился на стряхнувшего с

себя оперов монстра. На сей раз прыжок оказался верен. Сомкнув челюсти на причинном месте бандита, капитан Мамай вписал свое имя в миллицейские учебники. Пример нестандартного решения поставленной боевой задачи и все такое.

Чемпион тут же сделался тих. На нем застегнули четыре пары наручников, на руках вынесли из «Сибири» и зашвырнули в поджидающий за углом автобус.

Всю дорогу до СИЗО Лева хныкал, выпрашивая у оперов, кто такой этот парень, что его покусал. Ему называли оперативную кличку Мамаю: «Цыган».

В травматологическом отделении Центральной городской больницы посмотрели и увидели, что переносицы у капитана нет. Выпилили соответствующую кость у некоего экс-офицера танковых войск, в пьяном виде угодившего под поезд, но, вопреки утверждению, что пьяным везет, скончавшегося на месте. И кость танкиста прижилась на лице опера.

– Что это тебя так перекосило? – во время первой же встречи после заварухи в ресторане задала Вера Прокофьевна вопрос сыну.

Тот вместо ответа протянул матери картонную коробочку. Мать открыла ее. В ней поблескивал алой эмалью знак «За профессиональное мастерство».

– Шесть человек на все министерство получили.

– За что дали тебе – не хочу слышать. Сходи в гастроном, купи творогу и проваливай.

Выйдя из подъезда дома на Пролетарской площади, 1, Мамай направился к лучшему городскому гастроному «Север». Укутанные в меха прохожие косились на чудака в демисезонном пальто, с непокрытой головой и думали: «Из квартиры, на минутку, за сигаретами в ларек выскочил».

Капитан же думал о том, отчего это в О., где зима и без того сурова и долга, столько объектов с морозными названиями: ресторан «Сибирь», гостиница «Полярная», гастроном «Север».

И не находил ответа.

БОЙ СТРЕКОЗ

Георгий как-то между прочим спросил, почему Женя до сих пор не женат. Бойтман побледнел. Но тут Георгия (дело происходило на Центральном пляже) окликнули из группы отдыхав-

ших под соседними кустами «кагэбэшников», он отошел, а когда вернулся, Жени на пляже не было.

И прежнее не вернулось уже больше никогда. Даже когда Мамай сидел у постели умирающего напарника, чувствовал: между ними повешена какая-то влажная простыня.

Умирал Женя от рака горла.

– «Дядя Стёпа» аукнулся! – казнилась тетя Рая. – Эту книжицу написал дьявол, а не человек! Между прочим, я, когда ее в первый раз прочитала, сама захотела стать милиционером!

Дяди Давид и Иосиф и тетя Руфь, известнейшие городские онкологи, повторяли одно: их некурящий племянник слишком много времени проводил среди выдыхающих табачный дым людей. Пассивное курение. Оно сыграло роль.

И взгляды находящихся у ложа больного родителей Жени, тети Сони, тети Раи, тети Руфи, дядей Давида, Иосифа, Исаия, Моисея Абрамовича, Эсфири Яковлевны и всех остальных Бойтманов обращались к Мамаю.

Поскольку Георгий был одним из тех, кто с усердием, достойным лучшего применения, выдыхал в обществе Жени дым, то низко – ниже некуда – опускал голову.

Женя (у него вырезали гортань, и он не мог говорить) писал красным карандашом на бумажном листке: «Отцепитесь от него», – и показывал этот листок Бойтманам.

Эсфирь Яковлевна тут же препровождала своих сородичей в гостиную. Там Бойтманы пили чай и разговаривали шепотом. А Женя и Мамай оставались одни. «Если хочешь курить – кури», – писал красным карандашом на листке Бойтман. А влажная простыня висела.

– Ну хочешь, я выпрыгну из окна?! – предлагал Мамай.

«Дурак», – писал Женя.

Накутившись на балконе до одури, Георгий возвращался к больному. Тот спал, хотя что там за сон в медикаментозном дурмане. И Мамай сидел возле Жени, глядя на него, как в бездну.

Однажды бывший напарник Мамаю, взяв в руки свой красный карандаш, коряво (он уже не видел) вывел на бумажном листке: «Береги себя».

Похоронили Женю на о-ском еврейском кладбище, в милицейской форме, как он велел. Установили сперва над могилой простой металлический обелиск. Затем стелу из черного мрамора.

Вера положила на могилу Бойтмана астры, купленные возле входа на кладбище у старушек.

Какой-то период жизни заканчивался. На мавзолее во время парадов уже видели человека в пилотке из морского кота. Служба Мамаю в операх осталась позади, теперь он работал юристом на городской бумажно-картонажной фабрике.

Иногда (редко) Георгий встречал на улицах О. эту пару. Он – высокий и сутулый, она – еще выше него, с маленькой, надменно поднятой головой. Кажется, оба пользовались одной и той же краской для волос, каштановой, фирмы «Шварцкопф».

– Здравствуйте, – говорил им Георгий.

Но родители Жени проходили мимо, словно не видя его.

С периодом безмолвия и передвижения на четвереньках было покончено. Иван, как бы наперстывая упущенное, являлся лучшим спортсменом класса и, кроме того, на школьных торжествах читал стихи.

По инерции Георгий продолжал посещать «Фантазию» с Центральным пляжем. Но и там ощущался упадок. Вчерашние коллеги после того, как Мамай сдал удостоверение и пистолет, отставного опера едва узнавали. Какое-то ожидание висело в воздухе. Иртыш обмелел.

Директор бумажной фабрики, где трудился юрист Мамай, выдал ему ордер на двухкомнатную квартиру.

Тотчас к Мамаю ворвалась в кабинет женщина с растрепанными волосами – Мария Васильевна Неживых, работница фабрики с десятилетним стажем. Она была готова на все. На тот случай, если на юриста не подействует рассказ о ее беспросветной жизни с тремя детьми в однокомнатной коммуналке, Мария Васильевна захватила с собой детей. Они ждали в коридоре, приготовившись по первому знаку мамы взвыть.

Но все это не понадобилось. Реакция у Мамаю, как всегда, была молниеносной. Выхватив из стола ордер, он тут же переоформил его на Неживых.

Директор лишь пробурчал, глядя на юриста недоверчиво и изумленно:

– Ты чего это квартирами разбрасываешься...

А Вера не разговаривала с Мамаем год. Затем они столкнулись на еврейском кладбище. Был май, кипение сирени, очередная годовщина смерти Жени Бойтмана.

– Мне его не хватает, – выдавил из себя Мамай.

– Мне тебя не хватает, – нарушила молчание Вера.

И Мамай вдруг понял, что Женя имел в виду, когда написал, ослепший: «Береги себя».

Осторожно, словно она была сделана из пены, Георгий привлек жену к себе. Они стояли, обнявшись, отражаясь в черной мраморной стене. Между могил, треща крылышками, носились стрекозы.

– Пойдем, – глядя на них, сказала Вера. – А то Ванька из школы явится, а обед не готов.

ПОЛЕ

Сначала из магазинов исчезло все. Затем появились никогда не виданные ранее клетчатые сумки и начали открываться частные пельменные. Зарплату домой Мамай приносил в пластиковых мешках. Вера расплачивалась за хлеб пачками сотенных купюр, запечатанных банковским способом.

Потом начали стрелять. Директор пивзавода, расположенного в центре О., остановил свой «лендровер» у проходной, ожидая, когда охранник поднимет шлагбаум. И получил пулю в висок от скрывшегося тут же мотоциклиста.

Директор о-ского таксомоторного агентства вошел в свой подъезд. Два выстрела – директор мертв. Кто стрелял, неизвестно.

И директор бумажно-картонажной фабрики не избег подобной участи. Жена видела, как он вечером после работы подъехал к дому в белом «вольво». Вышел из машины и, заметив жену в окне, помахал ей рукой. В этот момент к директору подбежал клоун в желтой майке, красных шортах, с капроновым чулком на голове. «Трах-трах», – донеслось до жены, ни разу в жизни не слышавшей выстрелов. Бросив «ТТ» на месте преступления, клоун скрылся за гаражами.

Веру удивляло, сколько в стране оказалось людей, умеющих стрелять в упор и бесследно скрываться. Но Мамай избегал говорить с женой на подобные темы. Город рвали на части. Соперников вывозили в лес, закапывали живьем, отрезали головы. Веру Прокофьевну, которой было уже восемьдесят шесть, навещил генерал Долженко. После этого без ордеров и прочей юридической канители стали брать наиболее активных членов городских банд. Их не били. Просто ставили голыми лицом к стене и так заставляли стоять – сутки, двое, трое. Никто не выдер-

живал более трех суток. Бандюки сдавали друг друга, следователи записывали их показания, последовала волна тихих арестов – и О. «по-краснел».

После этого Долженко был отправлен в отставку.

Веру навещали ее подруги по медучилищу Валя Лавинская и Неля Негрун. Вера, выйдя замуж, ушла со второго курса, а Валя и Неля добрались до финиша. И теперь работали медсестрами в реанимации одной из самых захолустных городских больниц.

Гости принесли с собой халву и печенье. Огромную квартиру на верхнем этаже ампиричного трехэтажного особняка, где проживали в это время Мамай, закрывала тень от растущих на улице кленов. В подъезде неистребимый запах помойки. Зато центр города.

Пили чай в гостиной, сверху вниз глядя на мелькающих за фигурными рамами прохожих. Вспоминали одну из своих преподавательниц, Соню Абрамовну Бойтман, такую всегда элегантную. «Девочки, – говорила она, – ваша прическа, маникюр, одежда и обувь должны быть безупречны». Вера, Валя, и Неля, и многие другие девчонки с их курса пытались следовать этому совету. Но, конечно, сбивались на кроссовки и джинсы.

Внезапно дверь распахнулась, двое мужчин в шестьдесят второго размера кожаных пиджаках втащили под руки Мамай. Бережно положив его на пол посередине комнаты, ни слова не говоря, ушли.

Выйдя на кухню вскипятить воду в опустевшем чайнике, Вера уронила в него слезу.

За полгода до этого к Мамаю, в очередной раз оставшемуся без работы (в пьющих юристах мало нуждались) и взявшему в руки дворницкую метлу, подошел иссиня-смуглый огнеглазый человек с обильной проседью в черной шевелюре. Георгий узнал в нем цыгана Жемчужного. Лет двадцать назад тот торговал в Порт-о-Пренсе самогонкой и едва не погиб от рук своего поделника, участкового Мачерета. При запутанных и оставшихся до конца не выясненными обстоятельствах (кажется, была замешана молодая жена Жемчужного) Мамай спас самогонщику жизнь.

Полковник в отставке, меряя гостиную шагами, случайно бросила взгляд в свое лишенное штор окно. И на краю Пролетарской площади заметила громадного цыгана, топчущегося перед карликом, опершимся на метлу.

Затем до вечера Георгий мел Пролетарскую площадь, наводя на ней невиданный глянец. «Ну хватит уже», – вместе с сигаретным дымом выдохнула Вера Прокофьевна. Голос ее тих. Но услышан.

Через пять минут Георгий в запыленном сером костюмчике, с испариной, выступившей на лбу, сидел на диване под громко тикающими ходиками, рассказывая матери о Жемчужном.

Оставшись жив благодаря Мамаю, тот вырастил с помощью самогонки и вывел в люди восемнадцать детей. Все змеи подколенные. Жемчужный молил своего цыганского бога о том, чтобы встретить единственного порядочного человека, какого знал, – Мамаю и отблагодарить его.

Молитва была услышана. Но Георгий, заявив, что у него все в порядке, отказался от денег, предложенных цыганом.

– Что я за чистоплюй, – неожиданно вырвалось у Мамаю. – Чтобы не подохнуть с голоду, люди крыс ели!

Наливая чай в граненый стакан с подстаканником, на котором было вычеканено изображение Кремля, Вера Прокофьевна в знак того, что поняла, кивнула.

У жены Мамаю не было зимних сапог. Ванька вырос из всей своей одежды. Такие соображения правят миром.

Денег Жемчужного хватило, чтобы снять ангар на территории городского промышленного гиганта, производившего детали космических кораблей. Теперь на гиганте клепали кастрюли. А освободившиеся площади сдавали фирмам и фирмочкам.

Мамаю завез в свой ангар оборудование, сырье и приступил к производству невероятно востребованной потолочной плитки ПВХ. И процвел. Снял четырехкомнатную квартиру напротив Центрального пляжа. Начал ездить на подержанном «фольксвагене» с личным шофером.

Даже хотел наконец завести собаку. Но не успел. Страна оклеила плиткой ПВХ все потолки. Возник кризис перепроизводства.

Продав за бесценок «фольксваген», рассчитав шофера, охранников, Георгий на трамвае доехал до конечной. Вышел и пошел мимо частных домиков, дач, гаражей и свалки. Окруженное березовыми рощами, заросшее бурьяном поле было пустынно и тихо. Наверное, таким же оно выглядело сто миллионов лет назад, когда Дух носился над землей, а о людях помину не бы-

ло. Путаясь в бурьяне, Мамаю кое-как продрался до середины поля, затем повернул назад.

Завсегдатаи «Фантазии» (давно закрытой) переместились в кафе «Монплеизир». И там некий Петя Скачилов, сжалившись над бывшим ментом, который когда-то посадил Петю, но посадил за дело, кивнул своим пацанам. Те, как пушинку, подняли Георгия из-за залитого шампанским, коньяком и водкой стола, переместили – тут недалеко, в ампирный особняк, когда-то построенный о-ским конезаводчиком и фабрикантом.

...Чайник задребезжал крышкой, Вера, промокнув глаза кухонным полотенцем, вернулась в гостиную.

В дальнейшем разговоре за столом между прочим выяснилось, что три месяца назад Валя и Неля отправились пломбировать зубы в одну из первых открывшихся в О. частных дантистских клиник. Попали на прием к стоматологам Проданику и Пузикову, симпатичным мужичкам лет под сорок. Те оказались на высоте. И взяли, в общем, недорого.

Затем отношения незамужних подруг и дантистов продолжились. Однако прервались на днях, когда Проданик и Пузиков узнали, что обе подружки беременны.

Дело в том, что дантисты женаты, имеют детей, и хотя Валя с Нелей им нравятся, но не настолько, чтобы разрушать имеющийся семейный очаг.

– Что же вы будете теперь делать?! – вырвалось у Веры.

Гости с недоумением взглянули на хозяйку.

– Надо бы перевернуть его на бок, – сказала Валя, – а то подавится языком.

ВЕТКА

Валя Лавинская, Неля Негрун и Вера познакомились на картошке, куда всех первокурсников страны отправляли перед началом занятий.

Неля была из таежной деревни. Мать родила ее после сорока. Двое из четырех братьев Нели к тому времени уже «сгорели» от самогонки. Третий, среди ночи вздумав пилить на циркулярке дрова, отхватил себе пальцы на правой руке. Четвертый, также по пьянке, отморозил в собственном доме ноги. Отец Нели и мать тоже пили, хотя не так напряженно, как дети.

Тайгу Негруны, впрочем, как и все жители деревни, не любили и боялись.

– Это нас леспромхоз испортил, – объяснял Неле отец. – Нормированный рабочий день, твердая зарплата. И знали мы дорогу лишь от дома к магазину. А теперь леспромхоза нет.

Друг к другу мать и отец обращались «старый» и «старая». Так их называли и Нелины братья. А вслед за ними и она.

– Пошел бы, старый, хоть бы ягод в тайге набрал. Продали бы – хлеба купили...

– Ты чего, старая! А медведь?

Медведя Неля тоже боялась и с облегчением перевела дух, когда после окончания местной десятилетки пришла пора ехать на учебу в О.

На картошке Валя и Вера взяли свою деревенскую сокурсницу под опеку. Лучшее место в палате бывшего пионерского лагеря – Неле. Самый сладкий кусок тоже ей.

Но Неля от лучшего места (у окна) отказалась, потому что в окна часто лазят медведи. А сладкие куски неизменно делила на три части.

Во время зимних каникул Неля пригласила Веру и Валю к себе. Их поразил вид и тишина деревни, занесенной снегом до труб. Безногий Нелин брат, из которого нельзя было вытянуть ни слова, на все вопросы городских подруг сестры отвечал короткими нечленораздельными возгласами.

– Он работал обрубщиком сучьев, – переводил старый. – Его жена убежала с шабашником, строившим здесь коровник. А на фигу он нужен, – добавлял старый уже от себя. – Коров уже давно всех сдали на мясо, а жены не вернешь!

Беспалый братец, напротив, оказался куда как красноречив. После застолья пробежал всю ночь вокруг запертого на крючки и засовы дома Нелиных родителей, покрикивая:

– Не пустите – я вас подожду!!!

Старый и старая, а также сама Неля, спали глубоким сном, видать, привычные к таким покрикам. А Вале с Верой не спалось. Поутру они засобирались в О.

Затем Вера сблизилась с модной девушкой Инной, секретаршей директора медучилища, и Валя с Нелей отошли на второй план.

Но общение продолжалось. Вера была в курсе, что Валя поселила Нелю у себя. Лавинские проживали в трехкомнатной благоустроенной квартире возле Парка культуры, и Неля с удовольствием осваивала ванную, газовую плиту, лифт.

Валя одела и обула подругу в свои кофты, платье, дубленку, меховые сапоги. Мама Лавин-

ской работала в банке, а папа был директором лакокрасочного завода.

– Вот это полотенце – для лица, это для рук, это для ног, а это для всего остального, – объясняла Неле Валина маменька.

Неля краснела, пыталась запомнить, но достигла только того, что начала бояться полотенца пуще медведя.

Вера в это время переживала разрыв с Генной, молодым человеком старше ее на пять лет, старшекурсником автодорожного института, обожающим палатки, гитары и КСП. Потом Инна познакомила ее с Женей Бойтманом. Тот привел блондинку с разбитым сердцем туда, где лежал человек в трусах, не шурящийся от дыма торчащей из угла губ сигареты.

Затем грянул гром. Обнаружив, что деревенская протее дочери, страхась перепутать полотенца, вытирается купальным халатом, Лавинская-старшая потребовала от Вали, чтобы ее подруга ушла. Лавинский-старший, и без того утомленный дрязгами на работе, пробормотал:

– Да-да, пусть уходит.

– Хорошо, – сказала Валя.

И перебралась вместе с Нелей в общежитие.

Однажды февральским вечером Вера услышала оглушительный грохот. Кажется, кто-то уронил дяди-Сашино весло. Открыв дверь, она включила свет в коридоре, где, согласно пожеланиям экономого дяди Саши, обычно царил мудрый непроницаемый мрак. Так и есть. Лампочка под низким выкрашенным синей краской потолком осветила застывшую над оплетенным сетью веслом незнакомку.

– Вы Вера?

– Да.

– Можно с вами поговорить?

Вера посторонилась, пропуская женщину в комнату.

Мебели, кроме стола из картонных ящиков, в семействе Мамаев тогда не водилось. Поэтому Вера не предложила незнакомке сесть.

Норковая шляпа с изысканно загнутыми широкими полями бросала тень на ее лицо. Видимо, почувствовав духоту, дама стащила перчатку и распахнула шубу из чернубурки. На шее заблестели три золотые цепочки, перстень и кольца на пальцах. По стране катилась волна невыплат зарплат.

– Я мама Вали Лавинской, – сообщила дама. – Я знаю, – нетерпеливо продолжала она, – вы имеете влияние на мою дочь. Она о вас много рассказывала.

Из-за печки на четвереньках выполз трехлетний Иван, своей статью и мощью похожий на десятилетнего. В руке кочерга, во рту пряник. Мельком взглянув на чужачку, уселся к ней спиной на полу и остался недвижим.

– Вам известна такая – Неля Негрун?

– Да, конечно.

– Так вот, я прошу вас передать Вале, что если эта... эта... ей дороже, чем отец и мать...

Дама, горестно приподняв брови, полезла в сумочку за платочком.

Валя при первой же встрече, взглянув на Веру, утвердительно произнесла:

– Она у тебя была.

– Просила на тебя повлиять.

– Ну, так влияй.

– Мне ее жалко.

– Мне тоже жалко. И отца. Я их люблю. Но Нелька... Как можно было приставать к ней с этими глупыми полотенцами!

Видя, что Вера не очень понимает ее, Лавинская, оборвав себя, перевела разговор на другую тему. У Нели были удивленные «оленьи» глаза и два сросшихся пальца на правой ноге. Когда о чем-то задумывалась, Валина подруга начинала сопеть. Вот и все. Это было священо, а все остальные могли убираться к черту.

И время от времени Валя с Нелей появлялись на Верином жизненном горизонте – поздравить с маленьким. Подарить годовалому Ивану надувного карпа, Вере – испеченный по рецепту из календаря ванильный пирог, Мамаю – пенку для бритья. И вновь пропасть на два-три месяца. И неожиданно опять появиться... И выяснилось, что со старой квартиры эти неразлучные съехали и теперь снимают «однушку» у черта на куличках. А главная медсестра реанимационного отделения, где Валя с Нелей работали, выжила, своего не упустит, но за медсестер горой, и свои гроши они получали исправно. Обе словно не замечали на Вере того же самого платья, что и три года назад. Потолка в щелях. Заткнутого подушкой разбитого окна. Вот дверь распахнулась, втащили Георгия, положили на пол у печки, подвигают к нему угольное ведро.

Проводив принесших халву, печенье и рассказавших о встречах с Продаником и Пузиковым подруг, Вера некоторое время расхаживала по гигантской, с колоннами, гостиной, думая об услышанном. «И что вы теперь будете делать?» – «Ничего! Рожать».

Из-за окон ампирного особняка конезаводчика, давно канувшего в Лету, раздавались голоса мальчишек, играющих во дворе. Среди них Вера различила голос сына.

Тень кленовой листвы дрожала на полу, на лежащем в межоконном простенке Мамае.

Склонившись, Вера вгляделась в мужа, будто впервые видя его.

– Горик, – как бы разговаривая сама с собой, произнесла она, – если тебя принесут еще раз, я уйду.

Георгий, качающийся в сетях хмельного забытья, не мог слышать голос жены. Но услышал донесшийся откуда-то издали звук, затихающий, слабый, словно в глухом лесу хрустнула ветка.

И хруст этот Мамай после не мог забыть всю свою жизнь.

СКРИПАЧКА

Ксюхе было уже шестнадцать. С пяти она держала в руках скрипку и оказалась бездарна.

Тетки Лиза и Елена души не чаяли в этой своей племяннице, дочке младшего брата. Добились, чтобы она занималась в классе Морейского. И сей лучший в О. скрипач, одинаково играющий Моцарта и Прокофьева, выучил Ксюху пикировать на четырех струнах.

Пользуясь своими связями (муж Елены много лет директорствовал в городской филармонии), тетки проталкивали племяншку на конкурсы. Оттуда она поначалу привозила премии.

Ларчик открывался просто: у мужа Елены, которого звали Овадий Савич, было много знакомств в музыкальных кругах. Но, когда между Овадием Савичем и губернатором возникли недоразумения и мужа Елены сняли с директоров, Ксюха начала приезжать с конкурсов в расстроенных чувствах. Она швыряла свою скрипку о стену и, пожимая могучими плечами, басила:

– Ма, за что я не видела детства?!

– Бедняжка, – лепетала Лиза, – душа разрывается глядеть, как эти продажные деятели в жюри тебя топчут...

– Да, – с носом, полным слез, вступала Елена, – это ужас, что на конкурсах творится...

Ирина (Ксюхина мать) подозрительно смотрела на сестер бывшего мужа. Ей казалось, что она уже когда-то от них нечто подобное слышала.

Затем в О. приехала Мария Изюмова. В кои веки Мамай повел жену на скрипачку, которую знал, когда та еще не была лауреатом междуна-

родных конкурсов и солисткой Чикагского симфонического оркестра.

Дело было в лучшем на свете городе Ташкенте, и Мамай, в погонах и лампасах василькового цвета, на новогоднем балу в актовом зале суворовского училища танцевал вальс со своей ровесницей, третьеклассницей Машей.

Вскоре она поступила в Гнесинское и перебралась вместе с родителями в столицу. Но написала Георгию на адрес училища письмо. В ответ он отправил ей свое, с рисунком сражения. После этого переписка заглохла.

Пятнадцать лет спустя, будучи в московской командировке, Мамай увидел афишу Изюмовой. Мария, как ни странно, помнила суворовца. И гром вальса, исполняемого военным духовым оркестром. И громадную ель, обвешанную гирляндами и хлопушками. И свое ощущение глупой, радостной, дикой сказки. Поговорив обо всем этом, скрипачка-прима и старший лейтенант о-ского угро расстались.

...Изюмова заметила Георгия, сидящего с Верой в первом ряду, и во время перерыва через администратора пригласила зайти после концерта в примерку.

Мамай выбежал из о-ского концертного зала, поймав такси, помчался к своему бывшему шоферу Васе. Тот, как всегда вечером, находился в казино. У Васи открылся дремавший много лет талант биржевого игрока. Заработанные на бирже деньги он спускал в рулетку. Так Вася достигал ощущения полноты жизни. Васей было проиграно три квартиры и восемь машин. Жены у него не держались. Но денег – полные карманы. Вася безоговорочно ссудил Мамаю пару десятков тысяч рублей.

После того как отгремели орации, Георгий повел Марию и Веру в «Монплеизир», благо, до него от концертного зала не более сотни шагов. Августовские вечера в О. бывают прохладны. На плечах – Марии горжетка из голубой норки. Концертное платье она сменила на блузку и юбку серого шелка «от кутюр». Но, конечно, не затмила Веры, облаченной в купленный на рынке брючный костюм.

В «Монплеизире» гуляла именинница – арбитражный судья Клава Аглоктова. Она училась в Высшей школе милиции на одном курсе с Мамаем и, увидев вошедшего в ресторан Георгия, закричала:

– Мамай, ты меня любишь?!

За все время учебы с Клавой, широколицей, плоскогрудой троечницей, отличник и мастер

спорта СССР по офицерскому троеборью не сказал двух слов.

– Я тебя обожаю!!! – закричал Георгий в ответ.

Клава захохотала и, обернувшись к сидящему рядом с нею вечному полковнику Трилунному, о чем-то оживленно заговорила с ним, больше не обращая на Мамаю внимания.

Мария не ела почти ничего, только попробовала. Кухню «Монплеизир» нашла вполне европейской. Пригубила из бокала красного вина. Самолет ее вылетал в три часа ночи.

Пройдясь от «Монплеизира» до моста на Пролетарской площади, остановили такси и прибыли в аэропорт за два часа до вылета.

Багаж Изюмовой ее администратор, поляк, не говоривший по-русски и объяснявшийся с Марией на плохом английском, уже доставил. И сидел в аэропортовском баре на втором этаже, потягивая пиво.

Устроившись за столиком неподалеку, Мария, Вера и Мамай заказали кофе.

Между прочим узнав, что дочь Мамаю идет по классу скрипки, Мария на секунду отвела взгляд, и на лице ее мелькнуло отчужденное выражение. За витринным окном, куда она смотрела, бесшумно барражировали, помигивая зелеными и красными огоньками, эти исполинские металлические бочки, которые, казалось, никакая сила не способна заставить подняться в воздух.

У Веры, непривычной к ночным посиделкам, начала болеть голова. Перестав слушать скрипачку, она ждала, когда пассажиров пригласят на посадку и можно будет оставить здание, где так холодно из-за кондиционеров и глаза режет яркий свет. И о Ваньке, впервые оставленном ночевать в пустой квартире, думала она. Ей вдруг стало тревожно.

Изюмова рассказывала о том, что хороших музыкантов столько, что мир не в состоянии их «переварить». Вот сейчас она прилетает в Москву и пересаживается на самолет в Цюрих. И сразу по прилету – концерт. Из Цюриха поездом в Вену. Оттуда в Стокгольм. Затем на пароме в Лондон. Это расписание всего лишь одной недели. Никого не интересует, когда ты ешь и спишь. А Ксюха, что ж, будет еще один преподаватель музыки в средней школе.

При прощании у входа в «накопитель» Мария, неожиданно растерянно улыбнувшись, сказала:

– Не забывают меня.

– Мне кажется, я больше никогда ее не увижу, – вырвалось у Георгия, когда уже входили в подъезд.

Вере послышались в его голосе слезы. Но Мамай всегда был сентиментален. Голова раскалывалась. Какая-то странная тревога не проходила. Вдруг Веру осенило: от мужа не пахнет спиртным!

На лестничной площадке, загаженной окурками, Вера взяла Георгия за руку, повернула к себе.

– Спасибо за этот вечер, – произнесла она, думая: «Господи...»

О встрече брата с Изюмовой каким-то образом стало известно Лизе с Еленой. Их впечатление от этого оказалось двояким.

С одной стороны, они поспешили передать племяннице приговор звезды Чикагского симфонического, с другой – испытывали горечь.

Ведь в день встречи Мамаев со скрипачкой выяснилось, что произошло противное чудо: их братца угораздило бросить пить.

НОЧНОЙ ГОСТЬ

К Мамаю обратился полковник Трилунный. Он не стал ходить вокруг да около. И Мамай не стал. Чего ему жалеть жирных котов. Все-таки он хороший юрист. А Клава Аглоткова сделала ему рекламу. За что ей – серьги с бриллиантами. Вполне достаточно. Мамай не арбитражный судья.

Получив от полковника Трилунного свой процент, Георгий выкупил квартиру в ампирном особняке.

И с тех пор Трилунный Мамай не забывал. К тому же и жил по соседству, в шестнадцатизатальной башне на набережной, расположенной окна в окна с ампирным особняком.

Жена полковника (четвертая по счету) Аза, подружилась с Верой. Смуглая, похожая на мулатку, с родинками над верхней губой, она говорила, что в ней есть цыганская кровь.

Как-то сразу доверившись Вере, Аза принялась посвящать ее в подробности своего жителя с Трилунным.

Обычно полковник возвращался под утро. Телохранитель сопровождал его до дверей. Когда Трилунный запирался изнутри, телохранитель уходил. Некоторое время муж стоял перед запертой входной дверью с опущенной головой.

Затем: «Аза, ты спишь?» – раздавался в тишине голос человека, с которым лучше не связываться.

Разбуженная, Аза видела и слышала все, что происходит в квартире, но, затаившись под одеялом, сохраняла молчание.

Не дождавшись ответа, полковник начинал раздеваться. В одних носках, с пистолетом в руке, мелькнув в створе приоткрытой двери спальни, скрывался в ванной. Аза, уже зная по опыту, что муж будет бесконечно скоблиться и чиститься и с бритвой охотиться за очередным несанкционированно произросшим на полковничьем теле волоском, закрывала глаза.

И просыпалась вновь с ощущением ужаса. Трилунный нависал над ней. До него мужем двадцатилетней Азы был Петя Скачилов. Он утонул в Иртыше. Хотя Аза была уверена: его убили. Так вот, Петя тоже убивал. Как и Трилунный. Однако Скачилову в голову не пришло бы то, что порой приходило в голову полковнику!

До Веры просто не доходил смысл рассказов смуглокожей красавицы. Но когда дошел, Ванька уже учился в самой дорогой городской гимназии и тренировался в хоккейной школе о-ского знаменитого клуба «Белые медведи».

Когда летели в Венецию первый раз, Вера думала, что все происходящее нереально. Нет на свете никакой Венеции. Мир кончается за Семнадцатой Луговой.

Потом у них с Георгием появились любимые города в Европе.

Сестры Мамай вначале безмолвствовали. Шок. Фотографии Мамай и Веры на фоне европейских дворцов, пейзажей, развалин. Ванька, а за его спиной Египетские пирамиды. Вера, в закатанных до колен джинсах, с туфлями в руке, у кромки прибоя: нездешнее небо, вдали острова и Средиземное море лижет ступни сибирячки.

Затем уста отверзлись. Мамаю напомнили, что у него престарелая мать, живущая в «сталинке», не ремонтировавшейся лет тридцать, а он не вылезает из-за границ со своей выглядящей неприлично молодо женщиной!

Сестры не знали, в квартире на Пролетарской площади, 1, уже произведен ремонт. Мамай на пару недель перевез мать на съемную квартиру, напустил на ее «двушку» молчаливо-сосредоточенную, мотивированную и не делающую ни одного лишнего движения бригаду.

Лиза заезжала с дачи «подкинуть» матери вишен, яблок-ранет и любимых ею желтых хризантем, а точечные светильники освещали все

эти встроенные шкафы, ламинат, новейшую сантехнику и прочее.

– Что за секретность?! К чему эти широкие жесты?! В этом весь твой Горик!

Вера Прокофьевна к тому времени уже почти не слышала, и Лиза могла разорваться сколько ей угодно.

Муж Елены Овадий Савич ушел к другой. Как только мужчине перевалит за шестой десяток, он бросает все – воспоминания, отношения, общность судьбы и предпочитает морщинам и любящему сердцу упругость ягодиц какой-нибудь молоденькой дряни. Это прямо какая-то напасть.

Вот и сосед Мамаев по лестничной клетке, профессор университета на пенсии, ушел от своей Ирины Антиповны, бывшего лучшего городского педиатра, по тому же адресу. А к Ирине Антиповне вселился внук, восемнадцатилетний наркоман Эдик.

Вначале он залепил жвачкой глазок в дверях квартиры Мамаев. Затем сломал бабушке руку.

Ирина Антиповна, похудевшая, но улыбающаяся по-прежнему так, словно перед ней ребенок, а она тетя в белом халате, пришла к Мамаям попросить хлеба.

– Что у вас с рукой? – поинтересовался Георгий.

Всплакнув, Ирина Антиповна рассказала все как есть. Эдик потребовал у нее пенсию, она не дала. Внук начал выворачивать ей руку, в которой она зажала свои рублишки, но немного не рассчитал. А так он добрый мальчик.

Повстречавшись во дворе с этим добряком, Мамай был краток:

– Еще раз тронешь бабушку – посажу.

– Все понял, Георгий Иванович!

Ночью Мамаи проснулись от грома музыки. Георгий, схватив пульт, включил висящую в кухне плазменную панель. Видеокамера, замаскированная в стене подъезда, передала на телевизор изображение Эдика и троих его друзей, голышом скачущих под хеви-метал на лестничной площадке.

– Горик, не надо, – взмолилась Вера.

Но Мамай, лязгнув запором, уже распахнул стальную дверь. Эдик и его кореша брызнули по ступенькам вниз...

– Ты только скажи, – бросил своему юристу Трилунный.

Ночь. Вставленная в раму ампириного окна луна освещала возвышающуюся над Иртышом башню, где жил полковник. Вера и Иван спали.

Спали и рыжий чау-чау Тимоха, и черная английская кошка Маргарита.

А Трилунный с юристом, расположившись в огромной мамаевской кухне на красном диване, курили, пили кофе. На плазменной панели бесшумно (выключен звук) мелькали движущиеся цветные картинки. Полковник, подавшись к сидящему на краешке дивана Георгию, говорил, говорил.

– Зачем ты мне это рассказываешь?! – вдруг перебил Мамай, думая: «Взять из сейфа СКС и...»

– А я знаю, что дальше тебя это не просочится.

Полковник приходил по ночам, высокий, два двадцать, похожий на баскетболиста. Черная кожаная куртка. Черные волосы до плеч. Областным УВД рулил генерал Бурджалов. Он строго следил за тем, чтобы кейсы привозили ему на дачу каждую субботу. А все остальное его не интересовало.

– Опять притаскивался, – поутру видя под глазами мужа синеву, констатировала Вера.

Но зато на свете была Венеция и тот маленький отель у Моста Вздохов, хозяин которого всякий раз при виде Веры с Георгием улыбался радостно и широко, а когда они покидали отель, обнимал их по очереди и плакал.

– Ты только скажи, – бросил Трилунный.

– Ничего, – медленно выпуская дым, произнес Мамай, – я сам разберусь.

Некоторое время полковник пристально глядел на своего юриста. Но думал, конечно, не о торчке, сломавшем старухе руку. В подъезде у дверей мамаевской квартиры скучал крепыш. Еще один такой же сидел во дворе в машине. Окна квартиры Трилунного были темны. Аза спала в спальне из белого дуба.

– Между вами что-то было?

– Нет. И не могло быть.

– Она тебе нравится?

– Красивая баба.

Когда за полковником закрывалась дверь, Мамай еще минут десять-пятнадцать стоял перед ней, чувствуя то же, что боксер после нокаута. То есть ничего. Даже не боль. А страх повторения подобной боли.

Но по мере того, как Трилунный (один крепыш шел рядом, второй рулил ползущим позади полковника автомобилем) удалялся к башне, Георгий почти избавился от страха.

Трилунному была известна эта способность Мамаев. Полковник придет ночью.

ЯКОРЬ

По весне на чердаке ампирного особняка обосновались бомжи. Сорвав замок с чердачной двери, прожили под кровлей, невидимые и бесшумные, довольно долго.

Их случайно увидел Вадик-худой (а был еще и Вадик-толстый) со второго этажа. Поздним вечером он зашел на кухню, чтобы согреть молока для прихворнувшего младшего ребенка, восьмимесячной дочки. В этот самый момент они и карабкались по пожарной лестнице, четверо засаленных субчиков с пластиковыми пакетами и рваными клетчатými сумками в зубах.

Вадик сразу позвонил 02. Наряд прибыл через десять минут. Но, распахнув чердачную дверь и посветив в нее – всего лишь мобильником, фонарей, видите ли, у них не водилось, менты отшатнулись. И, категорически отказавшись «туда лезть», покричали в колеблющиеся черной паутиной недра:

– Эй, есть тут кто?!

Ответа, разумеется, не было.

Поутру за Мамаем приехал белый «мерседес», шофер посигналил. Георгий, во фланелевом костюме, туфлях от Гуччи, с перекинутым через руку шелковым плащом, сбегая по лестнице, столкнулся с Вадиком-худым, выкатывающим из квартиры коляску с малышкой.

Через минуту Мамай уже находился на чердаке, чертя во все стороны лучом мощного кемпингового прибора.

Покойнический синеватый свет кусками вырывал из тьмы виды оплетенных черной паутиной стропил и загаженных птичьим пометом балок. Трупы голубей, мумифицировавшиеся и свеженькие, хрустели под ногами Мамаи.

Среди всей этой красоты были расстелены куски картона – лежбища, окруженные кучами окурков, пивных банок, винных бутылок, пустыми упаковками из-под майонеза, кетчупа, творожных сырков и прочей вкуснятины, подобранной на свалке.

Внизу вы целуете жену и учите уму-разуму сына, а у вас над головой совершается жизнь, смеющаяся над всем этим.

Покидая чердак, Мамай оставил на одном из расстеленных кусков картона надпись. Ее он сделал красным толстым фломастером, за которым не поленился спуститься вниз.

Надпись подействовала. Больше бомжами на чердаке не пахло.

– Что такое ты написал? – допытывалась Вера.

– Знаю слово, которым можно человека убить!

– Да ну тебя.

– Не веришь?

На город опускались апрельские сумерки, Мамаи, возвращаясь из Театра драмы, шли через сквер мимо фонтана. Спектакль оказался одним из тех, где главный герой – обнаженка. Вера сердилась на мужа: нашел, куда повести! Лучше бы в кино сходили.

– Думаешь, спасешься там от парней без штанов?

Помолчав, Вера повторила другим тоном:

– Так все-таки, что написал?

– Сейчас продемонстрирую тебе мощь слова.

И не успела Вера его задержать, как Мамай, спетлив к идущему навстречу мужчине с тщательно подбритыми усами, что-то ему сказал.

Вера успела подумать, что это довольно интересный тип, в нем есть что-то итальянское, в этот момент прохожий, взмахнув руками, брякнулся спиной в грязную лужу.

– Видала?! – радостно спросил Георгий, вернувшись к жене.

Оттолкнув нехоти развеселившегося супруга, Вера подбежала к упавшему.

– Вам плохо? Сейчас вызову скорую, – и не успела договорить, незнакомец, вдруг сграбастав ее, поцеловал в щеку, бормоча: – Поздравляю...

Через полчаса Вера, Мамай и «случайный прохожий» – друг детства Георгия Алексей Уранов, ходивший с ним в один детский сад до того, как Георгий отбыл на учебу в суворовское, сидели за столиком в «Монплезире». Менты и бандиты больше не заглядывали сюда, облюбовав более продвинутый «Корлеоне». А здесь встречались люди, ценившие негромкую музыку, вкусную еду.

Под ногами хрустел ледок, в небе мигали звезды, когда Вера с букетом роз и Георгий приближались к своему дому. Искося взглянув на палевые, свитые в тугие бутоны цветы, Вера призналась:

– Думала, забыл.

– С этими всеми делами станешь забывчив! Если честно – Лешка напомнил.

Никогда до этого вчера Вера не слышала об Уранове, и ей было странно, что ради столь оригинального поздравления Мамаев с очередной годовщиной свадьбы, Алексей вывалился в грязи и

выбросил свою дорогую плащевую куртку. Об этом Вера говорит мужу, не преминув добавить:

– Все-таки ты свинья!

– Лешка – мой якорь спасения, – пропустив «свинью» мимо ушей, пробормотал Георгий и хотел еще что-то добавить, но, вдруг смолкнув, зашарил в карманах.

– Язык проглотил?

– Черт, не могу найти ключей! А, вот они...

Это известная манера Мамаея уходить от объяснений того, чего он не хотел объяснять.

Больше с Урановым Вера никогда не увидится. До тех месяцев жизни Горика, когда друг детства появится вновь и будет с Мамаем уже ежедневно, до самого конца.

Алексей оказался из породы друзей, с которыми не о чем говорить. Нет никакой надобности их видеть. Они как Бог, который не нужен, если нам хорошо.

ДОМИК

Первая дача Мамаев находилась у подножия поперечно-полосатой трубы главной городской ТЭЦ.

Несмотря на то что листья растений на участке то и дело покрывал серебристый налет, Мамаи свою дачу любили. Ходили в ближний заросший изломанным березняком овраг за грибами. И Новый год встречали в дачном домике, окруженном покрытыми красной пылью сугробами.

Затем начались странности. Приглядев модную тряпочку, Вера просила у мужа денег. Мамаи отвечал, что денег нет.

– Па, тренер сказал, мне новые коньки нужны.

– Пока, сынок, нет денег.

Привыкшие уже к определенному изобилию стола, жена и сын Мамаея, нет, не хныкали от того, что теперь на каждый день были картошка и макароны, но как-то притихли.

– У нас неприятности? – не дождавшись от мужа объяснений, спросила Вера.

– Все в порядке. Потерпи.

Ночью Вера, вдруг проснувшись, осторожно приподнялась и взглянула на лежащего рядом Георгия. Тот улыбался во сне.

– У него кто-то есть, – уверенно заявила Аза. – И тянет из него.

Села за руль подаренного полковником единственного в О. розового «хаммера» и повезла подругу к колдунье. Раскинув карты, та сказала: «У Мамаея любовница, молодая, красивая, хваткая». И что все разрешится на днях.

Буквально через три дня, Мамаи, посадив жену и сына в свою синюю «Тойоту-Камри», надавил на газ. «Тойота» понеслась через Пролетарскую площадь, по набережной вдоль Иртыша, мимо лачуг Порт-о-Пренса.

Вера приготовилась ко всему. В районе одного из самых престижных дачных поселков «Рассвет», расположенном в городской черте, на поросшей соснами песчаной дюне, Мамаи свернул.

Отличная дорога летела под колеса «тойоты». Еще один поворот. Слева мелькнул дом сторожа и поднятый шлагбаум.

Через двести метров Георгий затормозил. Справа возвышался двухэтажный бревенчатый терем под зеленой черепицей.

– Нравится? – кивнул на терем Мамаи. – Наш.

– Так вот куда пошли все деньги! – воскликнул Иван, и фраза эта стала в семье сакраментальной.

Георгий перевел недоуменный взгляд на жену, лицо которой было напряжено и бледно.

– Тебе нехорошо?

Вечером Мамаи отправились на пляж, благо, он был виден со второго этажа их новой дачи.

Георгий рассказывал по дороге о том, как обменял прежнюю дачу с новым кирпичным домом и банькой, на дощатый сарай, стоявший на нынешнем их участке. И – напустил на него молчаливо-сосредоточенную, мотивированную и не делающую ни одного лишнего движения бригаду.

...У всех троих: Георгия, Ивана, Веры – были мокрые после купания волосы. Вечернее солнышко не пекло, а ласково грело. Мамаи дымил и швырял на песок окурки. Иван незаметно для отца собирал их в жестянку из-под «пепси». Покидая пляж, он выбросил ее в мусорный бак, установленный на границе «Рассвета». По Иртышу носились катера и водные мотоциклы.

Вера улыбалась. Иногда ей удавалось скрывать свои чувства.

Студеным ноябрьским днем, по какому-то наитию, она приехала на троллейбусе к ТЭЦ. Пробралась через изломанный березняк по дну оврага. И, поднявшись из него, увидела за кочковатым, покрытым снежной крупой болотом перечеркнутый камышом рыжий домик. «Это всего лишь куча кирпича, – сказала Вера себе и подумала вдруг: – Жаль, что колдунья напутала».

ВАРИАНТ

Как-то у Мамаев выдалось несколько свободных дней, и он вместе с Верой махнул в Сочи. А у Мамаев на это время поселилась старшая сестра Веры Галина.

Химических завивок она больше не делала. Но разбитной осталась по-прежнему. Правда, качество это приняло какой-то хронический уклон, и вынести старшую сестру жены Мамаев больше двух минут не мог.

Галине на это было наплевать. В любой момент она могла приехать к Вере и, зная, что бесит Георгия, пересказывать сплетни десятого микрорайона, где обитала, при этом угощаясь какой-нибудь привезенной с собою бурдой (спиртного в доме Мамаев не водилось).

Вера жалела сестру, работающую продавцом на рынке и в одиночку тянущую Андрея. На три года старше Ивана, тот бросил школу, нигде не работал и посматривал по сторонам так, словно был уверен — в один прекрасный миг им будет найден на дороге кусок золота с лошадиною голову.

Итак, родители махнули в Сочи, а поскольку Ваньке выбиваться из графика тренировок в «Белых медведях» было нельзя и он оставался дома, Галина взялась для него готовить.

Вместе с матерью, конечно, появился сынок. Он лакал пиво, выбрасывая банки из окна кухни и цеплялся ко всем, кто проходил по двору. Никто не хотел связываться.

Иван исчезал из дома утром, возвращался вечером, не отведав теткиной стряпни, ложился спать.

На коньки он встал лишь в девять. Сперва Георгий играл с сыном в дворовой хоккейной коробке. На улице «сороковник», а Иван натягивает вратарскую экипировку. Подобное отношение к делу вызывало уважение к мальцу.

С багровой лысиной, в трех свитерах, Мамаев метался с клюшкой и шайбой по льду и щелкал по воротам так, что треск стоял.

С самого начала Иван решил, что будет только вратарем.

Однажды шайба угодила Ивану в коленную чашечку, щиток отстегнулся... Пацан не моргнул глазом. Отстояв до конца, уже в подъезде признался, что из-за боли в ноге не сможет подняться наверх.

На физиономии тренера детской команды «Медведей» читались усталость и скука. Еще один вундеркинд. Перед ледовым дворцом

«Арена» каждый день выстраивалась вереница дорогих иномарок, на которых отцы привозили своих чад. Натаскивания начинались в пять утра. Слезы, ушибы, ссадины, нежелание рано вставать и рано ложиться не принимались в расчет. На кону стояли миллионы долларов, жалость была неуместна.

Итак, в девять лет Иван оказался безнадежно стар. И хотя Мамаев был настойчив, но тренер, а вслед за ним и директор ДЮСШ качали головами так, как болгары, когда отвечают согласием.

В первый и последний раз Мамаев обратился к Трилунному. На следующий день Георгию позвонили из «Медведей» и поинтересовались, когда ему со своим сынишкой будет удобно пожаловать на просмотр.

Под смехи ровесников, обращавшихся с коньками и клюшками как боги, Иван выкатился на искусственный лед, оказавшийся слишком скользким. Чуть не упав, встал в воротах. Сидящий рядом с Мамаев у бортика председатель совета директоров команды нажал кнопку, включающую бешеную карусель.

Визг по льду лезвий бритв... мелькание троящихся в глазах клюшек... хлопанье невидимого бича... маленькие черные кометы — бомбардирующие дергающегося в створе ворот, как паяц на ниточках, Ивана.

— Он где-то занимался? — сквозь зубы спросил председатель.

— Со мной во дворе.

— Ну что ж, — с кислой улыбкой выдавил из себя главный тренер ДЮСШ, — вроде у парня есть данные. Возьмешь его к себе, Сергеич?

Тренер девятилеток после длинной паузы неохотно кивнул.

Мамаев ничего не понял. Иван оказался непробиваем. И что? Судя по всему, никого не интересовала такая драгоценность.

Смысл всех этих неохотных кивков и кислых улыбок стал Георгию ясен позднее. А сейчас, отвечая на вопросительный взгляд сына, ожидавшего его у выхода из офиса председателя, Мамаев сказал:

— Теперь не реви!

Ивану даже в голову не пришло реветь. Через пять лет он перейдет через Пролетарскую площадь, поднимется на пятый этаж и поставит на комод под тикающими трофейными ходиками, позолоченную статуэтку Третьяка.

Глядя на внука, Вера Прокофьевна пожмет плечами:

– Зачем ты мне эту штуку принес? Я все равно в этом ничего не понимаю.

Но статуэтка останется стоять на комод. И Лиза с Еленой, прибывшие поздравить мать с очередным юбилеем, увидев позолоченного Владислава, смолкнут на полуслове.

Обеим сделается очевидным, что в мире ничего невозможно понять. Племянника, который совсем не похож на спортсмена, с круглой кудрявой головою, толстыми ляжками, отметили как лучшего в своей возрастной категории вратаря страны.

Но вернемся к Георгию с Верой, улетевшим в Сочи. Во время катания с гор Вера подвернула ногу и осталась коротать вечер в гостиничном номере. А Мамай отправился в ресторан.

Накануне в бассейне Георгий обратил внимание на пузатого пловца, без усталости пахтающего кролем воду по обозначенной поплавами дорожке. Судя по седой бороде, пловцу было немало лет, а кроль – стиль затратный. Когда же этот неутомимый наконец выбрался по лесенке из воды и стащил резиновую шапочку, Мамай узнал Пашку, приятеля по училищу.

Бывшие однокорытники обнялись и прослезились. Полковник в отставке Консовский Павел Витальевич помнил Мамаю главным образом потому, что второго такого чудика не встречал.

После расформирования суворовского училища в Ташкенте воспитанников перевели в аналогичное учебное заведение в Свердловске. Там у суворовцев, как и везде в стране, погоны и лампасы были красного цвета. Поворчав, «ташкентские» принялись пришивать к своим гимнастеркам «краснуху». А Мамай встал на дыбы. Он категорически отказывался изменить своим васьковым лампасам и погонам. Дело дошло до того, что вопрос был поставлен ребром: либо идущий на золотую медаль воспитанник оставит придурь, либо загремит из училища! И Мамай загремел.

Как выяснилось, Консовский вышел в отставку. А служил в специальных войсках и участвовал во всех последних войнах. Здесь, на горнолыжном курорте, отдыхал в компании знакомых ветеранов. И вот Мамай оказался за одним столом с теми, кто нюхал порох.

Среди них выделялся один, не внешностью, не одеждой. Отношением к нему всех остальных. Мамай затруднился бы определить, в чем была особенность этого отношения. Что-то поч-

ти неуловимое. Смесь уважения, интереса, безразличия.

Когда наступил его черед рассказывать, все прекратили есть. Но, взглянув на Мамаю, рассказчик запнулся.

– У нас тут гражданский.

– Да нет, – встрял Павел, – он опер, мент.

– Точно опер? Не следователь?

Убедившись в том, что Мамай среди посвященных, отставной офицер продолжил рассказ о том, как наши убивают за границей. Дело, как выяснилось, иногда растягивающееся на многие годы. Вот и рассказчик прикончил лишь одного человека в своей жизни. Но, чтобы сделать это, понадобилось прожить в далекой и жаркой стране почти тридцать лет.

Когда Мамай возвратились в О., Галина встретила их проклятиями. Оказалось, ее Андрей снюхался с Эдиком. Новоиспеченные приятели отправились в ночной клуб. Познакомились с двумя девушками. Пригласили их к Эдику, поскольку Ирина Антиповна ночевала на Левом берегу у престарелого занемогшего брата. И, пока Эдик накачивал в гостиной одну из девушек «Балтикой», Андрей затащил другую в профессорский кабинет. Девушка уверяет, что кричала и звала на помощь. Но Галина не слышала криков. Утром приехала милиция, забрала Андрея и покрывало с профессорской тахты.

К обеду Мамай уже знал все подробности. Повидался с ведущим дело следователем и потерпевшей. И привез Галине (она тянула свой баночный коктейль на диване в мамаевской кухне) неутешительное известие: отпрыску светит «семерик». Девушка из приличной семьи и отказывается взять деньги.

Вера в спальне разговаривала по мобильному с Иваном, летящим на соревнования в Пермь. Судя по обрывкам разговора, юные «Медведи» вскоре приземлятся в аэропорту.

– Из приличной, – вскочив, выкрикнула Галина, – по ночным клубам не ходят!

«Если девка – потаскуха, это не повод для того, чтобы бить ее головой об стену», – хотел возразить Мамай, но, взглянув на Галину, промолчал.

Так же, как и о том, что пытался уговорить выглядящую на удивление скромной шатенку, написать заявление о том, что насильников было двое. Выслушав рассказ о проделках Эдика, продолжающего втихаря дубасить старуху, девушка вздохнула:

– Парень – урод. Но ко мне не прикасался.

Таким образом, представившийся было вариант поставить в стойло профессорского внука отпал.

Галина удалилась, хлопнув дверью. На кухню, где курил Мамай, вошла Вера. За нею, хвостиками, Тимоха и Маргарита.

Накладывая им еды в миски, Вера сетовала:

– Из-за всей кутерьмы не успела вас с утра покормить, – по голосу чувствовалось, что очень расстроена.

Выпуская дым в форточку, Мамай смотрел на шестнадцатизатяжную башню, где обитало чудовище, вспоминал разговор в сочинском ресторане и думал о том, что убийство, конечно же, самое человеческое из всех преступлений.

КУВШИН

Бросив пить, Мамай сделался сладкоежкой. Клиентура его росла. Погружаясь в тонкости того или иного дела (обычно это происходило за столом на кухне), Георгий, в расстегнутой до пояса спортивной куртке, босой, с очками на носу, изучая бумаги, отколупывал вилкой куски от стоящего по правую руку шоколадного торта.

Клиенты неизменно попадали под этот тон и тоже отколупывали от торта. Хотя сначала, конечно, отказывались, уверяя, что находятся на диете.

Даже из Питера прилетал, чтобы поковырять в торте, Слава Чумандрин. У себя в северной столице он имел репутацию кремь-мужика. Но, едва оказываясь на мамаевской кухне, становился нервен, криклив. Наперегонки с Мамаем навеваясь ложечкой к кондитерскому изданию, Слава перечислял обиды. Список был до Луны.

Доставая из холодильника очередной шоколадно-бисквитный кирпич, Георгий пытался объяснить питерскому гостю, что визиты к тем, кто фигурирует в списке, могут оказаться затратны. Прежде всего, по времени. Ну, и в копейку могут влететь. Ведь с пустыми руками к фигуранту не явишься. Нужен, хотя бы скромный, подарок. А давно Слава был в последний раз в магазине? Там цены такие, что хочется плюнуть на все и уехать в Венецию.

Слава начинал кричать, что предпочитает Америку, куда его не пускают! А Европа у него уже в печенках!

Мамай, сморщившись, словно страшно обжегся, и резко махнув рукой, кричал в ответ, что

Чумандрин мнителен, как баба! Оппонент всего лишь плюнул ему в лицо, а Слава, уже вообразив невесту что, желает оппоненту наихудшего!

Крики из-за закрытой кухонной двери слышала Вера. И вначале холодела, догадываясь, о чем речь. Потом стала заставлять себя не слышать.

Муж говорил ей: «По сравнению со Славой, покойник Трилунный – Рыцарь печального образа».

Да, полковник был мертв. В последнее время он с каким-то странным энтузиазмом хотел приобщить своего юриста к охоте. Мамай когда-то выслеживал людей. Но к забавам со стрельбой по зверям и птицам оказался равнодушен.

И к равнодушию прибавилось лишь отвращение за те полтора года, что Георгий таскался вместе с Трилунным по лесам и болотам.

Егеря выгоняли кабана на засаду. Полчаса не умолкали полуавтоматы, бескурковки и помпы. После этого на зверя невозможно было смотреть.

Наконец под гром канонады (шестнадцать стрелков палили по выскочившей из-за молодых березок косуле) кто-то, не оставивший визитки, вцепил Трилунному пулю в затылок.

На память о днях охоты с полковником у Мамаи остались в сейфе четыре гладкоствольных ружья и нарезной карабин.

Аза, едва успев стать вдовой, закрутила с девятнадцатилетним студентом, белобрысым малым в коротком стильном пальто и высоких сапогах.

Вдова спланировала совместную с полковником дочь-шестилетку к матери, и после этого соседи начали упрекать Азу за то, что ночи напролет по ее квартире носятся люди, обутые в наковальни. Аза обещала, что больше не повторится. Но повторялось вновь и вновь.

Вера, серьезно относившаяся к таким вещам, как дружба, пыталась поговорить со смуглянкой, у которой губы распухли и рдели. Разговоры были из разряда «он мальчишка, у тебя с ним нет будущего».

Стремясь уберечь подругу от грядущей душевной боли, Вера проявила настойчивость. В этом была ошибка. Тридцатидвухлетняя закусившая удила вдова решила: жена Мамаи положила глаз на ее сокровище.

– Как это глупо! – вырывалось у Веры.

Да, страсть, как и поэзия, глуповата. Но после этого все отношения между Верой и Азой были закончены.

Валя Лавинская и Неля Негрун, лежа в одном родильном доме, с разницей в несколько часов разрешились, обе мальчиками.

Проданик и Пузиков, говорят, были замечены в этот период в районе родильного дома. Даже якобы они принесли – Проданик Вале красные гвоздики, а Пузиков Неле нарциссы. Сами роженницы факт этот ни подтверждали, ни отрицали, помня, что у стоматологов семьи.

После этого оба отца исчезли вновь. А Валя и Неля, между собой окрестив Проданика и Пузикова Софронычем и Кузьмичом (по их отчествам), начали воспитывать потомство.

Валин сын Васька своей гиперактивностью сводил всех с ума. Временами Валя видела вместо сына какой-то разноцветный крутящийся шар. Стоило в него сунуть руку, как Васька тут же появлялся перед родительницей: в ее единственной и хранящейся как зеница ока песцовой шапке, тщательно измазанной вишневым вареньем.

– Яхищникпротивтерминатора, получилранениевбашку!!!

– Во-первых, не в башку, а в голову, – ровным голосом (ее вообще было трудно вывести из себя) поправляла Валя. – Во-вторых, не кричи так, разговаривай нормально. В третьих...

Но уже изнемогший от стояния на месте ребенок вновь превращался в шар. Даже спал Васька с открытыми глазами и, поутру вскакивая с постели, не терял времени, как все остальные, на то, чтоб открывать глаза.

Неля была бы счастлива, если бы хоть малая толика Васьки вселилась в ее Егора. Мальчик родился слабым и ник с каждым днем. И слово «лейкемия» было произнесено. Вначале районным врачом. Затем диагноз подтвердил лучший в городе специалист по такого рода болячкам – молодой Захар Бойтман (троюродный племянник Жени).

Неля тут же кинулась к Кузьмичу. Ей удалось перехватить его (на Нелины звонки он не отвечал) у выхода с места работы – одной из самых престижных стоматологических клиник. Пузиков, его и звали вдобавок Кузьма, выглядел утомленным донельзя, спешил.

Они прошагали с Нелей квартал до автомастерской, куда стоматолог загнал для доводки свой новенький «Фольксваген-Поло». Мельком взглянув на бывшую любовницу (подурнела и одета в дешевку), всю остальную дорогу Пузиков прошагал с опущенной головой.

Прощаясь у дверей автомастерской с Нелей, буркнул, по-прежнему не глядя на нее:

– Зачем так назвала? Егор! Будет Егор Кузьмич, как Лигачев.

У Нели перед глазами все плыло. Ее сын умирал. Какой еще Лигачев? Она не помнила этого деятеля ЦК КПСС. И никто его, кроме Пузикова, не помнил.

Сказав, что ничем не может помочь, стоматолог ретировался. Неля оказывалась со своим Егором Кузьмичом перед приготовившимся к прыжку людоедом.

Людоед не пугает, убивает. Слезами и мольбами его не проймешь. Медсестра реанимационного отделения слишком хорошо знала все это.

– Я с тобой, – сказала ей Валя.

– Знаю, – откликнулась Неля и, как всегда, когда о чем-то задумывалась, принялась сопеть.

«Отдала бы все за сопение, за вечно встревоженные глаза, за два сросшихся пальца», – мысленно повторяла Валя и понимала: кроме своей дружбы ей нечего Неле дать. Главная сестра реанимационного отделения, где подруги трудились, ежегодно меняла в своей «трешке» мебель, а всем остальным разрешалось только одно – работать на две ставки.

Мамай заметил заплаканные глаза у жены, спросил, в чем дело.

Были в прошлом каша, подогретая на сковородке, и Мамай на полу возле печи. В нынешней жизни Веры Валя с Нелей чувствовали свою неуместность. Встречи стали еще реже. Мамай не видел подруг жены по медучилищу давным-давно. А Вера сегодня случайно пересеклась с Нелей в центральной аптеке. По дороге от массажистки зашла туда, чтобы купить аскорбинку. Поцеловалась с Нелей, защебетала и вдруг осеклась, увидев, какие препараты покупает подруга. Отсчет на месяцы кончился, пошел на дни.

Реакция у Мамаева была прежней. Он не спал всю ночь, но к утру его недавно взятый в салоне серебристый «Ленд Крузер» ушел за полцены.

Когда, развернув целлофан и обнаружив евро, Неля произнесла: «Спасибо», – Мамай, словно страшно обжегся, поморщился и махнул рукой.

В мае, когда по Иртышу плыли льдины, а в городе пахло гарью от горящих лесов, умерла Маргарита. Тимоха за ней.

Египетская колдунья, к которой завернули во время летнего отдыха в Каире Георгий и Вера, раскинув карты, сказала:

– У вас были собака и кошка. Теперь их нет. Собака и кошка – астральные воины, они приняли удар, направленный на хозяина.

Георгий и Вера шли по узкой каирской улочке, такой же, как и две тысячи лет назад. Лавочники и хозяева кофеен наперебой зазывали туристов к себе.

– Ерунда, – бросил Мамай. – Все это трюки. Собаки и кошки есть почти в каждой семье. И умирают рано или поздно.

– А откуда она знает, как зовут твою сестру?

– Смотри, какой кувшин! Давай купим.

И кувшин был куплен. Медный, с вытравленным на боку изображением сфинкса.

Когда Мамай не станет, Елена, равнодушная ко всякого рода металлическим безделушкам, заберет этот кувшин себе. Просто снимет с полки. А Вера не заметит. И никогда не вспомнит о нем.

БЕЗЕ

По квартирам ходила женщина в приталенном осеннем пальто, с завитыми на крупные бигуди волосами. Собирала подписи.

Уже немало подписей стояло под заявлением в милицию с требованием выслать из Сибири и этапировать к месту постоянного места жительства Пор Прамука.

Речь сборщицы подписей, живущей в кирпичной пятиэтажке напротив ампириного особняка, была взволнованна, но в общем сводилась к тому, что у себя на родине Пор Прамук разгуливал в набедренной повязке, ел крыс. И уже шестой месяц пошел, как, поселившись в нашем дворе, тайланец благоденствует, находя одежду и пищу на окрестных помойках.

Как-то Мамай, в февральских сумерках подходя со стороны Центрального пляжа к своему дому, заметил на задах его, в полуподвальном этаже, тусклый свет, брезжащий в забранных сеткой-рабицей окнах.

Поземка мела. С Иртыша налетел порывистый ветер, осыпая снежной крупой итальянское кожаное, на меху пальто, купленное Георгием на распродаже в Милане всего за четыре тысячи долларов. Достав из кармана ключ от квартиры, Георгий осторожно соскреб им иней и лед с оконного стекла. И, нагнувшись, приник к образовавшемуся глазку.

В потустороннем мире, на куче газет, наваленных на цементный пол заброшенного сортира, лежал человек с топорщащимися из-под

лыжной шапочки черными жесткими волосами, читая при свече российскую прессу. Мамай кольнуло чувство, похожее на зависть.

Войдя в подъезд, задержавшись на площадке второго этажа, Георгий, приложив замерзшие руки к висящей на стене батарее, попытался разобраться, чему такому он мог позавидовать. И понял.

Слушая, как шумит горячая вода в батарее, чувствуя, она ладони жжет, но не согревает, Георгий на месте Пор Прамука представлял себя. Отбросы, вши, жизнь в коллекторе или подвале – это не пугало Мамай. Не раз и не два в своей жизни он почти окончательно решал забраться в какой-нибудь проходящий товарняк и кануть. Не сделал. Не смог по тысяче разных мелких и крупных причин.

Внизу хлопнула металлическая дверь, кто-то начал топтать по лестнице.

Бесшумно и быстро поднявшись наверх, Георгий сунул ключ в дверной замок, вошел туда, где уют натянут зубами (вернее, усилиями трех бригад строителей) на прогнившие стены и пахнет женой, сыном, вкусной едой.

...Ставя свою подпись на бумаге с требованием о высылке, Мамай испытывал определенного рода облегчение. Исчезнет косоротый, хромо́й, в одеждах, стоящих от грязи коробом, искуситель.

Но через пару дней активистка, возглавившая движение против Пор Прамука, встретив Георгия во дворе, пожаловалась, что тайландский нелегал, выхватив у нее заявление, порвал его на кусочки. И придется начинать все сначала.

Поэтому, когда раздался странный звонок в дверь, словно тот, кто давил на кнопку, посылал хозяину квартиры импульс, говоривший: «Если только ты не подбежишь к двери галопом и рывком не распахнешь ее, я сдохну у твоего порога!!!», Мамай решил: опять активистка. У нее такая манера звонить.

Как был, в расстегнутой до пояса спортивной куртке, босой, дожевывая кусок торта, Георгий прошлепал в коридор, щелкнул засовом и распахнул дверь. Из-за нее показалась, точно, женщина в приталенном осеннем пальто, с завитыми в крупные кольца волосами. Но не активистка. Другая.

Вообще-то О. в феврале не то место, где ходят простоволосыми и в подобных пальто. Вероятно, это некая форма одежды для женщин, чья

личная жизнь дала трещину. Не сговариваясь, противница Пор Прамука, оставленная мужем и детьми из-за хронического пристрастия к алкоголю, и мать Жени Бойтмана выбрали облегающий и располагающий к простуде стиль.

Да, перед Мамаем стояла Женина мама.

На мамаевской кухне сидели четыре полковника, все преподаватели о-ской Высшей школы милиции. Расковыривая вилками шоколадную наполненную ломким кремом-безе пирамиду, пытались обнаружить лазейку в законе. В гостиной Вера разговаривала по телефону с сестрой. Спальня не совсем подходящее место для приема. Свежеотремонтированный кабинет юриста был засыпан кусками штукатурки – накануне обвалился потолок. Поэтому Георгий принял пришедшую в комнату сына.

Безе скрипел на его зубах, как толченное стекло, когда Мамай спросил у матери друга:

– Лея Лазаревна, что случилось?

А случилось то, что напасть, поразившая соседа-профессора и полковничью вдову, добралась до Жениного папы.

Разговор с ним у Мамаи происходил в столовке Кардиологического центра, что находится в старинной березовой роще, на западной окраине О. Из окна на девятнадцатом этаже открывался вид на уходящие в немыслимую даль немыслимые просторы. Папа сегодня провел уже две операции, на носу была третья, самая сложная.

– Вы думаете, я не понимаю, что произошло? Прекрасно понимаю. Лет через пять она меня бросит. И Лея примет меня. Потому что любит. И я ее люблю. И никогда не прощу себе, что доставил ей столько страданий. Ну, вот видите, я все понимаю.

Женин папа взглянул на часы и, поднявшись над своим обедом, к которому он так и не притронулся, развел противоестественно красивыми («Как у Женьки», – подумалось Мамаю) руками.

Спускаясь в лифте, Георгий поймал себя на том, что прислушивается к биению пульсов балансирующей рядом с ним на длинных ножках юной медички.

Поздним вечером она лежала с Мамаем на диване в одной из квартир, что сдаются на сутки. Как выяснилось, девушка – практикантка и, чтобы платить за учебу в медакадемии, иногда принимает приглашения на свидание от зрелых мужчин. Но Георгий ей просто понравился.

Квартира находилась в пятиэтажке, где живет сборщица подписей. И видны светящиеся окна мамаевской гостиной. Телефонный звонок. Мамай поднес к уху мобильник.

– Ты скоро?

– Уже еду, – откликнулся Георгий, глядя на угадывающийся за опущенными шторами Верин силуэт.

Заплатив проститутке тройную цену, Мамай вызвал такси и ушел.

Во дворе возле металлического гаража Вадика-худого стоял Пор Прамук. Гараж угловой, и это место было облюбовано тайландцем не случайно. Здесь высокая проходимость. А наличие неподалеку рюмочной и супермаркета, работающих допоздна, сулило дополнительные возможности.

Глядя на то, как прохожий, хорошо одетый мужчина лет тридцати, сует бродяге недопитую бутылку «Хайнеке», Мамай сказал себе: «Это сильнее меня». И впервые испытал темный ужас.

– Горик, что происходит? – спросила Вера месяца через три.

– Ничего.

На юную с тонкими ногами медичку, а также на несколько других, было истрачено все. Вместо Венеции Георгий с женой отправились в Египет. И там колдунья (Вера вернется к ней без мужа) назвала имена.

– Что происходит? – спросил Мамай.

– Ничего.

Самолет, вдавив пассажиров в спинки кресел, взлетел и, взяв курс, повел себя не так жестко.

Заметив, как побелели губы у Веры, Георгий решил: «До сих пор боится летать».

ЯД

У Мамаи першило в горле. И голос сделался сиплым. Вера уговаривала мужа показаться врачам. Георгий отмахивался. С работой было как с морем – приливы, отливы. Иногда семейство летало на уикэнды в Париж. А иногда, как в прежние времена, сидело на картошке. Поэтому требовалось ловить момент.

Лиза и Елена повадились в отсутствие брата (как они узнавали, что его дома нет, – загадка) навещать невестку. Учили ее жизни. Например:

– Ты свежа, молода, – начинала Лиза. – Нужно этим пользоваться!

– Найди себе мужчину с постоянным доходом, – расшифровывала Елена.

– А Горик?

Этот вопрос выводил сестер из себя. Они не понимали, что Вера в нем нашла. Человек без переносицы, без легкого, выросший в казарме.

– Кривоногий, – шипела Лиза.

– Плешивый, маленький и косой, – торопливо перечисляла Елена.

Вера, когда шла по улице с мужем, то и дело ловила женские взгляды. У Мамаю было качество, не стоящее ни копейки, но недостижимое для большинства, – какая-то небрежная эlegantность. Хоть в тапках он выступал, хоть в смокинге от Диора.

После визитов сестричек Вера, закулив, шла в ванную. Стояла под горячим душем с сигаретой в зубах.

– Что, опять приходили? – с порога интересовался Мамай.

– Сидели четыре часа.

– Чем угощала?

– Ядом.

Мамай грозил пальцем и говорил всегда одно и то же, не укладывающееся у Веры в голове:

– Они мудрые бабы.

Отцы называли главному тренеру молодежной команды «Медведей», перехватывали его у входа в ледовый дворец и в коридорах: «Почему мой сын сегодня не играл?!» Или: «Почему опять на воротах поставили Мамаю?!» Либо: «Один звонок Осе – будут крупные неприятности! Это я гарантирую».

Ося – Иосиф Лейберзон, живущий в Лондоне денежный мешок, обеспечивал существование «Медведей».

По осени, летя из Питера в Магадан, он остановился на один день в О. После усиленных совещаний с отцами города и области, Ося, как всегда, захотел самой шаблонной любви. Наготове была бригада из двенадцати лучших камелий Западной Сибири. Среди них знатный приезжий выбрал брюнетку со стрижкой каре, ту самую, с которой столкнулся Мамай в Кардиологическом центре.

В сентябрьских утренних сумерках вереница черных «мерседесов» выехала из ворот загородной резиденции «Озера» и понеслась по тракту к аэропорту. В одном из черных автомобилей находился Ося. Он поднес к уху мобильник. Сонный голос губернатора в трубке раздался:

– Доброе утро, Иосиф Давыдович!

– Витек, – опуская приветствия, бросил в трубку человек, начинавший с торговли солью и

достигший вершин, – я по поводу девочки. В общем так. Пентхаус, обставленный и упакованный техникой. Под окна – шестисотого мерина. Или нет, пятисотого хватит.

– Будут опять доставать, – сказал Мамай сыну, – сбрось маску, перчатки.

Во время очередной тренировки Руслан Кибарев и Стас Пазухин, отпрыски богатейших и знатнейших фамилий О., вновь принялись за свое. Исподтишка толкали голкипера клюшками, шептали гадости. Неожиданно сбросив перчатки и вратарскую маску, Иван пустил в ход кулаки.

Он терпел девять лет, с того самого дня, как отец, приведя его «на смотрины», больше в «Медведях» не показывался. Отцы Кибаревы, Пазухины и иже с ними, практически жили в клубе, даря тренерам туры на Филиппины и наборы мужской косметики. Поэтому Иван со своей золотой статуэткой сидел на скамье запасных, а в воротах стоял Макс Охота, сын владельца сети мебельных магазинов.

– Ведь команде нужен результат, – недоумевал Георгий. – Это спорт, здесь все на алтарь победы. Должны играть лучшие! Какой смысл выпускать Охоту и тех, остальных! В чем логика? Не понимаю.

Иван понимал, в чем логика. Но ничего не говорил отцу. Потому что знал, тот верит, спорт – единственная еще область, где все решает талант.

Случай с двумя нокдаунами рассматривался на тренерском совете. Ивана временно отстранили от тренировок. А Георгию позвонили отцы Кибарев и Пазухин и задали вопрос, знает ли Мамай, кто они такие? Мамай великолепно знал. В этом все дело.

А вот они не знали, кто он такой. Темный тип. Поэтому, когда Георгий на реплику: «Твой дурак еще в лес в багажнике не ездил», – бросил: «Ну, так свозите его, посмотрим, что будет», отцы предпочли за лучшее взять тайм-аут.

Вера попросила мужа смазать скрипучие дворовые качели, на которых, мешая ей спать, опять всю ночь качались алкаши.

Сунувшись в оружейный сейф за смазкой, Мамай обнаружил там мобильник, о котором, за всеми хоккейными страстями, забыл. На мобильнике «эсэмэска», отправленная два дня назад.

Через полчаса Георгий уже выходил из такси возле «Золотых Куполов». Ковровая дорожка на крыльце. Консьерж. Скоростной лифт. В пентха-

усе с видом на купола главного городского собора, брюнетка, суша волосы феном, сказала:

— Он хочет, чтобы я была ему как жена. Чтоб он мог позвонить мне из любой точки планеты, и я к нему прилетела. Прости.

Из-за окон, которые во всех рекламных проспектах представлены как звуконепроницаемые, несясь звон колоколов.

Бормоча: «Я боюсь видеокамер», брюнетка захлопнула за Мамаем входную дверь.

...На кухне сидел Сергеич, Ванькин тренер. Вера кормила его пиццей. Ванька, с необъятной ширины плечами, кудрявой головой, кидал об стену и ловил, не глядя, теннисный мячик.

— Только при клубе оставаться, — твердил, как заклинание, Сергеич, — при клубе, при клубе...

— И долго ему еще придется в запасных сидеть? — отвернувшись от форточки, куда выпускал дым, спросил Мамай.

— Это как решат. Только бы при клубе, при клубе...

— Как больно, — вырвалось у Георгия поздним вечером в спальне.

Он и Вера лежали под одним одеялом в кровати. Оба не спали. По потолку беззвучно переползали полосы света от фар проносящихся через Пролетарскую площадь автомобилей.

— Жалеешь, что его в это втравил?

— Жалею, — отозвался Мамай, думая: «Если позовет, поползу на коленях».

РАЗГОВОР

Что-то случилось с бригадой молчаливо-сосредоточенных, мотивированных и не делающих ни одного лишнего движения строителей. Последний ремонт, сделанный ими в квартире Мамаев, был из рук вон плох.

Вместо молчаливых и сосредоточенных, Георгий нанял других — разговорчивых, пьяных.

— Мы не пьющие, — уверял их бригадир. — Ведь пашем с утра допоздна. Это нас от усталости шатает.

Начинали они работу, впрочем, не так рано — в десять часов. Заканчивали в семь.

Мамай съездил, посмотрел объекты, на которых бригада сделала себе имя. И решил: черт с ним, пускай пьют.

Ранним июньским утром к подъезду ампирного особняка подкатили три грузовика, автобус с грузчиками. Через пару часов квартира на

верхнем этаже была пустой, и Мамай напустил на нее рукастых пьяниц.

Те принялись крушить и ломать прежний ремонт. А семейство Мамаев заняло позицию в съемной квартире над бывшим знаменитым рестораном «Сибирь». Так что, выходя на балкон, Вера Прокофьевна могла видеть и невестку, и внука, и сына. И раздавался телефонный звонок.

— Слушаю, ма!

— Ты зачем, дурак этаким, Резвцова читаешь? Лучше Караганова почитай, он под Прохоровкой ноги потерял! А Резвцов — штабист и фальсификатор.

— Ну и зрение у вас, товарищ полковник!

В последнее время Мамай и его мать увлеклись историей. Особенно новыми публикациями, касающимися Второй мировой.

Вера на новом месте чувствовала себя не очень. Стены оказались картонными. Вскоре в мельчайших подробностях была известна жизнь соседей слева и справа, наверху и внизу.

Лето выдалось знойным, а кондиционера не было. Вера ходила по квартире в купальнике, Георгий и Ванька в трусах.

Елена, в отсутствие брата, наведлась и сюда. При виде невестки в бикини гостью передернуло от отвращения, настолько ей была ненавистна телесная красота. Ведь из-за нее ушел из дома Овадий Савич.

Битый час Елена рассуждала о том, как неприлично в Верины годы иметь столь плоский живот и атласную кожу. И убралась, лишь когда солнце, перевалив за полдень, заглянуло в окна, устроив из съемной квартиры духовку.

Антон, пожилой Лизин сын, тоже выдал номер. Человек, с которым Вера виделась однажды на свадьбе, вдруг позвонил в дверь. Хотя через замочную скважину тянуло перегаром, Вера, накинув халатик, впустила нежданного родственника.

Мамай торчал на даче, выращивая и готовя малосольные огурцы, которые он съедал кастрюлями. Ванька отправился поплавать в бассейн. А сын Лизы рывком сбросил с себя рубаху.

Показалась впалая грудь и лишенные всяких признаков бицепсов руки. Вероятно, Веру рассчитывали сразить всем этим. Жена Мамаев выдернула из-под узлов первую, какая попалась, двустолку.

Антон исчез. Стволами «вертикалки» подняв с пола, Вера вышвырнула в окно рубаху. И за-

мерла, вдруг увидев себя в настенном зеркале: злая, потная, в руках двенадцатый калибр.

Чувствуя, что ее терпению наступает предел, Вера натягивает топ, бриджи и отправляется взглянуть на то, как идет работа.

...В квартире на верхнем этаже ампирного особняка стояла тишина. Кучи битого кирпича на полу, пустые бутылки, торчит электропроводка из ободранных стен.

Бригадир, сидя на корточках в углу мамаевской гостиной, спал. Почивал и его правая рука, некто Сема, но – лежа на грубо сбитых козлах. Из ванной, лишенной двери, доносился шум воды. Там под струями душа уснул самый молодой член бригады, метис с черной шевелюрой и синими глазами.

С этого дня Вера являлась в свою квартиру ежедневно, с утра. Через полчаса после ее прихода приезжала бригада на малиновой «Ниве» Семы. Строители, с надеждой взглянув вверх и увидев Веру, пугались и начинали с неестественной скоростью выгружать из машины свой инструмент.

Это изумительно, что могли делать эти трое всего лишь при помощи топора с выщербленным лезвием и заляпанной краской рукояткой, кувалды и, разумеется, перфоратора.

Под строгим взглядом хозяйки, напившись так, что не могли говорить, рабочие принимались за дело.

Жена Вадика-толстого, еще плотнее него, встретив на усыпанной строительным мусором лестничной клетке Веру, шипела ей в лицо:

– Я тебя ненавижу!

До этого отношения казались почти семейными. Даже угощали друг друга стряпней.

– Слушай, – столкнувшись с Мамаем во дворе, предупреждал Вадик-толстый, – если твои работы будут продолжать стук, я не знаю, что сделаю!

– Ну, убей их.

Толстяк, опешив, смолкал.

Затем Мамаям начали завозить новую мебель. Вадик-толстый, Вадик-худой, Костик, живущий на первом этаже, и их жены наблюдали за этим из окон.

– Зачем тебе еще один красный диван? – прогуливая волкодава возле хоккейной коробки и увидев проходящего мимо Георгия, окликнул его Костик.

– Столько мебели, – добавила его жена, удерживая на поводке рвущегося к Мамаю питбуля. – У вас же в квартире будет тесно!

Нагнувшись и трепля питбуля, умницу и добряка, по заливку, Георгий бросил:

– Сегодня еще встроенный шкаф привезут.

– Еще шкаф, – повторили супруги-собачники эхом.

Рядом с коробкой остановилась малиновая «нива». Оттуда показались бригадир, Сема и метис. Об этом красавце Мамаю известно, что мать его живет в деревне на границе с Казахстаном, а отец – проезжий чеченец.

Достав из маленькой кожаной сумочки пачку банкнот, Георгий расплатился со строителями.

На следующий день после переезда в квартире Мамаев устроили обыск. Приглашенные в качестве понятых Вадик-толстый и Вадик-худой топтались в коридоре, куда выходят двери всех четырех комнат и кухни.

Вадик-худой всем своим видом выражал соседям сочувствие и вообще дал понять, что стыдится своей роли.

Вадик-толстый, напротив, широко открытыми глазами провожал вытряхиваемые ментами из шкафов меха, шелка, кожу. Сосредоточенно наблюдал, как перфоратором вскрывается пол в сверкающей ванной. Как рука опера, распугивая золотых рыбок, орудует в аквариуме, наведываясь указательным пальцем в подводные гроты, пещеры и ворота замков.

Вдруг командующему парадом поднесли обнаруженный в кабинете знак «За профессиональное мастерство». Маленький майор-казах изумленно и недоверчиво перевел взгляд с переливающегося красной эмалью знака на Георгия.

– Так, значит, вы тот самый Мамай и есть? Я думал, однофамилец, – и вдруг губы майора растянулись улыбкой. – Слушайте, вы легенда, я учился на вас! Как вы взяли этого бычару Холева! Пальчики оближешь...

Ордер на обыск выдал главный областной прокурор. Частная предпринимательница Валерия Назаровна Жир написала заявление на Мамаю, похитившего у нее шесть миллионов рублей.

Мамай не знал никакой Жир. И никто не знал. А дело было в том, что генерал Бурджалов не получил последнего кейса.

Всем известно, что Мамай работал с Трилуным. Почему бы тому не доверить кейс своему юристу? Генерал так и решил.

Но затем выяснилось: кейс у Азы. А сама она в области, называемой Пелопонесс. И никакого прока Бурджалову от давно опустевшего кейса нет.

Неля, Валя, их Васька и Егор сидели на обставленной заказной мебелью кухне Мамаев, пили чай с испеченным Верой пирогом. Георгий в кабинете решал очередные дела со срочно прилетевшим Чумой (Славой Чумандриным). Ванька слушал музыку в своей комнате. Висящая на стене кухни плазменная панель передавала выпуск новостей. Вдруг в кадре появилась Аза. Стоя на фоне каких-то античных развалин, говорила о городе О. Там люди исчезают бесследно. Там отнимают успешный бизнес. Там сядят под надуманным предлогом.

– Там чудеса, там леший бродит, – вставил Васька и удивился, что никто не смеется.

– Горик, – вечером в спальне, расчесывая перед зеркалом волосы, предложила Вера, – давай уедем отсюда.

Мамай, спиной к жене сидящий на кровати в трусах, откликнулся:

– Давай.

И оба никогда больше не вспомнят об этом разговоре.

ПОЕЗДКИ

Отношения Мама с пьяной бригадой продолжались. Напущенные на дачу, бригадир, Сема и метис, прежде чем пустить в ход чудо-кувалду и волшебный топор, подвергли работу предыдущих спецов сокрушительной критике.

Оказалось, что двухэтажный дом из ангарской сосны стоит на неправильном фундаменте. И лак для яхт, которым Мамай в течение пяти лет каждую весну усердно покрывал наружные стены, годится только для внутренних работ. И зеленая краска на кровле из польской жести не держится и отлетает кусками оттого, что...

– Достаточно, – перебил Мамай. – Сделайте так, как нужно.

Взяв аванс, бригадир, Сема и метис, напившись до изумления, схватились за инструмент.

– Они дерут с тебя в десятикратном размере, – побывав на даче, сказала мужу Вера.

– Ты ничего не понимаешь в строительстве, – отрезал Георгий.

Однако вечером того же дня позвонил в дверь к Вадик-худому. Жена его Анжела гадала и держала салон здесь же, в соседней «однушке». Сам Вадик-худой нигде не работал, тетешкась с дочкой (она уже была первоклашкой) и играющим на тромбоне сыном.

Анжела с дочерью отправились на каток. Сын репетировал. Чтобы не мешать ему терзать

тромбон, Вадик предложил Мамаю поговорить в салоне.

В комнате, где стоял душный жар от свеч, горящих перед развешанными на стенах иконами, Георгий изложил суть дела, добавив:

– Они все хорошо делают. Но мне кажется, это столько не стоит.

Внимательно взглянув на соседа, Вадик-худой признался, что собирается вместе с семьей переезжать в Москву. О. – умирающий город. А Вадик и его жена Анжела хотят, чтобы у их детей было будущее. Особенно у сына. Он тромбонист от рождения. Анжела с Вадиком-худым собираются продать расположенную в центре О. «двушку», в которой живут, гараж, этот салон и переместиться в Северное Бирюлево. Там, в однокомнатной малометражке, они станут жить вчетвером. Сын будет каждый день ездить на занятия в Гнесинку. Два часа туда, два назад.

– Поехали, – говорит Мамай сыну.

– Куда вы? – спрашивает Вера.

– В Москву! В Москву!

Проводив мужа и сына, Вера, чтоб сразу не возвращаться в пустую квартиру, отправилась к матери. Та пекла пирожки с творогом, любимые внуком, собираясь к нему в колонию на Ямал.

– А Галка?

– Улетела в Турцию работать продавцом по контракту, – скороговоркой сообщила мать и с красным от жара лицом вытащила из духовки гремящий противень.

– Отец с тобой едет?

– Нет. Понимаешь, не может Андрею простить! Отправился вчера с Петровичем на рыбалку. На озеро Ик. Обещал привезти пелядь.

Вдруг прервав себя, мать начала жаловаться на зятя, припомнив как в прошлом году у себя на даче он, сидя на веранде с Чумандриным, о чем-то шептался с ним, поглядывая на тещу, приехавшую погостить.

– А потом эти два дурака принялись хохотать, – присовокупила мать и поинтересовалась: – Слышала, он там, на даче, развернулся! Камин строит?

– Уже построил, – ответила Вера рассеянно, думая: «Все куда-то едут, куда-то летят».

Третьяк сказал, что Иван – голкипер от рождения. Через месяц тот был зачислен в молодежную сборную знаменитого столичного клуба. На этом сказка кончается. Третьяк пожал плечами:

– Сделал все, что мог.

На кухне у Мамаев опять сидел Сергеич. Хвалил Верину пиццу. И не смотрел на Мамаю, когда сказал:

– Я предупреждал. Не послушали! Сорвали парня. В столице, что ж, дело известное! Тренерам – дай. Массажистам – дай. И далее по списку. Плюс квартира, питание, экипировка. Бедняки не играют в хоккей.

Эдик, профессорский внук, продул триста тысяч в карты. И не отдал долг.

Ночью Мамай, с очками на носу, сидел на кухне, разбирая бумаги, доставленные накануне курьером. На плазменной панели, где застыла черно-белая картинка подъезда, появились трое парней. Они поднимались по лестнице. В руках – ножи.

Стараясь не разбудить жену и сына, Мамай на цыпочках прокрался к сейфу, достал СКС.

Троица с ножами уже сгрудилась на лестничной клетке, разглядывая дверь квартиры напротив. Наблюдая в дверной глазок за ночными визитерами, Мамай решил: «Если Ирина Антипова не на даче, буду стрелять».

Об Эдике он не думал.

Минут десять парни с ножами топтались перед профессорской квартирой. Затем начали спускаться вниз.

Проходя по двору, тролица натолкнулась на Пор Прамука. Таиландец задремал, сидя на корточках у любимого своего гаража Вадика-худого. Не сумевшие дотянуться до профессорского внука картежники сорвали злость на бродяге.

Но Мамай до беспокойного соседа дотянуться смог. Операм, получившим информацию от бывшего коллеги, осталось только войти и оформить изъятие.

Осенью, когда полетели белые мухи, четыреста граммов героина были обнаружены в спальне Ирины Антиповны.

Она пустила в ход связи, но добилась лишь того, что внуку разрешили до оглашения приговора погулять на свободе.

Повстречавшись с Мамаем во дворе буквально накануне своей поездки в Коми, Эдик спросил:

– Это вам я обязан, Георгий Иванович?

– Мне.

– Но как вы узнали?!

В этот момент рядом с ними остановился черный «кайен», за рулем которого был один из братьев Кредо, Артур. Сын сестры генерала Бурджалова и король о-ской наркоторговли, на

счету которого десятки изнасилований и избиений, сигнализировал Мамаю.

Оставив вопрос без ответа, Мамай направился к джипу. Сел в него, «кайен» скрылся за углом.

ПОРОГ

Зима выдалась снежной. Никто не помнил такой. Снег шел и шел. Не выдержав его тяжести, сломался один из старых кленов, много лет просмотревший в окна гостиной Мамаев.

Вера, у которой после ухода Маргариты с Тимохой, стало появляться в глазах выражение застенчивой тоски, в ответ на предложение мужа завестись в доме какую-нибудь живность, качала головой:

– Никого здесь больше не будет.

Иван поступил в юридический колледж. Скорее по инерции, чем на что-то рассчитывая, ходил на платный каток. Стоял на воротах, предоставляя возможность лупить по ним всем желающим. Движения Мамаю-младшего были скупы и молниеносны. Никому не нужный непробиваемый вратарь.

С каким-то чувством вины перед сыном, Георгий подарил ему десять тысяч долларов.

Перед этим звонили и напоминали о годовой задолженности Мамаев за воду, электричество, газ, свет. Минувший год выдался тяжелым. Было много мелкой и срочной работы. И вот наконец удалось сделать кое-что для желающего расширить дело торговца коврами.

– Не надо, папа, – сказал Иван, но, взглянув на отца внимательнее, взял деньги и полетел с друзьями в Таиланд.

А Мамай с женой отправились на Рождество в Швейцарию.

Прокатались на санях, их мохноногие кони тащили в узких прорезанных бульдозерами снежных желобах. Выпили у камина шампанского. Георгий не притрагивался к вину, но с удовольствием смотрел, как пьет Вера. Станцевали вместе с другими постояльцами пряничного замка, где остановились, польку в красных колпаках.

В О. возвратились ночью. Город встретил снежными заносами на дорогах, морозом.

Выбравшись из такси, Мамай по колено в снегу побрели к подъезду. Легко, по-европейски одетые, с непокрытыми головами. Когда поднимались по лестнице, у Веры зуб не попадал на зуб.

На дверном коврикe сидела белая кошка. Передняя лапка сломана, на мордочке мука.

Только вошли в квартиру, как позвонил Иван. Прокричал в трубку, что билеты на прямой авиарейс распроданы, будет добираться на перекладных.

Георгий советовал дожидаться утра. Но Вера вызвала срочную ветеринарную помощь на дом. Через заносы пробился молодой Айболит. И, сделав кошке больно, вставил на место сломанную кость, наложил шину, посоветовал дать глистогонное, вымыть шампунем от блох и надеть специальный ошейник.

Прислушиваясь к тому, как Вера и врач переговариваются во временно превращенном в операционную коридоре, Мамай, дымя, расхаживал взад-вперед по кухне. Неясная тревога не покидала одного из лучших юристов О.

Решив, что дело в переутомлении, – долгий перелет, смена часовых поясов, а он не мальчик, Георгий уже намеревается сразу после ухода эскулапа принять ванну и завалиться спать. В этот момент волной кухню захлестнул запах гари, и из-за плитусов подняли головы черные извивающиеся змейки.

Распахнув входную дверь, Мамай тотчас хлопнул ее. На пороге стоял зловонный мрак.

...В накинутах на плечи лисьей шубке, с кошкой, прижатой к груди, Вера с Мамаем и Айболитом под крики пожарных: «Во избежание отравления выходите все на улицу из квартир!» спустились по усыпанной стеклянным крошечкам лестнице во двор.

Там столпились, глядя на закопченный фасад ампирного особняка, жильцы дома. Среди них Вадик-толстый, его жена, Костик со своей супругой. Костик удерживал на поводках помахивающих хвостами волкодава с питбулем. Супруга давилась слезами, твердя, что она спала, и – вдруг дым, начали бить окна в подъезде, она испугалась.

Стоящая здесь же, в толпе, старшая по дому, женщина пожилая и опытная, объясняла, что окна пожарные разбили для того, чтобы выпустить дым и, не удержавшись, фыркнула:

– Доколдовалась!

Жена Вадика-толстого подошла к Мамаям с известием: одна из свеч в салоне Анжелы упала на ковровую дорожку.

Вечером Георгий уже рассказывал жене подробности ночного переполоха. Горящая свеча, действительно, упала. Но не в салоне, и не на

ковровую дорожку. Одна из тринадцати постоянно горящих в напольном подсвечнике на кухне Анжелы свеч свалилась на мягкую китайскую игрушку, медведя-панду, оставленного дочкой гадалки.

Вадик-худой ночевал у своей матери, и поэтому Анжела кинулась к соседям. Вадик-толстый, в пижаме, открыл.

– Помогите! – закричала Анжела, но лязгнула запираемая щеколда.

Сидя в кресле у аквариума, Вера, слушая мужа, гладила дремлющую у нее на коленях кошку с загипсованной лапкой.

– Ну, посуди сам, – говорил Вадик-толстый, – чем я мог помочь? Все в дымине! А у меня тоже жена и сын!

И Мамай понимал собеседника. Ведь Георгий и сам захлопнул дверь, увидев того, кто стоял на пороге.

КАМИН

Овадия Савича бросила любовница. Затем хватил паралич.

Вместе с Лизой Елена побывала там, где ее бывший муж находился теперь. Довольно приличная однокомнатная квартира в доме, где когда-то жила Олеся Ракицкая.

– А знаешь, – сказала Лиза сестре, – во дворе этого самого дома нашего братца порезали.

Не сговариваясь, сестры задержались у подъезда, обводя взглядом двор, пытаясь представить, как было дело. Откуда появились узбеки. И где валялся брат в луже крови.

– Вон там, – показала носком туфли Лиза, – у фонтана.

От фонтана, собственно, не осталось уже ничего, кроме фрагментов гранитной расколотой чаши и торчащей из-под земли ржавой трубы.

Но дом, благодаря своему замечательному положению – в центре города, на возвышенности, в окружении сквера, оставался популярен. Люди, имеющие деньги, охотно покупали здесь квартиры, делали ремонт, вселялись и жили.

Елена не стала тратить времени на пустые разговоры. Тем более, что Овадий сохранил способность изъясняться только при помощи стонов. Оформив опеку над своим бывшим, Елена перевезла его к себе и, приставив к парализованному сиделку, занялась поисками покупателя на принадлежащую уже теперь ей «однушку» в знаменитом доме на горе.

Покупатель, по какому-то стечению обстоятельств, нашелся сразу после того, как Овадия Савича не стало. Областное Министерство культуры прислало на похороны экс-директора филармонии венки и стройную девушку в очках. Она произнесла речь, назвав покойного Овидием. Но никто не заметил ошибки.

Получив деньги, Елена явилась за советом к старшей сестре: куда вложить довольно приличную сумму?

– Слушай, – сказала Лиза, – ты дачницей никогда не была. Может, попробуешь, что это такое? Все равно на пенсии. А еще лучше сделаем так! Я продам свои шесть соток с вагончиком, и купим на пару с тобой дачу с домом, баней и всем остальным!

Сложившись, сестры-пенсионерки купили земельный участок, стоящий на нем старый, но крепкий одноэтажный дом из шлакоблоков, летний душ, тридцатилетнюю сосну, удобства во дворе, колодец и обвитый хмелем штакетник.

За штакетником, по соседству, был расположен участок, где возвышался двухэтажный терем из ангарской сосны, баня из того же материала, беседка с мангалом и дремучая пятидесятилетняя ель. А жил в этом тереме некто Георгий Иванович Мамай.

– Здравствуйте! – выйдя поутру на балкон, говорил он сестрам.

Напущенные на терем бригадир, Сема и метис содрали лак для яхт, покрыли стены снаружи и внутри специальной пропиткой, подчеркивающей красоту всех этих древесных колец и волокон. Польскую жести на крыше заменили черепицей. Взяли за работу дорого. Но фирма, делавшая Мамаю камин, взяла еще дороже.

Осматривая монстра, занимающего почти треть гостиной на первом этаже, Елена и Лиза имели такое выражение лиц, какого не бывает на свете.

– Сколько это чудище стоит? – дернув подбородком, поинтересовалась Елена.

Мамай сказал.

Лиза, заметив еще и висящую сбоку от камина на стене медвежью шкуру, покачнулась и, чтоб сохранить равновесие, оперлась о спинку придвинутого к камину кресла. Оно окончательно доконало старшую сестру, будучи ручной работы и обито красной итальянской кожей.

– Что это за страсть у тебя – красные диваны, кресла?! – простонала она, обращаясь к сидящему братцу.

Возможно, это ностальгия по красным стульям «Фантазии», ответим мы за Мамаю. А сам он ничего не сказал. Собирался, но его перебила Елена:

– На пятой аллее тоже камин сложили! В два раза больше этого. А стоит в три раза меньше!

Лиза выпрямилась. Щеки Елены порозовели, и стало ясно, что имели в виду те, кто говорил лет сорок назад, что она может быть красоткой, красавицей, даже прекрасной.

– Что, действительно, на пятой аллее в три раза дешевле? – спросила Лиза сестру, когда они возвращались к себе на дачу.

– Понятия не имею. Придумала на ходу.

Антон, уже тоже давно пенсионер, аккуратно пропив свою пенсию, являлся к матери и просил на водку. Лиза давала. Выпив, Антон становился необычайно деятелен.

Мылся в дачном душе. Начинал красить штакетник, но бросал и, схватив литовку, принимался косить одуванчики, заодно срезая под корень посаженные сестрами яблоньки.

Дачная жизнь настолько понравилась Лизиному сыну, что он поселился в самой большой комнате дома из шлакоблоков. Завел среднеазиатскую овчарку.

Овчарка была молчалива и себе на уме. По ночам давила спящих по участку ежей. К ворам же, среди бела дня проникшим в сарай и похитившим стоявший там велик Антона, отнеслась равнодушно.

Лиза с Еленой совсем уже собрались овчарку извести. Но, заметив, какое впечатление производят на Мамаю растерзанные ежи, которых Антон по утрам уносил в овраг на лопате, назвали овчарку Пальмой и купили ей красивый ошейник.

– Плюнь ты на свой камин, – советовала Вера мужу.

А он с детства мечтал о нем. Шерлок Холмс, с ответами от камина на лице сидящий в кресле, и все такое.

– Нет, я хочу разобраться, – набирая на мобильнике номер, цедил сквозь зубы Мамай.

– Фирма «Веселый печник», – раздался голос в трубке.

– Максим, привет. Это Георгий. С камином?.. Все в порядке. Но почему он такой дорогой? Говорят, на пятой аллее в два раза больше и в три раза дешевле.

Выслушав ответ, Мамай засиял улыбкой.

– Что Максим говорит? – спросила Вера.

– Что таких каминов в мире всего три. У меня, у него и у свата Вениамина.

– Кто такой этот Вениамин?

– Да черт его знает! Знакомый Максима или родственник.

Вадик-худой наконец застав Мамай дома, пожаловался: Костик требует миллион. Во время тушения пожара в квартиру гадалки было вылито около двух тонн воды, и таким образом ремонт, сделанный своими руками живущими этажом ниже Костином и его женой, оказался пустой тратой времени.

– Озверел? – спросил Мамай Костика, который был тоже мент и подполковник в отставке.

– Ну, пусть дадут пятьсот. Анжелка еще наколдует! Клиенты с утра перед ее дверями трутся.

– У них сын учится на тромбоне.

– А-а, черт! Двести тысяч. Меньше не могу. Ох... У них еще и дочка. Конечно, чувствую себя свиньей! Но полы вздулись, отлетели обои, а потолок...

– Вот тебе двести пятьдесят. Только между нами.

– Георгий...

Однако Мамай уже след простыл.

Пришла осень – пора идти Ивану в армию. Вера произнесла:

– Горик, делай что хочешь, но...

– Пусть идет, служит! – крикнула Вера Прокофьевна, когда сын начал было с ней разговор издалека.

И впервые Мамай подумал о том, что его мать – старая женщина.

Тарифы были известны. Оставалось лишь выбрать руку, в которую вложить, впрочем, не слишком толстую пачку банкнот. И тут дело стало.

– Пойдем прогуляемся, – сказал Ивану Георгий.

Они шли по набережной, усыпанной красными кленовыми листьями. С Иртыша налетал тугой ледяной ветер. Он прогнал с набережной всех фланеров.

– Будут доставать, – бросил Мамай сыну, – позвони. Приеду и перестреляю. Это все, что я могу для тебя сделать.

– Понятно, пап.

Спустя несколько дней Иван лег на операцию по поводу удаления пупочной грыжи. Операция стандартная, ничего сложного нет. И делал ее кандидат наук, перед этим удалявший

кисту Вере и прекрасно справившийся с задачей.

Избавив же от грыжи Ивана, кандидат заразил пациента гепатитом. А таких не берут в космонавты.

Наступившей зимой камин на даче Мамаев был разобран. Выяснилось: он великолепно выпускает дым из трубы, потрескивает дровами и отбрасывает столь резкие отсветы на лицо, что впору пришлось бы самому Холмсу. Но человек возле этого камина замерзает.

ВЫБОР

Мамай вышел из кабинета онколога и станцевал лезгинку.

– Ложная тревога, – объявил он жене, ожидавшей его в коридоре. – В горле першит оттого, что смалю одну за другой да по мобиле треплюсь с утра до вечера!

– Ну, что? – с надеждой спросила Вера соседка по даче.

Вера повторила слова мужа. На лице Лизы появилась растерянность.

– Как он? – спросила ее Елена.

– Здоров, как бык.

– Господи, – вырвалось у младшей сестры, – когда же он прекратит издеваться!

К Мамаю обратился метис. Попросил пятьдесят тысяч. Его матери после инфаркта выписали кучу лекарств, их надо срочно выкупить.

Вера Прокофьевна перенесла три инфаркта, и Мамай знал, что медлить нечего.

Но, получив деньги, метис все никак не мог с Георгием расплатиться. Бригадир и Сема запили так, что, чего раньше с ними никогда не бывало, путали топор с кувалдой. Заказы терялись, и метис мучился оттого, что на нем висит долг.

Каждое утро он подъезжал к мамаевской даче на старенькой малиновой «ниве» Семы и до вечера стриг газон, поливал цветы, колол дрова для бани, подметал выложенные плиткой дорожки.

Вскоре дача Мамай переливалась и сверкала на солнце сверхъестественной чистотой.

Глядя из окон на трудолюбивого метиса, Лиза и Елена пили анальгин, настойку пустырника и валерьянку.

– Голова раскалывается, – жаловалась Елена сестре.

– Я удивляюсь, – бормотала Лиза, в щель между шторами наблюдая за обнаженным по по-

яс синеглазым красавцем, брызжущим из шланга водой на оплетающие дом брата дикие розы, – Верка что, слепая?

Антон облокачивался на штакетник и заводил с Верой, которая, в шортах, широкополой шляпе, копалась в грядках, сверхинтеллектуальные разговоры.

Наконец Георгию надоели эти подглядывания из-за занавесок, хмельные речи племянника. Он позвонил. Ему сказали: «Срок – неделя». Он назначил тройную цену. И в одну ночь штакетник, окружающий мамаевский участок, оказался снесен, а на его месте вырос глухой зеленый забор из профнастила.

Выглянув поутру из окна, Лиза отпрянула, словно увидела мертвеца.

– Это не кончится никогда, – насмотревшись на забор, произнесла Елена и, вдруг задрожав подбородком, громко, как в детстве, всхлипнула.

– Без истерик! – закричала ей старшая сестра. – Надежда погибает последней!

– Что ты имеешь в виду? – тотчас прекратив дрожание, деловито осведомилась Елена.

– Не знаю, не знаю. Может, отравить?

– Думала! Чем?

– Средство для грызунов. Находится в свободной продаже. У гада скоро день рождения, испечем пирог.

– Он решит, мы обе рехнулись. И потом, чтоб взяло, в пирог этого средства нужно впихнуть тонну.

– Ох, если бы его долбануло током!

– Ах, если бы на него рухнул балкон!

– А если нанять ребят?

– И это я слышу от бывшего декана кафедры уголовного права. Чревато, детка.

– Это я так, от отчаяния.

Антон, купив бутылку водки, распил ее не в одиночку, чего никогда за ним не водилось, а с соседом Мамаев справа.

После этого к Георгию пожаловал этот самый сосед.

– Ты забор поставил, меня не спросив!

Мамаев показал ему статью в уставе садового товарищества.

– Имею право поставить двухметровый забор.

Сосед сходил за рулеткой.

– У тебя два двадцать!

– Ну отпили.

В связи с тем что по соседству с ампириным особняком затеялось шумное строительство

подземного гаража, Георгий перенес свой «штаб» на дачу. А Вера, Иван и белая кошка, названная Люськой, остались в квартире. Ивану требовалось ходить в инфекционку на процедуры, и Вера строго следила за тем, чтоб сын не пропускал их. К главе семьи оба наезжали лишь на выходные.

Насмотревшись на торчащие у ворот Мамаев автомобили типа «Хаммер», «БМВ», «Мерседес-600», сосед справа сказал:

– Извините, Георгий Иванович.

– Будешь пилить?

– Не буду.

На том расстались.

Вера Прокофьевна побывала в квартире сына один раз. И раз на даче. Не сказала ничего особенного. Ни выражение ее лица, ни интонации не изменились. Но после этого лет восемь Мамаев разговаривал с матерью, избегая ее взгляда.

Пальма, на которую от вида забора отчего-то напал ужас, выла сутки напролет, а потом сбежала.

Оставил дачу и Антон, сославшись на то, что не выносит, когда от него что-то пытаются скрыть за непроницаемыми железными листьями.

Но к забору со стороны дома сестер вскоре была набита тропинка. Кто проложил ее? Кто, стоя у забора, прислушивался к звукам, доносящимся с братниного участка?

Звуки довольно часто были вот какие: громкая музыка, мужские веселые выкрики, женский смех.

И видно, как вьются дымки – из трубы мамаевской бани и от мангала. И наносит запах мяса, пекущегося на углях.

– Верка слепая? – недоумевала Елена.

– Это я у тебя спрашиваю, – сердито бросала ей старшая сестра.

Бригадир и Сема наконец смогли различать свой инструмент. Вскоре после этого метис, звали его Володя, приехал к Мамаев, чтобы вернуть долг.

День был субботний и, проходя по выложенной плиткой дорожке к «ниве», ждущей его у ворот, Володя увидел в цветнике хозяйку, срезающую французские ромашки. Не удержавшись, Вера протянула парню маленький белый букет.

Она не была слепой. Просто между движениями и чувствами, выбирала чувства.

ШУМ

Белоствольные рощи гудели, как трансформаторы высокого напряжения. Мамай с СКС за плечами брел между берез.

Всю зиму и весну Мамай прокорпел над бумагами. словно что-то прорвало, и люди шли косяком. Но Георгий уже мог себе позволить выбирать. Поэтому за мелочь и за то, что слишком зыбко, не брался, как в прежние времена, предпочитая верняк. Однако без накладок, конечно, не обошлось.

В патовой ситуации у Чумы сдавали нервы. Мамай после нескольких бессонных ночей и серьезных консультаций с преподами из юракадемии нашел выход. Слава благодарил и просил прощения. Но Мамай был уже практически мертв.

Когда находишься в таком напряжении, все раздражает. Капающая из крана вода. Тикающие часы. Не говоря о прыжках волкодава и питбуля под полом.

На даче сломали камин и построили русскую печь. Воздух в комнатах все равно оставался ледяным.

— Это оттого, — сказал бригадир, — что под полом у тебя холодильник.

А Сема пояснил:

— Цоколь слишком высокий для нерабочего цоколя. В нем накапливается холодный воздух и лезет через щели в дом.

— Этому горю можно помочь, — добавил Володя.

Но Георгий уже не мог выносить сам вид пьяной бригады. Ему необходимо было взять паузу. Поэтому дача стояла в снегу, а атмосфера на кухне в квартире Мамаева была накалена до предела.

Вера купила для Люськи поводок, прогуливала на нем ее по двору. Посещала фитнес-центр. Иногда приятельницы по ритмичным прыжкам под оглушительную музыку забегали к Вере на огонек. Она принимала их в гостиной. Все разговоры с приятельницами, гораздо моложе Веры, красивыми, модными, не выпускающими из рук мобильники, вертелись вокруг денег.

Издredка Георгий, босой, в очках, распахивал дверь гостиной, крича гостям:

— Заткнитесь, дуры!

Никто не обижался, все слышали о Мамаеве от своих мужей и бой-френдов.

— Костик, — сказал Мамай, — я люблю животных, но так невозможно.

Сосед, оттеснив от двери своих волкодава и питбуля, шел на лестничную клетку, прикрыв за собой дверь. В нее тихо скреблись, нежно повизгивая.

— Думаешь, не понимаю, что держать в квартире таких телят нельзя? Это прямо судьба! Грех увидел в троллейбусе. Грязный, в крови, все от него шарахаются. Завернул в куртку, притащил домой. В ветлечебнице полдня зашивали, весь рванный, видать, участвовал в боях. А Тагир у дочери во дворе в песочнице валялся! Щенок совсем, хоть и весил сорок килограммов. С тазобедренными суставами оказались проблемы, вот и выбросили за ненадобностью! Выходили с женой. Двухметровые барьеры берет.

Так появились беруши.

Наконец летом Мамай сказал себе: «Хватит», — и ночью, когда Вера и Иван спали, собрался и уехал на озеро Ик. «Позвоню оттуда», — думал Георгий. Но отчего-то не позвонил.

Он брел по гудящим, как трансформаторы высокого напряжения, березовым рощам. За ними синела озерная гладь. Георгий решил: гуд, скорее всего, доносится с озера, где барражируют рыбацкие катера.

Остановившись, Георгий заткнул пальцами уши. Гуденье не исчезло. К нему прибавился стрекот — словно от мотоциклетного двигателя.

Мамай шагал с СКС за плечами между просторно, как в парке, стоящих берез, а стрекот мотоцикла доносился то слева, то справа, на миг затихал и вдруг приближался с пугающей скоростью. Георгий резко оглядывался. Но тропинка, по которой без всякой цели он продвигался, была пустынная, как все вокруг.

Мамай не собирался охотиться. Карабин прихватил просто так. И понимал, если встретит охотнадзор, примут за браконьера.

Но ему было все равно. Куда он шел? Георгий не знал. Хотелось лечь, забросить руки за голову и просто смотреть в небо. Но он продолжал идти, не обращая внимания на то, что тропинка исчезла, под ногами коряги, и все чаще приходится нагибаться, чтоб пробраться под низко растущими ветками.

Мотоциклетный стрекот вновь начал приближаться. Но Мамай запретил себе оборачиваться.

Внезапно одна из ближних берез бросилась ему навстречу. «Вот как сходят с ума», — успел подумать Георгий и, словно запнувшись, рухнул ничком в траву.

Когда Мамай пришел в себя, то уже был связан по рукам и ногам. Рядом сидели на корточках двое. Кисти в тюремных наколках. У одного мамаевский СКС, другой чистил под ногтями финкой.

За их спинами Георгий заметил заляпанный грязью красный мотоцикл, прислоненный к березе. И невольно улыбнулся. Значит, не сошел с ума, тараканье мотоцикла не мерещилось.

— Еще смеется, тварь, — вдруг взбеленился тот, что с финкой и, вскочив, принялся пинать Мамая, крича: — Помнишь меня?! Помнишь?!

Георгий готов был поклясться: видит типа с финаком впервые. Хотя, кто знает, может, когда-то и пересекались.

— Ведь ты — Цыган? — нарушил молчание второй, держащий карабин в руках, точно с ним родился. — Слышал о тебе. Говорят, был строгий!

Из дальнейшего разговора Мамай заключил — один из напавших на него местный, второй приехал к нему погостить.

Местный свежавал у себя во дворе барана, собравшись приготовить для гостя шашлык. И вдруг заметил у дома соседей, сдающих комнаты городским охотникам и рыбакам, выходящего из такси опера, из-за которого загремел на пятнашку. А там раскрутился еще на червонец. Итого провел у хозяина двадцать пять лет.

— Так ты что, обиделся на меня? — бросил Мамай, наконец узнавший Огаркова.

Гость с карабином усмехнулся, оценив шутку.

— Погляжу, что сейчас запоешь, — буркнул старый уголовник и, рванув на груди Мамая рубаху, склонился над ним со своим свинорезом.

Гость, не размахиваясь, двинул прикладом, Огарков сунулся головой в папоротники. Вынув из его руки клинок, гость перерезал путы на руках и ногах Мамая.

— Но почему?

Вместо ответа, матерый мужик рывком растегнул до половины «молнию» своей ветровки. В окружении церковных куполов, кинжалов и прочего, видна татуировка бледная и выцветшая, такая же, как у Георгия, голова оскалившегося безглазого барса.

— За что сидел-то?

— Разбой.

— Может, не знаешь, разбойник, ношение огнестрельного оружия без лицензии запрещено.

— Хотел бы так же прикалываться после того, как мне чуть не перерезали глотку. Держи свой карамульдук!

— Ты даже его не разрядил.

— И что? Выстрелишь?

— Ладно, спасибо.

— Да пошел ты, мент поганый.

Иван ничего отцу не сказал. Только посмотрел на него, словно не знал до этого.

— Больше так не делай, — попросила Вера.

«Ушник» заключил:

— Долго пользовались берушами. Пробки! Из-за этого шум.

Произведя необходимые манипуляции, получил денежку и пожелал Георгию всего доброго.

Однако шум не исчез. Где Мамай ни находится, трескотня мотоцикла доносилась то слева, то справа, на миг затихала и вдруг начинала приближаться с пугающей скоростью.

Но оглядываться Мамай себе запретил.

СООБЩЕНИЕ

Брюнетка, ее звали Светлана, позвонила:

— Через неделю прилечу в О., у нас будет два дня.

Реакция Мамая все еще была молниеносна. Он вернул главе о-ского строительного концерна «Аквилон» аванс и сел в зубоврачебное кресло. Этого Мамай не делал с тех пор, как, пятьдесят лет назад женщина в белом халате, произнесла: «Мальчик, открой рот», — всего лишь при помощи серебряного гвоздя доказала, что человек может вытерпеть на свете далеко не все. До того у мальчика были кое-какие иллюзии.

Не без опасения, что белый халат и серебряный гвоздь находятся на прежнем месте, Георгий переступил порог «Эмаль Плюс». Проданик ждал его. Он включил музыку и, в течение восьми часов не разгибая спины, разбирал завалы, рыл траншеи и рвы. Затем его сменил Пузиков.

Проданик, заполняя бумаги, болтал ногой и, видимо, соскучившись молчанием, трещал без перерыва. Мамай узнал — проданиковская жена все поняла, как нужно. Теперь Васька такой же член семьи, как две дочери, рожденные в браке. Валя и жена Проданика, нельзя сказать, чтобы дружили, но встречались и разговаривали нормально.

Домой Мамай вернулся в третьем часу ночи. Он был бледен и настолько слаб, что даже не смог снять свои наимоднейшие башмаки, украшенные ручной татуировкой.

С утра сеанс в «Эмаль Плюс» продолжился. Проданик был все так же дерзок, находчив, скло-

нен к импровизации. Бог Пузикова – академичность и следование законам. Встретив извилистый канал, он хмурился и начинал сопеть, совсем как Неля, к которой он пришел три года назад, принес деньги, продукты. И с тех пор бывал у нее с сыном еженедельно.

Сделав свою работу, дуэт стоматологов-терапевтов уступил место протезисту, молодому и полному сил заполнителю пустот, мостостроителю, скульптору.

Поздним вечером, спустя шесть дней после того, как пациент перешагнул порог «Эмаль Плюс», все было кончено. Во рту у Мамаю – тишина и сомкнутость тридцати двух белых жемчужин. Но в мозгу продолжались маленькие стальные вибрации, а в ноздрях – запах жженой кости.

Следующим этапом была изощренная взъерошенность, приданная остаткам мамаевских волос одним из лучших мастеров этого дела.

После этого Георгий спал сутки. В продолжении их Вера (чтоб не тревожить мужа, она устроилась на красном диване в кухне) иногда на цыпочках заходила в спальню и, замерев перед кроватью, на которой раскинулся супруг, прислушивалась к его дыханию. В нем чудилось что-то новое.

Но за окнами стоял август, приближалась очередная поездка в Венецию. Билеты были уже куплены, забронированы места в их любимом с Георгием отеле. Вероятно, она просто чего-то не понимала. Ведь ничего плохого нет ни в приведенных наконец в порядок зубах, ни в баснословно дорогой стрижке.

...Светлана неуловимо изменилась. Стала мягче. Сказала, что ее место у Лейберзона занимает девушка из Солт-Лейк-Сити. Что выходит замуж. Он из Москвы.

Свой пентхаус Светлана сдала квартирантам, и Мамаю вновь снимал «трешку» по соседству с ампирным особняком. Здесь время, кажется, остановилось. Та же самая хозяйка. Та же самая мебель. И в туалете тот же дезодорант. Дымя у распахнутого окна, чувствуя, как по обнаженным плечам текут струйки пота, Георгий остановил взгляд на заросшей бурьяном хоккейной коробке. Вдруг вспомнился лед, мороз, Ванька в воротах. Слово вчера это было. И как далеки сейчас от него Вера и сын.

На несколько мгновений Мамаю дано было почувствовать себя кем-то другим. Гостем города, где оказался впервые. Приехавшим по важному делу: стоять у окна и следить за стрижами,

что, чертя над двором зигзаги, ловили в восходящих потоках мошек.

Светлана прислала из Москвы «эсэмэску»: «Прощай».

На самом деле сообщение это послано было вовсе не Светланой. Может быть, небом, на которое смотрел тогда Мамаю. Небом, где шла на пропалую и будет идти во веки веков стремительная и короткая стрижиная охота.

ФОРТОЧКА

Столетний юбилей Веры Прокофьевны отмечался в небольшом семейном ресторане, построенном на Центральном пляже. Юбилярка пришла с Пролетарской площади, 1, пешком.

Последнее время мать Мамаю не стригла волос, заплетая их в косу. Лизу и Елену это новшество раздражало. За многие годы они свыклись с образом матери, подстриженной по-мужски. Больше того, сами всю жизнь носили точно такие же причесочки. И вдруг мать рвет с традицией. Оказывается, у нее редкой красоты тяжелые и слегка выющиеся локоны пепельного цвета. Увы, подобными локонами не могла похвастаться ни одна из сестер. Елена, правда, когда-то пробовала отрастить косу, но, увидев, что из этого получилось, чертыхнувшись, пустила в ход ножницы.

Белая блузка с жабо, серый костюм, черные лаковые лодочки на низком каблуке. Никакой косметики, никаких украшений. Косу, правда, растрепали в салоне у кудесника и создали из нее нечто в стиле сороковых годов и в то же время остросовременное. К лацкану жакета была приколотая желтая хризантема. Вера Прокофьевна, не прикоснувшись к перилам, поднялась по ступеням ресторанного крыльца, тут на нее обрушился праздник.

Генерал Брызжалов сказал речь, вручил юбилярке, кавалеру многих орденов и медалей, почетному гражданину О., еще один орден, памятную медаль и фарфоровую вазу в человеческий рост.

Андрей, недавно освободившийся, с синими от наколок кистями, довольно прилично спел под минусовку «Луна ту». Оказалось, что это любимая песня генерала.

Вера Прокофьевна, видевшая Андрея первый раз в жизни, спросила у Георгия, кто это такой.

– Хорошо спел, – когда сын старшей сестры жены Мамаю подошел с личными поздравления-

ми к виновнице торжества, сказала ему она и добавила, потише: – А теперь чтоб духу твоего здесь не было.

Кисло усмехнувшись, Верин племянник удалился. Вскоре он открыл ломбард, принял к себе бухгалтером снимающую квартиру на окраине О. сорокалетнюю бездетную женщину. Стал жить с нею. И пилить за то, что по вечерам, после работы, женщина еще ездит на своей старенькой «шестерке» к родителям, живущим в одной из пригородных деревень. Пропалывает огород, стирает, готовит и так далее. Наконец, терпение Андрея лопнуло.

Галина буквально влетела в квартиру Мамаев и, брызнув слезами на евроремонт, взвыла:

– Андрюшенька! Сынок!

– Этот парень создан для тюрьмы, – говорила Вера Прокофьевна Георгию, идя с ним по набережной вдоль кромки Центрального пляжа.

В Иртыше отражалась луна. Позади матери и сына светился праздничными огнями ресторан. Оттуда, как порывами ветра, плескало музычкой. Практически никого из тех, с кем юбилярка служила, не осталось на свете. Скинув свои лодочки, Вера Прокофьевна брела по набережной в чулках. Тяжелый пучок волос на затылке. Сигарета в руке.

– Знаешь, о чем я, Горик, жалею?

– О чем, ма?

– Что не могу пожалеть ни о чем.

– Что натворил? – переспросил Мамаев знакомый опер, хват, бессребреник, неженатый и нищий. – Отрубил женщине голову. Хочешь поговорить со своим племянником или кто он там тебе? – и, не дождавшись ответа, бросил: – Мы их сажаем, а они вновь лезут изо всех щелей! У тебя, когда работал, не было ощущения бессмыслицы?

– Бессмыслица – норма.

Дойдя до своего подъезда, она, сорвав с лацкана, отправила в урну увядший цветок, сказала:

– Свободен.

Но Георгий еще постоял во дворе, дожидаясь, когда в окнах матери зажжется свет. Он не зажегся. Только прозрачное, словно пар, облачко дыма выплыло из вечно открытой форточки в гостиной.

У Мамаева перехватило дыхание. Он представил, как проходит здесь по двору, а форточка закрыта.

ПРОПАЖА

В кусте сирени под окнами мамаевской дачи поселилась пара соловьев и вывела птенцов. Прилетели сороки. Соловьи отчаянно защищали гнездо.

Вера со слезами на глазах следила за битвой.

– Горик, сделай что-нибудь!

– Нам нельзя вмешиваться. Это их дела.

Сороки разорвали в клочки и родителей, и потомство.

Январским днем Георгий, в распахнутой дубленке, с обмотанным вокруг шеи кашне и, конечно, без шапки, повстречался у дома с Эдиком. Профессорский внук освободился «удю» года три назад, но до сих пор ухитрялся оставаться для Мамаева невидим.

– Добрый вечер, Георгий Иванович!

– Добрый вечер.

В зимних сумерках, куря у окна, Георгий видел, как двое полицейских выводят Эдика из подъезда. Ставят у гаражей на колени. Идет снег. Один полицейский держит Эдика за волосы, другой несильно, но чувствительно, бьет соседа Мамаева дубинкой по почкам.

Два-три удара – и раскрыто преступление, совершенное накануне против несовершеннолетнего В. Тот гулял, здесь, недалеко, у ледового дворца «Арена». К нему подошел Эдик и, пригрозив, забрал у В. мобильник.

Столкнувшись у подъезда с Мамаевым, профессорский внук быстро – быстрее некуда, сунул мобильник в карман. Но, разумеется, реакции Мамаева не учел. Поднимаясь к себе по лестнице, Георгий звякнул тому, кто понимал его с полуслова.

– Сейчас проверю. Да! Заявление есть. Займемся.

– Боже мой, – воскликнула Ирина Антиповна, – зачем же дарить такие дорогие телефоны детям!

И, сняв с книжки все свои накопления, компенсировала родителям потерпевшего моральный и материальный ущерб. Таким образом, вопрос был исчерпан.

Сердце остановилось ночью, мать Мамаева умерла во сне.

Ордена на подушечках несли курсанты полицейской академии (бывшей Высшей школы милиции). Генерал Брызжалов сказал речь.

Ввиду кладбищенской тесноты, гроб с телом усопшей опустили в разрытую могилу ее мужа, бросили комья земли, и крепкие мужчины в оди-

наковых черных костюмах, взявшись за лопаты, сноровисто насыпали холм. Никому не известно, верила ли Вера Прокофьевна в Бога. Но в холм воткнули деревянный крест и завалили его венками.

Лиза и Елена подошли к могиле. Им уважительно уступили место. Трещал залп. И повторился еще дважды.

Георгий крепился. Но, не выдержав, тут разрыдался и был жалок.

Лиза и Елена, с плохо скрытым отвращением, отвернулись от брата.

— Ей было сто два года, — сквозь зубы процедила Лиза.

— Остался без мамочки, — добавила Елена.

...Гортань у Мамаю оказалась ни к черту.

— Но ведь я обследовался у вас недавно.

— Тогда все было чисто.

Захар Бойтман заученно произнес, что у каждого человека имеются предпосылки к любой болезни. И, как только возникают благоприятные условия для течения ее, немочь поднимает голову.

— Я бы рекомендовал кардинальный вариант!

— Какой?

— Удалить гортань и язык.

Моисей Абрамович стоял на том, чтобы отдавать заразе то, во что она успела вцепиться. Тот же принцип исповедовал его троюродный внук.

— Ничего себе, предложение, — ахнула, узнав о разговоре мужа с врачом, Вера, но тут же спохватилась. — Горик, может быть, он прав.

— Сперва легкое, потом переносицу, теперь им гортань подавай! Нет уж! Быть немым и питаться через трубочку?..

— Что ж, вам решать, — пожал плечами самый талантливый онколог в О., накануне вернувшийся с очередной стажировки в Израиле.

И несколькими доведенными до автоматизма движениями, удалил лишь часть и без того изгрызенной болезнью гортани с фрагментом голосовых связок.

После этого Мамай разговаривал едва слышным шепотом, большую часть времени проводил на даче, благо опять лето, и вел дела людей, приезжающих к нему на «майбахе» и «ламборджини».

Лиза уже ходила с палочкой. У Елены тряслась голова. Обеим не терпелось увидеться с братом. Он тут, за забором, и ни музыки, ни развеселых кликов уже не было слышно.

Лиза, на правах старшей, набрала братнин номер. Георгий сипел в трубку, что будет рад видеть сестер.

И вот они сидели на веранде перед баней — Лиза, Елена, Георгий. Вера разливала чай. Сестры жадно всматривались в свежeproоперированного брата. Немного похудел, но, черт его побери, это только шло ему.

Не удовлетворенные видом тяжелобольного, сестры впились взглядами в его половину. Волосы свежевымыты, уложены, легкий макияж, тонкие джинсы облегли бедра, прозрачная маечка до пупа, на губах улыбка.

— Зачем ты куришь?! — напустилась на Мамаю Лиза.

— Раковым ведь нельзя, — поддержала ее Елена.

Выпуская сигаретный дым из ноздрей, ушей и даже, кажется, из глаз, брат бодро отвечал, что, согласно новым веяниям, курение для раковых признано не только не вредным, но даже полезным!

Не глядя друг на друга, сестры вернулись к себе. И только уже вечером, когда обе собирались лечь спать, у Лизы вырвалось:

— Нет правды на свете!

Елена, не найдя слов, била кулаком в подушку.

Иван хотел забрать Третьяка. А он пропал. Но Елену, вынесшую из квартиры матери эту единственно представлявшуюся ей ценной вещь, поджидало разочарование. Позолота оказалась сусальной, сама статуэтка из прессованного алюминиевого порошка. И Владислав с оцарапанным носом возвратился к племяннику.

Кое-кого из клиентов Мамаю раздражал громкий стук ходиков, висящих у него на даче. Они жаловались: от этого стука и раскачивания маятника у них кружится голова.

Тик-так, тик-так, — разносилось ночью по дому. И Мамай чувствовал: его мертвые отец и мать не оставили его в беде.

— Сейчас очень сильная медицина, — сказал в разговоре с Верой Захар Бойтман.

— Многие виды рака лечатся, — подтверждали Валя и Неля.

И Веру отпускал страх.

Иван получил диплом. Но впрягаться в лямку не спешил. Его друзья уехали. Один в Австралию. Второй в Исландию. Первый учился в тамошнем финансово-экономическом колледже, а по вечерам работал официантом в баре. Другой, дипломированный инженер-конструктор, посту-

пил грузчиком на мясокомбинат в Рейкьявике. Оба хвалили свою жизнь и звали Ивана к себе.

В октябре, в пору листопада, из окна маме-евской квартиры выпрыгнула Люська. Благополучно приземлившись на усыпанный сухой листвой газон, убежала.

– Горик, найди ее.

Георгий через детективное агентство расклеивал по городу объявления о пропаже с фотографией Люськи и номерами своих телефонов. Нашедшему – вознаграждение.

Никто не откликнулся.

Через полгода, когда Мамай, уже после второй операции, лежал в палате на шесть коек, по стоящему на соседней тумбочке телеку показали сюжет о кошке, отыскавшей в рязанской области своих хозяев, переселившихся туда из Таджикистана.

Узнав на телеэкране Люську, Мамай схватил мобильник, чтобы позвонить Вере. Но, поднеся трубку к уху, спохватился. И, надев очки, начал набирать «эсэмэску».

СЕСТРЫ

Алексей Уранов нагрязнул неожиданно. Проездом с Севера, где работал на стройке, в Краснодарский край, где купил дом с виноградником и садом.

Июнь, летел тополиный пух за окнами. Алексей с Георгием сидели на красном диване на кухне, давно уже превращенной в нечто среднее между кабинетом, гостиной и спальней.

– Никто не застрахован, – сказал Алексей. – Сегодня ты, завтра я.

На плазменной панели виды и лица мелькали, звук был отключен. Под подбородком у Мамаи приклеенная пластырем марлевая салфетка. По временам он машинально приподнимал ее и промакивал другой салфеткой торчащую из горла фистулу.

В углу валялась вырванная минувшей ночью из стены полка, где стояли привезенные из разных стран сувениры. Вспышка агрессии как побочный эффект обезболивающих препаратов.

Вначале инъекции делала живущая в соседнем подъезде медсестра. Но затем Вера переняла у нее опыт.

«Знаю», – написал Мамай красным фломастером на листе бумаги для принтеров. Пачка этой бумаги и упаковка с фломастерами лежала на низком столике рядом с ним.

– Люди без рук и без ног живут. Главное, что у тебя голова работает.

«Мы с Рексом не бздим на границе», – не отрывая фломастера от листа, вывел Мамай. Пример Жени был у него перед глазами. Ему известно, что его ждет.

О чем можно говорить с обреченным? При всем желании он больше не может находиться с вами на одной волне.

Алексей приносил и отдавал Вере продукты. Ездил за лекарствами. Потом в лекарствах отпала необходимость.

А за наркотиками Вера ездила сама и получала их по паспорту. Но наркотики действовали слабо. Георгий ослеп. Почти все время лежал на красном диване. Когда был не в силах терпеть, вставал и, стараясь сдерживать стоны, слонялся по квартире.

Вдобавок Иван сломал ногу и прыгал на костылях. Это казалось уж слишком.

– Осталось свалиться только еще мне, – в сердцах бросила Вера сыну.

– Сам не знаю, как это произошло, – оправдывался тот.

Попарившись в «бандитской» баньке, где он раньше часто бывал с отцом, Иван бухнулся в бассейн с холодной водой. А когда выходил из него, вдруг стопа подвернулась.

Сестры не появлялись. Мамай писал вслепую: «ПОЗВОНИ ИМ!!!!»

Вера звонила. Сестры жаловались на давление, мигрень, простуду и обещали быть, как только залечат болячки.

В том самом коридоре, где Георгий станцевал лезгинку, он теперь корчился на кушетке-каталке, и никто не подходил к нему. Вера, стоя над мужем, давилась слезами. Рядом с ней был Алексей.

Захар Бойтман, рассеянно улыбаясь, прошел мимо них раз, другой. Потом оживленно заговорил с коллегой, вышедшим из лифта. Разговор автомобилистов был о предстоящем ТО.

– Послушайте, – не выдержал Алексей, – человеку плохо! Помогите!

– Четвертая стадия, – пожимал плечами Захар.

И Вера позвонила – братьям Кредо. Через пять минут к кушетке-каталке с озабоченным видом приблизился Бойтман. За ним спешили две медсестры.

– Георгий Иванович, – словно только узнав Мамаю, произнес врач, – сейчас вам будет легче!

Мамаю увезли в палату. Но вечером он уже опять был дома. Онкологическое отделение не

резиновое. Четвертая стадия. Доктор не принимает. И не возьмет уже ни подарков, ни денег.

Вначале звонили и приходили клиенты одного из лучших городских юристов. Лариса Анатольевна, бывшая начальница Георгия. Арбитражный судья Клава Аглоткова. Ксюха. Ирина. И многие другие. Но затем все устали. И остались только Валя и Неля. Вброшенные в пучину собственных проблем и забот, они навещали Веру практически ежедневно. Алексей – превратился в Верину тень.

– Леш, – спросила однажды она, – у тебя есть семья?

– Да. Жена и сын.

– И как жена относится к тому, что ты сутками здесь пропадаешь?

– Она меня и посылает.

– А твоя работа?

– Там в курсе.

Наконец болезнь, шедшая ни шатко, ни валко, как бы спохватилась и сожрала Мамаю за считанные дни.

Муж уже лежал в беспмятстве, когда Вера в ночном телефонном разговоре с матерью прокричала:

– Постоянно просит позвать сестер! Я ему говорю: да не нужен ты им!

Над спинкой дивана приподнялась костистая рука, погрозила Вере пальцем.

Утром Вера обзвонила всех родных и знакомых:

– Кто хочет попрощаться, приезжайте к одиннадцати.

В десять привезли гроб с телом. Поставили в гостиной на стульях. Бабье лето. Двери квартиры были распахнуты. Люди входили, клали цветы. Постояв, спускались во двор.

Вера в черных брюках и блузе с длинным рукавом, Иван в измятых шортах и майке, с загипсованной ногой, в руке костыль, сидели в изголо-

вье гроба. Костик, Вадик-толстый, их жены, Ирина Антиповна возле Веры и ее сына.

С лестницы донесся стук. Нарастая, он неторопливо приближался, и в гостиную, опираясь на палки, вошли Лиза и Елена. С одинаковыми короткими стрижками, испытые, в блеклых старушечьих нарядах.

Обнялись с Верой и Иваном. Сели на свободные стулья.

– Какая у него большая голова, – поморщилась Лиза.

– Нужно было выставить закрытый гроб, – громким шепотом бросила Елена вдове.

Телефонный звонок. Вера поднесла к уху мобильник. Это Чума. Сказал, что не сможет прилететь.

Алексей незаметно и негромко руководил действиями похоронной команды. Большие мужчины в одинаковых синих рубашках с черными галстуками вошли, подняли лакированный ящик на плечи.

Накренившись, Мамай поплыл по лестнице вниз.

На кладбище поблескивали на солнце нити паутинок. В узком проходе рядом с двойной могилой матери и отца было приготовлено место для Мамаю.

68

На поминальном обеде в столовой медучилища, расположенного на задах городского Театра драмы, сестры сидели за столом рядом с Верой, ели, двигая желваками на висках.

– Кассиршей работать пойдешь, – сказала Лиза.

– Поживешь теперь на тринадцать тысяч, – добавила Елена.

Резко поднявшись, Вера уронила стул, старухи испуганно обернулись.

Обняв обеих, она прижала их к себе, задыхаясь от нежности, жалости и любви к тем, в чьих движениях, интонациях, очертаниях лиц, продолжал жить Горик.



Ольга
ХАПИЛОВА

ПУСТЬ ПОДОЛЬШЕ
УДЕРЖИТСЯ НЕБО
НА НАШИХ ПЛЕЧАХ



* * *

А помнишь, братишка, мы видели белку? –
Все было как будто на прошлой неделе;
Снег сыпал за ворот, колючий и мелкий,
Сорвавшийся с лапы встревоженной ели.

Петляла лыжня в колее снегохода,
Шептали друг другу с тобой без утайки:
Вот вырастем – тоже пойдем на охоту
И купим собаку, конечно же, лайку;

А лучше упряжку задорных и прытких.
Как явственны в памяти звуки, ты слы-
шишь? –
Отец возвращался со скрипом калитки
И скидывал мехом обитые лыжи;

Насвистывал, крякал, стучал в рукавицы.
За всех не ручаюсь, не знаю, а наша
Мечта отдавала кедровой живицей
И сернистым запахом из патронташа.

А в зеркале лица нет-нет да помяты,
Но столько в них жизни, души, интереса,
Что кажется – в сущности те же ребята
Глядят с придыханием в сторону леса.

ИНЫЕ СТИХИ

Не то что тревогу, а часто прямую угрозу
Иные стихи возвещают спустя поколения:
Один говорил что-то там о крещенских
морозах –
И в ящик сыграл аккуратно на Богоявление,

Лежал, в пол уткнувшись, в нелепых трико
и футболке;
Другому недаром мерещились тени
на рельсах.

Как будто бы знали, ей-богу, да много ли
толку!
А третий мечтал о пасхальных денечках
апрельских.

Хоть каждый о смерти твердил, но не верил
про это –
Одно на бумаге, а сам оставался беспечен.
Мне выяснить край, отчего умирают поэты,
И верно ли то, что дышать им становится
нечем.

Блокнот за блокнотом теперь, за тетрадкой
тетрадку,
У синего моря, разбитого в щепки корыта,
Каракули-вирши листаю свои в лихорадке –
А вдруг в них моя пресловутая тайна
сокрыта...

Ольга Сергеевна Хапилова (Семенова) родилась 14 июля 1981 года в пгт Темир-Тау Таштагольского района Кемеровской области, где и проживает в настоящее время. Работает фельдшером-лаборантом участковой больницы. Автор сборника стихов «Молодое вино». Имеет ряд публикаций в областной и районной периодике, альманахах, журнале «Огни Кузбасса».

КРЕСТНЫЙ ХОД

Где в бараки сбит лес когтями скоб,
Где под номером ссохлось деревце,
Крестный ход идет по Октябрьской,
В позолоте риз ветер греется
Тот, что зло стегал спины потные,
Пересчитывал ребра впалые;
А теперь, гляди, сыплет под ноги
Пятаки листвы медно-алые,
Чтоб осеннее спрятать месиво.
Покропит водой светлый батюшка –
Со дворов рукой машут весело,
Да и сам идешь, улыбаешься.
Тихий свет креста с полумесяцем,
Новизной горит образ смальтовый;
А иным уже снится-грезится,
Как валяли нас по асфальту бы;
Как в прекрасный день да за озером
Покидают нас в землю тыщами,
Заровняют поле бульдозером –
И концов вовек не отыщете.
К тем воротится згой проторенной,
Кто учиться впрок жизни гребует,
На круги своя мать-история –
Справедливость, знать, шибко требует.
Упадут кровя струйкой сплюнутой,
Надоест земле их вынашивать,
Поднатужится – и проклюнутся
Поколением лучше нашего.

СЛОВА

Открывается даль, как шагнешь за порог от
семьи –
Лишь бы смочь описать этот домик, окошки
да ставни –
Сколько значимых слов ты усвоил со
школьной скамьи;
Век живи – век учись: глубины до конца не
достанешь.
Я не знаю, какую пройти возрастную черту,
Чтоб прочувствовать миг наяву, беззаветно
щемящий –
Есть слова, что всегда с послевкусием тают
во рту,
Будто медом облитый душистый и пышущий
мякиш.
Как пронзают умы те слова за всполохом
всполох –
А казалось бы, что там, слова, без прикрас,
без узоров!

Так трепещет душа, что застигнута
в полночь врасплох,
Пред беззвучною речью июльских зарниц-
хлебозоров.

Пусть подольше удержится небо на наших
плечах;
Пусть найдутся слова, чтоб наполнить
собою страницы!
Пусть не будет дождя – пусть, гудя
в конопатых лучах,
Над своим разнотравьем летают шмели-
медуницы!

ДЕРЕВО ЗА ОКНОМ

Ранний октябрь месяц, воздух по-прежнему
летний;
Все бы еще ничего, но, от наготы сомлев,
Дерево за окном готовится в путь последний,
Скомканная одежда грудой лежит на земле.
Вроде еще тепло, солнце играет в просвете,
Взгляд от травы зеленой, видно, еще не
отвык;
А у корней соседних, будто при лазарете,
Кто-то уже брезгливо сжигает тряпье
листвы.

Лбом прижимаюсь к стеклу, снова щемяще
грустно:
Промыслом сберегая к Судному дню, к весне,
Дерево за окном скоро в крахмальный до
хруста,
Будто в халат больничный, укутает в саван
снег.

Вера – это не к нам, нам докажите, измерьте;
Все мы торопимся знать и знать как никто
другой.
Но что это? – Тайна во мне... Как обручаюсь
смерти?
Как возвращаюсь в прах? – Воистину Божьей
рукой.

Вижу минувший день в этом стоящем на
страже
В латах слепяще-белых славном небесном
гонце –
Все, чему быть надлежит, временное, и даже
Дерево за окном свидетельствует о конце.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

*Дождевая вода не успела пролиться,
Затворенное небо бесстрастно и глухо;
Между бледных созвездий легла кобылица,
Над землею навесив мухортное брюхо.*

*И струится с высот серебристая грива,
На сентябрьском ветру завивается в косы;
Удрученно глядит запоздалая нива,
Как морскою волной отливают покосы.*

*На асфальт перекрестий садовых дорожек,
Где налившие листья прозрачны и квелы,
То рассыплется горсть пенопластовых
крошек,
То роятся, роятся белесые пчелы.*

*И хотя все серьезно, как быть или небыть, —
Снег по-зимнему падает прямо за ворот, —
Кобылица проснется, откроется небо
И лучами замочит побеленный город.*

ЮРОДИВАЯ

*Вновь знакомый зов чую вроде бы,
По земле бродить, слыть юродивой.
А один твердил, ах ты, в юбке вошь!
Но его теперь поминай, как хошь.*

*Только и мелькнет тень посконная
За конец дворов, за поскотину.
Берестой пахнет слаще хлеба май;
Расступись, народ, слышишь, не замай!*

*Дюже радостно вокруг деревца
Пританцовывать, в небо щериться.
Что с тобою нам, ну-ка, брат-юрод,
Разевай скорей да пошире рот!*

*С неба радуга, солнце вешнее,
Кренделя летят, все нездешние...
А один твердил, ах ты, в юбке вошь!
Но его теперь поминай, как хошь.*



**Татьяна
ИЛЬДИМИРОВА**

МОНАМУР

Рассказ

ЛЕЛЯ

Знаете, какой была бабушка Тамара? Такой, что не налюбуетесь. Ее красивый четкий профиль хоть на деньгах печатай.

В первый же день, как семилетняя Оля приехала к ней на каникулы, Тамара Ивановна переименовала ее в Лелю и заставила ходить по квартире с книгой на голове для тренировки осанки. Создавалось впечатление, что бабушку невозможно застать расхристанной: всегда – аккуратный пучок из черных гладких волос, подкрашенные брови. Бабушка Тамара казалась нарисованной грифелем. Мама бабушку побаивалась и рядом с ней как будто выцветала – ростом делалась ниже, а лицом бледнее.

Тамара Ивановна делала зарядку по утрам, красила волосы, коллекционировала духи, любила смотреть по телевизору балет, проводила по губам помадой перед выходом из дома. Варила по утрам чудной кофе в турке, добавляя туда то корицу, то лимон, а потом медленно наслаждалась его вкусом, попутно раскладывая пасьянс. Читала детективы, которые приносила из библиотеки, шила за тараторящей машинкой платье по выкройкам из журнала «Burda Moden» и себе, и на заказ. Для Лели она сшила платье в вишенку, научила ее заплетать косу пятью разными способами, объяснила, что настоящая женщина никогда не выйдет из дома с грязными ногтями, что при ходьбе надо держать подбородок высоко и представлять у себя на голове корону, и на будущее, не следует первой звонить мальчику, ничем хорошим это не кончится.

Под бабушкиными окнами трехэтажного дома на двенадцать квартир вольготно разрастался во все стороны двор всех оттенков зеленого – от бледно-салатового до темно-зеленого тополиного, украшенный лиловыми соцветьями сирени. На второй же день после приезда Оля познакомилась во дворе со своей сверстницей Варей из соседнего подъезда и легко закрутила вокруг себя летнюю девичью жизнь, с утра и до вечера, между криками: «Оля, выходи!» и «Леля, домой!», полную казаков-разбойников, московских прятков, из круга вышибала, прыжками через резинку (и как только им удавалось так долго прыгать и так высоко задирать ноги, удивлялась Оля спустя годы). Ба-на-ны, ба-на-ны, ба-на-ны. Палка, палка, в круг, за круг, молния, точка.

Утренний двор, птичий щебет, ноги, мокрые от росы, свободные качели – можно качаться, пока не надоеет, никто не сгонит. Оля раскачивалась до головокружения, хитро зацепившись ногами. Или прыгала – забираешься на качелью с ногами, раскачиваешься, пока не становится страшно, но еще чуть-чуть и еще чуть-чуть, перестаешь дышать и улетаешь...и в расщелине между взлетом и посадкой успеваешь сделать веселящий глоток неба, от которого не так больно, даже когда приземляешься не в траву, а в очередной раз коленками об асфальт.

Оля напрасно боялась ехать к бабушке, та не мучила ее дисциплиной и воспитанием. Леле дозволялось носиться по двору, ходить в гости к новым подружкам, красить ногти модным перламутровым лаком, ложиться спать хоть во сколько и читать в кровати любые книги. Под запретом было немного – приносить в дом сплетни и дворовые слова, оставлять еду на тарелке, а главное – без спроса прикасаться к бабушкиным сокровищам из комода.

Бабушка Тамара ценила старые, необычные вещи – в ее немногочисленных друзьях ходил местный продавец антиквариата, одноглазый, но зоркий Василий Борисович, а в комоде, подальше от посторонних глаз, хранились вещи из прошлого века – перстень-печатка, серебряная табакерка с гравировкой, чернильница в форме русалки, театральный бинокль, пара фарфоровых статуэток родом из Германии (больше всего Оля любила фигурку мальчика с волынкой), медальон с выцветшей фотографией маленькой девочки, смотреть на которую почему-то было страшно, и несколько ложек. Еще был патефон. И книги, тоже такие манкие – так и тянуло дотро-

нуться до их желтоватых листов, испещренных дореволюционными закорючками, и страшно – вдруг страница рассыплется в пыль под неловкими пальцами.

Оля не в силах была удержаться, и всякий раз, когда бабушки не было дома, она осторожно приоткрывала запретный комод и с безопасного расстояния разглядывала его содержимое. Ничего не трогала, только смотрела, на всякий случай стараясь не дышать. Однажды она не утерпела и почтительно взяла в руки флакон духов, похожий на бокал из ребристого стекла, с пробкой в виде веера. Оля не уронила его и не разлила, она всего лишь вдохнула с пробки теплый пряный аромат, похожий на книжку про Синбада-морехода, но потом долго не могла смыть с рук благоухание запретного прикосновения и день проходила в страхе, что бабушка учует, разгневется и отправит ее домой.

Из редких бабушкиных рассказов Оля полюбила историю о детском доме после войны и о том, как десятилетнюю Тому взяла к себе на воспитание бывшая балерина, бездетная тетя Рая. Оля даже играла в это, когда бабушки не было дома: самая красивая кукла Рита с розовыми волосами была тетей Раей, а за маленькую девочку Тому выступала кукла Нина, зачуханная и заигранная в парикмахерскую до того, что лишилась скальпа. Рита манерно говорила: «О, именно о такой девочке я мечтала всю жизнь!», протягивала свои негнувшиеся руки навстречу обретенной дочери и танцевала по полу, подоконнику, столу, кружась и высоко вскидывая естественно тонкие длинные ноги.

Как Оля жалела, что у бабушки не сохранилось ни одной фотографии тех лет! Как ей хотелось сравнить реальную тетю Раю с тем образом, который постепенно вырисовывался из бабушкиных воспоминаний – стройной дамы с изящной шеей и строгим пучком, нетерпимой к неряшеству и разгильдяйству, с виду холодной – хотя взяла же в свой дом девочку-сироту, отдалась ее воспитанию столь же фанатично, как когда-то – своей незадавшейся балетной карьере. Тамара привыкала к ней долго, плакала, убегала из дома, срывала занятия кружка, который вела для девочек тетя Рая (танцы, хорошие манеры, рукоделие), понимая, что она там хуже всех. И до того даже дошло, что из вредности Томка портновскими ножницами отчекржила, зажмурившись от страха, свою длинную косу. Но день за днем из подобного сора, из разномаст-

ных обид, попыток бегства, из скрытого восхищения непривычной красотой тети Раи и ночных слез в подушку выросла горячая привязанность, почти родственная любовь.

ТАМАРА

До выпускных экзаменов оставалось три месяца и в шкафу поселилось шелковое платье с юбкой, похожей на раскрытый бутон, когда Тамара начала прогуливать.

Тамара не любила школу, а в школе не любила ее. Училась она неважно, честь класса не защищала, зато излишне думала о красе ногтей. Любительскую балетную выправку, вбитую-таки тетей Раей, одноклассники и учителя принимали за высокомерие, неловкие попытки научиться женственности – за манерность. К тому же Тамара отбивалась от коллектива, избегая бессмысленных культпоходов «всем классом» в театр, куда любила ходить одна или тетиной дуэньей, и экскурсий в шахту или на металлургический завод, где трудились чужие отцы и какие-то неведомые ей старшие товарищи.

Не реже раза в месяц одноклассники проводили собрания, на которых казенными словами бранили Тамару. Повод найти было легко – то она пришла посреди недели с белой лентой в косе, то схватила вторую двойку по физике подряд, то не явилась на субботник и принесла от тети Раи записку о мигрени (барские замашки). Тамаре не было стыдно, но она старалась изображать раскаяние, чтобы уйти наконец-то домой.

Тетя Рая настаивала, чтобы Тамара окончила десятилетку и поступила в институт, но к окончанию школы Тома уже знала, что прямая дорога ей в училище. Она мечтала шить нарядные платья или костюмы для театра. Соседка по парте Света, с которой она пыталась дружить, назвала ее мечты буржуазными.

Февраль почти обратился мартом. Давно не было снегопада, по паркам и крокам дорог серели залежалые сугробы, но в воздухе уже ощущалось дуновение весеннее и нежное, как перезвон подвесок трофейной люстры.

Тамара уходила из дома вовремя, с портфелем, но не доходя до школы, сворачивала в другую сторону и, отойдя подальше, поджидала трамвай. Она ехала до конечной, но если все пассажиры выходили раньше, за ними выходила и Тамара – ей неуютно было оставаться в трамвае и казалось, что вагоновожатый все про нее знает. И шла куда глаза глядят. Иногда по пута-

ным улочкам незнакомого ей квартала, иногда – туда, где город превращался в сосновый бор, бродила по тропам, оставленным любителями природы. Строгие сосны, как атланты, держали над городом бело-хмурое зимнее небо. Становилось легче дышать, и на душе делалось спокойнее, и само собой понималось, что даже у самого плохого есть конец.

В последнее время Тамара чувствовала себя очень странно. Всегда бодрая и живая, на физкультуре первая во всем, Тамара стала быстро уставать. Она ложилась спать в девять вечера (хотя раньше засиживалась с шитьем до полуночи), но не помогало – по утрам ее мутило, будто от голода, даже после завтрака, посреди дня – клонило в сон, голова кружилась, организм требовал крепкого горячего чая и посидеть спокойно или, лучше всего, вырваться на воздух, прочь из отвратительных бледно-зеленых школьных стен.

Она прогуливала со знанием дела, в школу приносила записки о болезни с подписями, не отличимыми от тет-Раиных. Вроде бы сходило с рук, учителя ей верили, но несколько недель спустя завуч позвонила тете Рае, чтобы всерьез поговорить о здоровье Тамары: скоро экзамены, девочка много пропустила, непорядок...

Тамара уже засыпала, когда тетя Рая включила в комнате свет и сдернула с нее одеяло:

– Разлеглась, лентяйка! Докатилась! Твоя учительница звонила. Ты это что ж творишь-то, а? Тебе не стыдно?

– Я всего два дня пропустила, – пробурчала Тамара в подушку сонным голосом. – Завтра пойду, – пообещала она, лишь бы ее оставили в покое.

– Совести у тебя нет! Опять нахватаешь троек! Ты хотя бы уроки на завтра сделала? Или опять скажешь, что вам не задавали?

– Нам не задавали, – не задумываясь, ответила Тамара.

– У тебя, случаем, зубы не болят? – неожиданно спросила тетя Рая.

Тамара только головой помотала. Было дело, в прошлом году Тома неделю терпела острую боль, лишь бы не идти к дантисту. Но уж лучше зубы, хоть все пусть лечат, это такая мелочь по сравнению с изнурительным ожиданием, когда первое утреннее чувство – это надежда: все случится сегодня, а если нет, значит, завтра наверняка, в любом случае – до воскресенья. И ведь в этом ожидании надо жить: дежурить по кабине-

ту, развешивая карты перед уроком географии, писать контрольные, заниматься после уроков со Светой, которая взяла ее, отстающую, на буксир, есть в школьной столовой, как ни в чем не бывало, сидя за одним столом со все еще нормальными людьми, которых по каким-то странным причинам волнует, что у Тамары выходит тройка в четверти по физике.

– Ну спи, – тетя Рая погасила свет. Но с порога вернулась и резко спросила: – Постой-ка, а когда у тебя в последний раз были дни?

И Тамара сдавленно ответила:

– Еще до Нового года.

Не говоря ни слова, тетя Рая вышла, плотно закрыв за собой дверь.

Наутро молчание продолжилось. Завтрак не лез Тамаре в горло. Она наспех выпила чай, побросала в портфель первые попавшиеся учебники и ушла в школу. По дороге ей казалось, что каждый прохожий смотрит на нее с осуждением.

Тетя Рая забрала ее после второго урока. Отправились к врачу, но не в городскую больницу, как ждала Тамара, а совсем в другую сторону. Ехали на трамвае, потом долго шли пешком. Всю дорогу Тамара ловила в себе остатки надежды. Вдруг она узнает, что тревога ложная, или можно просто выпить какую-нибудь таблетку, и все пройдет само собой.

Они пришли в самый обычный жилой дом. Во дворе громко играли в войну дети. Дверь открыла тщедушная женщина непонятного возраста, назвала тетю Раечкой, как старинную подругу, надела белый халат, велела раздеться и уложила Тамару на диван. Осмотр прошел быстро. На Тамару пару раз прикрикнули, чтобы лежала спокойно и убрала руки, и все закончилось. Пока Тамара одевалась, путалась в чулках, врач тихо говорила на кухне с тетей Раей и, кажется, заодно помешивала суп: «Так, соли хватит. Что ж вы так поздно пришли?».

Трамвая ждали долго. Крупные хлопья снега скрывали дорожную слякоть, летели в лицо, влажно липли к пальто. Тамара стояла так, чтобы не смотреть на тетю Раю, смотрела на дорогу, и ей казалось, как бы издалека, что она тут бывала. То ли правда, то ли нет. Будто она сидит, маленькая, в санях, закутанная до невозможности голову повернуть, кукуется, а прямо перед ней размашисто шагает высокая фигура в длинном черном пальто и валенках. Торопится – холодно, надо успеть в сад и на работу. На голове – мужская ушанка. Мама. Столько любви

сквознуло из мелкого (не больше фотокарточки на паспорте) и смутного воспоминания... аж сердце захолонуло.

«Вот бы мальчик», — неожиданно подумала Тамара.

Тетя Рая смахнула снег с ее воротника, взглянулась в Тамарино лицо и сказала обычным голосом, как если бы речь шла о том, что приготовить на обед:

— Ну, как-нибудь сложится. Куда деваться.

Она не задавала лишних вопросов, и только через несколько лет, уже после тетиной гибели (в гололед, поскользнувшись на каблуках, она уехала напрямик под колеса грузовика), Тамара поняла: тетя Рая всегда знала правду.

Тетя Рая любила мужчин, а мужчины любили ее. Принимала гостей почти каждый вечер, живи она полвека назад, прослыла бы светской дамой. Кавалеров у нее было много, даже один генерал заходил — единожды появившись у тети Раи, почти каждый стремился туда вернуться.

Она была хорошенькой женщиной, которая стреляла глазами и ненавязчиво слушала мужчину, едва наклонив голову — ровно так, чтобы это выглядело трогательно, но не глупо. Могла поддержать любую беседу, остановить спор в нужный момент, сглаживая неминуемую ссору. При случае любила составить партию и в бридж, и в покер, и в шахматы — почти на равных. Играла бы и вальсы Шуберта, да жаль, в доме не было инструмента. А танцевала она... А ножки...

Раиса с радостью принимала подарки — отрезы на платья, тонкие чулки и прочие женские штучки, пластинки, под которые потом и танцевали дорогие гости, не отказывалась от контрамарок на гастрольные спектакли. Злые языки говорили, что и в двухкомнатной квартире поселили ее не просто так. Известно, что не реже четырех раз в год ее звали замуж, она вежливо отказывалась, но мужчину от дома не отлучала. А если и что другое было за закрытыми дверьми — это не наше дело.

Тамара почти никого, кроме самых завсегда-таев, не помнила в лицо. Мысленно она делила гостей на «шинели», «фуфайки» и «пальто». Вне зависимости от того, зимой они появлялись или летом, заглядывала в комнату и думала: так, три «шинели», это надолго. Или: «пальто», сидит на краешке стула, наверное, скоро уйдет. Женщины

приходили редко, если только собиралась большая компания, они сидели рядом со своими мужчинами, уцепившись кто за рукав мужа, кто за его колено, и в общем разговоре не участвовали. Или же собирались на кухне и о чем-то там непрестанно и недобро гудели, как большое осинное гнездо.

Часто вечера затягивались допоздна. В соседней комнате танцевали под патефон, смеялись, говорили тосты. Звали и Тамару, приглашали танцевать, но она стеснялась и предпочитала отсиживаться у себя. Утром Тамара едва вставала в школу. Если была суббота, тетя Рая отсыпалась до обеда, а Тамара перед уроками, на цыпочках проскользнув на кухню, тщательно осматривала стаканы, составленные рядом с раковиной, с остатками вчерашнего праздника. Обнаружив на донышке вино, Тамара допивала его и, вдогонку, смывала крепким чаем полузапретную сладость во рту.

Один из «пальто» был особенно ей неприятен: чуть ниже ее ростом, тощий, кадык выпирает, светлые жидкие волосы прилизаны назад, ресницы все время кажутся влажными. Зовут Анатолием. Тамаре не нравилось, как он на нее смотрит — будто на большой кусок колбасы. Она уходила в свою комнатку, занималась там уроками, но все время, что он находился в доме, было тревожно: он открывал дверь, пытался вытащить Тамару в компанию, однажды предложил тост за ее здоровье и красоту, от чего тетя Рая недовольно поджала губы. Хотелось забыть, как однажды он, неслабо выпивши портвейна, оставил гостей, зашел к Тамаре, сидевшей за сочинением, наклонился к ней со спины и сказал: «Томусь, я от тебя томлюсь». Тамара несколько дней не могла избавиться от ощущения его липкого дыхания на шее.

Вскоре она встретила его в городе, рядом с рынком. Увидев у нее в руках сетку с картошкой, он возмутился: «Тамара! Зачем вы носите тяжелое? Надо было мне сказать, я бы вам купил!» Он проводил ее до дома, и Тамара из любезности пригласила его на чай. Тети Раи не было дома. За чаепитием не знали, о чем говорить, он вежливо спрашивал о школе, как у первоклашки, нравится ли ей учиться, кем она хочет стать в будущем, и оба чувствовали неуместность разговора. Тамара пыталась улыбаться, как тетя Рая, но мучилась под его влажным взглядом и отвечала односложно, всей душой желая провалиться вон в ту щель между половицами. Она

чувствовала, что нравится ему, и это было одновременно и приятно, и брезгливо, и еще появилось в ней ощущение какой-то новой силы.

Через неделю он нагнал ее по дороге из школы. «Тамара! — радостный, покрасневшийся, смотреть тошно. — Давайте заглянем ко мне! Я передам для Раисы одну пластинку, хорошую, мне из Ленинграда привезли. Французские песни, представляете. Я рядом живу, пойдемте же!»

И она пошла. Пластинка — дело хорошее, тетя Рая обрадуется.

Анатолий жил в коммуналке недалеко от ее дома, с окнами на реку. Он сразу спросил, не хочет ли она послушать пластинку. Тамара сама не знала, зачем согласилась.

В комнате Анатолия целую стену от пола до потолка занимала этажерка с книгами, зато стульев не было ни одного. Тамаре пришлось сесть на край пружинистой кровати, у изголовья которой на тумбочке обитала радиолка. Анатолий осторожно подул на пластинку и поставил ее, стоя на коленях перед табуретом и, никак иначе, рядом с Тамарой. Стало стыдно за штопку на чулке, поджала пальцы ног.

— Я сейчас одну песню поставлю, — сказал он. — Красивая. Слушай!

Когда мелодия стихла, Анатолий схватил Тамару за руку и нервно спросил:

— Тамара, как ты думаешь, я нравлюсь твоей тете?

— Я не знаю, — в душе зудело, как от укуса крапивой. То ли ревность, то ли обида на себя — никогда ей не стать такой, как тетя Рая.

— Мне стоит к вам приходиться?

— Говорю же, не знаю! — почти со слезами сказала Тамара, вскочив с кровати. — Мне пора!

— А ты, Тамара, ты будешь рада, если я приду? Только к тебе приду, не к Раисе?

— Мне пора домой! У меня уроки!

Тамара поспешно наматывала шарф, зашнуровывала ботинки в прихожей, куда же подевались перчатки, Анатолий побежал в комнату за пластинкой — забыли! — постойте, подам вам пальто — и пока ее пальцы теребили одну пуговицу за другой, он притянул ее к себе и прижался щетинистым подбородком между шеей и левым ухом...

Она ушла от него только вечером и больше никогда его не видела. Кажется, вскоре он переехал в другой город, не попрощавшись ни с Тамарой, ни с тетей Раей.

А та самая песня с французской пластинки была красивая, как заклинание. Тамара не поняла ни слова, кроме «монамур», но и так было ясно, что пелось о нежности, о неотвратимости и ненапрасности любви, о благодарности за сердечную боль, о людях, память о которых намертво вживается в душу. И все это не имело ничего общего с Анатолием.

Славушка, солнечный человечек, одуванчик, птенчик, родился восьмимесячным, двадцать пятого июля 1967 года. Отчество записали как у Тамары — Иванович.

ВАЛЕРИЙ

Четыре года спустя с тетей Раей случилось несчастье.

Похороны взял на себя кто-то из Раисиных поклонников. Тамару, бледную (две ночи без сна), осиротевшую, без конца поили лекарствами и чаем, заставляли есть суп, возили на машине в бесчисленные серые кабинеты и длинные коридоры, показывали ей, где в документах надо расписаться, привезли для поминок водку и продукты. Жена этого человека напекла блинов и на несколько дней приютила Славу. Сам спаситель даже ночевал у Тамары, разложив матрац поперек гостиной (чтобы не спать в постели тети Раи), но Тамара потом так и не смогла его вспомнить. Кажется, он был из «шинелей».

Шло время, Тамара кое-как переползала из одного дня в следующий, в точности такой же. Работа требовала внимательности, стрекот швейной машинки помогал отвлечься. Вечерами, уложив Славу, Тамара пыталась уснуть и сама. Подолгу вылеживала с закрытыми глазами, ожидая наступления милосердного сна, и вдруг будильник издевательски сообщал о наступлении утра.

Сын наотрез отказывался оставаться в саду, но куда деваться — Тамара с тяжелым сердцем уходила на работу. Слава хватал ее за подол платья, падал на пол и захлебывался отчаянным плачем. Ей и самой вцепиться бы в юбку тети Раи, чтобы не смела уходить, не оставляла ее одну.

Платья тети Раи так и висели в шифоньере ровнехонько, у Тамары не поднималась рука разобрать и спрятать ее вещи. Одно платье, правда, она примерила: темно-синее, с отложным воротом, оказалось Томе почти впору. По-

кружилась в нем перед зеркалом и сняла. Не хотела, чтобы платье изменяло тете Рае с другим телом, помоложе.

Тамара удивлялась, как при кажущейся своей недововитости тете Рае удавалось виртуозно дирижировать хозяйством. Тамаре дом не поддавался долго, все шло наперекосяк – ежедневно что-то терялось, заканчивалось, ломалось, пыль оседала на прежнее место через полчаса после уборки, скрипели полы и двери, мутнели окна. Тамара снова стала обкусывать ногти, хотя знала, что за это тетя Рая надавала бы по рукам. Каждый раз слышала в голове ее строгий голос и спешно убирала руки от лица.

В один из таких уныло-осиплых дней Тамара потеряла ключ. Похоже, что он выскользнул в снег из кармана еще утром, где-то между домом, детским садом и работой, когда Тамара опаздывала, бежала, взрывая санками пушистые бразды, к большому удовольствию Славушки. Вечером она долго выворачивала карманы пальто и сумку перед запертой дверью, еще раз прогулялась по обычному маршруту, глаз не отрывая от дороги. Попутно потеряли Слаvinу варешку, ее нашли, ключ – нет.

Вернувшись назад, Тамара привычно постучалась и сразу заплакала, вспомнив, что дверь ей никто не откроет.

– Вы не с двенадцатой квартиры?

Тамара обернулась. По лестнице шел незнакомец.

– А вы к кому? – Тамара по-детски вытерла перчаткой нос.

– Раиса Ивановна здесь живет?

– Жила, – вдох-выдох. Столько раз говорила, а все равно не все слова выговариваются с первого раза. – Тетя ум...мерла.

– Мои соболезнования. Можно войти к вам? У меня для нее посылка.

– Нельзя. Я ключ потеряла, – развела руками Тамара.

– Зачем же вы здесь стоите? Ждете мужа с работы? Пошли бы хоть к соседям, не мучайте парубка.

Парубок сидел на санках и сосредоточенно изучал содержимое собственного носа.

– Я не замужем, – ответила Тамара.

– Тогда позвольте, я на правах мужчины здесь немного поковыряюсь. Запасной ключ у вас есть?

Тамара кивнула.

– Лучше вам все же замок поменять. Мало ли что.

Она стояла у него за спиной и настороженно наблюдала, как он со знанием дела орудует перочинным ножом. Интересно, кто он по профессии? «Пальто». Руки и ногти чистые (первое, на что приучила обращать внимание тетя Рая). Лет тридцати, высокий, чуть сутулый, щеки пухлые, красные с мороза – почти детское лицо. Тамара подумала, что хотела бы себе такого отца, дядю или брата. Шапка мешала ему, сползала на лицо, он отдал ее Тамаре – подержите, и выпустил на волю чуть примятые, давно нестриженные, непослушные пружинки темно-пепельных кудрей.

Наконец дверь поддалась и со скрипом открылась.

– А у меня сегодня день рождения, – вдруг вспомнила Тамара.

– Тогда считайте, что это вам подарок, – он кивнул на сверток, предназначенный тете Рае.

Тамара спохватилась:

– Заходите. Чаю налью. Меня Тамара зовут, а это Слава.

– Валерий. Будем знакомы.

Раньше каждый день рождения начинался с подарка от тети Раи на стуле у кровати – новое платье, бусы или сумочка, расшитая бисером, а год назад – тушь в коробочке, чтобы красить ресницы в выходные, и потрепанный, знавший нескольких владельцев томик стихов Анны Ахматовой. Тамара визжала, наряжалась, скакала перед зеркалом и убегала в школу, переодевшись в скучную форму. После ужина они с тетей Раей пили вдвоем чай с самодельным сладким пирогом и шоколадными конфетами. Гостей Тамара никогда не приглашала, и в мыслях не было, но иногда без предупреждения приходил кто-то из друзей тети Раи, присоединялся к застолью, желал Тамаре всегда оставаться молодой и красивой, а она чувствовала себя третьей лишней и, поспешно доев пирог, уходила к себе в девичью.

Тома поставила кипятиться чайник, высыпала на блюдце остатки печенья.

– Жаль вашу тетю, – Валерий зашел на кухню. – Мне говорили, что она была необычной женщиной. Так с ней и не познакомился.... Почему вы не открываете подарок?

Тамара развернула сверток и с удивлением обнаружила в нем учебник тригонометрии для десятого класса.

– Вот я болван! – с чувством сказал Валерий.
 – Перепутал! Всегда со мной так! Отдайте, отдайте мне это немедленно. Завтра вечером принесу вашу посылку! Вам удобно, если я приду завтра в это же время? Вообще-то я приехал до конца недели.

– В командировку?

– Что-то вроде того, на гастроли.

– Вы артист? – у Тамары затрепетали ресницы.

– Да вы что, конечно нет! Я учитель музыки, езжу со своими учениками. Со мной приехал целый хор.

Оба засмеялись.

– Очень хорошие ребята, такие талантливые! Приходите на концерт в субботу! Мы будем выступать в Доме культуры строителей.

Тамара сказала, что придет.

* * *

Следующим вечером Тамара надела свое лучшее платье и густо накрашила ресницы, долго разделяя их иголкой. Подумала и надела серьги тети Раи, длинные, с камнями под изумруд (и досталось же Тамаре в школе за проколотые уши, вспоминать смешно). Лицо сразу преобразилось, стало взрослее и опытнее, тетя Рая ее бы похвалила. Теперь духи «Красная Москва» из тетиного заветного ящика – и порядок.

С ужином сложнее, но жареная рыба получилась вполне съедобной, винегрет испортить трудно, а о том, что случилось с блинами, никто не узнает. Зато белая скатерть на столе. Нет, пожалуй, это лишнее. И платье тоже. Еще бы свечи зажгла! Скорее всего, он вообще не придет. Стояла перед ним вчера, тетеря, распустиха, замерзшая, зареванная, в пальто на два размера больше. Еще и с ребенком!

Звонок в дверь, бегом побежала открывать.

– Тамара, привет, срочно посмотришь в зеркало, кажется, тебе что-то в глаз попало.

Ну вот, всегда с ней такое – встретила гостя красавицей, под глазами черно от размазанной туши, даже на нос попало, страшно смотреть. А он, как ни в чем не бывало, отдал подарок. Тамара открыла – это был шелковый шарф фиалкового цвета, столь же красивый, как и бесполезный.

Увидел портрет тети Раи, написанный одним из ее кавалеров. Тетя Рая портрет не любила (как, впрочем, и кавалера), повесила картину, только чтобы не обижать поклонника, и все хоте-

ла снять, но не успела. Она говорила, что у нее на портрете капризное, избалованное лицо, хотя на самом деле она просто устала позировать.

– Тетя? – спросил Валерий. – Да, эффектная была женщина.

Хорошо, что не сказал «красивая».

– Знаешь, как я увидела ее в первый раз? К нам в детс... школу на смотр самодеятельности приехали настоящие артисты. Сидели в жюри. А тетя Рая была балерина, в молодости танцевала, потом получила травму колена, и все. Могла только преподавать.

– Ты выступала перед ней на конкурсе?

– Нет-нет, это был конкурс для старшеклассников, а я была мелкая, третий класс. Меня же вообще в тот день наказали, не помню уж за что, но велели сидеть в классе и никаких концертов. А я сбежала и затерялась в актовом зале. Видно было плохо, но я сразу заметила тетю Раю. Она была... Я таких никогда раньше не видела. Сразу же – шея, плечи, так держала голову. Как будто она на сцене, а на ней балетная пачка и пуанты. Я даже удивилась, когда потом увидела, что она в простой черной юбке. Потом я пошла за ней до машины. Хотелось на нее смотреть, смотреть и смотреть, повторять все ее движения....

– Она ведь тебе не родная тетя? – спросил Валерий.

– Это смотря в каком смысле.

Он кивнул. Все было понятно.

Ужинали, беседовали, пили чай. Тамара уложила сына спать, снова пили чай и болтали, прерываясь для того, чтобы приносить Славушке медведя для обнимания, водичку и горшок. Потихоньку, на небольшой громкости слушали пластинки. Ту самую, с французами, Валерий поставил первой. «Монамур», пел из Парижа нежный и тревожный баритон, «Монамур», жалел, тосковал, призывал, вспоминал. Тамара хотела танцевать, но стеснялась предложить, а Валерий не догадался. Он слушал музыку и держал ее руки в своих. Спросил: «Можно ли?», – и обнял за плечи, расплел косу, пригладил распущенные волосы. Столько надо было спросить, о стольком промолчать, о стольком догадаться.

Переживала, не женат ли. Как бы невзначай спросила, с кем он живет. Ответил, что с бабушкой, ей за семьдесят, он волнуется каждый раз, когда она выходит из дома: бабушка повадилась заводить с первым встречным беседы, как ей хорошо жилось при царе.

Засиделись за полночь.

– Тамара, я же тебя не побеспокою?

Она постелила ему на кровати тети Раи, сама ушла в свою комнату. Забираясь под одеяло, она поняла, что давно не чувствовала себя такой спокойной. Все было правильно, все свои были дома. Она, ее ребенок и один очень хороший человек. Странно, она знает этого мужчину чуть больше суток, всего ничего, еще во вторник днем она прошла бы мимо, не оглянувшись, но откуда взялось такое мгновенное узнавание касания его руки?

И тут ее пронзило осознание – остались четверг, пятница, суббота, и после концерта Валерий с воспитанниками уедет на ночном поезде в свой Абакан. «Какое наглое, спесивое название у этого города», – подумала Тамара, застонала, закусила губы. Она представила, как Валерий с чемоданом, почему-то клетчатого цвета, почему-то летом, поднимается по насыпи к своему вагону и машет ей с подножки рукой, а она стоит вдали в одном из платьев тети Раи и новом шелковом шарфе и машет ему в ответ, дескать, до свидания, было приятно познакомиться, если снова приедешь, заходи в гости.... Не верилось. Какой-то абсурд. Но другая, воображаемая, Тамара, которая плакала, цеплялась за руку Валерия и просила его не уезжать или взять ее с собой, была ей неприятна, и знаясь с такой она бы не хотела.

В окно заглядывала луна, белая и блестящая, будто изнанка солнца. Было слышно, как сопит во сне Славушка, как скрипит в соседней комнате кровать, когда Валерий переворачивается на другой бок, как отсчитывают время ходики, в которых давно-давно отказалась работать кукушка. Тамара приоткрыла дверь, прислушалась к дыханию человека в соседней комнате – вдруг тоже не спит. Кажется, не спит. Запела в душе благодарность, сердце сжалось в радостном предвкушении: впереди до отъезда Валерия еще четверг, пятница, суббота и наверняка много других суббот, четвергов, пятниц – спасибо!

В субботу Тамара не пришла ни на концерт, ни на вокзал. Славушка выдал температуру под сорок и покрылся сыпью. С Валерием сумбурно простились на крыльце детской больницы, даже не поцеловались толком. Валерий клюнул в макушку твердыми губами: «Иди к сыну. Я тебе напишу». Тамара, не оглядываясь, притко вбежала в больничные двери.

Он написал ей еще в дороге. Это письмо, начерканное химическим карандашом на полях невесты откуда взявшейся в чемодане театральной программки со спектакля «Маленькая женщина с большим характером», стало первым в стопке конвертов в комоде Тамары. Она перечитывала его бесчисленное число раз, в первый же день выучив наизусть. «В следующий раз я приеду летом, – между фамилиями режиссера и художественного руководителя, – Никогда не верил в судьбу, но теперь мне кажется, что это не пустое слово, – под строкой «цена 50 коп.», и в самом конце, мелкими буквами: – Носи платок, он тебе к лицу».

Валерий приехал, как и обещал, летом, на целых две недели. И уехал. И снова приехал, на зимние каникулы. И снова уехал, до Первой. Тамаре казалось, что ее жизнь превратилась в одно сплошное ожидание – приезда, письма, посылки с оказией. Еще пуще она ждала простых человеческих слов: «Приезжай ко мне» или «Можно, я останусь насовсем?».

Спустя год он признался, что до их знакомства была у него в Абакане подруга, почти невеста – Наталья, которая до сих пор проявляла к нему внимание. Тамара, предчувствуя неладное, злилась, устраивала сцены. При прощании на вокзале она сказала: «Можешь больше не приезжать», – и медленно пошла прочь, вытянувшись струной. За спиной пыхтел, скрежетал, разгонялся поезд.

Целый год от Валерия не было ни строчки. Без него Тамара самой себе казалась похожей на картонную куклу из детского набора «Одень Машу». Как для куклы можно было менять бумажные наряды, так Тамара примеряла на себя такие же несерьезные романы. А что? Так тоже неплохо. Один помог с ремонтом, с другим было хорошо ходить в театры, третий достал для Славушки коньки, которые невозможно было купить в магазине. Редкий вечер Тамара проводила дома одна, всегда кто-то или звал гулять, или приходил в гости. Однажды она, оставив на минутку гостей, мельком взглянула на себя в зеркало трельяжа, чтобы подправить помаду, – и замерла, пораженная: вместо своего лица она увидела отражение тети Раи.

На следующий день, как снег на голову, объявился Валерий. Не прогнала. Признался, что женился на Наталье. Все равно не прогнала. Не сразу смогла лечь с ним спать в одной кровати, но и выгнать Валерия из дома было выше ее

сил. Кем-то всесильным было определено, что его место здесь, рядом с Тамарой.

Он прожил у нее целый август. Славка вообразил, что Валерий его отец, и первого сентября пошел во второй класс, держась за крепкую мужскую руку: больше никто не посмеет сказать, что у него нет папы. В тот же день Валерий взял билет до Абакана. Он обещал Тамаре, что вернется не позднее, чем ляжет снег, и больше никуда от нее не уедет.

Не вернулся, конечно же. И больше не писал.

* * *

После этого она все думала о двух несбывшихся днях. Если бы ей дали возможность изменить на выбор день из ее жизни – выбрала бы один из них.

Первый день не случился вскоре после того, как она узнала о Наталье, взбудораженная ревностью, встала не с той ноги. С утра Тамара ворчала и едва сдерживала колкости, которые так и приплясывали, жгучие, на языке. Чудом не поссорившись за завтраком, поехали с Валерием за город. Обычно им нравилось выбираться на природу, на реку или в бор, и, расстелив в траве старое одеяло, проводить вдвоем, только друг для друга, неспешный, безделушный день.

В автобусе Валерий привычно взял ее руку в свою:

– Хватит дуться, – скомандовал и подставил щеку, – поцелуй скорее.

– Ты что, мы же не одни, на нас люди смотрят! – Тамара дернула плечом и отвернулась к окну.

Второй день не случился в Абакане. Прошло три месяца после Тамариного взбрыка на вокзале, и от Валерия все не было вестей. Тамара устала ходить гордо, улыбаться, даже если никого нет рядом, и не чаще двух раз в день заглядывать в почтовый ящик. Она сняла со стены портрет тети Раи, взяла недельный отпуск, пристроила Славушку к своей единственной подруге и села в поезд.

Город с первого взгляда показался ей маленьким и несуразным. Тамара нашла нужную улицу, изрядно поплутав, не сразу опознала и дом, стоящий чуть на отшибе – бревенчатый, сырой и какой-то отрешенный. Тома поднялась на второй этаж, постучала, сердце екнуло, как будто его сжали холодной рукой. К двери подошли, но отворять не торопились. «Мне нужен Валерий!» – выкрикнула Тамара самое честное,

что только можно было сказать, и услышала слабый надтреснутый голос: «Его нет». На часах было около пяти дня.

Долго ходила по улице, и с каждым шагом решительность, совсем недавно погнавшая ее в дорогу, становилась все жиже и грустнее, как чай, в безденежье заваренный на третий раз. Поужинала пирожками в кулинарии. Купила в молочном отделе и выпила бутылку кефира, сидя на скамейке у подъезда. Люди возвращались домой, но среди них не было ни одного Валерия. Темнело, моросило, замерзли руки без перчаток, второпях забытых дома. В одной из квартир начали глухо бить часы – Тамара насчитала десять ударов.

«Какая ты глупая! – вторглась в ее мысли тетя Рая. – Чему я тебя учила? Уж наверняка не бегать за мужиком. Мне бы твои годы», – тетя махнула рукой и исчезла.

В половине одиннадцатого Тамара бросила последний взгляд на дом Валерия и побрела на вокзал, пробовать обменять билет на поезд, чтобы уехать отсюда как можно скорее.

КАРУСЕЛЬ

После Валерия в жизни Тамары случалось много всякого.

Актер местного драмтеатра Власов (похожий на молодого Челентано), который приезжал к ней пьяным под тяжким бременем своего таланта и засыпал на диване. Тамара сидела рядом на полу и гладила его по голове, а внутри все плавилось от нежности.

Муж Павел, простой и надежный, как крепко сбитый стул (умер два года назад, царствие ему небесное, золотой был человек).

Дочка Раечка в кудряшках – стала-таки балериной и переехала в Екатеринбург.

Поездка в Болгарию и светлоглазый врач, красавец Славко. Он чуть-чуть говорил на русском, она не знала ни слова по-болгарски, но этого было достаточно, чтобы понимать друг друга.

В юности Тамара боялась состариться, оказалось – напрасно. Старость – признак души, не тела. Старость – это усталость, невозможность радоваться, удивляться, воспринимать новое. Глядясь в зеркало, Тамара Ивановна видела себя прежней, молодой, жаждущей любить не только детей и внуков. Ей казалось, что за последние тридцать лет она ни капли не изменилась. Иногда в зеркале отражалась молодящаяся особа с лицом, тщательно отутюженным у

косметолога, однако то был недолгий утренний морок, исчезающий после чашки свежесваренного кофе.

Но однажды в парке, пока Леля третий заезд подряд кружилась на цепочной карусели, визжа от восторга и хватая ртом цветущий летний ветер, Тамара Ивановна позавидовала ей. Ей подумалось, что у этой крепенькой, юркой, смешливой девчонки впереди множество дней, в каждый из которых будет дарована возможность встретить, полюбить, с кем-то слипнуться душами. И не только. Леля может впервые плакать над прекрасными фильмами, хохотать над коме-

диями, которые смотрели все, побывать в Венской опере, выпить кофе на Эйфелевой башне, научиться кататься на коньках, принести в дом щенка, проснуться в одной квартире с любимым мужчиной, плавать в море, услышать первый крик своего ребенка....

Тамаре Ивановне стало грустно.

– Ба, можно еще разок прокатиться? – дернула Леля ее за рукав. – Пожалуйста, пожалуйста, последний раз!

– Между прочим, я тоже хочу полетать, – ответила Тамара и поспешила к кассе.



Светлана
УЛАНОВА

ПОД ШЕЛЕСТ ЛИСТВЫ ОСЕННЕЙ ЗАБЫТЬСЯ В СОБСТВЕННЫХ МЫСЛЯХ...

* * *

Там на дыбы встает земля,
И облакам от дыма тесно,
Не пух роняют тополя,
А пепел – бедная Одесса...

Когда от слез глаза, как тень,
И боль не кажется вчерашней,
Что толку в мелкой суете,
Когда сестре дышать опасно?

Молю я небо, снизойди,
Пошли на землю ливень хлесткий!
Вселенский разум возроди!
И там и здесь растут березки...

БЕСКОНЕЧНО ДОРОГО

Сменить бесконечную зиму на бесконечность
лета,
Где есть бесконечное море и бесконечность
света,

Где новых лиц бесконечность и свежий
весенний ветер,



И вместо зимней суровости день золотист
и весел.

Смогу я там затеряться в лицах, мне
незнакомых,
Где даже холодный камень живет по другим
законам...

82

Смогу ли?.. А может, лучше остаться, пока
не поздно,
И вспомнить, как в тихой речке ночью
купаются звезды,

Дремать под березой летом под шепот
знакомых листьев,
Под шелест листвы осенней забытьсЯ в
собственных мыслях...

Уйти в знакомые дали, где детство, как было
и небыло,
Где есть бесконечное небо и бесконечность
снега...

Где бегали наши дети и воспоминаний ворох,
Где почерк родного края мне так бесконечно
дорог.

Уланова Светлана Владимировна родилась 2 января 1967 года. Окончила Кузбасский политехнический и Томский архитектурно-строительный университеты. Замужем, мать троих детей. Работает маркшейдером на шахте.

Публиковалась в журналах и альманахах «Огни Кузбасса», «Союз писателей», «Бег», «Русский писатель», «Московский вестник», «Наше поколение», «Кольчугинская осень» и др., литературных сборниках «Поэты России», «Поэзия без границ», «Лик», «Шахтерская доля такая», в московском еженедельнике «Слово».

Победитель 2-го Всероссийского фестиваля поэзии им. Алексея Бельмасова – 2014.

Автор книг стихотворений «На тонких струнах любви» (приложение к журналу «Огни Кузбасса») и «Кольчугино ко-лечко».

Живет в Полысаево Кемеровской области.

ОНА

Она привыкла быть всем доброй матерью,
На праздник стол накрыть, да белой
скатертью...

Зачем судьбой навек была отброшена –
Войной и голодом совсем изношена?

Детишки выросли да поразъехались,
И часто «горькая» – теперь утеха ей...

Трудилась праведно с серпом и молотом,
За все платили ей совсем не золотом...

Теперь орудия – в сарае ржавые...
Уже не помнит, как сама держала их...

Она привыкла быть всем доброй матерью,
Боюсь увидеть я ее на паперти...

ЕЩЕ НЕ ВРЕМЯ

Пришла беда, стоит у двери...
Я не могу в нее поверить!
Я не хочу ее примерить,
Зачем стоит у нашей двери
Упрямо?

Я по тебе уже тоскую,
С болезнью я борюсь вслепую...
И от судьбы не жду ответа,
Мне нет роднее человека,
Чем мама...

Больница, белая палата –
Еще не время для заката!
Я поделюсь с тобою кровью,
Здоровьем, жизнью и любовью!
Встань, мама!

САМОЕ ГЛАВНОЕ

Самое главное счастье на свете,
Это когда появляются дети...

Нежность без меры, когда на подушке
Чувствую запах любимой макушки!

Как я целую твои локоточки,
Пальчики, ямочки и ноготочки...

Пульс не унять, если вижу невольно
Губки дрожащие, плач твой – мне больно...

И улыбаюсь, когда ты с пеленки
Мне доверяешь и тянешь ручонки.

Как наглядеться на чудо-глазенки,
Видеть улыбку – улыбку ребенка!

Счастьем дышу, не живу, а летаю,
Эти мгновения в сердце вплетаю!

* * *

Просто не было с утра настроения,
Завелась с пустого несовпадения...

Ну, зачем в сердцах на дочь накричала,
А она мне на обиду – смолчала?

Ни поспорила со мной, ни вопроса мне...
Не заметила, как дочь стала взрослою...

Ни слезинки... даже и не заплакала...
Стала первой на сердечке заплаткою...

Как доверие ее воскресить мне?
Приласкаю, обниму сильно-сильно!

* * *

Планету эту знаю наизусть,
Созвездия, с которыми дрейфую
Повсюду в жизни, и порой вслепую,
На радость натыкаясь и на грусть.

Я этот ветер знаю наизусть...
И у него семь пятниц на неделе:
То ураган, то ласков беспредельно...
И пусть бывает солоно на вкус.

Я это небо знаю наизусть –
Чем выше, тем таинственней и глубже,
И чтоб не быть приземистей и уже,
За облаками взглядом тороплюсь.

ЧЕРЕПКИ

От чашки любимой остались одни черепки,
Не склеить уже и в мозаику тоже
не вставить.
Узор, потускневший от времени и от руки,
Когда-то был моден – теперь до безумного
старый.

Прозрачность фарфора проверю, направив на
свет,
Увижу не дно – только трещины времени,
века...

Мы ищем ответы на всем протяжении лет,
Всегда забывая в себе поскрести по сусекам...

Оставив руины потомкам и горки земли,
Дорога к которым известна – богатым и
бедным.

Живем, если чувствуем – сердце о ком-то
болит,
Из памяти нашей никто не уходит бесследно.

Разбитая чашка. Окно. Солнце издалека
Не слепит глаза, но играет лучом
на запястье...

Когда-нибудь также состарюсь в любимых
руках –
А в этом, быть может, и есть настоящее
счастье...

ЖИЛИЩЕ ПОЭТА

Пусть жизнь протекает обычной прозой,
Рассказом о прошлом и о настоящем...
Жилище поэта – особенный остров,
Когда вдохновение животворяще.

Зачеркнуты строки безжалостно будут,
И строчка, одна, та, которую нужно –
Нечаянно вспыхнет, под стать изумруду,
И рифма окажется очень послушной.

Сидишь за столом, но над миром парящий,
Горишь маяком в полутьме, прямо в космос...
Когда вдохновение животворяще,
Жилище поэта – особенный остров!

БАБУШКЕ МОЕЙ

Ночь крадется черной кошкой,
Испугавшейся свечи...
Тянет из сеней морозиком,
Хлебным духом из печи...

Будем вспоминать о прошлом
Или просто помолчим,
И молчанье о хорошем
Растворяется в ночи.

Посиди со мной немножко,
Слово нужное скажи,

Проведи своей ладошкой
Мне по краешку души.

В КОРОТКОЙ ЮБКЕ

В короткой юбке,
налегке,
под шепот ветра
на длинных солнечных ногах
приходит лето....

ВСЕ ТАК БАНАЛЬНО

Все так банально и так привычно.
И, слава богу, что все отлично.

Простое утро, совсем не праздник...
Простые чашки, простые фразы.

Полоски солнца на стол упали.
Нам друг без друга прожить... едва ли.

Все так привычно, все так нормально.
Любить банально, и жить – банально...

Но это утро за занавеской!
Но это Счастье в кроватке детской!

НА АЛЛЕЕ ПУШКИНА

Здесь мое искрилось детство
С первыми веснушками...
Я душой пришла согреться
На аллею Пушкина.

Сказок много есть на свете –
Но его – дороже мне...
Пушкина читаю детям –
Вырастут хорошими!

СВЕТА

Я весну искала в межсезонье где-то
И кричала небу: «Света, света, света!»

Яркий май остался в бликах предрассветных,
Обернувшись ветром, я вбежала в лето...

Промелькнуло лето – бабий век не долог,
Я пришла к ответам, но уже за сорок...

За спиной осень пестрым силуэтом
Закричала вслед мне: «Света, Света, Света!»

* * *

Утро. В комнате дух кофейный
Воскресение всем несет.
Вызволяясь из лап Морфея,
Умывается белый кот.

С полноправной хозяйской хваткой
И без лишних других затей

Кот своею пушистой лапкой
«Намывает» в наш дом гостей.

В выходные особый гомон, –
Здесь особый живет мирок.
Приходите, у нас все дома, –
Скоро будет готов пирог.



Анатолий КОЛКОВ

КАК Я НЕ СТАЛ ФЕРМЕРОМ

Деревенские заметки горожанина

Эдуарду Ивановичу Витковскому
посвящается

Вторая половина восьмидесятых годов прошлого столетия.

Шла горбачевская перестройка. Пустые полки магазинов, разрушающиеся бараки, спивающееся население – все это говорило о том, что так жить нельзя. Но как тогда жить? Мы были уверены, что у нас самая передовая страна, потому что она построена по самой передовой теории, а все наши проблемы – это временные трудности и последствия Великой Отечественной войны. Но как объяснить процветание Японии и Германии, тоже прошедших через войну?

Колков Анатолий Иванович родился 7 апреля 1941 года в Кемерове. Во время войны с мамой и старшей сестрой жил на подселении в квартире на Новой колонии. «В конце войны мама вышла замуж за фронтовика, вернувшегося с войны, и я стал носить его фамилию. В начале пятидесятых годов семья построила собственный дом, и мы переехали жить за Искитимку. Здесь я поступил в школу и окончил семь классов. В 1955 году поступил в Кемеровский химико-механический техникум и окончил его по специальности «Электроснабжение промышленных предприятий». После техникума поступил на работу в кемеровский филиал института «Сибгипрошахт» на должность техника-проектировщика. После года работы был направлен на учебу в Новосибирский электротехнический институт, и в 1965 году окончил его по специальности «Техническая кибернетика». По окончании института поступил на работу в Новокузнецкое пуско-наладочное управление в качестве инженера-наладчика. За время работы участвовал в пуске ряда цехов Новокемеровского химкомбината, Топкинского цемзавода, Кемеровского завода мягкой кровли и других объектов. В 1968 году поступил на работу в комбинат «Кузбассуголь», где занялся созданием информационно-вычислительного центра, и проработал в нем до 1979 года в должности главного инженера. Там же подготовил диссертацию и защитил степень кандидата технических наук. В 1980 году прошел по конкурсу на должность заведующего кафедрой научных основ управления в кемеровском филиале Московского института повышения квалификации химической промышленности. В 1985 году перешел в Кемеровский государственный институт культуры на должность доцента. В институте создал лабораторию «Исследование процессов творчества» где и занимался научно-исследовательской работой. В начале девяностых годов в связи с резким ухудшением экономических условий жизни уехал в деревню Цыпино Топкинского района и занялся там фермерской деятельностью, что из этого получилось, изложено в данном рассказе. В середине девяностых годов вернулся в город и продолжаю заниматься научно-педагогической деятельностью. Моё главное увлечение – исследование процессов гармонического развития систем. По этой проблеме издан ряд работ и книг на русском и английском языках».

Конечно, нам нужно бороться с мировым империализмом и помогать слабо развитым странам... И все-таки...

Ввели талоны на продукты первой необходимости. Но, в отличие от карточек военного времени, на которые можно было получить, что положено, талоны практически ничего не решали, товаров все равно не было. Колбаса моментально кончалась, как только люди вставали в очередь. Сахар, который «выбрасывали» в самом неожиданном месте, так же моментально исчезал. Особенно острой была проблема с водкой. Правительство объявило борьбу с алкоголем. Поэтому водку продавали в самых захудалых местах: в полуподвалах, грязных ларьках и сарайчиках. В месте предположительной ее продажи моментально собиралась толпа и начиналась битва за жизненно важный продукт. Водка позарез нужна была не только пьяницам – в ней нуждались многие. Дело в том, что в эпоху тотального дефицита починить кран или поймать «левака» за трешку или пятерку было почти невозможно, кому они нужны, если купить все равно нечего. А за бутылку – другое дело. Вот и толпился народ в очереди. Дальше хуже – начались перебои с заработной платой. Мало того, что купить нечего, так еще и не на что.

Я работал доцентом в институте культуры и занимался исследованием процессов творчества. Впереди где-то маячила докторская диссертация. Но сейчас нужно было выживать. Самый надежный способ выжить – это обратиться

к матушке-земле. И я решил ехать в деревню. Тем более что, исследуя творчество, я мечтал заняться народными промыслами. Резьба по дереву и бересте, гончарное и кузнечное дело, лозоплетение – да всего и не перечислишь, на что способны народные умельцы. Однако в институтских условиях с постоянным недостатком помещений об этом можно было только мечтать. Вот если на природе построить мастерские, где будут собираться интересные люди, где можно будет свободно общаться и творить. Что может быть прекраснее! Мечты, мечты... И тут сама жизнь толкала в эту сторону: езжай, строй, собирай единомышленников. Однако с чего начать, когда нет ни денег, ни земли, ни людей. И я решил обратиться к друзьям.

У моего бывшего начальника и хорошего человека Анатолия Николаевича Абрамова был друг – директор совхоза под Топками – Анатолий Борисович Данилов. Выложил свои соображения Абрамову, тот был немногословен: поедem к Данилову. Данилов молча выслушал, потом спросил:

– А ты жил в деревне?

– В детстве жил у бабушки с дедом, потом каждую осень ездил на сельхозработы, когда учился в техникуме и институте.

– Ну, это еще не деревня, – сказал Данилов. – Жизнь в деревне – это вставать каждый день до зари, выгребать навоз у скотины, кормить и поить ее по несколько раз в день. Это работа без выходных, по колено в грязи весной и осенью, и туалет на морозе. И многое другое, о чем вы в городе и не подозреваете. Вообще-то вы вовремя приехали. Наше правительство решило, что колхозы и совхозы нерентабельны и деньги, которые им выделяют, уходят, как в прорву. Сейчас направление – на частное крестьянское хозяйство и фермерство. Я считаю, что коллективные хозяйства были бы гораздо эффективнее, если бы нам не мешали руководящие товарищи. Они почему-то уверены, что и как пахать, и как сеять и доить коров, знают лучше крестьянина. Правда, и сейчас толковые мужики умудряются обустроить жизнь в деревне не хуже, чем в городе. И дома со всеми удобствами, и магазин, и школа, и клуб. Да и результаты работы не хуже, чем у людей. Однако крестьянин от настоящей работы отучился. Кругом узкая специализация. Вспахал, а что вырастет, не его дело. Корова тоже не своя. На работу, главное, прийти, результат не важен, оплата-то все равно не зависит или почти

не зависит от результата. Ну раздадим землю крестьянам, а что он будет с ней делать? Техники нет, работать разучился, в семье три человека. Конечно, техника кое-кому достанется, кто к ней поближе. Значит, у одних будет все, у других ничего. Начнется зависть, злоба, а там до красных петухов и ружей недалеко... Землю мы тебе дадим, а там уж дело твое. Вас сколько таких желающих?

– Да пока я один. Друзья есть, но они говорят: «Ты пока начинай, а мы посмотрим и потом подключимся». Семья тоже смотрит на эту авантюру подозрительно. Начну пока один, буду учиться.

– У нас есть ферма в деревне Цыпино, деревня вымирающая. Это от центральной усадьбы двенадцать километров.

Цыпино находилась в красивом месте, кругом леса, в деревне большой пруд, пользующийся у рыбаков хорошей репутацией. В центре деревни несколько панельных многоэтажек, находящихся в ужасном состоянии, заселенных алкашами. На улицах – сплошная грязь летом и снежные заносы зимой.

А вообще место благодатное. Говорят, когда заграничные товарищи образовали в Кемерове индустриальную колонию, то именно в Цыпино они создали подсобное хозяйство для производства сельхозпродукции.

На краю деревни – участок (около двух гектаров) свободной земли, окруженный с одной стороны согрой (заболоченное мелколесье) и с другой – речкой, вытекающей из пруда. Место предназначалось для загона скота, возвращающегося с пастбища. Но коровы, нагулявшиеся за день, напрямик направлялись по своим стойлам, где их ждало пойло и охпка ароматного сена. Так что загон фактически не использовался.

– Ну, вот этот участок можешь и занимать, – сказал Данилов. – Землей вообще-то у нас советская власть распоряжается, но я поговорю с председателем сельсовета, думаю, что особых проблем не будет.

И действительно, проблем не было, и я получил в аренду два гектара земли. Конечно, это было необычно – в наше советское время стать хозяином двух гектаров земли. Теперь нужно было браться за создание крестьянского хозяйства, стать фермером. Начинать необходимо со строительства дома для жилья, потом – скотный двор, овощехранилище, холодильные камеры и,

наконец, заветные мастерские, о которых я пока все еще мечтал.

Разрешение на строительство и проект выдавала районная администрация и архитектурный отдел. Оформление этих документов тоже не потребовало большого труда. Не помню, стоило ли это каких-либо денег. Наверное, чиновники тогда еще не поняли всех своих возможностей.

Но в стране уже шел передел народной собственности. Появились ваучеры, назначение которых большинство людей так и не поняло. А кто понял, этим воспользовался. Куда я дел собственный ваучер, не помню.

Итак, можно было приступить к строительству, но для этого требовались деньги. В советское время главной проблемой были не деньги, а дефицит. Все строительные материалы были в дефиците и предназначались в основном для государственныхстроек. Частник же выкручивался, как мог. При этом большую роль играл блат, то есть связи, знакомства и принцип: ты – мне, я – тебе. Я считаю, что в этом нет ничего зазорного. Что в этом плохого, если у тебя есть знакомый или однокашник, к которому ты можешь обратиться за помощью, а он к тому же директор завода?

Я вспомнил, что у меня есть такой человек – директор железобетонного комбината Эдуард Иосифович Новиков. Мы с ним вместе учились в техникуме, а сейчас он директор крупного предприятия. Найти его координаты большого труда не составляло. Звоню:

– Эдуард, привет, помнишь такого?

– Конечно, помню, но ты извини, я сейчас занят, что звонишь?

– Надо поговорить.

– Хорошо, приходи вечером ко мне домой, там поговорим.

Вечером беру с собой сына, идем на встречу. Она происходит возле дома на скамеечке, при сиянии звезд. Рассказываю о своем проекте и о тех проблемах, которые с ним связаны. Новиков мечтательно смотрит на небо:

– Слушай, это здорово, я бы тоже в деревню, на свежий воздух, а главное, от этой суеты и нервотрепки. Но вот помочь-то тебе я вряд ли смогу. Я делаю продукцию для строительства промышленных предприятий – огромные плиты, фермы, перекрытия. Так что для строительства дома они вряд ли подойдут. Конечно, я могу дать тебе какую-нибудь бракованную плиту. Но что ты

с ней будешь делать? Ты на одном транспорте и кране прогоришь. Такие вот дела. Но, знаешь, у меня раньше был деревообрабатывающий завод (ДОЗ), вот там для твоей стройки много чего полезного: окна, двери, половая рейка и т. п. Правда, он от меня отделился, но там директором мой парень, Сметанин Виктор Иванович. Я тебя с ним познакомлю, а дальше ты с ним решишь свои проблемы.

На том и договорились. Не откладывая дело в долгий ящик, на следующий день появляюсь у Новикова на работе. Идем на ДОЗ.

– Виктор у себя? – спрашивает Новиков у секретарши.

– У себя.

Уверенно входит в маленький кабинетик.

– Виктор, привет! Это мой друг-ученый, он собрался перебираться в деревню, хочет фазенду там себе построить, так что помоги, чем можешь, хорошо? Ребята, извините, тороплюсь, вы тут без меня разберетесь.

Новиков ушел.

– Так, в чем вы нуждаетесь? – это Виктор Иванович обращается уже ко мне.

Я, несколько ошарашенный, говорю:

– Да я еще конкретно не составил перечень необходимых материалов...

– Составляйте, – говорит Виктор Иванович. – Я подпишу.

Окрыленный, иду составлять спецификацию.

Следует сделать небольшое отступление, связанное с деньгами. Как и все обыкновенные советские люди, я жил по нашим меркам безбедно – от зарплаты до зарплаты, никогда не имел сберкнижки и прочих «жировых» запасов. Мой сын Сергей, в то время студент Кемеровского государственного университета, со своими друзьями пробовал себя в бизнесе. Они издавали специфическую литературу, и он уже был при деньгах. Я решил обратиться к нему за помощью. Начал издавать:

– Сергей, не хочешь построить коттедж (тогда это слово только входило в моду)? У меня есть уже земля и проект.

– Что за проект?

Показываю.

– Нет, такой не хочу, примитивно. Я сделаю свой проект.

У Сергея склонность к проектированию и дизайну. Через несколько дней показывает довольно грандиозное сооружение, на мой взгляд, со

многими излишествами. Говорю ему, что это сложно и дорого.

– А мне не надо дешево, а надо удобно и красиво.

– Хорошо, – соглашаюсь я, – только давай сначала построим мой дом, потом твой.

На том и порешили, я получил первый кредит.

Иду на ДОЗ к Виктору Ивановичу со списком первоочередных материалов. Виктор Иванович подписывает почти не глядя.

– Идите в бухгалтерию, оплачивайте.

В бухгалтерии все подсчитали, сумма получилась, конечно, не маленькая, но вполне приемлемая.

Теперь нужен транспорт и доставка. Проблема транспорта – особая статья. Во-первых, это довольно дорогое удовольствие. Во-вторых, заказать большегрузный транспорт да еще на далекое расстояние было практически невозможно. Но, используя мудрый принцип «не имей сто рублей», обращаюсь к Анатолию Николаевичу Абрамову (тот в это время работал директором автопредприятия), он-то меня и выручил.

Иду на склад готовой продукции к кладовщице. Предъявляю документы об оплате продукции. Не тут-то было. Мне объясняют, что желающих получать товар много, а его мало. Поэтому, чтобы получить конкретный товар, нужна подпись директора. Иду в приемную:

– К Виктору Ивановичу можно?

– Его нет и сегодня не будет, приходите завтра.

Завтра прихожу к началу работы, спрашиваю:

– К Виктору Ивановичу можно, подписать?

– У него совещание.

Сижу, жду. Сотрудники постепенно выходят, я выжидательно смотрю на секретаршу, та невозмутимо стучит на машинке. Ну вот, кажется, выходит последний. Я напрягаюсь, как перед прыжком. В это время в приемной появляется бодрый представитель наших силовых структур, с широким погоном на плече:

– Виктор Иванович у себя? – спрашивает он и, не дожидаясь ответа, пинком открывает дверь.

За дверью слышны возгласы: «Здорово!» – «Здорово!» – «Привет!» – «Привет!». Хлопанье по плечу.

Похоже, это надолго. Через некоторое время в приемной новый посетитель и тоже в погонах и так же, не дожидаясь ответа секретарши, решительно входит в кабинет директора. За дверью те же возгласы и похлопывание по плечу. Через открывающуюся дверь валят клубы табачного

дыма, сам Виктор Иванович не курит. Дело движется к обеду. Наконец последний посетитель выходит. Я иду к двери, пытаюсь глазами гипнотизировать секретаршу. В это время из кабинета вываливается истерзанный Виктор Иванович.

– Виктор Иванович, мне подписать, – протягиваю я ему документы.

– Обедать, обедать, – на ходу говорит он и почти бегом скрывается в коридоре.

Что же, будем ждать. Время тянется бесконечно медленно. Ну вот обед и закончился. Приходит секретарша.

– А Виктор Иванович будет? – робко спрашиваю я.

– Нет, он уехал в главк.

– А когда вернется?

– Скорее всего, сегодня его уже не будет, приходите завтра.

Сколько дней и бесконечных часов провел я в приемной, вспоминать тоскливо и горько. Но, как говорили древние греки, *Omnia orta cadunt* (все имеет конец). Наконец, нужная подпись получена и можно снова бежать к кладовщице, захватив предварительно коробку конфет.

– Вот у меня три кубометра теса и пять горбыля.

– Ждите, когда напилят.

Ждите, ждите, ждите, а мы все прекрасно знаем: ждать да догонять – хуже всего. И вот все получено, доставлено, разгружено. Разгружать приходится одному. Кто еще будет помогать в деревне, где ты чужой? Иногда меня спрашивали: «Как к тебе относятся местные жители?»

Первый ответ, который напрашивался: «Да никак». И действительно, как могут относиться люди к чужому человеку? Могу только сказать, что никакой враждебности я не чувствовал. Называли меня «ученый», обращались иногда с небольшими просьбами: кому-то понадобилась труба, кому-то стекло. Я обычно никому не отказывал. Правда, был у меня один друг – Иван Петровцев. Человек лет около шестидесяти. Говорил он немного в нос и как бы все время что-то жуя. Он жил недалеко от моей усадьбы, и я, идя к себе, частенько встречался с ним на улице. Он не воевал. В армию пошел уже после войны и попал на урановые рудники на Памире. Там для борьбы с радиацией рекомендовали пить красное вино. Но что русскому человеку вино? Пили, конечно, водку. Иван говорил так:

– Если бы не водка, я бы давно сгинул.

Поэтому Иван был всегда подшофе – не то чтобы пьян, но, безусловно, и не трезв. Это ему не мешало выполнять все крестьянские дела. У него была своя лошадь. А человек с лошадью в деревне – первейший и нужный всем. Иван целыми днями кому-то помогал, расплачивались, естественно, кто чем мог: кто водкой, кто самогонкой, кто домашним пивом. К концу дня Иван иногда набирался, и тогда его лошадка шла домой самостоятельно, где их встречала верная и безропотная жена Нина. Ко мне он частенько заезжал просто поговорить. Мы устраивались где-нибудь на плахах и разговаривали. Он рассказывал о своей службе в армии, я – об исследовании творчества.

Приближалась зима, я запасал строительные материалы. Была еще одна потребность – это кирпич. Его нужно было много, и хотелось, чтобы он был хороший, то есть красивый и прочный. Все тот же всемогущий Новиков помог мне выписать кирпич на Мазуровском кирзаводе. Это был новый завод, производивший кирпич по итальянской технологии.

Главная проблема – его доставка. Началась зима, и все дороги оказались под снегом. Чтобы доставить кирпич на место, нужно было предварительно расчистить дорогу. Бульдозер – один на две деревни, его нужно найти, договориться с трактористом. А снег идет и идет. Сегодня расчистили дорогу – завтра снова замело.

Ну вот, на КамАЗ загружены двенадцать поддонов с кирпичом. Поехали.

– Дорога-то там у вас есть? – спрашивает водитель.

– Есть, вчера чистили.

Приехали, нужно разгружать одному. Водитель сидит в кабине и костерит тебя, на чем свет стоит. И есть за что. Так называемую дорогу на глазах заносит снегом. Разгружаю кирпич за кирпичиком, а их около четырех тысяч. Но главное то, что красивые итальянские кирпичи, падая, разбиваются на части. И таких кирпичей много, если не половина, то уж треть точно. Это очень печально. Выход один: нужно отказываться от красивого итальянского кирпича и переходить на наш, отечественный, некрасивый, но хотя бы целый. Наконец кирпичи выгружены. Теперь главное выбраться. КамАЗ по сантиметрам карабкается вверх по полузасыпанному снежному тоннелю. Водитель нещадно матерится, но ползем и наконец выбираемся на основную дорогу. Все! Поехали!

...Зима закончилась, можно начинать стройку. Где найти экскаватор, каменщиков, как залить одному огромный фундамент – все эти и множество других проблем описывать не буду: знал, на что шел.

Коснусь немного моих друзей, которые помогали, как могли. Самый близкий друг Эдуард Витковский работал в то время в институте угля Сибирского отделения Академии наук. Проблема, как у всех: денег не платят, перспективы туманные. Но принять окончательное решение и перейти в крестьяне тоже страшно. Сколько мы ни соображали, как на новом поприще можно заработать, ничего путного придумать не могли. Конечно, картошку мы вырастим и даже куриц разведем, но на этом потребности человека не кончаются, следовательно, нужны деньги, а вот как их добывать, ничего придумать не могли. Несмотря на это, Эдуард регулярно приезжал на субботу и воскресенье и помогал. Другой – Сережа Кононенко – студент мединститута. Поэтому его перспектива была еще туманнее. Но он также приезжал довольно регулярно и даже завел в деревне пациента, которого посещал при каждом приезде.

Дело шло к осени, дом уже прорисовывался. Вот и крыша над головой, и тепло в доме. Конечно, еще было много отделочных работ, но жить-то уже можно. На большом огороде росла картошка и овощи. Богатства это не приносило, но проблему выживания решало. Я даже возил картошку в город и сдавал в магазин «Фермер». Теперь нужно было браться за строительство скотного двора, большой стойки размером примерно тридцать на шесть метров. Для постройки такого сооружения нужен был брус в довольно большом количестве. Обращаюсь к Виктору Ивановичу. К тому времени у меня с ним установились неплохие отношения. Он даже устроил меня бригадиром подсобного хозяйства и платил небольшую зарплату. Дело в том, что при заводе был свинокомплекс. Тогда это было модно, а вернее, дефицит заставлял на многих промышленных предприятиях производить сельхозпродукцию. Для свинокомплекса нужны были корма, так что мое участие в этом деле было вполне оправдано. Правда, толку от меня было еще мало, но в расчете на перспективу... Но перспектива оказалась совсем не такой, какой мы ее предполагали. В стране начался новый этап, вместо горбачевской перестройки – гайдаровская реформа. И началась она с либерализации,

суть которой, на мой взгляд, была в следующем. Цены, которые раньше устанавливались государством (коммунистической партией) такими, чтобы народ не роптал, теперь стали устанавливать такими, какими они были на самом деле. А на самом деле они были гораздо выше из-за отсталых технологий, отсутствия конкуренции и других причин советского характера.

Я был свидетелем, когда на следующий день после либерализации в приемной Виктора Ивановича стало пусто и тихо, как в музее. Все «друзья» и клиенты моментально исчезли. Поставщики лесной продукции взвинтили свои цены. Завод застыл. Наверное, реформаторы были, в принципе, правы, но правда и истина не одно и то же. Переход от того, что было, к тому, что должно было стать, следовало регулировать, как это делают грамотные инженеры, когда осуществляют переходные процессы в сложной технике и технологиях. Но экономисты не инженеры. Привыкшие к работе в командной экономике, они не имели ни достаточных знаний, ни опыта. К тому же кризисная ситуация в стране не давала времени ни для расчетов, ни для накопления опыта.

Но вернемся к моему скотному сооружению. Виктор Иванович отнесся к моей просьбе положительно, но сказал:

– Пока не могу, пилю брус Слизенкову (зам. губернатора по строительству) на его коттедж.

– Ну, вот вам и заработок, – говорю.

– Да... на Слизенкове заработаешь, все делаем бесплатно.

– Почему, сейчас же рынок?

– Ну и что, что рынок, попробуй не сделай, он перекроет кислород, и вообще завод умрет.

– Как это?

– Очень просто, заказчиков нашей продукции переключит на другие заводы, и нам – капут.

– А как же рынок?

– Рынок рынком, а начальник – всегда начальник, у него все вожди в руках. Так что, брус я тебе напилю, но не сразу – по частям.

К зиме скотный двор мы все-таки построили, и можно было его заполнять.

Еще в начале лета мы с Эдуардом купили у цыган корову. Советовались с Иваном:

– Как корова?

– Да вроде ничего, – сказал Иван, – правда, молодая еще, не раздоенная, вроде стельная.

Корову привели, поместили в небольшую стойку, где раньше хранились стройматериалы, кото-

рую срочно переоборудовали под коровник. Первая проблема – научиться доить. Я попробовал, после нескольких попыток у меня получилось, у Эдуарда хуже, но ему, собственно, и не нужно, все равно уезжает. Доить я научился, но выжать из нашего сокровища больше трех литров молока в день ни разу не получилось, хоть и кормили ее до отвала. Три литра – тоже молоко, тем более, пить-то его некому. Приобрели сепаратор и стали перегонять молоко на сливки, а затем на сметану. Пробовали делать творог – что-то получалось. Продукцию отвозили в город, кормили своих родных, угощали близких. Так что начало было положено, ведь корова – основа крестьянского хозяйства.

К этому времени с помощью ассоциации крестьянских хозяйств я приобрел трактор Т-40. Конечно, трактор слабоват, всего-то сорок лошадиных сил, но трехлемешный плуг тянет, а на покосе и всех хозяйственных работах – вещь незаменимая. С полным основанием его можно назвать кормильцем.

Как только я приобрел трактор, ко мне пришел местный парень Сашка (бывший «афганец») и говорит:

– Хозяин (селяне любят это слово), у тебя – трактор, у меня – роторная сенокосилка, давай объединимся.

97

У меня была обыкновенная (сегментная) сенокосилка, но она очень нежная, не дай бог в ножи попадет ветка или косилка наедет на куст, все – пиши пропало. В роторной сенокосилке ножи мощные и вращаются, а не стригут, и рубят все подряд.

– Хорошо, – согласился я.

– Давай сейчас и попробуем.

Прицепили роторную сенокосилку, выехали в поле. Я сел за трактор, сделал несколько кругов. Действительно, сенокосилка мощная, косит так, что пыль столбом. Это тоже не всегда хорошо: когда трава невысокая и сухая, она превращает ее в муку, а потом попробуй ее собери. Затем сел за руль трактора Сашка. В деревне все парни – механизаторы, поэтому я сразу понял, что Сашка косит лучше меня.

На следующее утро Сашка уже был как штык.

– Ну, я поехал на покос.

– Давай, – согласился я.

Вечером спрашиваю:

– Как твой покос?

– Да я не себе, – говорит Сашка. – Двоюродному брату косил.

Через два дня спрашиваю:

– Как покос?

– Сегодня дядьке косил.

Мне, конечно, не жалко, коси, кому хочешь, но сибирское лето короткое, а вдруг задождит? Жду еще. Через дня два-три спрашиваю:

– Сашк, как покос?

– Другу косил, – отвечает.

Тут уж я взорвался.

– Сашка, сколько я могу ждать, пока ты всю деревню обкосишь? Все, я сажусь за трактор сам и еду на свой покос.

– Хозяин, да ты не переживай, – успокаивает меня Сашка. – У меня знакомый мужик на рулоннике работает, он в момент рулоны скатает, погрузим их в телегу, привезем во двор – и все проблемы.

Все же моя угроза подействовала – Сашка скосил и мне. Погода стояла хорошая, сенокосная. Через несколько дней сено было готово. Подъехал мужик на рулоннике, говорит:

– Мужики, я у вас не могу работать – перевернуть.

И действительно, мой покос располагался по откосу оврага, и такая опасность существовала. Что же, придется сено копнуть вручную. Как обычно, на субботу-воскресенье приехал Эдуард, и мы пошли копнуть. Перед этим я тракторными граблями собрал сено в валки и кучи. Так что вилы в руки – и вперед. За выходные мы с этой работой справились – сено стояло в копнах. Теперь их нужно было сметать в стога. Сашка говорит:

– У меня мужик знакомый на стогомете, так что мы мигом управимся.

Приезжаю на свой покос. Рядом стогомет работает. Сажу жду, наблюдаю, как идут дела. Дело идет ходко. Скоро закончат, а там, наверное, переберется и ко мне. Настало время обеда. Работа у соседей остановилась, обедают. После обеда стогомет снова заработал, но как-то странно. Стогомет мотало из стороны в сторону, как корабль во время шторма. Мужик, стоящий на стогу, еле успевал уворачиваться от рогов стогомета. Я подбежал к стогомету, кричу:

– Ты что делаешь, человека убьешь!

Трактор заглох, из кабины вывалился тракторист и упал рядом с трактором. Через несколько секунд он уже спал. Так что обед оказался слишком крепким. Я понял, что со стогометом будет то же, что и с рулонником.

– Что будем делать? – спрашиваю у Сашки.

– Будем метать вручную.

Метать так метать, но с кем? На следующее утро Сашка пришел с отцом. Срубили березу, положили на землю. Это для того, чтобы зимой, зацепивши березу трактором, стог, как на санях, можно было доставить во двор. Отца Сашки как опытного мужика поставили на стог, мы с Сашкой подвозили трактором копны к стогу и подавали их вилами наверх.

В итоге стога стоят, проблема с кормами решена. Правда, зимой один стог украли, а другой оказался не нужен, так как корову пришлось отправить на мясо.

Весной, в середине мая, мне выделили в поле шесть гектаров земли, примерно в трех километрах от деревни. Земля – дело хорошее. Но что мне делать, когда уже пора садить и сеять, а у меня ничего нет и я толком не знаю, что мне нужно. Выручает, как это часто бывает, его величество случай. Заезжает ко мне знакомый водитель КамАЗа с центральной усадьбы – Александр. Поговорили о том о сем, я рассказал ему о своей проблеме.

– Так, что за дела, – говорит он. – Сади картошку, осенью сдашь ее заготовителям, вот и будешь при деньгах.

– Все это так, но где мне взять картошку для посадки? Ведь нужно не ведро-два, а несколько тонн.

– Я тебе привезу, – говорит Александр.

– Так у меня сейчас денег нет.

– И не надо, осенью, как соберешь урожай, тогда и рассчитаешься.

Ну, куда лучше: и проблема решена, и денег не нужно. Вот что значит, мир не без добрых людей.

Сажусь за трактор, цепляю плуг – и в поле. За два дня вспахал свои гектары. Вскоре у ворот появилась большая куча картошки – это Александр вывалил свой самосвал. Теперь посадка, вручную будешь садить до осени. Нахожу мужика с картофелесажалкой. Три часа, и картошка посажена – вот что значит техника. Теперь только жди урожай. Правда, до этого картошку нужно прополоть, окучить. Для этого есть культиваторы. Дело идет к осени. Едем с Эдуардом в поле.

– Эдуард, сходи, подкопни несколько кустов, посмотрим, что там выросло, – обращаюсь я к другу. Он уходит и через несколько минут возвращается, неся в пригоршне урожай. Картошка больше напоминает голубиные яйца.

– Да, негусто, – вздыхаем мы оба.

– Ну, до уборки еще почти месяц, наверное, подрастет.

Но на сердце как-то не радостно.

Вот и пришло время уборки. Картофелеуборочного комбайна у меня не было, была только картофелекопалка. Для уборки урожая нужны люди. Обращаюсь к своему шефу, Виктору Ивановичу:

– Надо бы картошку убрать.

– Что для этого нужно?

– Грузовики и люди.

– Хорошо, машины закажем, а людей организуем как на субботник.

День выдался сухой, солнечный. Два КамАЗа и автобус с людьми прибыли на место. Я на тракторе с картофелекопалкой впереди всех. Картошку ведь нужно выкопать, чтобы было, что собирать. Кручусь по полю и поглядываю назад. Народ с ведрами разбрелся по полю. Сначала нагибались почаще, потом все реже и реже. Подковыривают что-то ногой и идут дальше. Останавливаюсь, иду к людям.

– Фермер, а где картошка? – спрашивают меня.

– Вот здесь, – показываю рукой на поле.

– Это разве картошка? – подают мне ведро, на дне которого все те же голубиные яйца.

Меня даже в пот ударило. Какой позор. В огромных кузовах КамАЗов болтались мои урожайные крохи. В деревне мне объяснили (слишком поздно, конечно):

– Так ведь Александр тебе отсев привез на посадку.

Это когда перед посадкой бабы сортируют картошку на годную и негодную (без ростков) для посадки. Негодную вывозят в отвал.

– Вот он тебе ее и привез.

Вскоре появился и Александр.

– Как, хозяин, дела, как урожай?

– Александр, никакого урожая нет, ты же мне отсев привез.

– Ну, отсев не отсев, уговор дороже денег. Я тебе шесть тонн картошки привез, значит, ты должен мне их вернуть, лучше деньгами.

Ссориться с деревенскими в моем положении было ни к чему, можно получить большие неприятности. Пришлось расплачиваться.

Надвигалась зима. Приходят ко мне двое, представляются:

– Мы из Красноярского края, с леспромхоза. Леспромхоз ликвидировали, вот мы и приехали

в Кемерово. В Топках нам сказали, что вы фермер и вам нужны работники.

– Вообще-то мне нужны не работники, а компаньоны. Ладно, давайте знакомиться.

– Валерий, – представился мужчина лет тридцати пяти, крепкого телосложения, рыжий. – Механизатор, могу работать на тракторе, автомобиле, на любой технике.

– Серафима, – представилась женщина лет пятидесяти. – Могу быть агрономом и зоотехником. Как говорится, от скуки на все руки.

– Все это хорошо, – говорю я. – Только у меня пока нет денег. Жильем вас обеспечу, едой тоже. А деньги – это как вместе заработаем, так и будут.

– Согласны, – говорят.

– Перевозить есть что?

– Да, есть немного.

– Где остановились?

– У родственников в Кировском районе.

– Все! До встречи!

Встреча состоялась. Наняли машину, погрузили их скромный скарб и поехали в мое владение.

Трое – не один, нужно обзаводиться хозяйством. Опыт с первой коровой, прямо скажем, неудачен. Решил поискать что-нибудь более качественное. Поехал в совхоз «Октябрьский». Встретился с продавцами.

Договорились о продаже, цене. Поехал в город собирать деньги, заказывать транспорт. Через несколько дней приезжаю на фургоне. Мои продавцы изменили мнение:

– Телку за эту цену продадим, а корову нет, все говорят – дешево.

– Но как же так, ведь договорились, у меня и денег столько, сколько договаривались.

– Нет, за эту цену не отдадим. Вот у нас учительница корову продает, поговорите с ней, может, сторгуется.

Иду к учительнице.

– Продаете?

– Продаю.

– За сколько продадите?

– Продам.

Пошли посмотреть корову. Корова большая и старая.

– Сколько ей лет? – спрашиваю.

– Шесть лет.

Вообще-то коровы вроде бы живут до двенадцати лет, так что эта еще поживет.

– А корова стельная?

– Стельная.

Рассчитываюсь. Тяну корову за веревку, идем к машине. Есть такое выражение «тянуть корову на баню», так вот затащить корову в фургон ничуть не легче. Нашли кучу снега, подогнали к ней машину. Я нашел две доски, постелил их от кучи до фургона. Теперь надо тащить корову. Идти в фургон она не хотела. Тяну, она движется по сантиметрам. Хорошо, что еще водитель стал помогать и толкать корову сзади. Боялись, что не дай бог корова сорвется с досок и сломает ногу. Но все обошлось, корова в фургоне, поехали. Доехали до двора Ивана, дальше дороги нет, сплошная снежная целина. Выгрузили корову, здесь все проще – помогал Иван. Корова по брюхо в снегу, дальше идти не хочет. Пришлось запрягать конягу, цеплять корову за сани и чуть не волоком доставлять ее до места жительства. Вот она и на месте. Чистое, светлое помещение, еще пахнущее деревом. Кормов предостаточно, жуй не хочу. Спрашиваю у Ивана:

– Сколько лет корове?

Он смотрит ей в зубы и говорит:

– Двенадцать.

– А мне сказали: шесть.

– Какие «шесть», все двенадцать, а может, и больше.

Вот опять прокол, но что поделаешь, не повезешь же корову обратно.

Поехал на птицефабрику, приобрел пятьдесят курочек, конечно же, инкубаторских, каких же еще. Говорят, весной должны начать нести яйца. Купил овец, свиней, гусей и даже кроликов. Хочу разобраться, что наиболее эффективно в крестьянском хозяйстве.

Время движется к весне. Ожидаем отел коров. Работники мои в основном жируют: спят да едят. Валера, правда, часто хмурый, вероятно, из-за отсутствия алкоголя. Серафима мне иногда помогает в кормлении скотины, но в основном занимается приготовлением еды. Животные мои на все голоса требуют: жрать, жрать, жрать. Особенно досаждают свиньи, кричат, визжат, лезут друг на друга. Все, что дашь, раскидают и растопчут больше, чем съедят. Но, главное, что результатов почти никаких. Все такие же маленькие и худые.

Первый признак к отелу дала молодая корова. У нее сзади образовался пузырь. В недоумении, что делать, спрашиваю у Ивана:

– Может быть, пузырь проткнуть?

– Не надо, само образует.

Конечно, нужно было обратиться к зоотехнику, но он на центральной усадьбе, до нее двенадцать километров, а там его еще надо найти. В общем, поленился и положился на русское «авось». В результате корова отелилась и принесла мертвого теленка. Жалко и обидно: разгильдяй. Через полмесяца отелилась старая корова. Описывать процесс отела не буду, процедура не для слабонервных. Телочка, которая родилась, очень скоро начала проявлять свой норов. Шустрая и настырная, она приносила много хлопот, но что поделаешь – ребенок.

На 9 Мая приехали из города друзья. Кстати, о друзьях. Эдуард ушел из науки и устроился в богатую угольную компанию. Занимался внедрением информационно-вычислительной техники и развитием средств связи. Стал получать хорошую зарплату. Поэтому крестьянская судьба его уже не привлекала. Правда, ко мне он по-прежнему приезжал регулярно, но уже больше для того, чтобы развеяться и помочь мне. Я его ждал, как бога, ведь это единственная связь с большим миром.

Сергей, медик, женился и приезжал все реже, обычно с молодой женой.

Сидим за столом, отмечаем День Победы. За окном сплошной стеной падают хлопья снега, как в Новый год. Вдруг за речкой, которая в это время довольно полноводная и бурная, слышится плач ребенка. Прислушались, оказывается, это кричит ягненок. Мужики говорят:

– Надо его спасать.

Я против:

– Может, у него есть хозяин. Придет, заберет.

Время идет, никто не забирает. Ягненок плачет. Наконец мужики срываются с места и убегают. Вскоре возвращаются, все мокрые, но счастливые, с ягненок. Относим живой комочек в скотный двор, в загородку к овцам. Но вскоре я замечаю, что овцы не пускают ягненка к кормушке, становятся плотной стеной и выталкивают его наружу. Забрал ягненка и отнес его к телочке. Она уже носится вовсю и демонстрирует свой характер. Особенно это проявляется, когда я выпускаю ее погулять во двор. Но двора ей мало, и она бежит в огород. Ладно бы только в свой, но ей почему-то интересно в соседском огороде, что, конечно, не нравится соседям. Я гоняюсь за ней, грозясь, что обломаю ей все бока. Однако после возвращения ее на место злость проходит, и я с любовью чешу ее за ухом, а она, уткнувшись в меня мордой, приветливо машет хвостом.

стом. Ягненок и телка стали неразлучными друзьями. Правда, дружба была однобокая, ягушка полностью очарована телкой, та же показывала свою полную независимость и превосходство. Это интересно было наблюдать, когда они гуляли во дворе. Ягненок вертелся вокруг телки, забегал вперед, возвращался, залазил к ней под брюхо, всячески выражая ей свое дружелюбие. Телка же смотрела на все это свысока в прямом и переносном смысле. Телка иногда взбрыкивала задними ногами, ягненок пытался сделать то же самое, получалось у него это плохо, но очень смешно.

Я сделал вокруг скотного общежития загон. Весной, когда начало пригревать солнышко, все жители скотного двора туда выходили и жили своей жизнью. Я любил, сидя в сторонке, наблюдать, как они дружат и конфликтуют, отстаивают свои владения и борются за питание, которое я им подбрасывал.

Весна уже была совсем рядом, когда в усадьбе появился человек и представился:

– Я фермер из Топок, зовут меня Николай, мне тут выделили землю для подворья и тридцать гектаров в поле. Но пока не обустроился, можно я в вашем дворе расположу свою технику? У меня два гусеничных трактора, автомобиль «Урал» и кое-что по мелочи. А я помогу вам техникой.

– Что ж, я не против.

Николай со своим предложением оказался очень кстати. К тому же он сказал, что работал заместителем директора училища механизации, значит, разбирается в сельском хозяйстве, не в пример мне, гораздо лучше. Через некоторое время во дворе стояли уже два трактора, «Урал» и еще много всякого железа непонятного назначения.

Зимой я заходил в ассоциацию крестьянских хозяйств по поводу приобретения сельхозтехники. Меня спрашивают:

– А сколько у Вас земли?

Я отвечаю:

– Шесть гектаров.

– Что за хозяйство – шесть гектаров? Берите двадцать два.

Я согласился. Только говорю:

– На своем Т-40 я это не осилю.

– Берите землю, а там посмотрим, может быть, поможем.

Так что Николай со своим предложением оказался очень кстати.

– Я, – говорит Николай, – пойду в сельхозуправление (которое возглавлял Анатолий Борисович Данилов) и попрошу, чтобы землю нам дали рядом.

Так оно и вышло.

Снег уже сошел, и мы поехали в поле, прихватив с собой и Валеру. Правда, было еще очень грязно, и работать в поле нельзя. Николай сказал, что земля еще с прошлого года мягкая и ее можно не пахать, а обработать культиватором. Культиватор у меня был. Через некоторое время, казалось, можно было начинать. Валера прицепил культиватор и выехал в поле. Возвращается вечером с погнутым культиватором, говорит, что на поле еще грязь, он завяз, выбирался и погнул культиватор. Так что вариант с культивированием почвы отпадал, а жаль, было бы намного быстрее и дешевле. Проходит еще несколько дней. Ну, кажется, все, земля готова для пахоты. Валера цепляет плуг и опять выезжает на ратные подвиги. Вечером спрашиваю:

– Ну, как?

– Пашу, – говорит.

Правда, при этом от него пахнет алкоголем и не очень твердая походка. Устал, наверное, человек. На следующий день тоже самое. Я понимаю, поле большое, трактор слабенький. Встречаю деревенского мужика. Он ко мне с претензиями:

– Слушай, твой Валерка выпил у меня уже две бутылки водки, а огород до сих пор не вспахан.

– А что, я разве вам что-нибудь обещал?

– Так ведь Валерка же твой работник!

– Но если он мой работник, почему же вы обращаетесь к нему, а не ко мне? Так что я ничего не знаю, кто кому и что обещал.

Встречаю другого жителя:

– Слушай, тут твой рыжий по деревне на тракторе пьяный мотается, ведь не дай бог задавит кого.

Это уже дело серьезное. Картина полностью проясняется. Утром Валера выезжает на край деревни подальше от дома и предлагает свои услуги. Желающих хоть отбавляй. Пашет огород и получает мзду. После этого принимает любимый напиток и идет отдыхать в ближайшее удобное место. Нуждающихся во вспашке огородов много, они дружно несут Валере свои авансы. Конечно же, отработать их все он не может, тем более, что работать до пота не в его правилах, так возникают недовольства. Придя домой, на-

чинаю разговор с Валерой. Передаю ему претензии граждан.

– Да ну их, – бурчит он отворачиваясь.

– А главное, – продолжаю я, – неужели ты не понимаешь, что если ты кого-нибудь покалечишь или задавишь, то сидеть в тюрьме буду я. Так что с завтрашнего дня я снимаю тебя с трактора, пойдешь помогать Серафиме на огороде.

Валера надулся и ушел спать. Проблему пахоты мы решали вдвоем с Николаем.

Следующим этапом был сев. Сеять решили ячмень. Элитные семена приобрели в совхозе «Новостройка». И тут оказалось, что у нас нет сеялки. Вообще-то я знал, что у меня нет сеялки. Но Николай говорил, что у него где-то сеялка есть. Однако в последний момент выяснилось, что ее украли.

У меня была знакомая фермерша, хозяйство которой находилось в километрах десяти от меня. Решил съездить наудачу. Фермерша к моей проблеме отнеслась сочувственно.

– У меня есть сеялка, которая пока мне не нужна, стоит с прошлого года сева заброшенная, я не знаю, в каком она состоянии, посмотри, если подходит, возьми, с возвратом, конечно.

– Безусловно, – говорю. – Все будет в целости и сохранности.

Подошел, смотрю: сеялка как сеялка, только ее бросили с оставшимися семенами, они проросли и образовали твердую корку, которые забили все зернопроводящие каналы. Ладно, дома разберемся. Подцепил сеялку и скорей домой обрадовать Николая. Он небрежно глянул на сеялку и сказал:

– Завтра начнем сеять.

Утром Николай приехал с женой и сыном, который разбирался в технике, по-моему, гораздо лучше, чем его отец. Подцепили телегу с зерном, сеялку и поехали в поле. Погода чудная: чистое голубое небо, еще не жарко, но достаточно тепло, легкий свежий ветерок. В общем, весна и благодать. Приехали, Николай сел за рычаги трактора, меня поставили на сеялку. Тронулись. Включили механизм подачи зерна в сеялку. В сельхозтехнике многие механизмы приводятся в действие от вращения колес, и если колеса не крутятся, значит, в механизме что-то не в порядке. «Колеса не крутятся!» – кричу Николаю. Он выходит из трактора, хмуро обходит сеялку. Снова садится в кабину и трогается. Сеялка продолжает двигаться волоком. Вдруг что-то громко хрустнуло, снова кричу Николаю. Опять остано-

ка. Николай долго смотрит на сеялку, смачно плюет и начинает вскрывать редуктор. Потом говорит:

– Зубья у шестеренки срезало, надо искать новую.

Жена, которая тихо сидела в сторонке, вдруг вскочила и начала поливать мужа нещадной бранью:

– Дурак, идиот, криворучка...

В ответ посыпались еще более крепкие и соленые словечки. Я долго крепился, наконец не выдержал и заорал:

– Вы что, очумели? Как вы можете, вы же интеллигенты? Ваш сын тут присутствует.

Мой взрыв как-то подействовал, «пожар» стих. Я залез на телегу с зерном, лежу, смотрю в голубое небо. Вспоминаю знания, которые получил по курсу «Детали машин» в техникуме. А что, если поменять местами шестеренки? Подошел к Николаю, поделился своими соображениями. Он отнесся к ним безучастно, но пошел к сеялке, начал копаться в редукторе. Потом – к трактору, сел в кабину. Очень осторожно тронулся. Сеялка немного протащилась волоком, и вдруг колеса закрутились. Полетели хлопья прошлогоднего зерна, потом тонкой струйкой потекли наши зерна, сев начался. Конец сева скромно отметили.

Приезжал Эдуард, мы с ним сделали две теплицы, посадили помидоры, перцы, огурцы. Но вот что интересно, земля хорошая, горы навоза, а результаты скромные. Почему? Я думаю, главная причина в отсутствии знаний и опыта. Посмотришь на бабульку, у которой образования то, может, четыре класса, а у нее все колосится. А у нас? Как тут не вспомнишь слова Данилова: «А ты деревенскую жизнь-то знаешь?».

Коровы доятся, молоко ведрами не носим, но по сравнению с прошлым годом разница существенная. Прогоняем через сепаратор, делаем сметану, творог. Так что молочной продукцией снабжаем своих близких и знакомых.

Дело опять близится к покосу. Сашка не появляется, видимо, нашел себе других компаньонов. Так что роторной косилки не будет, придется пользоваться своей. Валера поехал на покос попробовать сенокосилку. Вернулся быстро. Налетел на пень и погнул несущую балку. Начали ремонтировать. Разбирали, собирали, все бесполезно, ножи заедало. Появился мужичок-рыбачок.

– Мужики, ничего не выйдет, нужно балку под прессом давнуть, и все будет ровно, а так только зря время теряете. В железнодорожных мастер-

ских есть пресс, а у меня там мужики знакомые, могу помочь.

– Валера, езжайте, ты погнул, тебе и исправлять.

Утром погрузили балку на трактор и уехали в Топки. В обед возвращаются пешком.

– Что случилось? – спрашиваю.

– Гаишники трактор арестовали.

– За что?

– Потребовали документы, а у нас ничего не было.

Вот напасть. У меня гостил друг из Кемерово на своей машине. Обращаюсь к нему:

– Анатолий, подбрось до Топок, нужно вызволять трактор.

Взял документы, поехали. Приезжаем в ГАИ. Во дворе стоит мой арестованный кормилец. В ГАИ пусто, все на линии. Ждем. Наконец появляется машина. Я к ним:

– Ребята, вот документы на трактор, я его владелец. Можно забирать?

– Нельзя.

– Почему?

– Это вещдок.

– Какой еще вещдок?

– У нас есть заявление от крестьянина, что у него украли трактор, а у твоего трактора заводской номер выбит нечетко, так что будем делать запрос на завод, уточнять номер.

– Ребята, вы же меня без ножа режете, сейчас же покос, что я буду без трактора делать?

– Это твои проблемы.

Старший лейтенант отводит меня в сторону, он, наверное, у них главный.

– Ты фермер?

– Да.

– И у тебя есть скотина?

– Есть кое-что, – говорю я, еще не понимая, куда он клонит.

– Ты, наверное, и суп с мясом ешь?

– Да редко, лето, какое сейчас мясо.

– И мы хотим есть суп с мясом. Давай мы возвращаем тебе трактор, а ты нам свинью.

– Я не против. Но только свиньи-то у меня еще маленькие, какое с них мясо?

– Ладно, забирай свой трактор, а мы к тебе подъедем и посмотрим.

Обрадованный, что легко отделался, взлетаю в кабину, едва попрощавшись с другом, и несусь домой.

Прошла неделя. Я думал, что они о нас, может быть, и забыли. Ничего подобного, едут благодетели!

– Привет, хозяин.

– Здравствуйте.

– Пойдем посмотрим, что у тебя есть.

Пришли в скотный дом. Подошли к моим свишкам. Они все такие же маленькие и тощие.

– Да, негусто, – говорят.

– А что еще у тебя есть?

– Послушайте, есть у меня два ведра яиц. Может, возьмете?

– Давай, – забрали яйца вместе с ведрами, уехали.

Косилку мы все-таки отремонтировали. Траву скосили. Приехал Эдуард, мы с ним сено скопили. Валера ручной работой не занимается. Он – механизатор. Учитывая прошлогодний опыт, я решил сено в поле не оставлять, а вывозить во двор. Делал за день по две-три ходки, дело двигалось. Но вот мне понадобилось съездить в Кемерово. Поездка в Кемерово – процесс многоэтапный. Сначала на совхозном пазике от Цыпино до центральной усадьбы, затем от центральной усадьбы до автовокзала Топок на городском автобусе, потом на междугороднем автобусе Топки – Кемерово и, наконец, на городском транспорте до места назначения. Если нужно попасть на ДОЗ, то можно сойти в поселке Ягуновском, а там пешком километра три до родного завода. Летом это прогулка. Зимой хуже. Вспоминается такой случай. Я нашел транспортный источник в школе ДОСААФ, где готовили водителей автотранспорта. У них была мощная техника, а главное, им все равно, куда ездить, и тем более, порожняком. Познакомился с инструктором и, когда была надобность, договаривался с ним о поездке. Кабина просторная, тепло. Что еще нужно? Было, правда, одно неудобство. Инструктор использовал такие педагогические приемы, от которых у меня по коже пробегали мурашки, а что уж говорить об ученикестажере. Я пробовал объяснять инструктору, что от таких методов ученик теряет все свои небогатые знания. Инструктор отвечал:

– Иначе нельзя.

Мне понадобилось перевезти доски из Цыпино в кемеровское училище, где я с моим знакомым собирался делать красивые резные наличники. В это время состоятельные люди уже строили свои дворцы-коттеджи, и мы посчитали, что красивые наличники им понадобятся.

Поехали утром, день был солнечный, тихий, но очень морозный. Не успели выехать из города, как мотор забарахлил.

– Солярка летняя, – пожаловался водитель.

Меня это насторожило, ведь дорога-то дальняя. Но водителю виднее, тем более, такому асу как инструктор. Дотянули до нефтебазы, водитель взял ведро и пошел за керосином. Сказал, что керосин, добавленный в солярку, уменьшает ее замерзаемость. Но нам это практически не помогло. Через несколько километров мотор опять зачихал. Водитель останавливал автомобиль и долго гонял вхолостую, разогревая солярку, потом ехали дальше. Так мы скачками добрались до Цыпино, погрузили доски и поехали обратно. Зимний день короткий, и в четыре часа солнце уже идет к закату. А чем закат ближе, тем мороз крепче. Не доезжая километра три до центральной усадьбы, мотор заглох окончательно. Водитель дал мне кусок тряпки и говорит:

– Лезь под машину, там увидишь бак с соляркой, на дне бака будет сливная пробка, ты ее откручиваешь, смачиваешь тряпку соляркой, поджигаешь и греешь бак.

Здесь нужно сказать несколько слов о нашей одежде. Куртка, как говорится, на рыбьем меху, нитяные перчатки и боты «прощай молодость» на ногах.

Залез под машину (конечно, никакой подстилки), открутил пробку, солярка уже не жидкость, а мазь, едва-едва капает. Смочил этим субстратом тряпку, поджег. Тряпка еле горит и гаснет. Зажигаю снова, понимаю, что этот подогрев бака как слону дробина. Чувствую, что холod сковывает все тело. Вылезаю из-под машины, иду к водителю:

– Слушай, надо бежать в деревню, замерзнем.

– Не могу бросить машину, – говорит водитель.

Я побежал. Стянул перчатки с рук: пропитанные соляркой, они не грели, а скорее наоборот. Вижу, руки белые, как полотно, постучал друг о дружку, стучат, как деревянные. Мелькнула мысль: похоже, руки я потерял. Добежал до крайнего дома, как раз в нем жил мой знакомый Александр. Стучусь, дверь открыла жена. Она меня немного знала.

– Саша дома? – спрашиваю.

– Нет, еще не пришел.

– Можно я у вас немного отогреюсь? Я, кажется, руки отморозил.

– Заходите.

Зашел на кухню. Посидел немного, руки начали отходить. Чувствую, сейчас завою.

– Можно я уйду в другую комнату, там немного отойду?

– Идите в детскую, там никого нет.

Иду в детскую комнату, падаю на пол, катаюсь и вою (тихо, конечно). Но вот немного полегало. Надо идти выручать водителя. Выбегаю на дорогу, вижу: едет наша машина. Оказывается, мимо ехал трактор, помог завести автомобиль. Сажусь в кабину, поехали. Дотянули до Старых Топок, там опять мотор заглох. Но здесь проще – трасса. Водитель с кем-то договорился, и нас дотянули до города. Руки я не потерял, но кожа слезала долго.

Однако надо возвращаться в лето и Цыпино. Прихожу в усадьбу. Вижу, едет на тракторе Валера. Вылез из кабины. Нетвердой походкой подходит ко мне.

– Слушай, хозяин, привез сегодня сено, уработался вусмерть.

– Не знаю, – говорю, – как ты уработался, но, что пьяный, вижу. Ведь мы же с тобой договаривались, что пьяный ты...

– Что ты меня все воспитываешь, – перебивает меня Валера. – Надоело, вот возьму сейчас дрын и врежу тебе по башке.

– Ну если дело дошло до дрына, то мне такой компаньон не нужен, ищи себе другую работу.

– Да меня в деревне с руками оторвут.

– Вот и иди туда, где тебя с руками оторвут, а жить и ждать, пока меня огреют дрыном по башке, я не хочу.

Утром Валера побежал в деревню, отсутствовал он недолго. Вскоре ко мне подошла Серафима:

– Хозяин, раз мы тебя не устраиваем, давай расчет.

– Вообще-то мы договаривались, – говорю я, – что расчет мы будем делать, когда реализуем продукцию, которую произведем. Вот уберем ячмень, картошку и еще кое-что, тогда и посмотрим, что нам делить.

– Нам некогда ждать. Мы на тебя горбатились, давай расчет.

– Хорошо, – говорю. – Я напишу список имущества, которое у нас есть, и от каждой позиции отделим вашу долю. Потом покажу вам, если согласитесь, на том и порешим, если нет, будем разбираться.

Я сел за бумагу. Через час-два было все готово. Зову Серафиму:

– Смотрите, согласны, нет?

Серафима тщательно изучает список, соглашается.

— Тогда ставьте свою подпись.

Валера уехал в город. Серафима осталась и стала забирать свою долю в огороде. Через дня три, упаковав все в мешки, уехала и она. Прошло еще несколько дней. Ко мне приехал с водителем Анатолий Николаевич Абрамов. Это было очень кстати, иначе мне пришлось бы плохо.

Смотрим, во двор въезжает большой грузовик. Из него выходят Серафима, Валера и еще двое мужчин. Серафима сразу пошла в скотный дом. Смотрю, тянет оттуда на веревке телку.

— Ты куда телку повела? — спрашиваю.

— Эта телка моя, я ее кормила, — получаю в ответ.

— Я тоже кормил, тем более я ее купил. Отведи назад. У тебя есть список, который ты подписала, вот и бери, что положено.

Я сидел и смотрел, как идет погрузка. Не скажу, что мне было очень жаль того, что забирали

мои компаньоны. Мне было грустно от того, что я понимал: это было начало конца того проекта, который назывался «Крестьянское хозяйство». Погрузка закончилась. Груза оказалось гораздо больше того, с чем несколько месяцев назад они приехали в Цыпино. Наконец они уехали, больше я их не видел. Вскоре уехал и Абрамов. На усадьбе стало тихо и пусто. В это время в Москве танки стреляли по правительственному зданию...

Пока я писал, вновь пережил все прошедшие события. Я никого ни в чем не виню и не ищу причин своих неудач. Только еще раз вспоминаю слова Анатолия Борисовича Данилова: «А ты знаешь деревенскую жизнь?». Конечно, я ее не знал, и жизнь это подтвердила. Не знаю ее и сейчас. Но знаю наверняка, что жизнь в деревне очень сложна, гораздо сложнее, чем в городе, где нам многое дается авансом, который мы часто не отрабатываем.



**Олег
Мошников**

В РОЖДЕСТВО СЕРЕБРИТСЯ СНЕГ...



КАРАУЛ

*Гляжу я в ночи караула
И – узнаю своих ребят.
Луна щербатая сверкнула.
Штыки примкнутые блестят.*

*И разводящий наш сутулый –
Заговоренная мишень.
И бахрома лесного гула
Вцепилась в черную шинель.*

*Кругами вздрагивает память,
Все зорче ночи забытье:
Луны подтаявшая наледь
Хранит дыхание мое.*

* * *

*Осень моей печали
Ткнулось в плечо макушкой:
Все нацепи медали –
Не защитит кольчужка.*

*Душный застегнут ворот...
Пасмурным днем осенним
Нежится легкий шорох
Листьев в тепле последнем...*

* * *

*Чудные перевертыши
Созвездий и светил...
До мутного одонышка
Я истины испил:*

*Безбрежна даже лужица,
В себя вбирая высь!..
А утром обнаружится,
Что пролетела жизнь...*

100

ГОРИЦКИЙ МОНАСТЫРЬ

*Радуга в Вологде синей,
Белых святынь образа...
В Горицком храме сухими
Не остаются глаза.*

*В благодати или печали
Лики склоненные ниц...
Волны реки развенчали
Двух убиенных цариц.*

*Истово каялся Грозный:
«Царь я – ни аспид, ни кат!..»
И безутешные слезы
Принял в себя Волго-Балт.*

Мошников Олег Эдуардович родился 1 ноября 1964 года в Петрозаводске. В 1988 году окончил Свердловское высшее военное политическое танко-артиллерийское училище. Служил заместителем командира военно-строительной роты. После сокращения – в Пожарной охране Республики Карелия, затем в Управлении МЧС России по Республике Карелия. Автор трех книг стихов и книги прозы. Член Союза писателей России. Живет в Петрозаводске.

Пашни, селенья и церкви,
Кладбища – крест на кресте –
Тяжкие волны низвергли...
Ноне деревни не те.

И – запустенье во благо,
И вседозволен распыл...
Бог эту землю оплакал,
Миром иконы омыл,

Горицам, горлицам чистым
Синий оставил простор! –
Под расписным коромыслом
Полные ведра озер...

* * *

Встал стожар над облаками –
Золотого солнца сноп!
И, раздвинув куст рогоми,
Выйдя из глухих чащоб,
Слился лось с прохладой синей
В ярких звездочках лучей,
И стекали с губ лосиных
Капли в медленный ручей.

* * *

Соберу в охапку листья
И на почту отнесу,
А на почте: «Эти письма
Пусть валяются в лесу!»

Неужели все, что было
Нынче летом у меня, –
Для распада и распыла,
Для голодного огня?

Письма солнечные – дыму,
Разворошенной золе?..
Будет людям в эту зиму
Одиноко на земле.

РОЖДЕСТВО

И песцовый волнистый мех,
И резные ларцы добра –

Не заменят собой вовек
Блеск январского серебра:

Этот кованый стужей лес,
Эти звонкие кружева...
В горку – хочется до небес
Стежку снежную вышивать!

В золотистых глазах твоих
Драгоценный искритесь смех...
Тропкой торною – для двоих –
В Рождество серебрится снег.

ЛАСТЕНОК

Землю и небо меняя спросонок,
Толком летать не умея еще,
Ласточкин птенчик, глупый ластенок,
Вдруг на мое опустился плечо.

Мама и папа его расшумелись –
Боком родительский вышел урок! –
Тише! Не съем я его, в самом деле!
Цело крыло, не увяз коготок...

Прыгнул ластенок с ладоней на травку,
Тут же вспорхнул, юных сил не тая! –
Маму и папу обгонит он завтра,
Чтобы потом улететь за моря.

Ласточки вскоре простятся со мною –
Издали помашу им рукой:
– Доброй дороги! Жду вас весною...
Свито на счастье гнездо под стрехой.

* * *

Обнял с порога запах знакомый:
Густо шиповника брызнул бутон!
С отчего дома, сиротского дома, –
Малым отростком сюда завезен...

Вымахал выше садовой малины,
А до рябины – маленько еще:
Вырос шиповник у дома любимой,
Цвету душистому здесь хорошо.



Михаил КРИВОШЕИН

Рассказы



ПОСЛЕДНИЙ ПАТРОН

Митька всю жизнь мечтал о своем ружье. Мечты уносили его даже на войну. А когда он засыпал, намечтавшись, то там, во сне, он воевал чуть ли не взаправду. Сон прерывался всегда одинаково – выстрелом, и просыпался он в слезах. Митька не догадывался, что это – сон вещий, который предупреждает его о чем-то серьезном, жизненно важном. Но охота, как известно, пуще неволи.

Его одноклассник Сашка по кличке Тарарака уже ходил на охоту один с двустволкой. После охоты он всегда врал, да так складно выходило, будто лучше, чем он охотников и нет. У пацанов аж рты открывались. Митька знал, что Тарарака врет, но все равно завидовал. Завидовал его самостоятельности. Однажды попросился сходить с ним поохотиться: вместо собаки из кустов зайцев выгонять. После очередного сбежавшего зайца Сашка костерил Митьку на чем свет стоит. Выходило так, что в очередном неудачном выстреле виноват был кто угодно, только не Тарарака. Митька, разозлившись, обозвал напарника мазилой и вруном, на что тот ответил предложением:

– Но-ка, кинь повыше свою шапку, я тебе покажу, какой я мазила! Если я не попаду, то ты будешь стрелять в мою. Митька согласился, но никак не ожидал коварства от друга. А тот, когда шапка взмыла вверх, подбежал прямо под нее.

Михаил Кривошеин родился в 1951 году в селе Кривошеино Томской области. Публиковался в местных и региональных газетах, альманахах «Полифон», «Огни Кузбасса». Автор четырех сборников: «Стихи и рассказы» (2000), «Не топчите цветы ногами» (2005), «Теплый цвет холодного апельсина» (2010), «Мама, прости!» (2011). Член Союза писателей России. Живет в Мысах Кемеровской области.

Выстрел раздался, когда шапка чуть ли не наделась на ствол ружья. От этого ее снова подкинуло, а когда хозяин взял шапку в руки, то обнаружил прямо на макушке дыру величиной с кулак. Митьку захлестнула такая обида, что он готов был дать в морду этому горе-охотнику, но тот был здоровее – второгодник, да еще и с ружьем в руках. Он решил действовать хитрее. Махнул рукой, нахлобучил дырявую шапку на голову и сказал:

– Ты выпорил, дай мне хоть по пню стрелнуть.

Тарарака расплылся в улыбке и потерял всякую бдительность. Сам зарядил один ствол, подал ружье напарнику и стал отмерять расстояние от пня шагами.

Но вдруг раздался резкий крик:

– А ну-ка, кидай свою шапку!

Сашка обернулся и увидел направленное на него ружье и злые глаза Митьки. Он понял, что придется выполнить команду. Снял с себя новенькую кроличью шапку и подкинул высоко вверх. Митька дождался, пока шапка упадет на землю, подбежал и выстрелил в лежащую мишень. Та аж подпрыгнула. Он бросил ружье и крикнул:

– Все, мы в расчете, – и опрометью бросился бежать домой.

А Сашка поднял свою шапку и ужаснулся: «В чем же я пойду в школу?! Дернуло же меня надеть новую шапку на охоту!»

Они учились в седьмом классе. Это было время осенних каникул, и они встретились только тогда, когда пришли в школу. Тарарака подошел к Митьке и пообещал:

– Ты у меня получишь!

Но тот ответил дерзко:

– Смотри, кабы сам не получил!

У Митьки был друг, десятиклассник Вовка Демьянов, который заступался за него. Тарарака это знал, поэтому только скрипнул зубами и отошел.

Через несколько дней мечтатель-охотник шел домой и увидел в ограде дяди Пети крышку гроба. Его как магнитом потянуло туда, в дом, где жил старый и добрый человек, умевший сказать ласковое слово, которого часто не хватало пацану-подростку. Открыл дверь. Пахнуло воском и еще чем-то. У гроба сидели несколько бабушек. Одна читала молитвы и подвывала, остальные всхлипывали, но слез ни у кого не было видно. Это походило на жутковатый спектакль, где главный герой, притаившись, лежал в гробу.

Баба Соня сказала:

– Проходи, Митя, посмотри на дедушку последний разок! Ты хоть нам чужой, но он велел тебе ружье отдать. Вот похороним, тогда придешь с отцом.

Гость туго соображал, но смысл понял, и ему хотелось разреваться. Он сдернул шапку с головы, закивал, как бы кланяясь, и выскочил из избы, чтобы никто не заметил его слез. Он шел некоторое время с голой головой и шапкой вытирал глаза. А сам думал: «Вот дед какой, он не просто говорил ласковые слова, а, наверно, любил меня. А за что? Я же ему даже ни разу не помог ничем». У него было тяжело на душе, так тяжело, как будто сердце взяли в тиски. Это он в первый раз прикоснулся к смерти. Нет, он, конечно, бывал на похоронах – в их доме умерла бабушка. Но чувство потери он ощутил впервые. Он еще не понимал, что это. То ли жалость к хорошему человеку, то ли жалость к себе, потому что он больше не услышит добрых слов, которых так не хватало дома.

Митька не пошел на похороны. Боялся расплакаться.

Прошло дня три. Нетерпение взяло верх, и он снова пришел к бабе Соне. Поздоровался, а она как-то неприветливо ответила, не предложила ему даже сесть. Спросила:

– Что же не пришел на похороны?

Митьке стыдно было признаться в своей слабости, и он только пожал плечами. Хозяйка спросила еще:

– Поди за ружьем пришел? Вот будет девять ден, как раз в выходной, приходи на поминки, да не один приходи, а с отцом, тогда и ружье отдам.

Митька вышел из избы и пошел домой в раздумье. Его не посетили радостные чувства, что скоро сбудется мечта. Чувство стыда брало верх – надо было сходить на похороны, собрав всю волю в кулак, но время, как известно, назад отмотать невозможно.

Рабочая неделя пролетела быстро. И вот Митька с отцом шагают на поминки. Зашли в хату. В ней жарко натоплено. За длинным столом сидят старики и старухи, орудут ложками. Для новых гостей освободили места. Все сосредоточилось на пище. Покашливали, гремели ложками, некоторые тихо переговаривались. Баба Соня шепнула отцу:

– Вы задержитесь после обеда, тогда и решим с ружьем.

Ждать пришлось долго. Бабки никак не уходили. Говорили какие-то глупости. Их хоть в шею гони, а они все то да потому. Одна, самая последняя, с огромным любопытством все выспрашивала:

– Это каки у вас таки дела, что вы остаетесь?

Митька подумал: «Чтоб ты провалилась!». И точно: она кружилась-кружилась, да и попала ногой в кошачью дырку. Пальцы завернулись вверх, и она провалилась по колено, а назад никак. Отец сделал заключение:

– О, да ты грешница, раз тебя черти заживо в преисподнюю тащат!

И смех и грех. Только ее вызволили – она в дверь, и была такова.

Баба Соня дала команду:

– Ну-ка, Димитрий, лезь под койку, там ящик, тани его на свет божий.

Митька стал на колени, завернул покрывало и вытянул длинный крашеный ящик.

– Открывай! – подала она новую команду.

Паренек откинул крышку и навалил ее на кровать. На дне ящика лежало ружье, патронташ и еще два ящичка. В одном были дробь, картечь и даже куски свинца, а в другом – подковы папковые, гильзы и порох в мешочках. У будущего хозяина перехватило дух от такого богатства. Хозяйка обратилась к отцу:

– Послушай, Петрович! Дед наказывал мне, чтобы я отдала все твоему сыну, а я могла бы

наказ и не выполнять, продала бы рублей за пятьдесят, но не могу я против завещания пойти. И так подумаешь, и этак. У меня с деньгами плохо, а мне еще сорок дней и полгода отвести надо. Ты бы мне рублей двадцать пять дал и забрал бы ружье прямо с ящиком.

Отец, не раздумывая, дал согласие, но попросил:

– Ты нам дай какую-нибудь тряпку накинуть сверху от любопытных глаз, а сын принесет и тряпку, и деньги.

Хозяйка засуетилась. Содрала с кровати покрывало:

– Нате, накройте и несите уж, а то я переживала все дни. Многие знают, что у деда было ружье. Пойду в магазин, дом замкну, а сама боюсь, кабы воры не залезли.

Гости собрались уходить, взяли ящик за ручки на торцах и зашагали домой. По дороге им встретился мужик, полюбопытствовал:

– Что несете?

Отец ответил:

– Покойника по лоторейке выиграли, правда, еще маленький, но ничего, подрастет!

Тот заухмылялся ответу и пошел дальше по своим делам. Когда пришли домой, подступилась мать:

– Чего это вы притащили?

Митька ответил первым:

– Баба Соня нам ружье по дешевке продала.

Отец добавил:

– Ну-ка, мать, достань из заначки двадцать пять рублей, Митька оттартает.

Хозяйка всплеснула руками:

– Да вы что, с ума посходили, что ли? Это ж деньги на телевизор копим, а тут вы со своим ружьем. А кому ружье? Ты что, в войну не настрелялся? Какой ты охотник, хромой-то? В кочках где-нибудь завалишься и себя пристрелишь.

Отец засуровел:

– Ружье – сыну. Пусть зайчишек гоняет, да и уток у нас по озерам много. Глядишь, добычу принесет. Я-то настрелялся. У меня на прикладе снайперском было девятнадцать рисок и четыре крестика.

Сын сразу наострил уши и спросил:

– А что это означает?

Отец ответил:

– Это я четыре дуэли выиграл с их «кукушками». Я был меткий и маскироваться умел, поэтому и живой.

Митька – скорей еще вопрос, потому что отец не любил рассказывать про войну:

– Пап, расскажи, как тебя ранило?

Отец нехотя ответил:

– В ногу, это меня их снайпер приласкал на Кавказе. Боль нестерпимая, а я лежу. Немец думал, что уколошил меня. Я в прицел смотрю, он сел, достал фляжку шнапса и обмывает победу в дуэли. Вот тут-то я его снял, а потом давай бинтоваться да к своим ползти. Вырезал четвертый крестик, сдал винтовку – и в госпиталь. На этом моя война закончилась. Подлечили меня и направили конвоировать пленных. Это было в Сталинграде. Пленные румыны разбирают кирпичи от разрушенного дома, а я все в сторонке посиживаю. Вдруг взрыв, и меня накрыло. Очнулся через месяц и еще долго ничего не видел и не слышал. Год по госпиталям валялся. Пришел домой в середине мая сорок пятого, а дома лежит на меня похоронка и письмо к ней, что, мол, погиб от неразорвавшейся авиационной бомбы.

Так хоть немного Митька узнал о том, как воевал его отец. После рассказа отца мать молча достала двадцать пять рублей и подала сыну. Потом спросила:

– А ты умеешь стрелять? А то убьешь кого-нибудь и попадешь в тюрьму.

Митька заулыбался:

– Нет, мама, с ружьем не шутят. Все будет в порядке.

Сказал это так убедительно, что у матери навернулись слезы. Кончиком платка она вытирала глаза и думала: «Вырос сын серьезный и даже солидный, как взрослый» – и опять слезы покатались сами собой. Тем временем Митька с деньгами в кармане и покрывалом под мышкой шагнул к бабе Соне. Зашел, а там сидела-посиживала та же старуха, которая провалилась в кошачью дырку, и опять ушки наострила.

Паренек подал покрывало и позвал хозяйку:

– Баба Соня, давай выйдем, я вам что-то скажу!

Вышел в сенцы, бабушка за ним. Он сунул ей деньги, сказал «спасибо» и помчался домой. Дома снова рассматривал ружье и боеприпасы. Отец сидел рядом и как-то ненавязчиво прочитал сыну инструктаж:

– Запомни, сын, ружье вниз стволом не носи, вдруг пыж в патроне слабый, дробь может выкатиться. Не носи ружье со взведенным курком. Вдруг запнешься или заденешь за сучок. У костра держи ружье и патронташ подальше от огня. Не давай оружие маленьким и вообще никому чужому, мало ли что у человека на уме. А

главное, не наводи ружье на человека – ни заряженное, ни холостое. Запомни! Оружие – это не игрушка.

Назавтра Митька уже пробежался по околкам за Истоком. Пару раз выстрелил, но зайцы благополучно унесли ноги. Но потом приноровился, и зайчатина стала частым гостем на их столе. Отец, бывало, ест, выплевывает дробь и нахваливает сына.

Охота – это дело такое, что без собаки никак, вот и взял Митька у друга щенка, сеттера-полукровку. Назвал его Диком. Дик хоть и полукровка, но к охоте сообразительный оказался. И преданный. Утку-подранка всегда найдет, да и убитую из озера вытащит. Зайца из кустов выгонит на хозяина, а не наоборот.

Митька вырос, и его забрали в армию. На службе он часто рассказывал однополчанам о своем четвероногом друге. А во сне охотился. Сны были такие яркие, как наяву.

Наконец-то пришел долгожданный дембель. За три дня до приезда хозяина Дик был ночами. Петрович выйдет, поругается на него, а тот залезет в будку, прикроет один глаз лапой, а другим несмело поглядывает. И вот – долгожданная встреча. Митька бросил чемодан у калитки и бросился в объятия Дик. А тот облизал его всего, постанывая от удовольствия. Ночью не выспался, 105
знал, что его молодой хозяин в доме, под его охраной, и жизнь теперь пойдет веселее.

На другой день бывший солдат собрался на охоту. Утром встал рано-прирано, когда еще черти на кулачки не бьются. Вышел в ограду. Морозец небольшой. Тихо. Ни ветерка, ни снегопада. В том году снег еще где-то задержался. Один раз пролетел с ветром, и то его по ложбинам размело. Поля стояли голые. «Хорошо, – подумал Митька, – заяц будет виден издаleка».

Заговорил с собакой:

– Что, Дик, наскучался? Сейчас пойдем на охоту.

Дик аж взвизгнул в ответ.

– Только сейчас соберусь.

Зашел в дом. Мать уже была на ногах – топил печь.

– Ты что не спишь, нездоровится, что ли?

Сын ответил:

– Пойду на охоту, погоняю зайчишек.

Сборы были недолги. Патронташ он приготовил еще с вечера. Положил в рюкзак хлеба и сала, в карман – коробок спичек. Накинул ружье на плечо и вышел из дома. Дик еще не наслаждался

общением с хозяином и путался под ногами. Когда перешли речку Исток, он вытянул шею и занюхтил. В нем проснулся охотник. Он полез по кустам первого околка, а Митька шагал краем, держа ружье на изготoвку. В первом околке не оказалось никого. Во втором тоже было пусто, а вот из третьего зайчишка выскочил прямо под ноги. Охотник от неожиданности растерялся, и длинноухий успел сбежать. Еще дважды Дик выгонял добычу – то ли было далековато, то ли просто охотник потерял квалификацию. После выстрела заяц добавлял скорость и исчезал в другом околке. Митька не ленился, проходил по следу, но нигде ни капельки крови не обнаруживал. «Значит, мимо!» – заключал он.

Наконец удача улыбнулась ему. Заяц выскочил метрах в пяти и остоповал. Охотник успел взвести курок и поднял ружье к плечу. Белый красавец крупными прыжками начал уходить, но выстрел был точен.

Положив добычу в рюкзак, Митька решил перекусить.

Солнце взошло красное, и на небе появились строчки. Значит, будет ветер и, возможно, снегопад. А пока у охотника было хорошее настроение: добыча есть. Если больше не подвернется, и этого хватит. Выбрал бугорок повыше, нарвал сухой травы и уселся, как аист на гнездо. Дик устроился в ногах. Перекус был недолгим. Ели хлеб с салом. Пес, съев свою порцию, лежал, набираясь сил. Конечно, это была для него настоящая жизнь, не то что там, на цепи.

Немного отдохнув, они поднялись и отправились к следующему околку, но появилась сорока и давай орать на всю округу, а сама держалась поодаль, чтобы не получить заряд дроб. В результате зайцы разбежались. Прочесав еще несколько околков, Митька с Диком вышли на бригадную дорогу. Справа и слева простирались поля. Небо захмарилось. Митька постоял на дороге, как витязь на распутье. Домой идти было еще рано.

«А пойду-ка я до бригады, там, наверное, есть сторож. Может, жив еще дед Иван», – решил Митька.

Раньше этот дед жил с супругой в конце их улицы. Ее звали тетя Фуня, а его дядя Сарай. Смешное сочетание. Но люди называли их с любовью. Деду Ивану кличку дали еще в детстве, у него во весь лоб был вихор, и его прическа выглядела как овин, крытый камышом. А ее Фуней прозвал он сам, а почему – только он и мог от-

ветить... Лет десять назад тетя Фуня умерла, а деду деваться было некуда, он и перешел жить на бригаду. Быть нужным людям – это для него казалось главным. Избушку свою он отдал племяннику насовсем и жил на полеводческой бригаде бессменным сторожем.

До бригады Митька дошел за час. Вот он – последний зигзаг, и показались постройки. Из трубы бригадного домика тянуло дымком. Навстречу им выскочили две бойкие собаки. Дик вопросительно посмотрел на хозяина, на что тот сказал:

– Вспомни молодость, подерись или помирись.

Кобель, приободренный, побежал вперед.

Драка не состоялась. Вышел сторож, поглядел из-под руки на гостей и свистнул собак. Они, видимо, не шибко желая драки, заскочили в дверь, открытую перед ними хозяином. Митька подошел ближе, протянул старшему руку:

– Здравствуйте, дядя Ваня!

Дед потер руку о штаны, принял рукопожатие и спросил:

– А ты чей будешь-то?

– Я-то? – заулыбался гость. – Данилов я.

Сторож аж просветлел лицом и спросил:

– Митька, что ль? Да ты откуда взялся?

Парню понравилось настроение старика, он 106 ответил:

– В армии служил. Вчера только пришел, а сегодня уже на охоту.

Дед закивал головой:

– Ну заходи, чайку попьем, погутарим.

Вошли в дом. В доме тепло. Пахло пареной калиной и настоем разных трав. На печи чайник издавал тонкий свистящий звук. Митька поставил в угол ружье, снял и повесил на вешалку патронташ. Рюкзак он скинул еще в сенцах и повесил на крюк: зачем заяц будет портиться в тепле? Дед суетился. Налил в вазочку меда, налил в кружки чай и предложил:

– Седай.

Пили чай. Разговаривали. Дед вспоминал, как обучал Митьку верховой езде, как посылал его в селпо за бутылкой. Сам смеялся, оголив розовые, как у ребенка, десны. А Митька смотрел на деда и размышлял: «Родится человек без зубов и умирает тоже, если доживает до старости. И разумом, как дитя. И радуется, как ребенок, искренне. В счастливом возрасте пребывает дед Иван. Все плохое забыл. А ведь жизнь ему досталась тяжелая. Войны, голод. Ни обуви,

ни надеть... и как-то еще такую долгую жизнь прожил».

Митьке захотелось уважить старика, и он предложил ему зайца, но тот категорически отказался:

– Я их петлями ловлю. У меня всегда свежена. А сколько мне надо?

Охотник встал из-за стола, начал собираться. Топать до дома километров двенадцать, а то и больше. На крыльце дожидался Дик. Он отдохнул и снова был готов гонять зайцев. Их вышел проводить хозяин. На прощание попросил гостя:

– Ты уж будешь где недалеко, так заходи, я всегда тебе рад.

Митька обнял старика, закинул ружье на плечо и зашагал в сторону Истока. Вернуться решил через Поперечное. Шагал просто, как турист, разглядывая с детства знакомые места. Дик снова сворачивал с дороги. Облаивал назойливых сорок, которые сопровождали их по всему пути следования, передавая эстафету. В этих местах можно встретить лося, и охотник поменял в ружье патрон, с дробы на пулевой. Вообще-то он не собирался охотиться на крупного зверя, для этого нужна лицензия. Но мало ли что? Ему было легко и весело, и он стал тихонько напевать песню «В путь», вышагивая чуть ли не строевым. Вдоль дороги еще стояли стога сена, огороженные заботливыми хозяевами. Один из них не был огорожен и стоял сильно подбит с боков. Когда пасут коров, они сюда не доходят. Кто же его так подъел? Митька чисто из любопытства повернул к стожку. До него оставалось метров пятнадцать, а Дик уже обежал стожок сзади.

Вдруг из-за стожка выскочило какое-то животное и на мгновение остановилось. «Косуля», – подумал Митька. Он разглядел эту природную красоту, ее грацию. Курок он взвел машинально, и когда животное сделало первый прыжок, вскинул ружье и выстрелил. Ему показалось, что зверя швырнуло на кусты, но, отпружинив от них, он помчался дальше. Дик, яростно лая, бросился вдогонку, а вслед за ним и хозяин. На кустах он заметил капли крови. «Значит, попал», – решил он для себя и помчался еще быстрее на собачий лай. Кровь видно было и на земле. «Значит, ранение серьезное», – думал он. Дик лаял недалеко, за копанцем, и лай теперь не отдалялся. Охотник перемахнул через канаву и увидел собаку, прыгающую возле низкого тальника, а, когда подбежал поближе, увидел косулю, которая завалилась на бок и била задними ногами, что-

бы собака не вцепилась в нее. Он подошел поближе, косуля подняла голову и посмотрела на него долгим, каким-то упрекающим взглядом. У Митьки захолонула душа. Во-первых, он никогда не видел такой красоты, этих сливовых глаз, обрамленных большими ресницами. Ее тонкие ноздри вздрагивали. Она издала звук, похожий на мычание, и начала хрипеть. Ее надо было прикончить, но его бил озноб. Он сказал:

— Что же ты не убежала?

А Дик все лаял, и хозяин впервые пнул его. Тот обиженно взвизгнул и умолк. Косуля стала запрокидывать голову, издавая все более тяжелые хрипы. У нее угасали силы. Митька подошел к ней совсем близко, хотя это было опасно: раненое животное могло нанести удар копытами, но он как-то не думал об этом. Парень присел на корточки, протянул руки и приподнял голову своей жертвы. Косуля открыла глаза и смотрела на него не мигая, пока у нее не покатились слезы. У Митьки перехватило дыхание и хлынули слезы, скатываясь по лицу, они капали на дорожку ее слез. Митька поднял в небо глаза и взвыл, как его пещерный предок. Когда снова опустил глаза, то косуля уже прикрыла веки. Дик лежал поодаль, положив морду на лапы, и, казалось, сопереживал им. Митька осторожно опустил голову косули на траву, встали какой-то опустошенный и согбенный пошел прочь, а слезы все еще катились по его щекам. Впервые он так глубоко ощутил горечь утраты. Ему казалось, что там, у кустов, лежит его любимая, в смерти которой виноват он. Ему было страшно обернуться, он боялся, что сердце не выдержит. Он быстрее пошел прочь от места своего преступления. По дороге Митька немного успокоился, но ругал себя всякими отборными словами. Домой пришел, когда уже зажгли свет. Отец встретил в ограде со словами:

— Ну, как охота?

Митька снял с себя рюкзак и подал отцу. Отец вытащил зайца, покрутил в руках:

— Хорош, завтра натушим, сейчас я его обдери. Дак ты где целый день был? За зайцем гонялся?

Митька переложил ружье, вынул гильзу из патронника и сказал:

— Я там убил еще козу, что ли.

Отец напрягся и спросил:

— Какую козу? Домашнюю?

На что сын ответил:

— Да нет, дикую, килограммов на шестьдесят.

Отец понял, что сын не шутит.

На такого зверя охота без лицензии была запрещена, а потом ее надо было еще и ободрать. Шкуру, голову и кишки закопать, а мясо забрать. Отец начал выпытывать, в каком она месте? Митька сказал, что он туда больше не пойдет.

Отец побежал к соседу Володе Быкову, чтобы с ним съездить на газике за добычей. Тот был заядлый охотник и сразу согласился. Захватил мешки и пару острых ножей, подъехал к воротам. Но как ни уговаривали Митьку, он ни в какую не поехал, хотя и описал им подробно место. Они уехали.

Утром Митька проснулся оттого, что по нему ходил кот, явно желая его разбудить. Он положил руку на кота и заговорил с ним:

— Что, соскучился? Ишь ты, разурчался, ну полежи-полежи.

А кот повернулся на спину и вытянулся от удовольствия.

Немного поиграв с котом, Митька встал. Родители уже ушли на работу. В доме было натоплено. На печи стояли две сковороды. Митька полюбопытствовал: в одной была картошка с выжарками, а в другой — жареное мясо. Он аж вздрогнул и закрыл крышку.

На другой день Митька продал ружье вместе с боеприпасами, оставил лишь тот злосчастный патрон, то есть гильзу. Так она и стоит всю жизнь на видном месте, как напоминание человеку о том, что не он на земле судья, который определяет, кому жить, а кому умереть...

Это его последний патрон.

ЭПИДЕМИЯ

Каждый период имеет свои особенности, по которым один отличается от другого. Эпоха Брежнева запомнилась людям маразмом генсека и пристрастием его к наградам и поцелуям. Но в эту эпоху было немало и положительных дел. Одно из таких — продовольственная программа. Для решения этой программы в селах все мужское население обучалось специальности комбайнера. За время обучения на основной работе сохранялась заработная плата. Платили стипендию и даже выдавали спецодежду. Три месяца, а это почти всю зиму, здоровые мужики сидели за партами, ходили на практические занятия. Но это было не натушно, а потому нередко сопровождалось анекдотами и потехами друг над другом. Тут уж кто во что горазд.

Василий Михайлович имел специальность механика, а удостоверения комбайнера не было. В группе его все звали Михалычем. Относились к нему все с уважением – и однокурсники, и педагоги.

Когда Михалыч начинал что-нибудь рассказывать, все его слушали с удовольствием, потому как это у него природный дар. Завершались перемены обычно раскатистым хохотом. Не смеялся лишь один Сеня Кучерявый. На самом деле он был не кучерявым, а лысым. От уха до уха пролегал кант, но это был не волос, а легкий пушок. Семен его не сбрасывал, считая, что у него это нимб и что он ближе всех к Богу. Он был нелюдимым и потому участия в разговорах не принимал. Байки Михалыча его раздражали, а он думал, какую бы пакость тому сделать, чтобы принизить его популярность. Однажды он принес баночку вазелина и намазал им ручку указки. Начался урок, и педагог взял указку в руку. Испачкал руку и спросил:

– Кто сегодня дежурный?

Поднялся Василий Михайлович, ему было неудобно. Он вышел, взял указку и протер ее своим носовым платком. На следующий урок история повторилась. И, главное, никто не заметил, кто это сделал. Пришлось Михалычу держать указку при себе. Но он был еще больше удивлен, когда на следующий урок обнаружил вазелин на сидении своей парты. Хорошо, что не вляпался, а то бы брюкам пришла хана. Весь день и вечер Михалыч размышлял, какая зараза могла это сделать? И пришел к выводу, что это дело рук Кучерявого. На следующий день он положил в карман химический карандаш. На уроке незаметно настрогал его и посыпал этот порошок Сене по его нимбу. Когда преподаватель спросил:

– Кто готов сегодня отвечать?

Михалыч выкрикнул:

– Сегодня хочет заработать пятерку Семен, я видел, как он усердно готовился!

Тот обернулся и что-то пробурчал.

Преподаватель обратился к нему:

– Ну что, попробуешь?

Семен запыхтел и вышел к доске. Была у него одна особенность: он сильно потел, видимо, волновался. Когда он потел, начинал вытирать пот ладонью. Расчет Михалыча был точен. Кучерявый и в этот раз вспотел и начал тереть себя по лысине и лицу, и на глазах удивленных одноклассников начал синеть. Преподаватель снял

очки, протер их и снова надвинул на нос. «Черт возьми, – подумал он, – что-то ненормальное с человеком». Он попросил дежурного сбежать в учительскую и вызвать скорую, а сам подошел ближе, положил руку Семену на плечо и спросил:

– Вам плохо?

Семен отрицательно махнул головой.

Его еще не успели посадить за парту, как приехала скорая. Фельдшер и медсестра влетели в класс, как группа захвата. Кучерявый и моргнуть не успел, как ему вставили градусник и уложили на спину. Старшая расспрашивала больного, что он ел, чем болел в детстве, а тот разволновался еще сильнее, потел и растирал краску еще активнее. У него частично посинели уши, очаги посинения появились уже и на шее. Фельдшерица рванула к телефону и давай рассказывать главврачу, что она обнаружила эпидемию рожи или даже чумы. Тот дал ей задание, чтобы больного изолировали от других людей и к нему руками не прикасались. Он решил выехать сам и по дороге в гараж встретил пьяненького хирурга. Тот, хоть и частично был навеселе, но в больнице имел заслуженный авторитет. Хирург тоже вызвался съездить посмотреть на больного. По дороге Борис Григорьевич рассуждал: «Если диагноз Никитичны подтвердится, это ж дойдет до Москвы. Район закроют на карантин. Эпидемия – это серьезно, хотя как можно верить заполошной женщине? Надо проверить».

Доехали быстро. Техничка тетя Катя проводила приехавших в учительскую, куда изолировали «чумного». Никитична рапортовала, а потом закружилась вокруг больного, как ведьма на метле. Борис Григорьевич жестом остановил этот шабаш. Больной стоял и трясся в предчувствии чего-то худого. Главврач предложил ему сесть и начал задавать вопросы: «Что он ел сегодня утром? Чем болел в детстве?» А пьяненький хирург стоял в дверном проеме, привалившись к косяку, и вдруг спросил фельдшерицу:

– Чума, говоришь, или рожа, а вы эту рожу помыть не пробовали?

Нетвердой походкой он подошел к больному, поплевал ему на лысину, поводит пальцем по ней и заключил:

– Это химическая краска. А ну-ка, братец, иди к умывальнику.

В класс заглянула техничка. Хирург обратился к ней:

– Своди, тетя Катя, этого симулянта к умывальнику и дай ему хозяйственного мыла.

Они ушли. Борис Григорьевич обратился к Никитичне:

– Ну и что за представление вы здесь устроили?

Пожилая фельдшерица стояла, как пионер, с которого только что сняли галстук.

Вернулся Сеня совсем здоровый, лишь кое-где еще виднелись разводы краски, а в целом смотрелся бодрячком. Уехали врачи, ушел пациент, а в группе недоумевали и спрашивали друг друга:

– А че он вдруг начал синеть?

Предположение высказал только Михалыч:

– Вы слыхали, что бывают иконы, которые мироточат? Так вот, Сеня у нас святой, это его нимб замироточил, а он все размазал. Почему синим? Ну вы даете! Синий цвет – это же цвет неба. Бог ведь там, – и Михалыч многозначительно ткнул пальцем в небо. – А медицина с Богом в контрах. Они сразу: «Чума! Карантин, и баста!».

Сеню Кучерявого в группе больше не видели, а Михалыч рассуждал: зачем такие разные люди пересекаются? Видимо, для урока.

Впоследствии из Михалыча вышел хороший учитель. Он преподавал в школе тракторы и комбайны. О, как!



Дмитрий ФИЛИППЕНКО

В ЛАДОНЯХ МЫ ЛЮБОВЬ ХРАНИЛИ



ПОТЕРЯЛИСЬ

Я тебя навсегда, навсегда отпускаю,
Потерялись в сети разговоры по скайпу,
В кудрях черных дорог мы запутались сильно,
В декабре нелюбовью дождей моросило.

Стены наших квартир передавлены шумом,
Тишина обвенчалась с последнею шуткой.
Я прошел долгий путь и хотел перемирия,
А в ответ ты опять поменяла фамилию.

Потерял я любовь между тьмой и лесами,
И на дне чувств моих горько-сладкий осадок,
Не понять, кто уходит, а кто же бросает,
На глазах тает лед одиноких касаний.

ДЕРЕВНЯ ДЕТСТВА

Я приехал в деревню свою,
Чтобы детство увидеть далекое,
Снова плечи целует июль,
Задышали свободой легкие.

Прикоснулся я к чистой траве,
Отогрел возле озера душу я,
Эх, остался б в березах навек,
Размечтаюсь и птиц послушаю.

Филиппенко Дмитрий Александрович родился в 1983 году в Ленинске-Кузнецком Кемеровской области. Работает горным мастером на шахте им. А. Д. Рубана. Автор двух книг стихотворений: «На ладонях березовых рук» и «Небо на подоконнике». Публиковался в альманахах «Жарки сибирские», «Кольчугинская осень»; сборниках «Поэты России», «Площадь Пушкина».

Главный редактор литературных альманахов «Кольчугинская осень» и «Образ». Золотое перо Всероссийского фестиваля поэзии им. Алексея Бельмасова за 2013 и 2014 годы. Живет в Ленинске-Кузнецком.

А когда приползет темнота,
Сяду я на скамейку у тополя...
Деревенская спит красота,
И название ей Протопопово.

ЕСЛИ МИР РАЗБИВАЕТСЯ ВДРЕБЕЗГИ...

Если мир разбивается вдребезги
В преддверии февраля,
Если плачут на небе две звезды,
С ними плачу и я.

Если в кассах, в которых солнца нет,
Продаются стихи,
Растекается, кается сосен цвет
И черемухи штиль.

Если город качнется от наглости,
А под ним не качнется земля,
Мы заплачем в единой тональности:
Солнце, звезды и нежность моя.

* * *

Восхищен я твоими стихами
И коллегой тебя назову,

И. Н.

*Можешь взять меня с потрохами...
Слышишь солнца оранжевый звук?*

*На проспектах поэзии скользко,
Но не страшен тебе этот лед,
Аллегорий и образов косы
Гладишь, гладишь всю ночь напролет.*

*Может, хрупкая ты, только слово
Бьет по чувствам, по нервам бьет,
Неустанно хвалить буду снова
На бумаге твой правильный мед.*

ЗАЧЕМ

*Зачем кормить ненужные стихи?
Зачем любить, когда ты не нужна мне?
Твоя любовь – хронический бронхит –
Мне не дает дышать, застряла камнем.*

*Мне поцелуи больше не нужны,
Их мед давно стал с привкусом лимона,
В кафэшке старой встречи не важны,
Не кушать нам с тобой «Наполеона».*

*Зачем дарить без запаха цветы?
Не согревай замерзший гладиолус,
С тобой останутся кудрявые мечты,
Я разлюбил ромашковый твой голос.*

ТРАМВАИ

*Огонь в руках сгорает, тает,
В ладонях мы любовь хранили.
Ползли по улицам трамваи,
Троллейбусы им вслед шутили.*

*И на конечной остановке
Я вышел, но тебя не встретил,
И помогла тогда толстовка
Мне переждать колючий ветер.*

*Я шел по ребрам тротуара,
Светились фонарей ресницы.
Любовь в ладонях догорала.
И заново ей не родиться.*

НЕ ПОТРЕВОЖУ СОН

*Ленинск-Кузнецкий, спокойной ночи,
Не потревожу сон.*

*Вижу, березы надели сорочки,
Голым остался клен.*

*Стало спокойно на перекрестке,
И задремал светофор,
Только поэт превращает наброски
В свой стихотворный узор.*

*Ленинск-Кузнецкий уснул, заблудился
Ветер в печальных домах.
Снег на поверхность земли приземлился,
В город вернулась зима.*

ПРОРАСТАТЬ

*Конечно, мне Есениным не стать
И Маяковским мне не застрелиться.
Со вкусом снега ливнем не пролиться,
Не целовать брусничные уста.*

*Я повеласом был для всех невест,
Но к тридцати пора уже смеркаться,
Быть многоточием мультипликаций
И выпивать всю жизнь в один присест.*

*Мне больше не ходить по нищим дням,
Не открывать заоблачные двери,
Я проводил малиновое время,
А сладкий вкус не проводил меня.*

*Конечно же, мне гением не стать,
Не разгадать художника да Винчи,
Не рассказаться мне седую притчей.
Придется Филиппенко прорасти.*

ПЕПЕЛ

*Ради бога со мной не шути,
Не играйся словами пушистыми,
Мне не нужен серебряный штиль,
Нужен шторм мне с грозой и искрами.*

*Половинка души не моя,
Сердцу верю, но больше не хочется,
Помогает ночами Хайям
Скоротать мне мое одиночество.*

*Расстояние в три сотни лет
Не спасет от тебя и от холода,
Обронил красный пепел рассвет
На ладони ночного города.*

Андрей ВОРОШЕНЬ

Рассказы



ЖИВЕМ!

Батальон возвращался под вечер. Дневная жара вместе с раскаленным солнцем уходила на запад, в Иран, а медленно надвигающиеся горы посылали навстречу колонне приятный освежающий ветерок. Потерь на этот раз не было, пара легко раненных и одна сломанная нога неудачно десантировавшегося с БМП пулеметчика были не в счет. «Удачно сходили...» — думал практически каждый боец рейдового батальона. В воздухе среди грохота движков периодически слышны были обрывки фраз: «Прям возле уха просвистела...», «Педадь до поллика — и мы как пробка из-под шампанского выскакиваем из арыка...», «А я палю одновременно из пушки и пулемета и вижу, как вырубаю просеку в зеленке, прикинь!!», «Живем, пацаны!».

Курносые «бээмпэшки» тоже вроде довольны: никто из них не подорвался на самом страшном сюрпризе минных дел мастеров — фугасе, никому не распотрошило внутренности, не оторвало башню, не выбросило наружу двигатель. И на противотанковой мине никто не подлетел — там тоже неприятностей всяких хватает: порванная гусанка, катков пару долой, днище тоже рвет. Из гранатомета никому в борт не засадили. «Бэхи» весело молотили гусеницами по покорежен-

ной «бетонке», ловко объезжая ямы от старых подрывов, настороженно косясь триплексами на придорожную «зеленку». Из люков, сверкая зрачками, торчали чумазые, но довольные лица механиков-водителей. «Живем!»

Командирскую БМП было легко узнать — только на ней к башне было приварено фирменное «камазовское» кресло. На остальных «бэхах» командиры сидели поскромнее, кто на чем. «Батяня», по-хозяйски восседавший в кресле, имел тоже весьма жизнерадостный вид. Он предвкушал, как официально доложит командиру полка о выполненной задаче и о том, что нет потерь, и на замкомандира полка его двинут непременно в этом году — куда им всем деваться теперь? Результаты его батальона — лучшие в полку уже год. Да что полк, в дивизии кто результативнее его «ходит»? Никто, то-то. Пора, пора выдвигаться... Или на отдельный батальон, но только не разведбат! Лучше бы в какое-нибудь захоlustье афганское, типа Мазари-Шарифа, где война потише, а воины потолще — сколько ж можно воевать, в конце-то концов! Повоевал майор Ребров, пусть другие теперь поведут батальон так, как он водил — если смогут, конечно. А после Афгана можно и в ЮГВ съездить, посмотреть, как люди в Европах живут. Хватит по борзам всяким да чебаркулям мотаться. Заживем!

Ворошень Андрей Петрович родился 26 февраля 1964 года в Могилеве (Белоруссия). В 1987 году окончил Новосибирское высшее военно-политическое училище. В 1988–1989 годах служил в Афганистане (Кундуз, Шинданд). Уволился в запас в 1992 году в звании старшего лейтенанта. Занимается частным предпринимательством. Имеет журналистские публикации в военной прессе, газетах «Коммерсантъ-Сибирь» (Новосибирск), «Свидетель» (Бердск). Живет в Бердске Новосибирской области.

В это же самое время комполка, уже зная хорошие новости (спасибо ученому Попову за это), размышлял, сидя в штабе, о том, что хорош комбат Ребров: «Ох, хорош, и вырос как быстро, а ведь это я его вырастил. Еще одна такая удачная операция, и Реброву можно вторую «Красную Звезду» вешать, а мне, пожалуй, «Красное Знамя» в самый раз. Но «двигать» его я не буду, боевые комбаты на дорогах не валяются, даже на афганских. Пусть еще здесь послужит, работает на полк. Успеет еще, не последний день живем!».

Ротный, капитан Одинец, размышлял, как он сейчас оставит людей на взводных и старшину, машинами займутся экипажи с Клейменовым, а сам он пойдет в штаб дивизии, к своему корешу-земляку, дивизионному «секретчику»: «А там уже шикарная (дивизионная!) банька готова, и настоящая («союзная») водочка, и яичница со шкварками (о как!!), и Света с Любой из военторга – хорошие такие женщины, настоящие боевые подруги, особенно Люба. Хорошо там у них, в штабе дивизии: зелень, цветочки, дорожки аккуратные, женщины в платьях (!!!) и военторг богатый – не чета полковому, а столовка какая классная – почти как дома жрут, а банька... Эх, живут же... крысеныши, 2А30* им по самые гланды!».

Взводный Клейменов пытался предугадать, какую сумму в чеках ему выставит начальник вещевого склада за долгожданный двухкассетник «Шарп». Он решил биться до конца и больше трехсот чеков не давать в любом случае. И где только хапуга-прапор достает эти двухкассетники? Чтоб он жил на одну зарплату!

Новенький взводный Сковорцов ни о чем не думал толком, в голове его все перемешалось. Ему все было просто интересно: и как ехали на «броню», и как быстро бойцы посыпались с «брони» при первых выстрелах и умело занимали позиции. «Старики» покрикивали на замешкавшихся «молодых» и тут же помогали им во всем, что в расположении части было просто немислимо. В одной канаве Сковорцов увидел четверку «молодых», которым «дед» просто запретил высовываться, пару затрепанных отвесил даже непонятливым, а сам установил пулемет Калаш-

никова и начал короткими очередями отвечать «духам» по-серьезному. И как пули о «броню» цокали, камешки сшибали, срубали ветки прямо над ним, лейтенантом Советской армии. И как быстро ротный принял решение обойти дружно плюющуюся огнем окраину разрушенного кишлака двумя «бэхами» справа, и как ловко взводный-1 Клейменов выполнил это решение, преодолел и русло, и пару арыков и накрыл потом духов плотно огнем башенного вооружения с фланга. И как здорово молотили тридцатимиллиметровые пушки! Как «духи» не выдержали перекрестного огня батальона и ушли, бросая такие необходимые им грузы. Отошли глубоко в огромный зеленый массив, тянувшийся за кишлаком вдоль речки. А «бээмпэшки» доставали их и в «зеленке», буквально выкашивая ее. А потом, минут через двадцать, где-то в глубине этой «лесопарковой зоны» гулко заухали разрывы – это дивизионная артиллерия подключилась к операции. Зажали «духов» – немногие выжили...

Старослужащие Пашко и Ткачев, шерстившие разбитый кишлачок после отхода «духов», думали об одном и том же, что на такой жаре бражка, поставленная у земляка в кладовке, стопроцентно созрела, и сегодня вечером можно отметить культурненько столь удачный боевой выход, и трофеи кой-какие интересные обмыть. «Живем!»

Молодой боец Каримов думал о том, что будет, когда все узнают, что он станок от гранатомета забыл на месте боя. Он только сейчас понял, почему ему так не по себе. Потому что когда грузились, он и Мелконян таскали все в десантное отделение, и вроде все перетаскали, и – забыли! Он под днищем стоял: сначала все стаскивали к БМП, потом грузили, а все орут: «Быстреей, быстреей!» Командиров же много. Трофеев каких-то в мешках навалили, «старики» развязали несколько мешков и очень довольные сейчас едут. Весело им. «Что будет, а? Сколько мне жить осталось?»

Колонну сопровождал здоровенный гриф. Он красиво планировал, проходя всю колонну от арьергарда к «голове», потом обратно. Гриф этот всегда с батальоном был на «боевых». А может, это разные грифы были – кто их разберет на такой высоте? В профиль и анфас их тоже

* 105-миллиметровая салютная установка.

никто не сверял. И палили по нему, даже из снайперки – не попали. Потом перестали стрелять, комбат сказал: «Не трогать грифа, пусть живет!»

Ровно через неделю именно комбатовская БМП вздыбилась в облаке огня и пыли на радиоуправляемом фугасе – никто не выжил. Взрывной волной майора Реброва отбросило с его фирменного кресла на башне далеко в сторону, на камни, и шансов у него не было никаких.

ШИНДАНДСКАЯ ИСТОРИЯ

*До свидания, мальчики, мальчики...
Постарайтесь вернуться назад.*

Булат Окуджава

Тоненькая девичья фигурка на обочине шоссе Торгунди – Кандагар у кого угодно вызовет повышенное внимание. Не в парандже причем, в платьице вполне светском. А хотя бы и в парандже – тоже очень необычно. Не должно быть так. Ну несовместимо это платьице с реалиями афганской войны. Просто бред, иллюзия, мираж... Да, мы в советском гарнизоне, это – режимная зона Шинданд; кругом посты, войска, но – все равно. Только бойцы рейдового батальона не удивлялись этой фигурке. Девушка встречала все их колонны, возвращающиеся с боевых операций. Зовут ее Алена, работает в библиотеке. Знали: в руках у нее – цветы, обычно три стебелька. Букет из невзрачных, то ли полевых, то ли комнатных, цветков – еще не видно издалика, но он точно есть. Где она их брала – уму непостижимо, мистика какая-то. Тут верблюжья колючка с трудом выживает... Цветы доставались бойцам первых трех боевых машин – по одному стебельку на БМП. И улыбка девичья скромная – им же. И слова всегда одни и те же она говорила:

– С возвращением!

Колонна останавливалась, и Алена дарила цветы без предпочтений особых, не разбирая – офицер или рядовой, молодой или дембель. Закончив и помахав рукой тем, кому цветов не досталось, она отходила в сторону, а колонна ждала, пока она отойдет. Затем, взревев моторами, изрыгая огромные клубы знаменитой шиндандской пыли, перемешанной с выхлопными газами, колонна двигалась дальше – к месту расположения.

Поначалу все цветы доставались 7-й роте, так как обычно именно она двигалась в авангарде. Потом 8-я и 9-я роты взбунтовались, и комбат стал при возвращении с «боевых» чередовать роты, следующие впереди. Эта очередь соблюдалась строже всего в батальоне.

Солдаты, которым достался цветок от Алены, очень гордились. Засушивали его, хранили в «военнике» вместе с фотографиями из дома. И поверье ходило по батальону, что, мол, оберег это самый настоящий. Никто из счастливых обладателей цветка не погиб и даже ранен не был. Совпадение, конечно.

Ни разу Юра Рощин не получил заветного цветочка. А девушку рассмотреть ему все же удалось. Была она невысокого росточка, фигурка стройная, без излишеств; прическа простенькая, но очень миленькая; лицо – не сказать, чтобы красивое. Обычное лицо. Глаза вот точно необычные. Серьезные очень, кажется – серые. И во взгляде было что-то такое... Бойцы вели себя безукоризненно. Здоровались, конечно, но не больше. Ни шуточек, ни полслова лишних, не говоря уже о скабрёзностях каких-либо – никогда. Рощин был абсолютно уверен, что если бы кто-то ляпнул пошлость какую, измолотили бы. Порвали бы просто, и никто бы не вмешался.

Потом на «боевые» практически перестали ходить, расположились на заставах до вывода.

Перед полным выводом войск из Афганистана, в январе 1989-го, лейтенант Рощин отправлял на Родину группу дембелей самолетом, и на шиндандском аэродроме увидел знакомую фигурку. Алена была не одна: рядом с ней сидел на сумке капитан, опираясь на самодельную палку; правая часть лица у него была со следами ожога. Они смотрели друг на друга тем взглядом, который – даже мимолетный – понятен без лишних слов всем окружающим: так смотрят только очень близкие люди. На двоих у них было две среднего размера сумки. Рядом стояли люди, около которых высились горы коробок с импортной аудиотехникой, толстенных баулов с вещами.

Рощин подошел, поздоровался и сказал девушке:

– Вот Вы улетаете, а я так и не узнал, где Вы все-таки брали цветы, которые дарили нашему батальону?

Алена улыбнулась – голос у нее был чуть глуховатый, но приятный и доброжелательный – и ответила:

– Это вам, мужчинам, все стрелять да воевать. А нам, женщинам, цветочки выращивать да занавесочки развешивать. Да вас поджидать. А цветы... Семена мы привозили из Союза, выращивали на клумбе у женского модуля и на подоконниках. Я даже астры однажды вырастила, но их я только ему дарила, – и она, смутившись немного, повернулась к капитану.

Тот, не вставая, протянул Рощину руку:

– Сергей. У меня и позывной был «Астра». Не слыхал?

Рощин тоже представился и честно сознался:

– Нет. Разведбат?

Капитан кивнул.

Народ вокруг засуетился, взваливая нажитое на плечи и спины. Капитан тоже поднялся.

– Спасибо Вам, Алена, от наших бойцов. Вы нас ждали, и для нас это было важно, – сказал Юрий.

Он произнес эти слова и почему-то именно сейчас вдруг ясно и остро осознал: даже одна встреча возвращающихся с войны изможденных телом и душой пацанов всего одной девушкой-соотечественницей с цветами превосходила по значимости тысячи, миллионы пламенных речей

о верности долгу, Родине и чему еще там... Боже мой, как же это важно, чтобы тебя с войны ждала женщина с букетом...

Алена смотрела на Рощина своими – да, действительно – серыми, очень серьезными глазами и молчала.

– Удачи вам! – пожелал лейтенант.

– Домой по земле пойдешь? – спросил капитан.

– По земле, пройдем «крайний» раз. На Герат посмотрим.

– Я б там кое-кому должок отдал...

На эти слова Алена встрепенулась тут же, перевела взгляд на Сергея. Такой знакомый взгляд, тот самый, как тогда – у колонны БМП...

Они взяли вещи и пошли к самолету. Капитан заметно хромал. Алена попыталась поддержать его свободной рукой за талию, но офицер мягко убрал ее руку, и пошел самостоятельно. Тогда она ухватила край той сумки, что нес Сергей, и стала помогать ему нести эту сумку, но так, чтобы он не видел. Перед самым самолетом капитан обернулся, постоял чуть и махнул рукой. Не Рощину. Так... Небу бездонному афганскому, горам на горизонте, кишлачку тому, где его подожгли и продырявили, а может быть – войне? Наверное, в тот момент он подумал, что эта война в его жизни – последняя...

Алена снова положила руку ему на талию, и они, обнявшись, стали подниматься по рампе.



**Дмитрий
ШОРЕЕВ**

ТЕНЬ ОДИНОЧЕСТВА

Рассказ



Длинный, узкий и вонючий коридор. Стены серые, там, где был многослойный набел, и почти черные там, где их когда-то покрасили. Почернели они от жирной и липкой на ощупь грязи. Будто свиньи о них чесались. И шаги. Гулкие шаги, звук которых, как теннисный мячик, отпрыгивает от стен и уносится вдаль, в неосвещенную мглу коридора. Но все-таки вонь — она доминирует здесь. Это ее царство, ее владения. Из-за каждой двери волнами выплывают свои запахи. И чаще всего не такие уж отвратительные: вот здесь готовят что-то мясное, наверное, хозяева деньжатами разжились; а отсюда всегда пахнет духами, здесь живет женщина, еще совсем не старая, еще вполне привлекательная, даже, можно сказать, красивая, и все же одинокая. А кто существует в следующей камерке, узнавать почему-то не хочется — от нее всегда исходит смрад канализации. И в результате — вонь! По всему коридору. По всему этажу. По всему обществу — пристанищу студентов и неудачников.

Он уже давно не был студентом и упорно не считал себя неудачником. Мало ли кто и кем себя не считает или наоборот. Главное состоит в том, кем мы являемся. И он являлся... неудачником.

Ключ почти сладострастно вошел в замочную скважину, породив в момент соития скрипуче-скрежещущий звук, который в густой и вязкой дурноте коридора обратился в подвижный ртут-

ный шарик и шлепнулся на пол. Его никто не услышал, даже человек, отпирающий замок. Человеку не было до него никакого дела, и звук умер. Что тут странного — это ведь не музыка? Хотя... его все-таки жаль.

Человек же, вынув ключ, тем самым прервав его свидание, перешагнул порог своей холостяцкой комнаты и торопливо, даже можно сказать суетливо, прикрыл за собою дверь, отгораживаясь ею от зловонного коридора, мертворожденных звуков, а также... от людей. Главное, дверь спасала его от запаха духов той одинокой женщины, что жила по соседству. К своим тридцати шести годам он успел изрядно поблекнуть. Волосы, когда-то черные, стали тускло-серыми и вовсе не от ранней седины, просто они выцвели и сделались похожими на паклю, неопрятными лохмами, прикрывая уши. Он и расческу-то не каждый день в руки брал. Вся фигура некогда стройного человека давным-давно утратила эту самую стройность. Он отяжелел, расплылся и превратился в почти бесполое существо. И только проходя два раза в день мимо той двери и ощущая чуть горьковатый запах ее духов, он на мгновение, на единый миг вспоминал, что он — мужчина или, вернее, что когда-то им был.

Поэтому дверь спасала. Только за нею он был надежно защищен от рахитичных, несбыточных желаний совершенно расслабленного самца.

Шореев Дмитрий Дмитриевич родился 30 апреля 1971 года в Ленинске-Кузнецком. Окончил Мунгатскую среднюю школу в селе Каменка Крапивинского района. После службы в рядах вооруженных сил поступил в КемГУ на исторический факультет. Работает педагогом дополнительного образования (тренер по шахматам) в зеленогорском Доме детского творчества.

Этот человек не жил. Он даже не существовал. Он – функционировал. Спал, ел, едва-едва, с одышкой перемещался в пространстве, справлял естественные надобности, изредка слегка возбуждался – когда смотрел футбол по телевизору или проходя мимо той зовущей двери. Но подойти и постучать в нее, познакомиться с женщиной, которая хоть ненадолго была способна пробудить в нем какие-то чувства и желания, он никогда бы не решился. Впрочем, у него и мысли-то такой ни разу не возникало.

Здесь, на двенадцати квадратных метрах, был его мир, его владения, его вселенная. На любимом диване он проводил большую часть своего времени. Диван давно уже требовал ремонта, однако хозяин не торопился: менять обивку – это ведь так хлопотно. Стол, на котором стоял телевизионный ящик, пара стульев. На полу, покрытом вышарканным линолеумом, – выдавший виды палас, уже нуждавшийся в штопке – вот и все убранство комнаты. Ни одной книжной полки. Да что там книжной!.. Даже посудная полка и та отсутствовала. Посуда хранилась тут же на столе. В прихожей, правда, имелись еще тумбочка с установленной на ней раз и навсегда электрической плиткой и намертво прибитая к стене вешалка. Все.

Он небрежно скинул разношенные башмаки в угол и протопал к окну, выгружать на подоконник принесенные продукты. Он проделывал это ежедневно. Действие давно превратилось в ритуал, а середина выкрашенного в синий цвет подоконника никогда не покрывалась пылью. Но ближе к углам пыль была, и там ее протирали крайне редко. Человек пошелестел пакетом, извлекая из его утробы нечто, что можно было сжевать, не разогревая. Готовить себе полноценный ужин было лень. Даже просто отвести взгляд от заплаканного дождем окна, казалось, было выше его сил. Между тем в комнате стало сумрачно. Вечерело. И робкое, боящееся темноты существо, живущее внутри каждого из нас, просило света. Щелчок выключателя, и желтая муть, исходящая от засиженной мухами лампочки, вышвырнула сумрак вон. Маленькая победа цивилизации над законами природы.

Человек прошаркал по комнате к столу. Локтем сдвинул в сторону остатки вчерашнего ужина и сегодняшнего завтрака, освобождая место для вечерней трапезы. Ладонью он смел со стола крошки и поднял с пола упавшую полуторалитровую бутылку из-под лимонада. Повертев ее в

руках и так и сяк, соображая, куда бы ее деть, и не придя ни к какому разумному решению, он просто установил ее посреди стола, распахивая грудой немытых тарелок.

Промозглый вечер нагло постучался в оконное стекло крупными холодными каплями осеннего дождя.

– Не пущу, – произнес человек. Он еще мог шутить, хотя делал это все реже. Странно, но дождь вроде бы послушался, во всяком случае, его стук стал гораздо глуше.

– Вот так-то лучше. Не люблю дождь. Не люблю ветер. Не люблю... – он вздохнул, – ничего и никого.

В комнате погас свет. Человек чертыхнулся: скоротать время у телевизора не удастся. Придется поужинать при свечных огарках и завалиться спать. Отключение электричества даже разнообразило его обычный вечер. Он долго шарил руками в ящике стола, на ощупь отыскивая свечу. Нашел одну. Потратил десять минут на поиски коробка со спичками. Наконец свечечка затеплилась... И комната преобразилась – ожила. Заколыхались мрачноватые тени, изо всех сил стараясь успеть за движениями танцующего огонька. Огонек-то танцевал, а вот неповоротливые тени – кривлялись, отчего были похожи на призрачных и очень противных змей.

– Ух ты!.. – ошарашенно прошептал человек, нервно проведя ладонями по своим большим залысинам. – А ты кто? – Сердце в его груди непроизвольно екнуло и сжалось в ледяной комочек размером с горошину, а весом чуть ли не в тонну. Это длилось всего доли секунды, затем он рассмеялся: – Ну надо же! Вот ведь как бывает.

На грязно-желтой стене чернильным пятном отчетливо выделялась тень человека. Она была широкоплеча и имела очень маленькую голову. Такими обычно изображают громил в гангстерских фильмах. А то обстоятельство, что она казалась затянутой в длинный плащ, только подчеркивало это неприятное сходство. Не хватало лишь одной детали – большой, широкополой шляпы. А так – вылитый итальянский бандит времен Великой депрессии. Еще и руки в карманах засунул.

Страх, пронзивший внутренности стальной иглой, успел испариться, оставив после себя лишь неприятный осадок, некое леденящее послевкусие. Ладони снова прошли по голове, успокаивая человека, а заодно жирня и без того неопрятные волосы. Не было никакого итальян-

ского мафиози. Были лишь свеча, пустая пластиковая бутылка и тень, черная, как душа убийцы.

Он сдвинул свечу влево. Тень на стене тут же шагнула в противоположную сторону, слегка колыхнувшись и даже изменив тон, став еще темнее. Человек проявил интерес. Пошарился по старым заначкам — в ящике под диваном, на полке в ванной, куда не заглядывал года четыре, еще кое-где покопался, успев удивиться тому, сколько в его комнатухе неисследованных углов, и все-таки отыскал то, что ему так неожиданно понадобилось — второй свечной огарок.

Когда на свечечке зацвел крохотный цветочек огня, на стене появилась еще одна тень. Гангстер номер два был куда более блеклым, чем его собрат, и не такой... живой. Человек даже ощутил некоторое разочарование, как маленький ребенок, которому мама подарила не ту игрушку, что он ожидал.

— Что ж ты меня подводишь? — обратился человек к тени. — Я-то думал, мы тут втроем посидим, за жизнь потолкуем... Ну, то есть я посижу, поскольку я тут хозяин, а вы — постоите. Должны же вы уважение иметь к моей персоне. А ты?.. Дохлый совсем. Прозрачный. Стенку сквозь тебя видно. Вон брал бы пример с товарища своего: сразу видать — крепкий мужик.

Черный гангстер шевельнул тяжелыми плечами. Если бы человек не был настолько увлечен своим монологом, он бы непременно заметил некоторую странность — пламя свечей не колыхалось, его языки горели ровненько и были похожи на отточенные лезвия двух кинжалов, но тени-то...

Пухлые руки принялись передвигать свечи по столу.

— Ага! Зашевелились, бандюганы!

Призрачные гангстеры носились по стенам, то удлинясь, то укорачиваясь. Человек веселился. Веселился по-настоящему, впервые за очень долгое время.

— А я вас так! — восклицал он, пуская свечи по кругу. — Или вот эдак... — И он принялся покачивать их на ладонях. — Надо же, — удивлялся он, — это похоже на театр, а я — режиссер. Я главный режиссер! Кажется, где-то на Востоке... наверное, у японцев есть что-то подобное... Как же это называется?.. Вот память!..

— Ты хочешь, чтобы я тебе подсказал?

Человек едва не выронил свечи. Говорила тень на стене, та, что была гуще и мрачнее. Голос полностью соответствовал своему облада-

телю: бесплотный, лишенный эмоций, тихий... и мертвый.

— Не отвечай мне. Не нужно. Я не желаю тебя слушать, — гангстер сел. То есть человеку так показалось... Или не показалось? Во всяком случае, верхняя часть тени вдвинулась в комнату гранитной тяжестью своих борцовских плеч. Было похоже, что это создание сидит с другой стороны стола, поставив на него локти и положив свою непропорционально маленькую голову на сжатые кулаки.

Тень усмехнулась.

— Великий постановщик?! Создатель теней! Повелитель призрачного мира! Ну, вспомнил, как называется японский театр теней?

Хозяин комнаты сглотнул, пытаясь освободить горло, — не помогло. Гость приблизился к его лицу, став очень маленьким и плотным.

— Я жду, — прошелестел он, и от этого шелеста по позвоночнику человека пробежал ручей, состоявший из миллионов ледяных мурашек. Он торопливо замотал головой: нет мол, не вспомнил. — Почему я этому не удивляюсь, — равнодушно промолвил гость.

На стене что-то происходило: вторая тень наполнялась цветом ночи; она тоже собиралась войти в комнату. Он это видел и уже начал догадываться, что происходящее не к добру. Он боялся этих теней. Боялся панически. Вытянув в трубочку онемевшие губы, человек дунул на свечу — она погасла, и почти вывалившаяся из стены тень умерла. Сдохла, испустив высокий, на грани слышимости, звук.

— Надо же, ты еще трепыхаешься. Но... поздно. Для тебя уже давно поздно.

Тень стала совершенно непроглядной и огромной. В краткий миг она заполнила собою всю комнату. Человек широко раскрыл рот, чтобы закричать, но тугой ком осязаемого мрака запечатал его глотку, похоронив неуспевший родиться крик. В последний миг своего животного существования он почти вспомнил, как называется этот проклятый театр... Почти вспомнил. Почему-то для него это было важно.

Огонек свечи умер вместе с ним.

— Странно, — произнес комендант общежития, — в коридоре вонюшка стоит невероятная. К этой двери без противогаза не подойти. А в самой комнате благоухание. Пахнет, чем-то... — он пощелкал пальцами, — приятным.

– Здесь много чего странного, – поддержал его участковый и широко зевнул. – Не выспался я. Да... Вот это, например... Посмотрите, – он указал на махрово-черную тень, что четко выделялась на предсмертной желтизне давно не беленой стены. Лейтенант потрогал ее кончиком пальца. На коже не осталось никаких следов.

Женщина, та самая, стояла на пороге и неотрывно смотрела на... Она так и не отняла ладоней от своих губ.

– Что же здесь произошло?

Лейтенант пожал плечами:

– Не знаю. Может, Его Величество Одиночество шлялось по городу и забрело на огонек... вот к этому, – он махнул рукой через плечо, указав на абсолютно сухую мумию с глупо раззявленным ртом, откинувшуюся на спинку стула. – Посидело оно тут, покалякало и дальше подалось, а тень свою на стенке позабыло, как забывают на вешалке плащ, старый и потрепанный. Только, знаете, что? Я бы предпочел, чтобы оно больше не возвращалось...

Невыспавшийся участковый так никогда и не узнал, как близок он был к раскрытию этого дела.

г. Зеленогорск, 24.10.2001 г.



Эдуард ГОЛЬЦМАН

МАМОНТЫ И ПАПОНТЫ



От души поздравляем нашего друга и коллегу, прекрасного поэта Эдуарда Гольцмана с 80-летним юбилеем!

Как нельзя лучше совпало, что он, многолетний автор журнала «Огни Кузбасса», становится первооткрывателем новой рубрики «И большим, и детям». Судите сами, вот что о нем пишут и рассказывают.

«Озорной старейшина нашего писательского цеха Эдуард Гольцман, как его ни встретишь, рассказывает свои отчаянно смешные стихи, которые появятся в его очередной книжке».

«Однажды он поймал меня на улице за пуговицу и продекламировал:

Дима в детский садик ходит...

Так вот молодость проходит.

Может, не Дима, а, скажем, Коля – неважно: я неделю проходил под впечатлением этих удивительно простых и глубоких строчек. Так парадоксально умеют думать только дети. И Эдуард Гольцман, пишущий для детей». Валерий Немиров

Дорогой Эдуард Данилович, желаем Вам крепкого здоровья, новых стихов и книжек нарасхват!

МАМОНТЫ И ПАПОНТЫ

*– Почему, – спросила ты, –
Вымидали мамонты?
Мамонты и Папонты
Не умели шить унты.
Босиком зимой гуляли –
От простуды умирали.
Айболит бы пригодился,
Но еще он
Не родился.*

РАДОСТЬ

*Репей щенку
Вцепился в бок:
– У меня теперь
Щенок!*

В ШКОЛЕ

*Дарю Волшебнице букет.
Цветы я сам растил
И холил,
Волшебников
На свете нет,
Но есть Учительница в школе.*

Я И КОТ

*Неужели никогда
В класс не брали вы кота?
Я попробовал –
И вот
За дверями
Я и кот.*

В ШКОЛУ

Утром школьный
Праздник знаний.
Я пришел без опозданий.
А за мной, не чуя ног,
Прибежал, пыхтя, щенок.
Но – беда! Учитель нас
Не пускает вместе в класс:
«Школа только
Для ребят».
Чтоб щенок
Сбежать не мог,
Взял я цепь –
И на замок.
В школу
С ключиком замка
Я примчался до звонка.
А за мною – что за шутки! –
Притащился песик с будкой.
И учитель снова нас
Не пускает вместе в класс.
Ходит Тузик невеселый:
Кто его запишет в школу?

БОРОДА

Отпустите бороду!
А куда?
Пусть идет по городу
Борода.
И Ворона Карповна
Скажет: «Кар-р,
Нацепите бороду
Те, кто стар».
Почему ж Козленочек
С бородой?
Он же ведь ребеночек –
Молодой!

ПАРАШЮТИКИ ЗИМЫ

Цвели фиалки, лютики,
Теперь повсюду здесь
Зима на парашютиках
Спускается с небес.

У КОГО ДЛИННЕЕ НОС?

Задал утконос вопрос:
«У кого длиннее нос?»
И спросил он у Бобра.
Тот сказал: «У Комара».

Кто-то на вопрос утиный
Говорит: «У Буратины».
Так еще гадали много:
Приплели и Носорога.
Кто-то крикнул: «У Яги,
У карги-старухи».
Вспоминали про Слона,
Про того... из мухи.
Про Кощея, Лешего
И про Дятла здешнего.
Долго бились над вопросом –
И остался каждый с носом.

ГУСИ

Гусь гуся
Обидел –
Обозвал гусем.
А потом,
Я видел,
Шли они гуськом.

ОСЕННЯЯ БЕРЕЗКА

Золотистой и неотразимой
Раскрасавицей стала лесной.
И, все больше предчувствуя зиму,
Растерялась березка листвою.

СЕНТЯБРЬ

Деревья вокруг пожелтели.
Все меньше у солнца тепла.
Сентябрь
Мальчишкой
С портфелем
Шагает вдоль улиц
Села.

А. Н. ВОЛОШИНУ

Дочь Наташу Волошин
называл «Моя веточка»

Мы – деревья.
Под землею
Скрыли корни-провода.
Связь налажена –
С листвою,
С каждой веточкой –
Всегда!

ФАМИЛЬНОЕ РОДСТВО

Деду Кузнецову

*Кем был твой прадед на Руси?
Свою фамилию спроси.
Мы – кузнецы, и дух наш молод.
Новокузнецк – любимый город.*

*Подставив солнцу бороду,
Мой дед идет по городу,
Любуясь на него.
Мой дед идет по городу –
Ему вдвойне все дорого:
У деда с этим городом
Фамильное родство.*



Георгий ГРЕБЕНЩИКОВ

НА КАРПАТАХ*

Походная страда

К столетию Первой мировой войны

Теперь, когда Русская Армия, изгнавши врага из всей Украины, тысячеверстным фронтом победно продвигается в пределы Бессарабии, Галиции, Румынии, Болгарии, Венгрии и Чехословакии, нетрудно представить, какая это грандиозная задача – преодолеть с боем всевозможные препятствия, безводные степи Бессарабии, глинистое месиво Галиции, обилие рек в холмах и на горах Румынии и Венгрии, где Карпатские хребты представляют собой непреодолимый барьер...

Надо себе представить всю сверхчеловеческую страду Красной, вернее, Прекрасной Русской Армии наших дней, численных потерь и жертв которой мы не знаем, но которые, несомненно, очень велики, но зато еще более велики и те военные трофеи, которые наши армии столь успешно отсекают и захватывают у врага.

Сонмы воспоминаний одолевают меня сейчас, и в особенности о тех бытовых и походных трудностях, свидетелем которых мне пришлось быть в течение трех лет участия в Первой мировой войне.

...Профессор Московского университета Манилов, редактировавший «Русские ведомости», пригласил меня военным корреспондентом, и это толкнуло меня почти добровольцем пойти в армию.

...Очерки писались на привалах и в походе, карандашом. Кроме того, я занимался военным бытом практически, а не литературно. Вскоре меня повысили в чине, назначивши командиром 28-го Сибирского Передового транспорта, подаренного армии Сибирской железной дорогой. Формировать этот транспорт мне пришлось в Москве. Шестьдесят двуколки и обозный инвен-

тарь я лично получал в Финляндии, в городе Таммерфорсе, девяносто лошадей получил в Москве, необъезженных, полудиких, разномастных, в том числе несколько чудных полукровок, одну из которых, вороную, назвал Сибирью, а белую – Лебедью. Солдатскую команду мне дали из самых разнообразных частей: тут были и простые неграмотные мужики из центральных губерний, медлительные в слове и деле, были какие-то могильщики с московских кладбищ, никогда с лошадьми не имевшие дела, были совершенно необстрелянные мирные пахари – всего сто десять человек. Но прикомандировали и отлежавшихся в лазаретах настоящих воинов, некоторые с Георгиями, как, например, фельдфебель Александр Медведев из Армавира; был ординарец-кавалерист Легкодымов; был шорник из покровских мещан Шикарный; был купец, был и сапожник. Портной, если не ошибаюсь, из Московского художественного театра, Аарон Шнайдер, боялся даже подойти к лошадям, но для него сразу нашлась работа по специальности, как и у шорника, как и у повара, настоящего мастера своего дела, положительного вологодца. Но подобрать по крайней мере сорок кучеров для парных запряжек – дело настолько трудное, что пришлось там же, в Замоскворечье, несколько дней обучать их запрягать и распрягать лошадей... Когда я довел примерную запряжку и распряжку до тридцати минут – я мог решиться вести свою часть через Москву на погрузку на вокзал. Отряд мой придавался 59-й пехотной дивизии, стоявшей на Двинском фронте, значит, двинемся мы в направлении на Псков.

...Я еще с вечера распределил все время по минутам и с рассветом вывел отряд интервалами по десять двуколок, каждое отделение – под командой более надежных всадников. Свои экипажи, экипаж с сестрами милосердия, походную кухню и обоз с грузом – мы были снабжены всем необходимым, включая запас фуража на целую неделю, – поставил позади. И сам мотался на оседланной Сибири по всей линии, волнуясь за каждого неопытного ездока.

Время тянулось страшно медленно, расстояние казалось бесконечным. Некоторые ездоки явно не умели держать вожжей в руках, и отдельным верховым было наказано ехать с такими рядом и в случае, если лошадь испугается автомобиля, хватать ее под уздцы. И все-таки в конце трамвайной линии трамвай пошел нам навстречу, и звон и шум его переполошили не

* Текст очерка дается в сокращении.

столько лошадей, сколько ездоков. Один из них бросил вожжи и соскочил с двуколки, сохраняя свою драгоценную жизнь. Одна вожжа упала под колесо, и, естественно, лошади свернули в сторону и при этом так круто и быстро, что двуколка опрокинулась. Остановить растянувшийся чуть не на четверть версты обоз было не так-то просто, а разрывать всю цепь – еще опаснее.

Движение по улицам уже началось со всей московской напряженностью. Обоз удалось остановить с теми же интервалами, чтобы несущиеся автомобили могли нас миновать и общее движение не было закупорено. Маленький, но героизм проявлен был находчивым Легкодымовым. Он на ходу, вернее, на галопе перерезал перочинным ножиком натянувшуюся вожжину, и головы лошадей приняли нормальное, безболезненное положение. В перевернутой двуколке смертельно бледный Аарон вопил о спасении. Фельдфебель Медведев утешал его:

– Не кричи, медаль за храбрость получишь...

Эта шутка всех сразу рассмешила, и ничуть не пострадавший портной Художественного театра был извлечен из-под мягких мешков с овсом и тюков фуражного сена. Двуколка была крепкая – финская добросовестная работа себя показала.

Но нет худа без добра – с этого момента все мои слова и наставления принимались не только с доверием, но и к точному исполнению, так как они запомнили мои предупреждения, что может произойти при одном неловком повороте.

Вспоминая теперь нашу прогулку, не менее трудную и опасную, нежели переход из конца в конец Москвы, когда некоторые лошади ни за что не хотели входить в товарные вагоны, я должен отдать дань уважения тому порядку, который установлен был вообще на наших железных дорогах того времени. Все шло по точному расписанию, без нарушения очередей, без потери времени – только сам будь точен и следуй известной рутине. Нам было дано от шести до двенадцати часов на погрузку, мы пришли точно к назначенному времени и погрузились скорее, нежели в шесть часов. С неопытными людьми, при необъезженных лошадях я это считал большой удачей.

Когда все было в вагонах, когда солдаты мои сидели в своих теплушках и на тюках сена, а лошади жевали свой овес, я вспомнил, что лошади с полуночи не поены. Большинству моих конюхов даже в голову не приходило, что до Двинска

мы должны поить лошадей. Между тем, овес им был задан, у каждой была своя хорошая брезентовая кормушка – придаток финской двуколки, у каждой пары было и ведро для водопоя, тоже из брезента, но где и как поить? Однако и это железнодорожной администрацией было предусмотрено, так как тысячи лошадей едут на фронт. Весь наш состав был передвинут к цистерне, верстах в двух от места погрузки, и надо было видеть, как мои конюхи удивлялись, что лошади пьют и пьют, по два, по три брезентовых ведра. После водопоя и кухня наша на открытой платформе задымилась, и в тот же вечер, еще до отправления нашего состава, мы чувствовали себя в походе – всем снабженная, независимая войсковая часть, одна семья, состоявшая из пришельцев «и от Ладоги холодной, и от синих волн Невы, и от Камы многоводной, и от матушки Москвы». У всех было чудесное, сытое, а главное, хозяйственное настроение. Только наши сестры немного скучали от безделья – ни у одного из наших воинов – ни царапины, а случай для этого был хороший, когда опрокинулась в Москве двуколка. Поезд тронулся на следующее утро на рассвете. Все спали, и странно было пробуждаться от ритмических толчков колес на стыках рельс...

Это было самое начало 1916 года. Северный фронт вел позиционную войну, и дивизия наша сидела в окопах прочно и почти мирно.

...Но бои шли на Карпатах и в Галиции, и 59-ю дивизию решено было перебросить с Северного фронта на Юго-Западный, и этот переход тянулся медленно и долго. Вот мы наконец выгрузились у границ очищенной Брусиловым Буковины и оттуда походным порядком пошли через всю Буковину к Черновицам на Карпаты. Это был мирный с остановками поход, и во время его мы обзавелись не только курами, но и небольшим гуртом убойного скота и хорошей дойной коровой. У нас было свое свежее молоко, свои яйца, свое мясо. Никогда не забуду, когда мы перед подъемом на высоты (историческая высота 947) должны были с колесного транспорта переформироваться на вьючный и все наши двуколки оставить внизу, недалеко от города Коломыи.

Итак, мы переформировались во вьючный караван, для которого вместо двуколок я применил древний способ перевозки больных и раненых по горным тропам, способ, унаследованный нашими алтайскими племенами от времен чингисханова перехода через горы. Это две тонкие

жерди, прикрепленные концами к подтянутым стременам седел двух лошадей, идущих одна за другою на расстоянии жердей, а между жердями – брезентовая, немножко углубленная лежанка, на которую и кладется больной или раненый. Эти носилки после инспекции корпусного врача настолько понравились, что о них было написано в специальных журналах, и приказом по всей Карпатской армии они были применены в горах.

Вот таким караваном в темную, дождливую, со снегом, ночь мы медленно поднимаемся со всем нашим имуществом на выюках и на этих носилках по узкой и извилистой тропе в горы. Настроение у всех мрачное. Брезентовые бушлаты застывают на нас так, что двигаться в них трудно, а пастух нашего гурта должен гнать свое стадо пешком. У него только что отелилась молодая корова, предназначавшаяся к убою. Он горой стоял за нее, зная, что будет теленок. Теперь этот теленок был для него главной мукой. Его приторочили к седлу в мешке, но он свисал ниже брюха лошади, и то и дело его надо было чем-то уравнивать. Из-за теленка то и дело караван должен был останавливаться. Солдаты злились. Конца этому пути и этой ночи буквально не предвиделось. И вдруг из одного выюка раздалось задорное и пронзительное: «Ку-ку-реку-у!».

Это хозяин нашего курятника, петух, возвещает о том, что конец ночи будет и даже очень скоро. И всем стало смешно и весело.

...Но чем выше мы взбирались, тем гуще дождь смешивался со снегом. Зато лучше было видно тропу, да и рассвет медленно вырисовывал очертания еще более высоких перевалов впереди. Наконец при полном прояснении непреодолимых горных цепей мы увидели на крутом косогоре прямо на нашем пути столбик, а на столбике надпись: «28-й Сибирский». Мы поняли – этот косогор отведен для нашего расквартирования.

...Надо было здесь располагаться, строить прежде всего конюшни, а потом уже землянки. Мы не знали, как долго мы тут будем стоять, но ясно было, что дальше нас не пустят. Гул орудий изредка доносился до нас, но пулеметной стрельбы не было слышно, хотя линия окопов нашей дивизии шла сразу же за этим перевалом. Значит, надо строиться, закапываться в землю. Благо, сразу под нами, под крутиком, шумел водный поток – речка Перкалаб, почти заваленная готовым для сплава лесом. Это при-

дало всем бодрости, как будто половина дела была уже сделана – лес для постройки землянок не только заготовлен, но и высох с того момента, когда заготовка его была прервана войною.

Домовито задымилась походная кухня. Продуктов у нас было вдосталь, а главное – и куры, и корова, и новотельная, и до восьми разного возраста бычков. Было чем поддержать приниженный плохой погодой дух...

А позади – уже целый год походного опыта, семья в походах покрепла и научилась распределять силы и на уменье строить, так что жаловаться было грешно да и бесполезно. Сто двадцать человек, включая десять человек персонала, и девяносто лошадей – могучая сила. Но тут все зависит от хозяйственного распорядка. А есть у вас кузнец и запасные подковы и гвозди к ним? Если вы не предусмотрели этой мелочи – подков и гвоздей к ним – вы рискуете потерять часть лошадей. В горах почти четвертая часть их потеряла подковы. А есть у вас запасные подметки для сапог и опытный сапожник? Смотрите, солдат не догадается да и негде ему просушить разбухшие, продырявленные в этих каменистых косогорах сапоги. Если у вас нет для него запасных сапог – одна треть ваших работников выбудет из строя в лазарет. Дисциплина и порядок держатся не одной строгостью, но главным образом заботой обо всех этих житейских мелочах. Надо и о музыкантах, и о песенниках не забыть. После тяжелого дня тасканья бревен из реки на гору и после копки и расчистки земли неплохо бы взвеселить людей знакомою мелодией. Нет инструментов, напишите в ваш родной город, в местную газету – пришлют целый оркестр бесплатно, и будет ваш солдат с душой и мускулами.

...И вообще, надо быть справедливым ко всей нашей бывшей всероссийской армии. Много было упущений, много было ошибок и угнетения солдата, но в целом бывшей русской армии не стыдно посмотреть на свое прошлое. Но стыдно теперь слушать несправедливые порицания ее, и особенно явную клевету или ложь на ее вождей и офицерский состав.

Здесь мы часто слышим совершенно невежественные суждения о том, что армия наша была снабжена так плохо, что солдаты с голоду пухли, а в окопы шли без ружей. В некоторых американских журналах были даже снимки с якобы бежавшими от врага солдатами. Правда, никто им возразить не может, особенно умерщ-

вленный и ныне безгласный бывший русский царь, но все же, по самым простым логическим, историческим и статистическим данным, мы, живущие свидетели еще свежей в нашей памяти отечественной истории, должны громко заявить источнику такой информации: «Ври, да знай же меру!».

Но если ложь о прошлом может пройти всякому безнаказанно, то ложь о настоящем может иметь крайне вредные последствия не только для лгунов – им туда и дорога, но и для обеих сейчас дружественных стран, России и Америки.

Мы не будем здесь приводить всевозможные подрывные измышления профессиональных

лгунов – многие их вирши появляются в печати, но мы только упомянем, что временное затишье на Русском фронте истолковывается некоторыми кругами далеко не дружелюбно. Здесь так привыкли, чтобы Русская армия брала каждый день по Севастополю, а если она этого не делает, значит, что-то там неладно.

Нет, наша союзная Русская победоносная армия не только все время идет и побеждает, но и преодолевает невообразимые трудности на своем пути. И даже ее задержки, ее затишье, ее будни полны невообразимых трудов и подвигов.

Публикация Т. Черняевой



**Вера
ЛАВРИНА**

ЧЕРНОГОРИЯ.РУ

Что я знала о Черногории до поездки? То же, что и все: там дешевые курорты и туда сейчас многие россияне ездят отдыхать, следовательно, есть море, какое – не знала (часть «Средиземья»). Слышала о каких-то необычных монастырях. Богатые русские массово скупают там недвижимость. При этом я имела весьма смутное представление о том, откуда взялась Черногория, почему она так стремительно взлетела на туристический небосклон. Что-то связанное с гористой местностью на Балканах в районе бывшей Югославии: провинция, анклав, край... Оказалось, независимая страна, отделившаяся в 2006 году от Югославии, которая к тому времени уже была Сербией, потерявшей много других земель.

По нашим меркам, параметры Черногории игрушечные. Население – шестьсот двадцать тысяч (в Кемерове – пятьсот тридцать тысяч). Причем половина живет в экономической столице Черногории и ее окрестностях – Подгорице. В административной столице Цетинье проживает совсем уж смешное количество: шестнадцать тысяч человек. Площадь Черногории в семь раз меньше площади нашей области. Но после того, как я прочла несколько путеводителей по Черногории, прочесала с десяток сайтов, объездила города, монастыри, морские побережья, мое великодержавное самомнение сдулось. На этой крошечной территории с древнейших времен разворачивалась бурная, интересная, героическая история, а сама Черногория по красоте и богатству своего ландшафта уступит мало какой стране.

Путешествие в Черногорию началось с тревожных переживаний. Впервые нам с дочерью нужно было самостоятельно приехать в далекую страну, без путевок, ваучеров, родственников, жить одним, ходить по магазинам, организовывать свой отдых, как-то общаться с черногорца-

ми. У нас был только адрес квартиры брата в Тивате и телефон Ацо, который должен был нас встретить и дать ключи от квартиры брата Владимира.

Перед поездкой мы обзавелись русско-сербским разговорником, информацией о ценах на продукты, транспорт, туры и обо всем, что только можно, парой путеводителей, страховками, некоторым количеством евро (там в обиходе они) и некоторым количеством решимости, не знаю уж, в каких единицах ее можно измерить.

В аэропорту Тивата нас встретил Ацо. Он двенадцать лет работал строителем в Москве, выучил русский, взял в жены русскую Таню и вернулся в Черногорию. Он предупредительно показал нам ближайшие магазины, рынок, помог купить сим-карту местного туроператора «Теленор» и предложил звонить, если будут какие-либо трудности. Потом еще он привез нам литра полтора хорошего домашнего вина, которое мы с дочерью едва осилили за три недели. А мы подарили ему российский (кавказский) коньяк.

Закупая в первый день продукты, мы сразу столкнулись с особенностями черногорской кухни. Например, в магазинах не было черного хлеба, его вообще здесь не пекут. Поразили караваи и батоны огромных размеров. Был кукурузный хлеб, который, как я заметила, от хранения быстро терял вкусовые качества. Не едят черногорцы гречку, ее тоже нет в продаже. С трудом нашли творог, назывался он «мягкий сыр». Жирность некоторых продуктов зашкаливала, например, я видела тридцатипроцентную сметану. С овощами, фруктами на рынке не было проблем. Качество фруктов и овощей такое же, как у нас: помидоры отличаются «деревянностью», как и нектарины, персики, у огурцов толстая грубая кожа, и привозят их уже переспевшими. Чтобы купить качественные овощи и фрукты, надо знать, где и когда они продаются. То же касается мясных продуктов: потом мы уже отказались от сосисок и фарша – попадались совершенно несъедобные. Везде рекламировали особый вкус черногорского меда. Но после алтайского он нам показался довольно заурядным. Безупречный продукт – это свежая морская рыба: орада, бронзин. Именно свежая, не замороженная. Такой рыбы у нас в Сибири отведать невозможно.

Мы сразу купили и те продукты, которые являются, так сказать, национальным брендом Черногории: пршут – сырокопченое свиное мясо, каймак – жирная сметана, слоистая. Что ска-

зять? Непривычные мы к этим продуктам. Пршут был очень соленый, с привкусом сырого мяса. Мы его потом поджарили с луком и яйцом – получилось неплохо, если не обращать внимания на избыточную соленость. А каймак очень жирный и «сухой». Я его доестъ так и не смогла. Дочь Катя сразу заявила, что «это» она есть не будет. Но, может быть, где-нибудь высоко в горах сербские пастухи делают каймак удивительного вкуса.

Итак, мы закупили продукты, распаковались, поели и пошли на первую прогулку по городу. Нам нужно было решить одну проблему – купить «белый картон». Я до сих пор не очень понимаю, что это такое, то ли налог на пребывание в Черногории, то ли заменитель регистрации, но, как нам сказали, он должен быть. Стоит двенадцать евро на человека.

Туристический офис, где оформляется эта бумага, мы нашли быстро. Я заготовила несколько необходимых фраз на черногорском.

– Dobar dan! Govorite ruski? – спросила я у мужчины, который сидел за столом напротив входа.

– Ne. Anglijski.

А я-то наделась, что в международном туристическом центре знают русский.

– Mi treba...belij karton.

Он меня понял и указал на девушку, которая сидела слева от входа. Картон нам быстро оформили. Это простая белая бумажка с соответствующим текстом и печатью. Мне нужно было спросить, продают ли они туры по Черногории.

– Mi treba... туры по Черногории, – с трудом подобрала я слова.

Но служащие любезно предоставили флаеры агентства «Феникс», указав его адрес.

– Там говорят по-русски?

– Да, да.

«Белый картон» нам оказался не нужен, нигде никто ни разу не поинтересовался:

– Има ли господья «белый картон»?

Тиват не является крупным центром, здесь нет песчаных пляжей, не много и туристов. Поскольку его миновал курортный бум, он сохранил облик ухоженного южного приморского городка с виллами, каждая на свой особенный манер, малоэтажными многоквартирными домами, без торчащих штырями высоток.

Вечерами в Тивате все устремляются на набережную, и мы, конечно, тоже поспешили туда. Каждый вечер сюда пришвартовывался чудес-

ный парусник «Jadran», что в переводе означает «Адриатика» (я узнала наконец, что Черногорию омывает Адриатическое море). Этот романтический парусник с высокими мачтами, стройным силуэтом, хотя и был с белыми парусами, привел бы в восторг любую ассолю. В нас он будил поэтические мечты о дальних морских путешествиях. На его борту было написано «учебский брод», что значит учебный корабль.

Далее на набережной располагался порт «Монтенегро», куда пришвартовываются роскошные яхты со всего света. В противоположной стороне есть пирс, где в заливчике стоят на приколе совсем дешевенькие лодки и катера. Он грязный и вонючий, его хочется быстрее миновать.

Когда мы вернулись к дому на площадь Магнолии, нас ждал сюрприз. На террасе рядом с кафе играл духовой оркестр. Дирижировала молодая девушка с упругим, как струнка, станом. Она очень уверенно управлялась с мужским оркестром. Видно было, что оркестр любительский, потому что играли люди всех возрастов – от детей до стариков. Подбор мелодий интересный: от классических вальсов и джаза до рока. Поскольку ни до, ни после оркестр не появлялся на площади, мы решили, что выступал он в этот единственный вечер в честь нашего приезда.

Первые три дня мы осматривались, обживались, ходили на местные пляжи. Пытались освоить элементарный разговорный язык. Еще дома взялась за его овладение, так как понимала, что рядом не будет никого со знанием английского или сербского языков. Знающие люди мне сказали, что, несмотря на близость языков, беглую сербскую речь я не разберу, но когда начну конкретно о чем-то спрашивать, то понять друг друга можно. Так оно и оказалось. Некоторые сербские слова меня не то, что веселили, но были интересны оттенками смысла или открывшимися корнями: «хвала!» – спасибо, «молим» – пожалуйста (теперь чаще говорят «изволите» вместо «молим»), «опростите» – простите (типа «не цените меня высоко»), трг – площадь, «sobe» – номера или комнаты, то есть «возьму к себе», «меняница» – обменный пункт.

Иные слова, которые у нас употребляются в ироничном или негативном смысле, там вполне конвенциональные: «торба» – сумка, «позорница» – театр (Большой театр звучит как «Велико позорница»), «глумец» – актер, «попуст» – скидки, «улаз» – вход, «излаз» – выход, «долазак» –

прибытие, «понос» – гордость. Вежливое обращение – «господин и господья», при советской власти – «друзе» (все-таки приличнее, чем «товарищ»).

Вопросы-то по разговорнику я научилась задавать, а вот что мне отвечали: «не разуме».

Ориентироваться в новой культурной среде и преодолевать языковой барьер нам стало гораздо проще, когда мы познакомились с Марией, молодой женщиной с роскошной копной вьющихся светло-каштановых волос. Мария работала в туристическом агентстве «Феникс», флаеры которого нам дали в туристическом центре. «Феникс» действительно ориентирован только на русскоязычных туристов. Агентство было расположено по соседству, на той же площади Магнолия. И потом мы часто заходили к Марии со своими проблемами. Она советовала нам, на какой пляж ездить, какую рыбу покупать в магазинах, как добраться до автовокзала, переводила некоторые нужные слова, просто болтала с нами, рассказывая о современной жизни в Черногории, в общем, была нашей палочкой-выручалочкой.

С первых же дней мы увидели, что присутствие русских в Черногории не просто внушительное, а лавинообразное. С 2007 года россияне занимают первое место по численности иностранных туристов. Везде слышна русская речь. Предложение номеров и продажа недвижимости во многом ориентирована на русских. Повсюду объявления о продаже недвижимости и сдаче «apartmani» – апартаментов на трех языках: сербском, английском и русском, а иногда и во все только русском. В системе сервиса, тем не менее, не очень часто знают русский, но для того, чтобы что-то заказать или купить, не обязательно владеть сербским, ваш русский будет понят. К русским относятся доброжелательно или, скажем тверже, без раздражения. И поскольку Черногория сейчас испытывает экономические трудности и живет в основном за счет туризма, местные жители благожелательно относятся к тому, что приезжает много туристов и покупателей, которые привозят с собой много евро. В разгар сезона в курортной стране цены на продукты такие же, как у нас, а кое-что и дешевле. Цены на жилье несопоставимо низкие по сравнению с другими курортными зонами. Даже французы, имея под боком Лазурный берег, приезжают отдыхать в Черногорию. Низкие цены, море, близость языка, черногорская эмпатия по

отношению к нам и привлекают сюда толпы русскоязычных туристов и покупателей недвижимости.

Особенно интересной была картина в аэропорту Тиват во время нашего отлета. В Черногории только два аэропорта – в Подгорице и в Тивате. На курорты прилетают и улетают в основном через Тиват. Аэропорт был битком набит русскими пассажирами! На кого ни посмотришь – все говорят по-русски. Ну просто какой-то филиал Шереметьево. Я встретила там не земляка даже, а коллегу – Женю Качалина, зав. музыкальной частью студклуба Кузбасского технического университета. Он с семьей отдыхал в Будве, летел на том же рейсе до Москвы и Кемерово. Правда, в Москве мы отстали от самолета, но это уже другая история. В аэропорту мы с изумлением обнялись и расцеловались. Так вот, черногорский аэропорт полон русскими пассажирами, и только девушки-черногорки в униформах ходят и с акцентом громко выкрикивают русские фамилии опаздывающих на рейс пассажиров – фантазмагорическая картина. Я подумала о новой экспансии русских в Восточную Европу.

День за днем мы знакомились с повседневной жизнью Тивата. На улицах ездят в основном немецкие машины, есть и японские, итальянские, пару раз встретили нашу «Ладу». Интересно было смотреть на номера машин. Очень много машин с сербскими номерами – «srb», их почти столько же, сколько черногорских – «Mne». В Будве встретили одну машину с московскими номерами – доехала!

В Черногории пока нет мультикасс, во всяком случае, в Тивате мы их не видели. Зато есть некоторые приспособления для борьбы с жарой. Жара здесь изнуряющая. Как во всех южных странах, существует фиеста с двенадцати до шестнадцати часов. Но это не касается торговых заведений, кафе и ресторанов. Вдоль некоторых улиц и площадей проложены желобки, по ним иногда течет вода, может, не только для охлаждения, но и для полива. Более дорогие открытые кафе имеют систему охлаждения с помощью воды: в жару через трубочки по террасе распыляется прохладная водяная пыль. Это удивительно приятное ощущение – попасть во время пекла в прохладное влажное облако.

Мы помним, что среди лучших баскетбольных команд была мужская команда югославов с игроками гигантского роста. Мужчины Черногории сохранили это преимущество. Есть и такой

же тип женщин – высокие, стройные, с красивыми, несколько удлинёнными лицами, прямыми носами. Особенно прелестными их делает то, что они золотистокожие брюнетки. Однако со многими женщинами и девушками прштут и каймак делают свое черное дело. Они рыхлые, с тяжелыми формами. Мне показалось, что красивые девушки встречаются чаще, чем красивые мужчины. Но у черногорских мужчин есть преимущество – они чаще и дольше остаются волосатыми. Много длинноволосых седых, если не стариков, то зрелых мужей.

Черногорские мужчины могут предаваться одному занятию, которое русских не заставишь делать: самозабвенно лежать на солнце и загорать. Русские мужчины будут печь шашлыки, пить пиво, флиртовать с девушками, обсуждать мировые проблемы, читать, прохаживаться, ну, купаться в лучшем случае, но едва ли вы их уложите на лежак дольше, чем на десять минут. А здесь мужчина может один прийти на пляж и лежать без движения.

Универсальная уличная одежда приморских городов: шорты, майки, сланцы, шляпки с короткими полями, на манер чилийских. У молодых девушек – очень короткие шорты, у мужчин – подлиннее. Мужчины не носят головных уборов, у них красивые волосы. Женщины средних лет еще-таки иногда носят платья и юбки. В присутственных местах клерки, официанты, водители автобусов одеты в униформу. А вот кого я не могу вспомнить, так это черногорских полицейских и гаишников. То ли страна без них обходится?

Первая наша поездка состоялась на пляж «Плави горизонты» – «Голубые горизонты». Об этом пляже мы читали на сайтах и форумах (сайт: Черногория.ру), и Маша тоже посоветовала нам поехать туда. Тиват расположен в одноименном заливе, пляжи в городе или бетонные, или с крупными камнями, без вида открытого моря. Ближайшее место, где открывается Адриатика, Плави горизонты. Ехать туда тридцать – тридцать пять минут на автобусе.

Пляж нам поначалу очень понравился. Это небольшая бухта с песчаным берегом. Песок светлый, мелкий, как мука. С двух сторон пляж окаймлен скалистыми мысами. Слева и справа по мысам тянется красивый парк. Много раскидистых деревьев растет и вдоль пляжа. Удивление началось тогда, когда я решила прогуляться по парку и выйти на берег каменного мыса. Тут я столкнулась с проблемой, которая нас будет не

раз преследовать в Черногории – острая нехватка общественных туалетов. На весь огромный пляж был один платный туалет в кафе. Что люди в таких случаях делают, объяснять, думаю, не надо. Весь прекрасный парк был пропитан неприятными запахами человеческой жизнедеятельности, свернуть куда-то с тропинки или аллеи, чтобы не наткнуться на следы этой деятельности, тоже было невозможно. Перетерпев все это и выйдя на каменистый берег мыса, я была вознаграждена чудесным видом на Адриатику. В солнечный день поражал цвет воды, волны играли всеми оттенками лазури, бирюзы, насыщенного фиолетового цвета, на воде вспыхивали синие искры. В водах Адриатики очень большое содержание соли, поэтому никакого особого умения плавать не надо, пока ты шевелишь руками и ногами – вода держит. Плыть в открытое теплое море, когда перед тобой круглится безбрежный синий горизонт, приятное и волнующее занятие.

На четвертый день нашего пребывания в Черногории мы поехали в однодневное путешествие на Скадарское озеро. Все местные туроператоры продают только однодневные туры по Черногории и близлежащим странам. Когда я спросила, почему, Маша сказала мне, что так проще, не надо решать вопрос с гостиницей и питанием, да и туристы быстрее раскупают дешевые туры на один день. Поэтому я не нашла туров, например, в Сербию с посещением Белграда. Туда за день не съездишь.

В туры от турфирмы «Феникс» мы ездили на микроавтобусе с гидом Драганом Княжевичем (Княжевич – фамилия, отчеств у сербов нет). Было ему к семидесяти, но выглядел он замечательно: симпатичный, высокий, стройный, подтянутый, чуть седоватый. Когда мы сделали первую остановку у знаменитого острова-отеля «Свети-Стефан», к Драгану подбежал мальчик лет семи и радостно обнял его. Оказалось, что это его внук, а потом подошла и дочь, которая вместе с мужем ехала на машине за нами. Дочерью оказалась ... Маша. Накануне она говорила нам, что тоже хочет съездить на Скадарское озеро на денек, отдохнуть и сына с собой взять. «Ни разу еще за лето никуда не выезжали. Столько работы!» – сетовала она. Ее муж Слободан был исполнительным директором «Феникса» и водителем по совместительству – в общем, семейный бизнес. Родоначальником этого бизнеса стал Драган, который в молодости

через «Спутник» – молодежную студенческую организацию – занимался югославско-советским обменом молодежи и студентов. Встречал молодежь из Советского Союза, сам не раз ездил в СССР. Он имел техническую специальность и намеренно не учился на переводчика. Маша с детства слышала русскую речь, начала говорить по-русски. В семейном предприятии она некоторое время исполняла обязанности гида, теперь вела офисную работу.

Водителем нашим был Дарко Радович. Как мне нравятся сербские имена! Желько, Николина, Бояна, Зорица, Златко, Мирка, Милан – в них столько нежности и притягательности.

Горная дорога на Скадарское озеро шла вдоль очень живописного побережья Адриатики, так называемой Будванской ривьеры. Она взлетала высоко на перевалы, петляла между горных вершин. По черногорским дорогам быстро не поедешь, они узкие, с большим количеством поворотов, подъемов и спусков и достаточно загруженные. Но ездить по ним нескучно – ландшафт прекрасный. Отвесные скалы над дорогами забраны металлической сеткой. Встречаются таблички, памятники и венки вдоль дороги – памятные знаки автокатастроф.

Горы в Черногории не черные, а зеленые. Как нам потом объяснили, черными они казались прежде от особого вида хвойных деревьев (может, пихт?), которые встречаются сейчас редко. Это побережье называли «Montenegro» итальянские моряки еще в средние века, потом это название так и прижилось.

Справа от нас простирался берег, изрезанный бухтами, мысами, с рассыпанными вдоль него маленькими и большими островами. По этой дороге мы будем ездить еще много раз. Драган рассказывал нам про историю и особенности городков и памятных мест, которые мы проезжали. В его голосе чувствовалась усталость: туристический сезон заканчивался и сколько раз он уже наматывал километры по этой дороге, повествуя о том, как бедное рыбацкое побережье превратилось в курортную зону с отелями, виллами, апартаментами. Некоторые города побережья, как определили археологи, оказались современниками античной цивилизации, например Будва, нынешняя туристическая Мекка Черногории, ей более двух тысяч лет.

Из окна автобуса Драган показал нам старый рыбацкий дом. Он стоял особняком на лесистом склоне – маленький башнеобразный домик из

светлого камня с односкатной черепичной крышей. Раньше черногорцы думали, что море нужно для того, чтобы ловить рыбу, но теперь они поняли, что морем можно выгодно торговать. Все побережье лихорадочно застраивается.

В Черногории по городам и весям, на островах и возвышенностях можно увидеть множество церквей. Почти четыреста лет сербы были под властью турок, поэтому православные храмы и монастыри, как и в целом исповедание православия, являлись своеобразным оплотом свободы, символом национальной и культурной самоидентификации. Стоит церковь, значит, жив дух свободы и православия. Большинство из них совсем маленькие, объемом в одну небольшую комнату. Но эти крошечные церкви из светлого камня под красной черепичной крышей особенно трогательны. Они в своем крошечном размере имеют все необходимые атрибуты православного храма: полукруглую апсиду, выступающую с восточной стороны, на крыше над входом небольшую колокольню в виде арки с колоколом, иногда есть даже небольшой притвор с западной стороны. Но все эти церкви всегда закрыты. Мне не удалось в них попасть.

Грустное впечатление оставила одна маленькая церковь на острове св. Николая в Будве. К несчастью, она оказалась прямо на территории пляжа. Стояла ненужная, закрытая давным-давно на замок, к ней не вилась никакая тропка. А ведь когда-то она ослепительно белела на берегу чудесного зеленого острова как столп и утверждение истины.

Белый поклонный крест, стоящий рядом, накрыл развесистый куст. Вокруг полуголые туристы подставляют свои бока под солнечные лучи – млеют. Или используют тень от нее. Я подумала: какая чудовищная метаморфоза – от церкви нужна только тень на пляже! Уж лучше бы ее куда-нибудь перенесли или огородили. Я все ходила вокруг, заглядывая внутрь через узкие окна, щель в дверях. Разглядеть ничего невозможно – внутри мутный сумрак.

Скадарское озеро – красивое, окруженное горами, прорезанное мысами, украшенное островами. Мы отправились на прогулку по озеру на небольшом катере. Долго плыли по заболоченной протоке, слева и справа цвели лотосы или водяные лилии, кувшинки, плавали птицы с выводками. В центре озера лодка остановилась, и начался пикник на воде. Сын Марии Вук разносил нам пончики. Ему дали поручить лодкой.

Мы с удовольствием фотографировали усердного улыбочивого мальчика.

— Ну вот, потом появятся фотографии в интернете: как в Черногории используют детский труд, — пошутила Мария. — Нас в наручники закроют — и в тюрьму.

Вук органично приобщался к семейному бизнесу. Слободан угощал нас яблочным соком, вином и ракией. Я попробовала ракию, думаю, цена ее была гораздо ниже десяти евро. Я помню непереносимый запах первача, который гнали в деревнях, звали его «хана». И запахом, и вкусом ракия была такая же. Выпить я не смогла — выплюнула в озеро (незаметно).

Лодочка причалила к уютному берегу. Вода в озере была не просто теплой, а горячей, она мало остужала. После купания мы поднялись в конобу — маленький ресторанчик в местном стиле и с местной кухней. Она примостилась на высоком берегу в роще между каменных уступов. На обед подали озерную рыбу: жареных карпа, форель, маринованную уклею. Скадарский жареный карп великолепен! Мы всей компанией сидели за большим длинным столом на прохладной террасе. За деревьями открывался вид на озеро, окружающие его горы.

30 июля мы поехали в Дайбабский монастырь и Острог.

Для меня и как путешественницы, и как паломницы знакомство с православными святынями Черногории было особенно интересно. Через это знакомство открылись прежде мне неизвестные духовные связи Черногории и России. Кстати, герб Черногории на первый взгляд почти неотличим от российского: такой же хищный двуглавый орел с державой и скипетром в лапах. Только на груди у него не Георгий Победоносец, а лев, и вместо трех венцов над головой — один.

Сами черногорцы считают, что тремя самыми великими монастырями в их стране являются Цетинский монастырь, монастырь Острог и Дайбабский. Они перечислены именно по чину: первый — Цетинский, затем — Острог и Дайбабский. Мы посетили их в обратном порядке.

Дайбабский монастырь находится в четырех километрах от столицы Подгорицы, на Дайбабской горе, где неподалеку было селение с таким же названием. Сейчас окрестностями этого монастыря является неприглядная промзона алюминиевого завода, который купил русский олигарх Дерипаска. Монастырь состоит из храма Успения Богородицы и небольшого паломниче-

ского дома. Храм представляет собой нерукотворную крестообразную пещеру с алтарем в центральном гроте, шириной всего лишь два с половиной метра. Внешне храм имеет обычный фасад с двумя колокольнями. Заходишь через низкую дверь, спускаешься вниз по ступеням и оказываешься в удивительном мире. Неровные стены пещер расписаны рукой самого основателя монастыря Симеона Дайбабского. Он не был художником, но переполнявшее его духовное горение вдохновило на создание оригинальных образов: святые со строгими лицами и огромными глазами взирают из полутьмы на посетителей. Фрески осыпаются, покрыты копотью, некоторые из них плохо различимы.

Симеон Дайбабский учился в Киево-Печерской лавре и там был пострижен в монахи; и, наверное, при устройстве храма преподобный не мог не вспоминать святых пещер Киево-Печерской обители, где он принимал постриг.

Пятьдесят лет, никуда не стремясь, жил здесь Симеон, обозревал один и тот же пейзаж, днями и ночами молился в темной пещерке. Что же такое, не доступное для нас, он переживал и ощущал? Что держало его полвека на этой сухой горе и в тесной пещере? Нам, кочующим и жаждущим постоянной смены впечатлений, этого уже не понять и не постигнуть. Сегодня в Дайбабском монастыре подвизается всего один монах.

Дальше наш путь лежал в Острог. До поездки я слышала, что в Черногории есть какие-то особенные монастыри. Потом увидела многочисленные фотографии этого удивительного монастыря — Острога. Однако они совершенно не передают то волнующее и оглушительное впечатление, которое оказывает монастырь уже при первом взгляде на него.

«Не может быть!» — говорили мне друзья, когда я рассказывала им, что монастырь Острог находится в скале на высоте девятьсот метров. Когда мы въехали в ущелье и Драган указал нам маленький крест, белеющий чуть ли не на вершине противоположной горной гряды, пояснив, что это и есть Острог, я тоже подумала: «Не может быть!».

К монастырю ведет восьмикилометровый серпантин. Наш микроавтобус начал взбираться вверх по серпантину. Драган стал рассказывать об истории создания монастыря и его основателе Василии Острожском. Будущий святой родился в 1610 году. В детстве он был отдан благоче-

стивыми родителями в монастырь, потом стал архимандритом, среди прочих совершил паломническую поездку на Русь, откуда привез много богатых даров, деньги благотворителей. Тут я посмотрела вниз и... потеряла нить рассказа. Края дороги видно не было, мы в буквальном смысле ехали над пропастью. Лишь кое-где кромку дороги отмечали низкие бетонные блоки, а редкие булыжники были поставлены, думаю, лишь для психологической поддержки водителей. При этом дорога была однополосная, машины же ехали в обе стороны чуть ли не бороздя боками друг друга. Я схватилась за подлокотник, потому что больше не за что было держаться. В голове всплыла фраза из одного путеводителя по Черногории: на опасной дороге к монастырю Острог не было ни одного происшествия, так как Василий Острожский хранит паломников. И правда, только молитва может уберечь от аварий на такой дороге. И черногорские водители очень уверенно чувствуют себя. Дарко не выказывал никакого напряжения, шутил, болтал. Я заметила за рулем некоторых встречных машин девушек, старушку в преклонном возрасте. Причем одна девушка болтала по сотовому телефону. Ну, отчаянные дамы! И на всю эту дорогу был один дорожный знак: ограничение грузоподъемности – десять тонн – весьма любезно. 133

Включиться в рассказ гида мне так и не удалось до самого монастыря – боялась, маловерная. Но, когда мы въехали на площадь перед монастырем, сверху вся долина открылась нам с высоты птичьего полета, и передалось это упоительное ощущение парения.

Думаю, можно сказать, что монастырь Острог, в котором хранятся мощи Василия Острожского, является православным духовным центром Черногории. В скальной нише – белоснежная крестообразная постройка: вертикальная ось креста – колокольня, горизонтальная – церкви. Рядом еще гостиница.

Я спросила у Драгана, почему монастырь построили так высоко. Он сказал, что существует два объяснения: во-первых, чтобы лучше защищать от турок этот островок христианской веры; во-вторых, здесь первоначально была деревня, где и возник монастырь.

Сюда стекается огромное количество паломников. В сорокоградусную жару под солнцем в будний день мы простояли в очереди около двух часов. Сначала поднялись в Введенскую, очень маленькую, тесную, церковь размером три на

три метра. В ней Василий Острожский молился в течение пятнадцати лет и здесь же покоятся его мощи. У раки с мощами святого на высоком кресле сидел старый седой монах с крестом, возможно, настоятель. Он ласково смотрел на паломников. Мы поцеловали крест и потом приложились к мощам Василия Острожского. Рака была полуоткрыта, мощи укрыты плащаницей. Потом перешли в помещение, где подавали записочки о здравии и упокоении и затем поднялись еще на несколько пролетов вверх к вырубленной в скале Крестовоздвиженской церкви, тоже маленькой и тесной, немыслимым образом прилепившейся к скале справа от колокольни. Ее неровные каменные стены украшены фресками. Рядом с церковью прямо из скальной расщелины растет чудесная виноградная лоза. По преданию, она появилась еще при жизни Василия Острожского.

Эти тесные, лишенные лоска церквушки, украшенные неловкой росписью, безмолвно свидетельствуют о непререкаемой крепости веры. И весь строгий белоснежный ансамбль, вознесшийся к вершинам пропеченных солнцем скал, хранит подлинное величие и высоту духа.

Каждый паломник получает в подарок святую воду и масло, освященное на мощах Василия Острожского.

В пяти километрах от Верхнего монастыря есть еще Нижний. Наш гид Драган сказал, что люди, которые особенно почитают Василия Острожского, идут от Нижнего монастыря к Верхнему босиком или даже на коленях, но не по серпантину, а по более короткой тропинке. В Троицком соборе Нижнего монастыря хранятся кисти рук пятнадцатилетнего Станко, их мальчику отсекали турки за то, что он не хотел выпустить Святой Крест. Почерневшие нетленные кисти выставлены в ковчеге рядом с алтарем. На стене храма чудесная фреска: Василий Острожский в окружении с надеждой обращенных к нему страждущих людей. Калеки, бесноватые, слепые, бездетные женщины и даже иноверцы-мусульмане ждут помощи от великого чудотворца.

И в Дайбабском монастыре, и в Остроге мы видели немало икон русских святых. Черногорцы их знают и почитают (чего не скажешь о нас). Это были иконы Серафима Саровского, Александра Свирского, Елизаветы Романовой, царственных мучеников, в Цетинском монастыре видела «Троицу» Рублева. Вообще в Черног-

рии очень почтительно относятся к Русской православной церкви.

Первого августа мы отправились в Хорватию, в город Дубровник, расположенный примерно в часе езды от границы Черногории. Хорваты – те же славяне, только католики. Хорватия так же была частью Югославии.

Доехали до границы быстро, но на самой границе стояли почти час в очереди на солнцепеке. Система кондиционирования работала плохо, выйти было нельзя, так как сразу окажешься под прямыми лучами солнца. Скоро нас уже вполне можно было консервировать. Наконец зашла девушка в форме хорватского пограничника. Как ее учили опытные пограничники, цепко и быстро вглядываясь в наши лица, чтобы не пропустить врагов Хорватии, собрала паспорта. Потом мы увидели едва различимые штампы. На обратном пути никакого штампа о том, что мы были, нам не поставили. Как порой раздражает эта брутальная серьезность молодых государств. Вот когда мы ездили в Албанию, на границе гид собрала паспорта и унесла в таможню, никто не заскакивал к нам в автобус, чтобы внимательно вглядеться в наши лица. Да и штампа никакого не поставили, просто отсканировали паспорта.

Итак, мы пересекли наконец-то границу и въехали в Хорватию. С пристальным вниманием рассматривали пейзажи, придорожные поселки. Хорватская архитектура немного отличается от черногорской, она более простая и строгая, хотя мы видели те же добротные дома из светлого камня с красными черепичными крышами. На склонах гор, где нет воды и человеческой заботы, растут дикие густые заросли невысокого кустарника. Но стоит лишь приложить труд и старание, как вырастают гигантские средиземноморские сосны, вздымаются пальмы, плодоносят деревья, вьется виноград, зеленеет трава и благоухают цветы. И в Черногории, и в Хорватии эти пейзажи часто перемежаются: сухой, дикий и ухоженный, цветущий.

Дубровник называют жемчужиной Адриатики, город включен в список всемирного наследия ЮНЕСКО. Какое-то время существовала Республика Дубровник, которая занимала узкую полосу вдоль Адриатики протяженностью в 100 километров. С помощью дипломатии и золота маленькая республика отбивалась от византийцев, венецианцев и турок.

Сейчас сюда съезжается огромное количество туристов со всей Европы и все устремляются в старый город.

Нашим гидом в Дубровниках был Александр, друг Драгана, он двадцать лет преподавал русский язык в школе. Чувствовалась учительская манера ведения экскурсии – как хорошо подготовленный и выверенный урок.

Старый город окружен добротной и эстетично сделанной крепостной стеной, внутри уютный и интересный. Улочки узкие, в северном направлении они представляют собой высокие лестницы, вдоль которых стоят дома. Кроме общественных зданий, дома, которым по шестьсот-семьсот лет, все жилые, и в них обитают счастливые наследники дубровнической знати. Мостовые сделаны из светлого камня, отшлифованные веками, они блестят, как начищенный паркет. Всюду, где только можно, – рестораны, кафе, закусочные, кондитерские, пиццерии. Они везде: на набережных, площадях, улицах. Если улочка хоть чуть шире, чем совсем узкая, обязательно на одной ее стороне, притулившись к стене, стоят в ряд столики со стульями. Только центральная улица не заставлена столами. Из-за обилия всех этих заведений, старый город пропитан кулинарными запахами, но доминирует над всеми запах жареного морского окуня.

По виду Дубровник – западноевропейский город. Облик города с католическими храмами, княжеским дворцом, мэрией формировался в XIV–XV веках. С XV века сохранились построенные итальянцами фонтаны, воду из них можно пить, и вода лучше, чем в водопроводе в Тивате. В городе присутствует смешение стилей, есть все: грубоватый и простой прибрежный адриатический, готика, ренессанс, барокко. Например, княжеский дворец отстроен в двух стилях: первый этаж в ренессансном, а второй в готическом.

Все же Дубровник производит впечатление какого-то туристически-бутафорского городка. Возможно, от того, что очень тщательно отреставрированы крепостные стены, мостовые, дома (он был сильно разрушен в годы Второй мировой войны), не осталось этой «патины времен».

В Дубровнике в сфере obsługi уже встречаются знающие русский. Мы зашли в кафе-мороженое и по своей великодержавной привычке обратились к девушке по-русски. Сама она сказать нам ничего не смогла, пыталась по-английски говорить, но где-то поодаль работал

парень, который ей перевел наши вопросы, она повторяла за ним ответы на ломанном русском.

Третьего августа, опять же с Драганом, мы отправились в столицу Черногории Цетинье. Здесь находится официальная резиденция президента страны – Голубой дворец (мы его так и не увидели). Кроме осмотра столицы, нашей главной целью было посещение Цетинского монастыря, где хранится десница Иоанна Крестителя. После этого мы должны были ехать в деревню Негоши, на родину Петра II Петровича Негоши. Он – настоящий кумир черногорцев: князь, владыка, философ, поэт.

Мы поехали по той же дороге вдоль Будванской ривьеры. Когда проезжаешь мимо приморских городков и сел, кажется, что построены они для отдыха и беззаботной жизни. В наших деревнях возле каждого двора приметы тяжелого крестьянского труда: сложены большие поленицы дров, высятся стога сена, тянутся нескончаемые огороды, на задворках – навозные кучи, по всей округе – кладбище доисторической сельхозтехники. Здесь же не увидишь никаких следов тяжелой деревенской работы. Дворики засажены цветами, зеленеют ухоженные газоны, гнутся ветви от плодов фруктовых деревьев. Затейливые балкончики и террасы увиты плющом и виноградом. Это обязательно. А где прикажете 135 пить вино и ракию после того, как все цветы и газоны политы? Мы видели, конечно, обливающих потом мужчин, которые сидят под куцыми зонтами возле машин с арбузами где-нибудь на пустынных окраинных улицах. Но и только.

При этом все те, с кем мы разговаривали, считают, что жизнь стала труднее.

– Раньше, – говорила Маша, – собирались родственники, чтобы попить кофе, пообщаться, поболтать, а теперь только работа, работа и работа. Я работаю с десяти утра и до десяти вечера с перерывом на сиесту с двенадцати до четырех, хотя и в это время часто здесь сижу. Но и после работы до одиннадцати-двенадцати вечера заполняю бумаги. Ребенка своего я не вижу, выходных у меня нет. Ну, когда сезон заканчивается, становится немного легче.

Могу добавить, что при этом Маша была беременна, примерно так на шестом-седьмом месяце. С грустной иронией о чудовищных нагрузках людей, работающих в сезон в туристическом бизнесе, говорил и гид Филипп.

Сама столица и разочаровывает, и подкупает своим патриархальным видом. Когда Цетинье

стала резиденцией князя и столицей Черногории, в ней было тридцать четыре дома. И сейчас Цетинье – небольшой захолустного вида городок с населением, как уже упоминалось, в шестнадцать тысяч человек, застроенный двух-трехэтажными домами. Он расположен в небольшой долинке и поэтому насквозь просматривается с севера на юг и с запада на восток. Архитектура несколько отличается от приморской. Здесь выпадает и лежит снег, поэтому крыши домов островерхие, железные, а не черепичные. В Цетинье располагается резиденция правительства Черногории. Городок, тем не менее, депрессивный, работы нет. Было здесь два предприятия, но теперь они не существуют, мы видели их руины. Люди едут искать работу на побережье и в Подгорицу. Еще в Цетинье очень низкие цены на сувениры.

Сильное впечатление на меня произвел дворец черногорского короля Николая I Негоши, не потому, что он был роскошный, а потому, что удивительно скромный: небольшое светло-зеленое двухэтажное здание, окна с белыми деревенскими ставнями. Единственное украшение – портик с балюстрадой, лепниной на фризе. За домом – небольшой сад с одной круговой аллеей, засыпанной крупной, неудобной для ходьбы щебенкой. Более скромных королевских резиденций я не видела. Многие дома на побережье затейливее и краше этого дворца. Так случилось, что Николай был первым и последним королем Черногории. Тем не менее, он из числа своих дочерей наделил женами многих принцев и королевичей Европы, так что его даже стали называть «свекром всей Европы». Его прах и прах его супруги Милены покоятся неподалеку в Рождественском храме.

Цетинский монастырь считается и религиозным центром Черногории, основан в XV веке, но неоднократно разрушался и перестраивался, последний раз – в 1927 году. Восстановлен был на новом месте. Он строгий, простой, светло-серого цвета. Неподалеку на его развалинах в XIX веке построили еще одну Рождественскую церковь. Она расписана неизвестным и довольно умелым русским иконописцем.

Драган, ведя нас в монастырь, заявил: «Как только мы войдем в монастырь, считайте, что меня нет, я растворился в воздухе. Я не совсем понимаю их требования и ни на что повлиять не смогу. Вам скажут, чтобы вы подождали двад-

цать минут, даже если храм, где выставлена десница Иоанна Крестителя, будет совсем пуст».

Цель посещения Цетинского монастыря, конечно, поклонение самой драгоценной святыне, которой обладает монастырь – деснице Иоанна Крестителя, руке, которая благословляла Иисуса Христа. Попала она в Черногорию вместе с частичкой голгофского креста и чудотворной иконой Божией Матери «Одигитрия Филермская» из России.

На крыльцо вышел монах и, как предупреждал нас Драган, сказал, что нам надо подождать минут двадцать-тридцать, подготовиться, подать записочки. Говорил по-русски с легким акцентом. И другие монахи в монастыре знали русский. В притворе было много платков, которыми чрезмерно оголенные дамы укутывали плечи и колени. Ну а голову в черногорских церквях женщины не покрывают. Но все русские паломницы по своему обычаю надели шарфы и платки. В открытом дворе стояли большие, покрытые крышей поддоны с водой для свечей, над поддонами таблички: слева – «за мертве», справа – «за живых». В одном из притворов мы стали писать по-русски записочки с именами родных и близких. Монах из пожертвований от каждого паломника брал несколько монеток и кидал их отдельно.

И вот, когда образовалась большая очередь, нас стали запускать в храм.

Справа под иконостасом стояла рака с мощами черногорского святого Петра I Цетинского. В этой раке – ковчег с десницей Иоанна Крестителя. Это ссохшаяся черная рука, на ней нет двух пальцев – мизинца и безымянного. Положена она так, что этого не заметно, кажется, что рука сложена в двуперстном благословении. Она покоится как будто бы на белой вате.

Сам храм небольшой, даже тесный, с большим количеством прекрасных икон.

У меня от посещения монастыря остался некоторый осадок и несколько неприятных вопросов. Почему святыню – икону «Одигитрия Филермская» – держат в музее, пусть даже и монастырском, и показывают за деньги? Этот образ – один из древнейших, если верить легенде, ему около двух тысяч лет. Почему десница Иоанна Крестителя положена в раку черногорского святого (хочешь не хочешь, а поклонись ему)? Почему непочтительно ведет себя стоящий при святынях служитель? Он так оживленно болтал с монахом, что было заметно: отнюдь не бого-

словские темы они обсуждают. Почему появляются крепко выпившие мужчины в храме? Перед нами в очереди стояли, «источая» сильный перегар, двое краснолицых сербов. Подойдя к раке, они так и не приложились к святыням, а просто поглазели на них. Почему искусственно создается почти получасовое ожидание? И я вспомнила о монастыре Острог, где люди по два часа выстаивали на жаре в отнюдь не искусственной очереди.

В деревню Негоши мы ехали по великолепной горной дороге. С перевалов нам открывались деревеньки, «каменные моря», каменные башни-цистерны для сбора дождя.

Петр II Негоши является для черногорцев так же, как для нас Пушкин, «их всем»: поэтом, правителем, красавцем, мыслителем, духовным лидером. Рано умер от туберкулеза, не дожив и до сорока лет. Он завещал похоронить себя на самой высокой горе Ловчен. С нее, как утверждают, в хорошую погоду видна вся Черногория.

Прежде чем попасть в Негоши, мы остановились перекусить, вернее, попробовать пршут в небольшом кафе, примостившемся на горной террасе. Негошский пршут считается самым лучшим. Рядом с кафе специально для посещения туристами стояла коптильня. В коптильне Драган произнес настоящий поэтический гимн и пршуту, и его приготовлению. В этот день наш гид был в ударе, в отличном настроении, в чем он нам признался. Драган шутил, вдохновенно рассказывал. Во-первых, среди его слушателей на этот раз были только женщины и дети. Во-вторых, мне кажется, его вдохновляла сама тема: черногорский кумир, старинная деревня, традиционный черногорский уклад, что вызывало и у нас неподдельную заинтересованность.

Коптильня состояла из двух уровней. Окорочка подвешивали под крышу, на втором уровне, внизу стоял железный чан, в котором разводили дым, именно дым, а не огонь. Для хорошего пршута важны не только и даже не столько состав дыма – чем дымить и коптить, но воздух, его аромат, которым пропитывается мясо. Самое благоприятное время для копчения – это осень, в этот сезон меняются ветра, смешиваются северный и южный воздух, и все многообразие их ароматов впитывается мясом. Именно в Негоши такие благоприятные потоки воздуха, направления ветров, позволяющие готовить самый лучший пршут. Это все нам рассказал Драган. Чем не поэзия! Мне на самом деле больше

понравился негошский пршут, чем магазинный. Правда, вокруг мы не увидели никаких свиноферм.

– Свиной теперь закупают в Сербии, – пояснил Драган.

В коптильне стоял поднос с ракией, кофемолка, турка для кофе. Во время длительного процесса копчения здесь жарят зерна кофе, мелют их, заваривают, угощаются свежим кофе, попивают ракию, ведут неспешные беседы. Драган и нам предложил попробовать ракию, мы не отказались. Пршут – это чуть ли не национальная идея Черногории. Если вы уважаете гостя, то непременно должны подать к столу пршут.

Кульминацией нашего пребывания в Негоши являлось посещение родового дома Петра II Петровича. Это был совсем простой деревенский традиционный дом из камня в виде длинного барака, комнаты располагались «трамвайчиком». Там все устроено так, как при Петре в XIX веке: очаг, сундуки, поставцы. В витринах подлинное оружие Петра – кинжал и пистолет, его книги. В доме очень приятно находиться из-за прохладного особенного воздуха. А в подвальном помещении и вовсе холодно, здесь и без холодильников продукты хранились долго. Мы с удовольствием рассматривали деревенскую утварь, орудия труда, посуду, приспособление для изготовления сыра и прочее.

Перед отъездом в Тиват мы обедали в ресторанчике в Негоши. Я под села к Драгану, и он любезно рассказал мне краткую историю Югославии, историю появления Черногории и о том, как судьба свела его с русским языком. Меня поразило в его рассказе то обстоятельство, что Югославское Королевство (как Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев) образовалось в начале XX века на основе добровольного объединения балканских славян. В наши дни, когда все стремятся отделиться, это впечатляет.

От Драгана я наконец-то узнала, чем черногорский язык отличается от сербского. Ничем.

– Это один и тот же язык, просто в связи разделением стран пытаются выдумать и особый черногорский язык, – сказал он. – Вытаскивают какие-то старинные слова и объявляют их черногорскими.

В настроениях Драгана тоже чувствовалась ностальгия по югославским временам.

На причале рядом с «Ядром» каждый вечер пришвартовывалась прогулочная яхта «Весна». Матрос Желько из команды «Весны» прямо

на набережной до двенадцати ночи продавал однодневные экскурсии по Бока-Каторской бухте. Володя очень рекомендовал путешествие по Каторскому заливу, он считается одним из самых красивых на черногорском побережье. У Желько мы купили путевки.

Рано утром 4 августа я с дочерью поднялась на борт «Весны». Мы были первыми пассажирами и заняли самые удобные места на лежаках на верхней палубе. Вскоре мы увидели, что такое всечерногорский туристический «чес». Большими толпами стали прибывать пассажиры. Их привозили на автобусах с окрестных курортных городков: Радановичей, Петроваца, в том числе несколько автобусов из Будвы. И когда все уже под завязку было заполнено людьми, прибыла еще одна большая толпа. Пассажиры стали высказывать недоумение по поводу численности туристов.

– Ничего, дружба, – успокаивал их толстый усатый матрос. – Триста человек можно.

Мы-то лежали на верхней палубе, а на нижней плотно сидели на деревянных скамьях. А что вы хотите за пятнадцать евро?

Среди пассажиров было много сербов, их присутствовало даже больше, чем представителей остальных народов. Еще до отправления разговорилась с одним пожилым усатым сербом. Он меня спросил на ломаном русском:

– А сколько сейчас в России? Сто сорок четьре?

Я поняла, что речь идет о численности населения. Смотри-ка, следят. Правда, данные устаревшие, за 2004 год.

– Сто сорок три миллиона, – уточнила я.

– Нас с Россией миллионы, – начал усач знаменитую черногорскую присказку.

– А без русских полвагона, – закончила я.

– О! Знает! – восхитился усач.

А как же, готовилась! Столько сайтов прочтала. Меня умилило такое непосредственное и трогательно приобщение черногорцев к российской державности.

Нашим гидом на корабле был веселый молодой парень Филипп. Экскурсию он вел на трех языках: сначала на русском, потом этот же текст повторял на сербском, потом на английском. Мне этот приоритет нравился. Круиз был хорошо продуман, предлагалась разнообразная программа: посещение города Герцег-Нови, экзотическое купание в пещере, высадка на искусственный остров и посещение храма и музея. По

ходу гид рассказывал о прибрежных достопримечательностях, мимо которых мы проплывали: городки, крепости, острова. В Бока-Каторской бухте остались приметы проигранного с капиталистической системой соревнования. Филипп указывал на брошенные военно-морские базы бывшей Югославии, тоннели для подводных лодок, которых уже нет, ржавеющие на приколе военные корабли, купленные когда-то у Советского Союза. Югославской армии нет – подвел он итог. И как мне показалось, Филипп говорил об этом с сожалением. Все-таки Югославия была державой со своей идеей, культурным разнообразием, независимой политикой – даже СССР ей был не указ.

Показал нам Филипп и дачу Батуриной на горном склоне побережья, не помню, в каком месте. Помпезно-вычурное, очень большое строение желтого цвета издали представлялось как беспорядочное нагромождение архитектурных деталей. Драган говорил, что Батуриной приписывают застройки всех больших отелей на побережье. Достоверно лишь, что пятизвездочный отель «Splendid» в Бечичах наполовину принадлежит Батуриной. Это говорят сами черногорцы, и по стилю похоже – вычурный, гигантский, с архитектурными нагромождениями.

Первая остановка была в Герцег-Нови.

– Кто хочет, идет со мной на экскурсию по городу и в крепость, – сообщил Филипп. – У остальных – свободный режим. Стоянка в городе – один час 20 минут. Просьба не опаздывать. Но для тех, кто опоздает, есть хорошая новость: завтра ровно в двенадцать мы опять будем здесь, – шутил Филипп. – Обратите внимание на вон того грустного парня в желтой майке на берегу. Вчера он отстал от нас, сильно измучился, всю ночь ждал корабль у причала, и сейчас мы его возьмем на борт.

Парень в желтой майке, действительно, стоял у причала, возможно, это был матрос.

На берег нас вышло человек сто.

– Все русские, белорусы, украинцы, буряты, чукчи – за мной, – шутил Филипп, показывая хорошее знание постсоветской реальности.

«Как он будет управляться с такой оравой? И что мы услышим из его рассказа? Ведь у него даже нет микрофона?» – думала я. Но у Филиппа было все отработано. Он занимал на местности самую высокую точку, голос у него был громкий. Поджидая последних туристов, балагурил с теми, кто подошел первым, выбирал себе

условных помощников из числа детей. Говорил четко, очерчивал картину крупными штрихами, держал внимание, в общем – профи.

Когда мы шли по причалу, Филипп объявил:

– Сейчас я вам покажу, как в Герцег-Нови уважают русскоговорящих туристов.

Он подвел нас к лотку с мороженым. На нем было написано на трех языках: «sladoleđ» (сербский), «ice-cream» (английский) и «МОРОЖЕНОЕ».

Конечно, смешно. Однако в Черногории сплошь и рядом встречаешься с ошибками в русском тексте на флаерах, в рекламных листовках, буклетах. Что далеко ходить, на флаере, который мы взяли на яхте «Весна» и текст которого, наверное, написан был не без участия Филиппа, я нашла кучу ошибок. Начать с того, что в заголовке было написано «однодневная экскурсия». Потом предупреждалось: «За обзор этого города у вас один час», а «Перерыв на острове 40 минут».

То же я обнаружила в рекламных листовках агентства «Феникс». Я подчеркнула все стилистические и грамматические ошибки и указала их Марии. Мне казалось, что безупречный русский будет бонусом для их туристической печатной продукции. Но я заметила, что Марию не очень-то беспокоило правописание. Мы на что-то отвлеклись и потом так и не вернулись к урокам русского языка.

Как было написано в рекламном листке Герцег-Нови – это город мимоз и лестниц. Я бы добавила: и любителей русских песен. Когда мы поднимались по длинной лестнице к крепости, на одном из поворотов вдруг слышались «Подмосковные вечера». Крепкий дедок в шортах стоял на углу, играл на гитаре и пел на ужасном русском эти «Вечера». Перед ним стоял лоток для денег. Он хорошо устроился – приличный прикорм каждый день. По этой лестнице ежедневно проходят толпы русских туристов. Запомнив три аккорда и пару строк, дед, думаю, зашибал хорошую деньгу на русском патриотизме. Когда мы возвращались обратно, он изображал «Катюшу», именно изображал: слов не знал, просто что-то невнятное мурчал под знакомый мотив.

Филипп преподавал нам азы черногорской истории. Мы узнали, что в Которской бухте триста семьдесят лет владычествовала Венецианская Республика, Герцег-Нови и другие города находились под ее защитой и покровительством.

Венецианцы построили множество крепостей, в том числе и ту, которую мы посетили. История Восточных Балкан – это история смены завоевателей. Сначала доминировали венецианцы, в основном на побережье, затем четыреста лет – турки, следом на западе хозяйничала Австро-Венгрия, здесь проходили наполеоновские войска, войска Третьего рейха. И лишь теперь земли бывшей Югославии переживают подлинную независимость, кроме, конечно, независимости от евро.

С крепостных стен Герцег-Нови открывался прекрасный вид на бухту. Чтобы не повторяться, сразу скажу, что прекрасный вид на бухту, море, побережья, мысы, острова, горы, прибрежные города сопровождал нас всегда.

Мы взяли курс на пляж Жаниц, естественно, самый-самый чистый в Черногории. В каждом городе, районе, местности было обязательно что-нибудь самое-самое: самое большое, самое чистое, глубокое или высокое – вот, учитеcь, туроператоры! В Жанице желающие пересели на катера и поплыли к Голубой пещере. Мы выплыли из Бока-Которской бухты в открытое море. Слева и справа мысы были одеты в крепостные стены, а посредине находился небольшой остров Мамула, на котором возвышалась неприступная цитадель в виде цилиндра с маленькими бойницами. Она охраняла вход в бухту.

Голубая пещера – это огромный грот в скалах над поверхностью воды. Лучи света льются через проем, преломляются в воде, придают удивительный бирюзово-голубой цвет воде. Все четыре катера загнали в пещеру, заглушили моторы. И тут под сводами пещеры грянул вальс Штрауса «Голубой Дунай». Акустика была прекрасная. Мы стали прыгать в темную, теплую воду и плавать между катерами. Впечатление незабываемое. Плавали недолго, минут через тридцать с катеров раздались свистки, все стали подниматься на борт. И в обратный путь.

Следующей остановкой стал остров Богородицы на рифах или по-черногорски «церковь Госпа от шкрпъела». Как нам сказал Филипп, это единственный в мире искусственный (самый искусственный!) остров, на котором построена церковь. Храм католический, но история его возникновения обнаруживает интересные культурные и религиозные влияния. А именно: здесь в католических церквях отчетливо чувствуется православный культ икон. И сама история обретения иконы Богородицы в скалах напоминает

многие истории об обретении православных чудотворных икон. История такова: 22 июля 1452 года два брата на рифах – прибрежных скалах – обнаружили икону Богоматери с младенцем Христом. Они перенесли ее на берег, в город Пераст, поместили в церковь, но через некоторое время она опять оказалась на рифах. И так было еще два раза. Жители поняли, что икона хочет остаться на рифах. Горожане стали создавать искусственный остров. Они затапливали у рифов вражеские корабли, по преданию, под островом их покоится около ста штук. Сыпали сверху песок и камни. А глубина была внушительная – двадцать четыре метра. В конце концов возник остров, на котором построили церковь, и поместили туда икону. Капитаны, матросы по сложившейся традиции делали особенные подарки церкви – серебряные таблички или слитки с надписями. И теперь этими потемневшими табличками выложен высокий фриз внутри храма.

Каждое 22 июля жители Пераста устраивают праздник: плывут в украшенных цветами лодках к острову, бросают камни в воду, представляя то древнее сакральное событие, которое случилось когда-то у берегов их города. В этой церкви очень любят венчаться, здесь проходит до сотни венчаний в год. Справа от алтаря вся стена увешана букетами невест.

Пераст интересен тем, что здесь была известная мореходная школа. И сюда Петр I отправил несколько десятков своих сподвижников, таким образом, из нее вышли первые российские мореплаватели. Недалеко от Пераста есть город, в котором традиционно строят свои богатые дома капитаны и боцманы.

Дальше мы поплыли к Котору. Поскольку экскурсии по городу не предвиделось, мы в Котор потом съездили самостоятельно. Но с моря открывался впечатляющий вид на которскую крепостную стену. Эта стена взбирается по отвесным склонам, каким-то фантастическим образом прилепляется к скалам, общая протяженность ее – четыре километра. Которская крепость с уникальными крепостными стенами относится к мировому наследию ЮНЕСКО. Через несколько дней в изнуряющую жару по солнцепеку я буду преодолевать полторы тысячи ступеней вдоль этой стены.

В Которе и Филипп, и большая часть туристов оставили корабль, на автобусах их увозили в Будву. На прощание Филипп сказал:

– В Которе находится единственная в бухте психиатрическая больница, и после окончания сезона я, капитан судна, матросы и повар пойдем подлечиться в эту больницу. А кто хочет к нам присоединиться, пусть подходит и записывается.

В его словах была грустная ирония. Судя по тому, что я уже знала, работали в сезон на износ, каждый день без выходных, с семи часов, когда судно надо было готовить к отплытию и до двенадцати ночи, когда заканчивали продавать туры на набережной.

Хотя мы много раз проезжали Будву, видели ее отели, все же хотелось съездить туда специально: посетить Старый город, искупаться на будванском пляже. Старый город Будвы, небольшой, почти игрушечный, на расстоянии производит чудесное впечатление, как будто вот-вот попадешь в сказку. Но когда оказываешься внутри – все это впечатление рассеивается. Испытываешь недоумение. Здесь остро чувствуются катастрофические последствия отсутствия общественных туалетов. На крепостных стенах устойчивый запах мочи. Но по-настоящему шокирует все тот же мерзкий запах мочи у алтарной части маленького, но очень ладного храма святого Саввы, между прочим, основателя Черногорской православной церкви. Храм примостился на каменистом берегу моря. В его старых, покрытых потеками стенах, заросшем мхом и илом фундаменте сквозило Время. Как можно было гадить возле этого храма?! Неподалеку от него торчала высохшая сосна – красноречивый символ «мерзости запустения».

Потом во время прогулки мы прошли по территории некоторых отелей. Контраст меня поразил: трудно было отыскать соринку, да что там соринку, на идеально подстриженных газонах не отыщешь и травинку, которая бы поднималась на миллиметр выше другой.

Позже Володя мне сказал, что в Будве очень слабый муниципалитет, который не может навести порядок в городе. Однако то, что творится в Старом городе – не просто беспорядок, а кошмар.

Мы остановились около уличного торговца турами Душко. Он долго агитировал нас поехать в Сербскую Республику, которая и не Сербия, а особое государственное образование на территории Боснии и Герцеговины. Мы пообещали подумать, а пока попросили показать дорогу на пляж.

– На этом берегу грязно очень, не ходите туда. Здесь недалеко причал, садитесь на катер и плывите на остров святого Николая, – решительно советовал Душко. – Три евро стоит билет туда и обратно.

Мы так и сделали. Остров очень красивый, с него открывается панорама города, над проливом летают на больших цветных парaplанах отдыхающие. Правда, берег неудобный, в крупных острях камнях, но вода относительно чистая. А вот воздух... Ну такого мы не ожидали. Он был пропитан бензиновым запахом. Без конца туда-сюда шныряли катера, рассекали моторные лодки, которые поднимали в воздух парaplаны. Может быть, неблагоприятные потоки воздуха были в этот день над проливом, но до самого нашего отплытия в город бензиновый запах не рассеивался.

Несмотря на противоречивые впечатления, мы остались довольны поездкой в Будву.

Для нас было удивительным увидеть среди предложений туроператоров туры в Албанию. В «Фениксе» у Маши их не было. Эти туры предлагал Желько на набережной. О! Албания! Страна бункеров, диктатора Энвера Ходжи, некогда абсолютно закрытая и заповедная земля. Мне сразу захотелось поехать туда. Путевки стоили недорого – 35 евро на человека. Была одна загвоздка – автобус отходил из Будвы в семь утра. Поэтому надо было либо рано-рано ехать на автобусе, либо на такси – еще двадцать евро. Так же и позднее возвращение создавало проблемы: как мы сможем добраться до Тивата. Все просчитав и взвесив, мы рискнули и взяли путевки в Албанию. 5 августа, накануне отъезда, поздно вечером пришли на набережную к Желько, и он по сотовому телефону заказал нам такси на следующий день на шесть утра до Будвы.

Такси пришло вовремя, мы познакомились с водителем Бошко (ударение на первое «о»). И у нас состоялся с ним интересный разговор (он немного говорил по-русски) относительно стандартов жизни в Черногории. Накануне Драган вызвал у меня неподдельный интерес к этой теме.

В одну из поездок я спросила Драгана:

– А вас не раздражает большое количество русских в Черногории, что они скупают здесь дома, недвижимость?

– Сказать честно?

– Да.

– Бывает, что и раздражает. Я говорю прямо, честно. Мы очень разные по менталитету. Я не

всегда могу вас понять. Вот вчера одна туристка высказала мне претензии, что я плохо веду экскурсии, мало рассказываю. Но я стараюсь, я очень стараюсь, что ей надо было, не пойму. Другие, наоборот, говорят, зачем вы нам так много рассказываете. Что же вы хотите? Не могу вас понять.

Надо сказать, что Драган, за редким исключением, рассказывал сухо, без вдохновения. И где его взять, если рассказываешь 627 раз день за днем одно и то же. Да еще в их микроавтобусе постоянно барахлил микрофон. Но в целом он высказался не против присутствия русских, а против поведения некоторых из них.

Видимо, его действительно разозлила бесцеремонная русская туристка, поэтому он, наверно, чтобы устать русских, рассказал нам в эту поездку о стандарте жизни у черногорцев. Каждый черногорец имеет три дома: один на побережье, второй в столице, в Подгорице, и третий в том месте, где учится и работает. Также принято иметь несколько машин – три-четыре.

– Я не говорю, что все это имеют, но это стандарт, к которому стремятся, – уверял он нас.

Вот это стандарт! Америка отдыхает!

И вот я спросила у Бошко:

– А правда, что у многих черногорцев три дома и что это для вас стандарт? Три дома и три-четыре машины.

– Какие три дома?! – изумился он. – Один!

С Бошко мы душевно побеседовали. Он признался, что, на его взгляд, лучше жилось раньше в Югославии, чем теперь в Черногории.

– Раньше после института у тебя была работа. А сейчас кризис, работы нет. Устроиться можно только в магазин, ресторан или таксистом. И там платят триста (двенадцать тысяч рублей), реже четыреста евро. Это мало. Пенсия в среднем двести пятьдесят евро.

Бошко уже был на пенсии и подрабатывал таксистом.

Кстати, такие зарплаты не только в магазинах. Бояна (ударение на «о»), наш гид по Албании, молодая девушка, студентка экономического факультета университета в Подгорице, сказала, что экономисты тоже получают двести пятьдесят – триста евро, притом, что за квартиру в Подгорице надо платить триста евро в месяц. А вот гиды получают гораздо больше, поэтому Бояна летом подрабатывает гидом.

Автобус в Албанию отходил от ресепшена отеля «Славянский пляж». Нашим гидом была

Бояна. Чуть выше среднего роста, с хорошей стройной фигурой, простое чуть удлиненное лицо без всякой косметики (кстати, черногорки мало пользуются косметикой), каштановые волосы собраны на затылке в хвост. Одета была в длинное до пят синтетическое полосатое платье на бретельках, на ногах – резиновые пляжные сланцы. То ли бретельки у платья были очень длинные, то ли резинка на груди слабая, но Бояна часто приходилось подтягивать сползающее вниз платье. Держалась просто и уверенно. Много курила. По-русски говорила бегло, хотя допускала стилистические ошибки.

Мы поехали знакомой дорогой вдоль Будванской ривьеры до Скадарского озера. Часть этого озера (одна треть) принадлежит Албании. Бояна вела экскурсию на двух языках – русском и английском. Она не была очень уж опытным гидом. У нее имелась толстая общая тетрадь, в которую она подглядывала, сидя на первом сиденье. Но в общем Бояна старалась, «не простаивала», рассказывала много. Публика в автобусе была многонациональная. Здесь присутствовали украинцы, русские, поляки, прибалты. Ни первые, ни последние не требовали вести для них экскурсию на их родной «мове», слушали русский. «Видели, как русский приобретает международное значение!» – втайне гордилась я.

В эту поездку мы дальше всего продвинулись по Будванской ривьере, миновали город Бар – крупный порт и железнодорожный узел Черногории. Вновь увидели берега Скадарского озера. Без всяких проблем, очень быстро прошли пограничный контроль: Бояна собрала наши паспорта, отнесла албанским таможенникам, минут через пятнадцать вернулась в автобус и раздала документы пассажирам. И вот мы в Албании. Первая остановка в небольшом приграничном кафе – перекусить, попить кофе, передохнуть. Перед кафе – ухоженный зеленый газон, цветы, деревья – евростандарт. Правда, стоит сделать шаг за ограду – и увидите засыпанную мусором улицу. В кафе не торопятся убирать столы за посетителями. Кофе подают в крошечных чашечках, но хороший. Работают в кафе в основном молодые мужчины во главе с хозяином – толстым усатым албанцем. Дочери понравились молодые албанцы – очень красивые. Албанцы – единственные оставшиеся в Европе представители древней иллирийской народности. И язык их стоит особняком в группе индоевропейских языков. Ну, на что похоже, например,

это слово: «фалеминдерит»? А означает оно «спасибо». Национальная валюта – лек. Но с нас охотно брали евро. Мы сразу увидели, что цены в Албании еще ниже, чем в Черногории.

Двинулись дальше. Во все глаза смотрим из окон автобусов – какая она, Албания? Бояна обращает наше внимание на первые встречающиеся бункеры. Но их очень мало, не больше двух-трех вдоль всей дороги. В общем, забудьте про Албанию как абсолютно закрытую страну бункеров и пешеходов, не имеющих личного транспорта. Этой Албании уже нет, а есть страна сплошной ударной капиталистической стройки. Вдоль дороги почти непрерывно тянутся поселки с построенными или строящимися коттеджами – сплошь трехэтажными. Я клевала носом, дремала, просыпалась через какое-то время и видела все ту же картину – коттеджи, стройки. Многие дома с недостроенными третьими этажами. Бояна объяснила нам, что здесь налоги с дома (недвижимости) до завершения строительства не берут, поэтому албанцы не торопятся, живут на первых двух этажах, а третьи оставляют незавершенными.

Мы ехали в основном по равнинной местности до самого Дурреса. Дороги очень хорошие. Вдоль дорог уже создана приличная инфраструктура: придорожные кафе, высотные отели, огромные здания мировых автогигантов из стекла и бетона – «Фольксвагена», «Вольво», «Мерседес-Бенц» и других. Один, правда, небольшой участок ехали по четырехполосному автобану.

У Албании огромный туристический ресурс, она так же невинна в экологическом отношении, то есть не отравлена никакой промышленностью, здесь низкие цены. Есть шесть национальных парков и двадцать четыре заповедника. Морское побережье (Адриатика и Ионическое море) тянется на триста шестьдесят два километра – и это золотое дно. А в Черногории протяженность побережья двести девяносто девять километров и лишь семьдесят три километра пляжей, которые обеспечили ей туристический бум. По моим представлениям, Албания готовится к массовому приходу туристов, в том числе и русских.

И по этому поводу черногорцы начинают нервничать. Бояна признала, что в Албании строится много отелей.

– Но я думаю: кто будет в них жить? – выразила она сомнение в перспективах албанского туризма.

А я думаю, что если в далекий мусульманский беспокойный Египет русские валят толпами, то в тихую, безопасную и дешевую Албанию хлынут лавиной. Международный капитал тоже не дремлет. В Тиране видела огромное высотное здание американского банка, флаги Евросоюза и даже филиал русского «Альфа-банка». Будут делить лакомый кусок – морское побережье, и все такое.

Видимо, желанием заполучить туристов, в том числе и русских, объясняется столь упрощенный проезд на границе. Русские уже несколько лет ездят в Албанию из Черногории. Есть уже русскоязычный персонал. В приграничной лавке сувениров молодая девушка-продавец уверенно и почти без акцента говорила по-русски. В Албании в советские времена учили в школах русский, но едва ли что-то сохранилось в памяти пожилых албанцев.

Первый город, в котором мы сделали остановку и немного прогулялись, был Шкодер. Он запомнился почти полным отсутствием молодых девушек на улицах и огромной православной церковью. Все девушки, видимо, выехали в Евросоюз, а православный храм, как нам сказала Бояна, это подарок Албании от Греции. В эпоху диктатуры Энвера Ходжи религия в Албании была запрещена, мечети и церкви закрыты и разрушены. А в самой главной мечети на главной площади Тираны был устроен общественный туалет. Шкодерский православный храм интересен тем, что в центре, как в католическом костеле, стояли рядами стулья. Весь он был как с иголочки, прекрасно расписан, обставлен. Традиционно албанцы являются мусульманами, но существовали и православные общины. По некоторым данным, двадцать процентов населения являются христианами. И кстати, рядом с этим роскошным храмом «дежурила» мечеть не менее внушительного размера.

Приятно было узнать, что с Албанией по происхождению связана великая женщина XX века – мать Мария Тереза. Ее здесь очень чтут. В Шкодере ей поставлен памятник. В Тиране в честь нее назван сквер, крупнейший в стране аэропорт тоже носит имя Марии Терезы. О ней нам подробно рассказала Бояна. Мать Терезы – албанка* по происхождению; ее родители, католики, жили в Македонии, в Скопье, где она и родилась. В памятнике нет ничего пафосного. Мать

* В интернете есть данные о том, что родители ее – албаноговорящие аромуны (македонские румыны).

Тереза стоит на одном из перекрестков Шкодера, склонившись и скрестив руки на груди. У памятника – глиняные кувшины с живыми цветами.

Бояна с удовольствием указывала на неумелую и нелепую «электрификацию»: электрические провода вились поверх зданий, мотками висели на фасадах, провисали над улицами, от этого казалось, что город опутан паутиной. Однако в новых домах с электропроводкой было все нормально. Бояна часто повторяла, что Албания – это страна контрастов. И это отчасти так.

Я бы сказала, что сегодня Албания с жадностью рвется к новому современному образу. В Дурресе, следующем городе, который мы посетили, это чувствуется очень сильно. Дуррес по виду – большой современный портовый город. Но по своей истории он очень древний. Город был основан как греческая колония еще в VII веке до нашей эры. Здесь сохранилось множество уникальных памятников времен Древней Греции и Древнего Рима. Дуррес – это рай для археологов.

Бояна в автобусе предложила нам такой план:

– Здесь в центре есть высотный отель. Поднимемся на пятнадцатый этаж. Там открытое кафе с прекрасным видом на город. Можно перекусить, попить кофе, есть бесплатный туалет. А потом еще час останется на прогулку по городу. Согласны?

Мы были согласны.

И вот Дуррес с высоты птичьего полета: видно открытое море, корабли на причале, бесконечные ряды цветных контейнеров у пирсов. Современные жилые комплексы с высотками. С другой стороны мы увидели очень хорошо сохранившийся расчищенный греческий амфитеатр или «колизей», как его называла Бояна. Туда и решили сходить в свободное время. Энергичные греки и здесь успели основать свою колонию. Амфитеатр оказался очень большим, потрогать древние камни не удалось – он был полностью огорожен. Как я потом узнала из интернета, построен амфитеатр во II веке до нашей эры. При римлянах здесь устраивались гладиаторские игры. Сделав фото на память, отправились к автобусу.

Девушек на улицах Дурреса, как и в Шкодере, было очень мало, если вообще встречались. Но при этом повсюду мы видели огромное количество магазинов для невест. Объяснить этот

феномен я не смогла. Как в любом южном городе, много уличных кафе. Масса вывесок на английском, в том числе различных мировых фирм и брендов. По виду никто бы не сказал, что это город страны, которую еще недавно называли дырой Европы.

И в Дурресе, и в других городах еще жива уличная торговля: на земле и на торопливо сколоченных прилавках выложен дешевенький ширпотреб. В Албании ниже уровня бедности живет двадцать пять процентов населения. После падения диктатуры Энвера Ходжи за годы разрухи начиная с 80-х годов за рубеж выехало больше албанцев, чем осталось в стране. За рубежом сейчас насчитывается шесть миллионов албанцев, которые рассредоточились по Америке, в том числе и Латинской, Евросоюзу. А в самой Албании проживает 3,8 миллиона человек. Специализация албанцев за границей простая: мыть, мести, строить, плюс наркоторговля, сутенерство.

Из Дурреса мы отправились в столицу Албании – Тирану. Остановились на площади в центре города. Бояна подробно рассказала нам, где можно пообедать, где просто перекусить, какие цены в ресторанах. Показала, где главная улица, университет, мавзолей Энвера Ходжи, как пройти к монументу национального героя Албании Скандербегу, где сквер имени Матери Терезы. На самостоятельный осмотр центра города и прогулку нам давалось два часа.

– Автобусы приедут за вами сюда же. Общественных туалетов очень мало, но в кафе в туалет вас могут пустить. Не теряйтесь и не опаздывайте, – сказала нам на прощание Бояна.

Мы стали выходить из автобуса, а прямо у входа нас уже поджидал мальчишка с картонной коробкой дешевых сувениров.

– Ручки! Ручки! – выкрикивал он по-русски.

В коробке у него лежали ручки с прицепленными значками. Никто не интересовался его ручками. Автобусы с русскими из Черногории приходили ровно по графику, и мальчишка, видимо, специально приходил сюда, чтобы попытаться продать никому не нужные ручки, ну купил то, на что хватило денег. Он уже знал Бояну, называл ее по имени.

Мы сначала решили посмотреть интересную христианскую церковь, недалеко от которой остановился автобус. Это, как мы потом выяснили, недавно отстроенный православный кафедральный собор Воскресения Христова. Ее соз-

датель, как я поняла, хотел соединить образ христианской церкви и мечети как символ симбиоза Запада и Востока. И это сразу угадывалось в облике церкви. Она была покрыта большим полусферическим куполом, напоминающим купол Софии Константинопольской, которая, как известно, из православного храма превратилась в мечеть. Даже выступающие по бокам пилоны отсылали к облику Константинопольского собора. Колокольня была узкой и непомерно высокой, напоминающей... минарет. Мне эта идея показалась интересной и вполне реализованной. Возможно, этот храм символизировал еще и идею религиозной толерантности албанцев.

Забыв все, что нам говорила Бояна про расположение и направление улиц, мы двинулись по главной улице в сторону пирамиды Энвера Ходжи. Мне хотелось просто впитать атмосферу, энергетику города, посмотреть на лица. В Тиране нет столичного блеска, она напоминает скорее добротный провинциальный город. Но в архитектуре заметно большее разнообразие, чем в российских провинциальных городах. На улицах немногочисленно. Хотя это можно объяснить тем, что мы оказались здесь в полдень, и в городе стояла в этот день испепеляющая жара – под пятьдесят градусов, не меньше. Мы постоянно прикладывались к бутылке с водой и поливали себе голову и руки.

Видно, что иностранцы для Тираны – пока еще не такая уж обыденность, их отличают и смотрят на них с интересом. Молодых девушек в столице оказалось достаточно, видимо, отсюда они массово не уезжают.

На перекрестке мы увидели пиццерию и решили перекусить. Попросили у продавца пиццы, молодого парня, «two пицца». Услышав наш ломаный английский, он спросил:

– Which country you are from? (Из какой вы страны?)

– From Russia.

– Вы русски? – вдруг спросил нас парень на русском.

– Говорите по-русски? – изумилась я.

– Чу-чуть.

– Удивительно!

– Здесь много русских бывает?

– Есть, – кивнул парень.

Мы уточнили, правильно ли мы идем к пирамиде Энвера Ходжи. Он сказал, что правильно.

– Как по-албански «спасибо»? – спросила я на прощание.

И тут он произнес это длинное слово:

– Фалеминдерит.

– Фали...блам-бламбит, – бесславно поблагодарила я радужного парня.

Минуты через две мы дошли до пирамиды диктатора. Пирамида эта строилась как музей Энвера Ходжи, открылся в 1988 году (к 80-летию со дня его рождения). А в 1991 году экспозицию музея демонтировали и позже переоборудовали в международный культурно-выставочный центр. Не шедевр: не очень высокое стекляннобетонное сооружение, на котором торчат спутниковые тарелки, антенна. В нем есть бар «Мумия». До сегодняшнего дня существуют противоречивые данные, лежал ли в пирамиде мумифицированный Энвер Ходжа или его сразу похоронили.

Напоследок мы решили посмотреть монумент Скандербег – эта скульптура, как я поняла, является духовным и идейным центром Тираны. А Скандербег – главным кумиром албанцев, ведь именно Скандербег сделал Албанию независимой страной. Поплутав немного и поспрашивав у прохожих: «Tell me, plies, wehe is monumment Skanderbeg?» – мы наконец-то добрались до конечной точки нашего путешествия. Памятник хорош, детализирован, но очень неудачно расположен. Скандербег почему-то скачет в конец проспекта. Со всех сторон его огибает дорога, подойти к нему можно только по переходу. Вокруг очень много пустого пространства, и герой как-то теряется, скульптура мелковатая для такой площади.

От жары уже мутило. Мы двинулись обратно к нашему автобусу, кондиционерам и прохладе.

Мальчишка с ручками опять поджидал нас у автобуса. Никто его сувениры не купил. Когда мы отъезжали, рассерженный мальчишка показал неприличный международный жест всем российским туристам и сопроводил его соответственной фразой. Но даже этого никто не заметил, кроме Кати, которая потом мне об этом сказала.

Приехали в Тиват уже в десять часов – уставшие и полные впечатлений.

Теперь у нас оставалась только одна неосуществленная поездка – в Котор.

От Будвы до Котора ехать напрямую через тоннель минут двадцать – тридцать. Котор считается морской столицей Боко-Которской бухты. Нашей целью было посещение только старого города и знаменитой крепости Святой Иван, ко-

торая, как уже говорила, относится к всемирному наследию ЮНЕСКО. Именно поэтому в Котор приезжает очень много иностранных туристов: французов, немцев, японцев, голландцев и, конечно, русских.

В старом городе все типично: затертые до блеска мощеные узкие улицы и площади, множество кафе и ресторанов под открытым небом и церкви, встречающиеся на каждом шагу. В старом Которе их одиннадцать. В одну из них меня почему-то не пустили (редчайший случай!), я не поняла, почему, может быть, из-за шортов. Причем это была самая знаменитая церковь в городе – собор святого Трифона, освященная еще в 1166 году – старейший памятник романской архитектуры. Здесь покоятся мощи святого Трифона.

Старый город Котора знаменит еще средневековым позорным столбом. Его я нашла на одной из площадей. Об этом столбе нам говорил Филипп. К нему привязывали провинившегося, и каждый житель мог с ним делать все, что хотел... А ведь совсем рядом стояли христианские церкви. Массивный четырехгранный каменный столб высотой примерно в полтора-два человеческих роста имел пирамидальное завершение.

В заключении нам надо было сделать последний рывок – подняться к крепости Святого Ивана, преодолев полторы тысячи ступеней. Общая длина крепостных стен Старого города достигает четырех с половиной километров, высота – двадцать метров, ширина – пятнадцать метров. Стены поднимаются высоко в горы вплоть до крепости Святого Ивана.

Я начала восхождение как раз в самое пекло. Подъем этот, тем не менее, был чудесным. С каждым пролетом открывались новые и новые

прекрасные виды – города, залива, крепостных стен, гор. Сама эта грубая каменная крепостная эстетика производила сильное впечатление: вот, казалось, появится какой-нибудь воин с алебардой на очередном повороте.

Катя, оставшись внизу у фонтана, не встала со скамейки за все эти два часа – глазела на туристов и кошек, которые здесь свободно гуляют по улицам и площадям. Которские кошки – своеобразный бренд старого города. В лавках множество сувениров, связанных с кошками: милые тряпичные кошечки в джинсовых комбинизончиках, с бантиками и челочками. Но реальные которские кошки представляют собой довольно жалкое зрелище, хотя их регулярно кормят. Они облезлые, и у них совершенно нет зубов. Это мы увидели, когда решили угостить одного большого черного кота куском сосиски. Он долго возился с этим куском, не мог прихватить, и наконец мы заметили, почему – у кота не было ни одного зуба. Зубов нет даже у котят.

Когда мы улетали из Тивата, дождя не было, погода была отличная от «Средиземья» до Сибири, и ничего не предвещало неприятностей. Но они случились: в Москве мы опоздали на свой самолет до Кемерово. Я всегда этого боялась – опоздать на самолет, и это произошло. Как, сами не поняли. Сначала в Тивате задержали рейс, но всего на двадцать минут, потом очень долго ждали свой багаж у багажной ленты, потом чуть-чуть плутанули, потом уже не могли найти на табло нашего рейса, вернее увидели сообщение, что регистрация на наш рейс закрыта...

Прождав сутки до следующего рейса в Кемерово, мы благополучно вернулись домой.

*г. Кемерово,
2012 год*



Борис
Дюкин

ПУТНИКИ И ДОРОЖНИКИ

(записки инженера путей
сообщения)

...И жребий нас обрек
Мечтам всех троп, сомнений всех дорог...

М. Волошин

Когда летишь в дребезжащем АН-2, который в Сибири по-прежнему называют «кукурузником», то всегда, вольно или невольно, обращаешь внимание на светлые ленты дорог внизу, разрезающие бесконечное зеленое полотно тайги, замечаешь причудливое и необъяснимое их положение в пространстве. Кажется, чего проще: соединил прямой линией две точки по кратчайшему расстоянию – вот тебе и дорога. Но сложности рельефа отсюда не видны, и идет дорога своим маршрутом, отклоняясь от прямой то вправо, то влево, обходя какие-то препятствия, поднимаясь в гору и спускаясь в низины. Спустившись на землю, едешь по той же дороге, на которую только что смотрел с высоты, и понимаешь, что все правильно и логично, и уже не возникает сомнений в целесообразности этих поворотов, подъемов, спусков, и невольно закрадывается мысль, что по-иному и быть не могло. И уже не думаешь о том, что надо что-то изменить и переделывать. Плавные кривые переходят одна в другую, насыпь сменяется выемкой, и за поворотом открываются взору все новые и новые горизонты. И сама дорога с белыми линиями разметки по темному асфальту, с лентами ограждений на обочинах захватывает и завораживает своим плавным движением.

Наверное, каждый язык по-своему богат и своеобразен, а наш особенно. Чтение толкового словаря русского языка кажется мне нынче более занимательным, чем чтение женских детективных романов, во всяком случае, более полезным.

Открываем толковый словарь на слове «дорога» и читаем: **дорога** – путь сообщения для передвижения людей и транспорта. Посмотрим слово «**путь**». И первое его значение то же, что и дорога.

Рядом слово «**путник**» – тот, кто находится в пути, идет или едет куда-либо. Теперь смотрим слово «**дорожник**» – специалист по строительству, ремонту и эксплуатации дорог, городских улиц. Между «**дорогой**» и «**путем**» разницы практически нет, а между «**дорожником**» и «**путником**» – очень большая. И взгляды их на одни и те же проблемы различаются порой весьма существенно. А уж если это касается дорог, то тут и говорить нечего.

Путник видит дорогу из окна автомобиля, воспринимает ее как нечто само собой разумеющееся, как деталь пейзажа, нечто для его удобства существующее. А для дорожника дорога – это поприще трудов, место его работы, время его жизни. Для дорожника дорога – это инженерное сооружение, в пространстве расположенное, и это пространство преобразующее, созданное его усилиями и умением. Все эти сотни километров, которые путник преодолевает за несколько часов, дорожник прошел пешком. И начинают дорожники свой путь тогда, когда дороги еще нет даже в проекте. Первыми идут изыскатели и геологи, потом строители и наконец те, кто отвечает за ее содержание и сохранность. Дорожников у нас в России примерно 750 тысяч, а путников – десятки миллионов, с каждым годом этот перевес становится все значительнее.

176

На первом курсе всегда начинаю лекции с того, что советую будущим дорожникам прочитать роман «Инженеры». Вряд ли они прислушиваются к моим советам, книг нынешняя молодежь практически не читает, а зря. Со времен Н. М. Гарина-Михайловского сущность нашей профессии изменилась мало. Появились новые инструменты, материалы и машины, спутниковые системы и компьютеры. Но по-прежнему работают дорожники под открытым небом, по одиннадцать часов в день, в жару и холод, в дождь и снег, живут в вахтовых вагончиках, перелопачивают миллионы кубометров грунта, дробят камень и перевозят тысячи тонн щебня, строят мосты и трубы. Путники с телеэкрана время от времени докладывают, как идет строительство. Когда дорога готова, приезжают другие путники, рангом повыше: депутаты, министры – и местные путники докладывают, какую они построили дорогу. А потом одни путники награждают других, а дорожники стоят под холодным дождем перед трибуной (как правило, дороги вводят уже поздней осенью) и громко хлопают, если вдруг награда выпадает члену их бригады или управления. Не зря дорожники говорят, что такое строительство дороги: это шумиха, неразбериха, наказание невиновных и награждение неучастствующих.

1. РЕАЛИИ

Сегодня по нашим дорогам движется 41 млн автомобилей и с каждым годом их становится все больше. Государство поощряет стремление людей иметь автомобиль, предоставляя гражданам различные преференции, займы, кредиты, принимает в счет оплаты старые автомобили и так далее. Но с другой стороны, обкладывает автомобилистов различными налогами, страховыми взносами и поборами, создавая для них массу ограничений и неудобств. Да и созданием условий для комфортного движения практически не занимается. Дороги мы не строим, а существующие практически не ремонтируем. Сущность этой политики можно сформулировать так: хорошо бы, что бы все машины покупали и никуда на них не ездили. И в этом направлении мы уже достигли определенных успехов. Среднегодовой пробег российских автомобилей в 2–2,5 раза ниже, чем в развитых странах, а подвижность основной части населения 3–4 раза меньше, то есть находится на уровне эпохи гужевого транспорта.

В последнее время в России ежегодный рост автомобильного парка – 5 %, и если в 2000 году на каждую тысячу жителей приходилось 150 автомобилей, то сегодня уже 250. Не далек тот день, когда мы приблизимся к среднеевропейскому уровню в 600 автомобилей. В то же время ежегодный прирост протяженности дорог общего пользования составляет у нас только 0,8 %. И тенденции к увеличению не наблюдается. Не мудрено, что в 2010 году по плотности движения на дорогах мы уже обогнали США, там на один километр дороги приходится 40 автомобилей, а у нас – 50, хотя в США на тысячу жителей приходится 765 автомобилей. Плотность движения на наших дорогах продолжает нарастать, особенно это заметно в городах, а с ней нарастают и транспортные издержки. Доля транспортных затрат в себестоимость товаров и услуг из-за низкой плотности дорожной сети и ее плохого состояния у нас доходит до 30 %, в развитых странах это 10–15 %. Сегодня средняя скорость движения автомобилей с грузом в России не превышает 350 км в сутки, в то время как в США – доходит до 1 200 км в сутки, в Европе – до 1 300 км. Между тем лишний час движения транспорта по нашим дорогам обходится в 1 млрд руб. По самым скромным подсчетам, экономические потери от плохого состояния дорог за год составляют более 1,3 трлн рублей, или 2 % от ВВП Российской Федерации (в некоторых источниках приводится цифра 2 трлн рублей). То есть эти потери существенно выше уровня затрат, которые необходимы для поддержания дорожной сети в нормальном состоянии. Сегодня только 40 % феде-

ральных и 36 % региональных дорог находятся в нормативном состоянии. По признанию бывшего заместителя руководителя Росавтодора Н. В. Быстрова, *«сегодняшний уровень финансирования дорог позволяет производить ремонт 1 км федеральной трассы один раз в 10 лет, а 1 км региональных дорог – раз в 70 лет. При таком финансировании качественных дорог в России не может быть по определению»*. Средний межремонтный срок наших дорог – уже более 48 лет [1], тогда как по нормативам через шесть лет должен выполняться текущий ремонт, а через 12 лет – капитальный. Так, в Кузбассе дорога первой категории капитально не ремонтировалась уже почти 40 лет, и, как ни странно, по ней еще можно ездить. Хотя, по утверждениям наших путников, строим дороги мы очень плохо и буквально на следующий год они разваливаются.

Не удивительно, что в рейтинге Всемирного экономического форума российские дороги оказались на 136-м месте из 144, среди худших в мире. Еще более низкий рейтинг продемонстрировали Габон, Монголия и Гаити [2]. Однако если послушать наших путников, то проблем нет. Вот, подводя итоги 2013 года, помощник Президента РФ И. Левитин (бывший министр транспорта) докладывает: *«Все задачи, поставленные перед дорожниками, успешно выполнены: завершена программа строительства внеклассных мостов, возведена транспортная инфраструктура к саммиту АТЭС и сочинской Олимпиаде, введено в строй множество сложных и так необходимых людям дорожных объектов»*. Дружные продолжительные аплодисменты.

Рейтинг рейтингом, а как же действительно выглядит наше дорожное хозяйство на фоне стран, тоже имеющих большую территорию? Правда, в Росавтодоре некая экспертная группа рекомендует решить проблему содержания и строительства автомобильных дорог, взяв за образец, вы не поверите, Нидерланды, страну, территория которой в 400 раз меньше России, а густота сети дорог на порядок выше, где доля ВВП, приходящаяся на одного жителя, выше, чем в России, в 2,9 раза [3], но мы все таки посмотрим, как обстоят дела в более крупных странах.

Так как наш Росавтодор все еще не может до конца разобраться с протяженностью дорог, в различных источниках цифры варьируются от 728 тыс. км до 1 280 тыс. км, и достоверно известно только, что дорог общего пользования федеральных – 49,9 тыс. км, региональных – 501,8 тыс. км, то воспользуемся данными «Википедии», чтобы все были в равных условиях.

Страны	Площадь, тыс. км ²	Протяженность дорог, км				
		Всего, тыс. км	на 1000 жителей	на 1000 км ² территории	скоростные автомагистрали	Кол-во автомобилей, млн шт.
Россия	17 075	1 001*	7,0	58,6	710	40,7
Австралия	7 682	818	37,4	106,5		41,7
Бразилия	8 547	1 752	9,8	204,9		38,00
Канада	9 971	1 042	44,9	104,5	17 000	41,7
Китай	9 598	4 106	1,4	427,8	85 000	77,2
США	9 519	6 506	22,4	663,5	75 932	144,7
Франция**	547	1 027	16,8	1 877	11 000	37,2

* В том числе дороги общего пользования, о которых говорилось выше; ** Франция приведена для примера как средняя европейская страна.

К этой таблице можно было бы добавить данные о фактических затратах на дорожное хозяйство, но не хочется расстраивать дорожников. Например, Япония, имеющая такое же население, как и Россия, тратит на дорожное хозяйство в расчете на одного жителя в год 753 доллара, а Россия – 60 долларов.

Но как же создавалась дорожная сеть в других странах?

Практически везде начинали с решения проблемы финансирования. В странах Западной Европы, США, Канаде, Австралии, Японии в середине XX века для обеспечения строительства автомобильных дорог, их ремонта и содержания были созданы целевые дорожные фонды. Как правило, эта мера принималась одновременно с разработкой и утверждением национальных программ развития сети автомобильных дорог, и дорожные фонды являлись финансовой основой для их реализации. Так, в США (а это страна все еще служит нашим путникам образцом для подражания) Федеральный дорожный фонд был учрежден в соответствии с Актом о дорожных поступлениях 1956 года (the Highway Revenue Act of 1956). И в этом же году Дуайтом Эйзенхауэром был подписан закон о создании сети скоростных автомобильных дорог Америки (Federal Aid Highway Act of 1956), согласно которому 90 % стоимости строительства шоссе по штатам покрывало правительство и лишь 10 % должны были покрыть сами штаты [5]. Этим законом были утверждены маршруты основных скоростных магистралей, их основные технические параметры, установлен единый дизайн для шоссе и дорожных знаков. Первоначально планировалось в течение 35 лет построить 66 тыс. км. скоростных автомагистралей. Затем действие закона о дорожных фондах неоднократно продлевалось, что позволило по состоянию на 2010 год построить 75 932 км скоростных дорог. И сегодня на один доллар, вложенный штатом в дорожное строительство, четыре дает правительство. В России регионы субвенций и субсидий на дорож-

ное строительство практически не получают. Все глубокомысленные рассуждения наших путников о том, что дороги Америки были созданы за счет частных инвестиций, мягко говоря, не соответствует действительности.

Строительство скоростных дорог оказало огромное влияние на экономику США. По оценке федеральной экономической комиссии США, создание скоростных магистралей привело к росту производительности труда в американской экономике на 25 %, не говоря о том, что было создано большое количество рабочих мест. То есть система скоростных дорог стала одним из факторов, позволивших США стать ведущей экономической державой мира.

Стоимость строительства 75 935 км скоростных магистралей США в ценах 2006 года определяется на уровне 425 млрд долларов, что, по оценкам экспертов, делает реализацию этой программы «крупнейшим общественным проектом со времен постройки пирамид».

И сегодня, когда национальная дорожная сеть практически сформирована, дорожные затраты в США составляют 180 млрд долларов в год. Любопытен и такой факт. В их антикризисной программе 2008 года есть такая строка: «Выделить на строительство дорог и мостов дополнительно 30 млрд долларов». Наша антикризисная программа 2008 года свелась к тому, что затраты на инфраструктуру были урезаны, а банки получили щедрые кредиты и тут же занялись валютными спекуляциями [4].

Примерно так же решалась проблема создания дорожной сети и в других развитых странах. Капитализм капитализмом, но здравомыслящие люди понимают, что справиться с такой глобальной задачей, как создание дорожной сети, может только государство. По мере решения основных задач в ряде стран Западной Европы дорожные фонды были ликвидированы, но сохранены целевые дорожные налоги. Национальные законодатели исходили из того, что дорожная сеть страны полностью сформирована, и теперь задача – поддерживать ее в над-

лежащем состоянии. Но и сегодня их затраты на эти цели во много раз превышают российские и, как правило, составляют от 3 до 4 % ВВП.

Интересна история создания дорожной сети в Китае. В 1990 году протяженность дорог в КНР составляла 1 028 тыс. км, из них 60 % требовали капитального ремонта. А сегодня протяженность дорог уже составляет 4 008 тыс. км, по этому показателю Китай вышел на второе место в мире, причем 85 тыс. км – это скоростные дороги. В этом Китай обошел США и не собирается останавливаться на достигнутом. Планируется, что к 2030 году сеть скоростных дорог Китая будет иметь протяженность 120 тыс. км.

Примечательно, что в кризисный 2008 год в Китае было построено 99,8 тыс. км новых дорог, а в России – 1 тыс. км. Как говорится, почувствуйте разницу. Начиная с 1998 года, на развитие дорожного хозяйства Китай тратит ежегодно 3,5 % от ВВП, который в четыре раза превосходит ВВП России. Как подчеркивают аналитики, одним из ключевых факторов успешного дорожного строительства в КНР является не только объем финансирования, но и его децентрализация, передача большей части полномочий провинциальным властям. В нашем обществе все делается с точностью до наоборот.

Однако и у нас в России был период, когда дорожное строительство переживало свой ренессанс, и случилось это, как ни странно, в тяжелые девятые годы, после принятия Закона «О дорожных фондах в РСФСР» (№ 1759-1 от 18.10.1991). Вообще первый дорожный фонд в России был создан еще в 1914 году, но просуществовал, как вы понимаете, недолго – до 1917 года. Закон, принятый в 1991 году, – это один из не многих дельных законов, принятых нашими законодателями. Самое удивительное, он еще и действовал, что с нашими законами бывает нечасто.

Чуть позже вышло постановление Правительства от 30.12.91 № 93 «Об управлении дорожным хозяйством». Дорожники фактически одними из первых перешли на рыночные отношения. Заказчики были отделены от подрядчиков и стали работать на основании договора.

Закон о дорожных фондах предусматривал образование финансовых ресурсов для содержания и развития сети автомобильных дорог общего пользования и фактически освобождал государственный бюджет от расходов на содержание и строительство дорог, перекладывая эти заботы на территории.

Федеральный и региональные дорожные фонды формировались за счет нескольких источников, но основным был налог на пользователей дорог, кото-

рый начислялся от объема производства продукции, работ и услуг, что впоследствии и стало причиной его отмены. От уплаты этого налога освобождались предприятия, производившие сельхозпродукцию, и предприятия, осуществляющие содержание автомобильных дорог общего пользования.

Этот закон позволил в период общего падения экономики, хаоса и разрухи не только сохранить дорожную сеть страны от развала, но, без сомнения, оказал положительное влияние на ситуацию в экономике в целом. Как известно, одно рабочее место в дорожном хозяйстве создает до 20 рабочих мест в смежных отраслях.

Дорожные предприятия получили возможность развивать свои производственные базы и приобретать новую технику, готовить кадры. Началось внедрение передовых технологий. Был сделан определенный шаг вперед в развитии сети дорог. Резко возросли объемы работ. Так, в 1994 году объем ремонтных работ в России составлял 35 989 км. Для сравнения, в 2003 году после ликвидации дорожных фондов эта цифра снизилась до 20 837 км.

Кемеровская дирекция областного дорожного фонда была создана одной из первых в России. Кузбассу повезло, что в то время во главе процесса реорганизации дорожного хозяйства стояли умные и честные люди. Это были настоящие дорожники: Феликс Николаевич Санников, ставший первым директором областного дорожного фонда, Николай Петрович Серегин, занявший должность главного инженера, впоследствии ставший первым заместителем руководителя Росавтодора. Они не побоялись разрушить существующую систему и создать вместо громоздкого ПРСО (проектно-ремонтно-строительное объединение) небольшую дирекцию, в которой в момент образования было всего 55 специалистов-дорожников. Благодаря их усилиям и была сформирована та структура и производственная база, которая позволила в то время сделать наши дороги одними из лучших в Сибири.

В период с 1992 по 2002 год в Кузбассе было построено и реконструировано 585 км и отремонтировано 7 523 км дорог. Приведены в нормативное состояние и приняты в сеть дорог общего пользования 1 267 км муниципальных дорог, которые после 1992 года были практически брошены. Все деревянные мосты на дорогах общего пользования были заменены на капитальные.

Это было время, когда наши дорожные организации из захудалых ЛУАДов (линейное управление автодорог) превратились в современные предприятия, оснащенные новой техникой. Повысилось качество работ, появились современные лаборатории, улучшился кадровый состав, велось постоян-

ное обучение среднего и низшего звена работников. В то время каждую весну дорожные управления устраивали конкурс по приему на работу. Повысился конкурс на дорожные факультеты в вузах, быть дорожником стало престижно. Но продолжалось это, к сожалению, очень не долго.

Примерно так же, с большим или меньшим успехом, шло дело и в других регионах. И что интересно, никаких разговоров о том, что дорожное строительство у нас страшно дорогое, не было.

Сразу после принятия закона о дорожных фондах путники начали с ним борьбу. Такие большие деньги – и идут мимо! Никто не толпится в коридорах, не заносит в кабинеты, не дает откаты. Сыграло свою роль и нефтяное лобби. Да и западных консультантов, которые во множестве в то время ходили по высоким кабинетам, тоже страшно не устраивало, что Россия наконец-то занялась строительством дорог. Нашлись теоретики, готовые оппорочить систему финансирования дорожного хозяйства через дорожные фонды. Пошли заказные статьи и телепередачи. Сразу вспомнили о коррупции. Почти ежегодно в закон стали вноситься различные изменения и поправки. В конце концов целевые дорожные фонды были ликвидированы. Финансирование дорожного хозяйства стало стремительно сокращаться с 2,9 % ВВП в 2000 году до 0,71 % в 2008 году. Фактически оно осталось без гарантированных источников финансирования. Путники победили дорожников. И в 2006 году, подводя итоги этой борьбы, Министерство транспорта в своем докладе *«О состоянии и развитии сети автомобильных дорог в Российской Федерации»* сообщило: *«За период 2000–2005 гг. объемы строительства и реконструкции автодорог уменьшились в 3 раза – с 6,9 тыс. км в 2000 г. до 2,3 тыс. км в 2005 г., объемы ремонта в 1,8 раза с 30,2 тыс. км в 2000 г. до 16,6 тыс. км в 2005 г.»*. Западные советники остались довольны.

Еще более тяжелая ситуация складывалась в регионах, у них не стало средств не только на строительство, но даже на ремонт и содержание дорог. Так, если в Кузбассе за 2000 год было построено 107,6 км и отремонтировано 923 км автомобильных дорог, то после 2002 года началось резкое снижение объемов: в 2003 году построен 21 км и отремонтированы 124 км; в 2010 г. – 12,6 и 109 км; в 2013-м построено 4 км, отремонтировано 27,5 км. Приходится констатировать, что ситуация, несмотря на все громкие заявления наших путников о том, что проблема финансирования дорожных работ уже решена, продолжает ухудшаться. Созданная за время существования дорожных фондов с 1992 по 2002 год инфраструктура начинает постепенно разрушаться.

Нужно заметить, что в это же самое время, когда был отменен налог на пользователей дорог, путники, заботясь о процветании нашего бизнеса, снизили ставку налога на добавленную стоимость (НДС). Расцвета экономики и снижения цен на товары и услуги после ликвидации дорожных фондов и снижение ставки НДС так и не последовало. Казалось бы, чего проще, отменив налог на пользователей дорог, сохранить ставку НДС в прежнем виде и направить 2 % от него на формирование дорожных фондов. Сегодня, глядя на то, что представляют собой возрожденные после 2011 года дорожные фонды, это представляется самым разумным решением. Вот в Госдуме РФ опять обсуждают вопрос о повышении ставки НДС на 2 %, но дорожникам эти деньги вряд ли достанутся.

Давно известно, что существует четкая зависимость между валовым общественным продуктом на душу населения и плотностью дорог на душу населения. По мнению экспертов, недостаточное финансирование расходов на автомобильные дороги является неэффективным вариантом бюджетной политики, поскольку последствия этого негативно скажутся на долгосрочных перспективах экономического роста. Инвестиции идут туда, где есть дороги, скоростные поезда, быстрый интернет, высококвалифицированные кадры. Инвесторы никогда не придут в страну с плохой инфраструктурой. В мировой практике есть немало свидетельств тому, что инвестиции в дорожный комплекс дают значительный импульс роста экономики в целом. Достаточно вспомнить историю создания скоростных дорог США.

Удивительно, но после ликвидации дорожных фондов начался период создания и обсуждения различных программ и стратегий. В 2002 году появляется «Концепция Национальной программы модернизации и развития автомобильных дорог РФ до 2025 г.». 20 мая 2008 года премьер В. Путин подписывает Федеральную целевую программу (ФЦП) «Развитие транспортной системы России» на 2010–2015 годы. Согласно этой программе, за пять лет государство планировало потратить на дорожную отрасль 4,65 трлн руб., но, конечно, ничего не потратило. В том же году Распоряжением Правительства РФ от 22.11.2008 № 1734-р принимается «Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года». Все эти концепции, программы и подпрограммы составлялись грамотными специалистами, понимающими суть проблем, и содержали множество нужных мероприятий, реализация которых позволила бы России сделать рывок вперед. Но, к сожалению, ни одна из этих программ не имела четкого финансового обеспечения и пото-

му априори была невыполнимой, а может быть, никто и не собирался ничего выполнять. Да тут еще наступила пора «пафосных» проектов. Универсиада в Казани, Олимпийские игры в Сочи, на подготовку и проведение которых, как утверждают независимые источники, было потрачено 1,2 трлн рублей, чемпионат мира по футболу в 2018 году, зимняя Универсиада в Красноярске. Не мудрено, что губернаторы всеми силами стремятся попасть в какой-нибудь престижный проект. Теперь только участие в таких престижных мероприятиях позволяет региону поправить свою инфраструктуру. Вот, правда, Екатеринбург пролетел мимо всемирной выставки, а то бы тоже свои дороги поправил.

Надо четко понимать, что любые самые хорошие концепции и программы без финансового обеспечения – это лишь благие пожелания. Надеюсь, что эта мысль когда-нибудь посетит головы наших путников.

Не прошло и десяти лет, как практически те же специалисты, что ратовали за ликвидацию дорожных фондов, стали призывать к их возвращению. Теперь мы уже читаем: *«Эффективность финансирования отрасли именно через фонды не вызывает сомнений, тем более что имеется исторический промежуток времени (с 2001 по 2011 год), с которым можно сравнить результаты применения механизма дорожных фондов»*. А какова была ситуация в регионах, видно на примере Кемеровской области.

Все возвращается на круги своя. В 2011 году создается Федеральный дорожный фонд и следует указание о создании дорожных фондов в регионах. И вот уже путники (дорожников там практически нет, оставался один Н. В. Быстров, но его быстро убрали) из Росавтодора бодро рапортуют, что в 2013 году объем федерального дорожного фонда составил 450,1 млрд рублей, а регионального – 471,5 млрд рублей. Тут стоит обратить внимание на то, что в России федеральных дорог 49,9 тыс. км, а региональных – 501,8 тыс. км. То есть финансирование федеральных дорог на порядок выше региональных. Кроме этого, принятые законы (№ 63-ФЗ, 361-ФЗ, 244-ФЗ) предусматривают отчисления в местные бюджеты из средств региональных дорожных фондов на ремонт дорог населенных пунктов, дорог местной сети. По данным ассоциации «Родор», в 2013 году эта сумма составила почти 96 млрд рублей. То есть в региональных дорожных фондах на дороги общего пользования остается 375,5 млрд рублей. Эти ресурсы покрывают затраты на содержание дорог на 33 %, на ремонт – 32 %, на капитальный ремонт – 3 %. О новом строительстве и развитии сети речь уже не идет [6].

Если раньше, в 1992–2002 годах, из Федерального дорожного фонда регионам на строительство

дорог выделялись немалые средства в виде субвенции и субсидии, то сейчас этого практически нет. Исключение составляют различные пафосные проекты. В те времена, когда во главе Росавтодора стояли дорожники А. П. Насонов, Н. П. Серегин, И. А. Урманов, О. В. Скворцов, их заботой были все дороги России. И дорожники со всей страны приезжали и свободно проходили на Бочкова, 4 (тогда это было Федеральное дорожное агентство) со своими бедами и заботами без всяких пропусков и заявок. В буфете на первом этаже общались дорожники из Якутии и Рязани, Хакасии и Калининграда. А на третьем этаже гудел компьютерный зал. Сегодня, когда в Росавтодоре дорожников почти не осталось, попасть туда очень непросто, а пройти на второй этаж, где сидит высокое начальство, практически невозможно. И теперь рассказы о том, что к Н. П. Серегину в кабинет мог свободно зайти командировочный из Алтая, выглядят как фантастика. Сейчас там правят бал другие специалисты. Недавно в одном из кабинетов чиновной даме пришлось долго объяснять, что Кузбасс – это не город, а регион. Потом она брезгливо заметила: «Как вы все надоели!» Демократия в нашем отечестве продолжает развиваться, и чиновники становятся к народу все ближе и ближе, и заметно это не только на федеральном уровне. При тоталитарном режиме для того чтобы пройти в здание кемеровских горисполкома или облисполкома, не нужно было иметь при себе пропуск и паспорт. И проходил ты не через рамку металлоискателя под грозным взглядом полицейского, который смотрит на тебя, как на врага, а по мягкой ковровой дорожке. Сегодня даже с пропуском полицейский не пропустит, пока за тобой не придет сопровождающий. А уж если говорить про здание областного УВД, где мы когда-то в вестибюле за просто покупали газеты и журналы, то тут охрана с автоматами встречает вас уже у забора. В общем, создается забавная ситуация. Народ не только оплачивает безбедное содержание этих господ, но и их охрану от себя. Ничего не поделаешь, такая у нас демократия.

Да, собственно, и делать теперь в Росавтодоре практически нечего. Дороги общего пользования там уже никого не интересуют. Вот недавно последовало заявление, что в 2014 году федеральные дороги будут переведены на нормативное содержание. Это хорошая новость, и мы за них рады. Регионам так же рекомендовано перейти на нормативное содержание автомобильных дорог, но при нынешней системе финансирования это звучит как насмешка.

Постановление «О нормативах денежных затрат на содержание и ремонт автомобильных дорог федерального значения и правилах их расчета» № 539 вышло еще в 2007 году. Переход дорожного хозяй-

ства на эти нормативы должен был состояться до 2011 года. Но сегодня для регионов это лишь голубая мечта. Так, Кемеровская область для нормативного содержания и ремонта дорог должна иметь годовой бюджет дорожного фонда в 20 683 млн рублей, и это без затрат на строительство. А имеет на все про все 5 819 млн рублей. В других регионах ситуация не лучше, за исключением Москвы и Московской области. Так, в 2013 году Москва только на строительство дорог потратила 129,48 млрд рублей, то есть больше, чем вся остальная Россия. По заявлению заместителя мэра Москвы по градостроительной политике и строительству Марата Хуснуллина, Москва в 2013 году заняла место в первой пятёрке мегаполисов мира по объемам строительства транспортной инфраструктуры.

В регионах ситуация совсем иная. Выступая на круглом столе «Оценка работы дорожных фондов за 2013 год», организованном комитетом по транспорту Госдумы РФ, генеральный директор Ассоциации «Родор» И. Старыгин сказал, что объем отремонтированных дорог составляет чуть более 2 % от всей региональной сети. Работы по капитальному ремонту практически не проводились. При потребности 1,3 трлн рублей на содержание, ремонт и капитальный ремонт регионы смогли фактически потратить только 185 млрд рублей, что составляет чуть больше 14 % [1]. Показатели даже хуже, чем прогнозировалось. В общем, итоги впечатляют, но только не наших путников, потому что в заключении читаем: *«Субъектам РФ предлагается предусмотреть в своих программах мероприятия по приведению сети автомобильных дорог в нормативное состояние и выполнению поручения Президента РФ по увеличению объемов строительства и реконструкции дорог»*. А вот за счет чего это можно сделать – об этом ни слова.

Почти в это же время Росавтодор проводил научно-практическую конференцию «Итоги 2013 года. Задачи и перспективы 2014–2015 гг.». Отчет, конечно, печатается не в маленькой газете, а в глянцевого журнале [12]. Вот отрывки из выступлений: *«Реформирована система дорожного хозяйства, воссозданы дорожные фонды. В результате удалось обеспечить создание устойчивой, прогнозируемой базы дорожного хозяйства»*. *«В 2014 году объем финансирования расходов на капитальный ремонт и содержание действующей сети автомобильных дорог общего пользования федерального значения и искусственных сооружений на ней составят 100 % потребности»*. О том, как обстоят дела с региональными дорогами общего пользования, речь, естественно, там не шла.

Одной из тем этой конференции были пути решения задачи удвоения объемов дорожного строи-

тельства по сравнению с предыдущим 10-летним периодом (2003–2012 гг., поручение Президента РФ от 22.12.2012 года № Пр-3410). Задача в целом не такая уж грандиозная. Но из представленных выше данных понятно, что для ее выполнения в регионах средств нет. По подсчетам экспертов, регионы могут обеспечить только 28 % от требуемого объема финансирования. Эти цифры были озвучены еще на научно-практической конференции «Федеральное дорожное агентство: итоги 2012 года, задачи и перспективы на 2013–2014 годы» в присутствии министра транспорта, депутатов и других высокопоставленных путников. На конференции 2014 года про эти цифры уже не вспоминали.

Если конкретно, то для выполнения поручения Президента РФ в Кемеровской области за период с 2013 по 2022 годы необходимо построить 268 км дорог. Задача более чем реальная, если вспомнить, что за период с 1992 по 2002 год в Кузбассе было построено и реконструировано 585 км дорог. Для выполнения поручения Президента РФ по самым скромным подсчетам, учитывая темпы инфляции, необходимо 49,65 млрд рублей, в то время как реальные возможности бюджета составляют 19,7 млрд. Такое же положение и в других регионах Сибири и Дальнего Востока. К слову сказать, территория за Уралом – это не только большая часть территории России, где проживает 20 % населения и которая производит только по двум налогам 50 % российского бюджета, но и территория, которая дает 75 % российского экспорта, 100 % производства олова, никеля и платины, 75 % нефти только в Западной Сибири, 85 % золота, 90 % газа, 95 % алмазов. Все это позволяет нашим путникам, которые непонятно каким образом стали владельцами этих богатств, с комфортом проживать в Лондоне, строить дорогие яхты, покупать футбольные и баскетбольные клубы, а не строить дороги и мосты в Сибири.

Цифры, характеризующие состояние нашего дорожного хозяйства в регионах, не являются тайной, ибо постоянно озвучиваются на различных симпозиумах, конференциях и круглых столах. Проблемы финансирования, а вернее, его отсутствия, нашим путникам хорошо известны.

Однако поручение Президента РФ надо выполнять, и вот на свет появляется любопытный документ, который называется «Методические рекомендации по увеличению в ближайшие десять лет объемов строительства и реконструкции, автомобильных дорог общего пользования» (№ АД-П9-8200 от 15.11.2013). Если вы думаете, что там дается рецепт, как преодолеть разрыв между желаемым и действительным и обеспечить надлежащее финансирование очень скромной программы строительства и реконструкции дорог, то вы глубоко оши-

бається. Это многостраничный документ, наполненный общими фразами, где каждый раздел начинается с заклинаний о том, что до 2022 года надо в два раза увеличить объем строительства и реконструкции, автомобильных дорог. Но суть его совсем в другом, и кратко ее можно сформулировать так: ребята, мы знаем, что денег у вас нет, но вы как-нибудь исхитритесь и что-нибудь постройте «числом поболее, ценою подешевле». Так, в пункте 15 читаем: *«В целях обеспечения решения задачи удвоения объемов строительства автомобильных дорог в условиях бюджетных ограничений в проектной документации целесообразно рассматривать варианты поэтапного развития объектов, в том числе переноса на более поздние сроки строительства транспортных развязок в разных уровнях, устройство дорожных покрытий капитального типа и т. д.»*

В пункте 16 дается четкая рекомендация по уменьшению конструктивных слоев дорожной одежды и указание по возможности использовать отходы производства и малопрочные местные материалы. Следующий абзац еще интересней: в нем сказано, что на местных дорогах *«целесообразно рассматривать строительство проезжей части шириной 4,5 м»*. То есть, если перевести на нормальный язык, то суть такова: давайте стройте без развязок, без капитальной дорожной одежды, из чего попало и как можно уже. Тут стоит опять вернуться к истории создания сети дорог в США. В 1956 году в законе и принятых стандартах сразу оговаривалось, что это должны быть скоростные многополосные дороги с непрерывным движением, то есть не иметь пересечений в одном уровне и иметь дорожную одежду капитального типа, кроме того, с каждой стороны предусматривалось устройство резервных полос шириной 60 м, а разные направления движения должны иметь разделительную полосу шириной не менее 10 м или разделяться барьерным ограждением. Насколько разительно это отличается от рекомендаций наших путников, а ведь было принято в середине XX века.

Помыслы наших путников понятны и бесхитростны: перед Президентом РФ надо отчитаться о выполнении программы, а дальше будем дружно ругать дорожников, что они плохо проектируют и строят, и с умилением ставить в пример дорогу в штате Техас, где бетонное покрытие укладывается поверх асфальтобетона да еще армируется арматурой диаметром 16 мм. Об этом поведал нам в своей абсолютно безграмотной статье «Эх, дороги», опубликованной российской газетой «Неделя», А. Механик [13].

Все это наводит на мысль, что, видимо, ничто не может заставить наших путников отвлечься от своих личных забот и действительно заняться дорожным хозяйством: ни пробки на дорогах, ни поруче-

ние Президента РФ. Они будут трюндеть об модернизации и инновациях, писать умные статьи о том, что транспортная инфраструктура должна развиваться опережающими темпами по сравнению с другими отраслями экономики, утверждать различные стратегии и программы, собирать круглые столы, созывать конференции, приводить в пример Америку и Германию и при этом терять ежегодно из-за плохих дорог 1,5 трлн рублей.

Мы никак не можем настроить наше государство на то, что основная цель – это человек, его нужды и чаяния, его потребности и свободы. Для наших путников, к великому сожалению, человек по-прежнему остается средством, но не целью. И среди массы законов, принимаемых нашими законодателями, трудно найти хоть один, который бы упрощал и облегчал жизнь простого человека, делал бы ее удобнее. С 2002 по 2013 год наши законодатели выпустили 180 тыс. нормативных актов, содержащих разного рода ограничения и запрещения [7]. Видно, что господа депутаты работают в поте лица, не зря они такими темпами увеличивают свое жалование. Как известно, с сентября 2014 года оно будет составлять 420 тыс. рублей. Для сравнения, средняя зарплата дорожника в Кузбассе – 25–30 тыс. рублей, и увеличение ее в ближайшее время не предвидится.

Однако вернемся к дорогам и рассмотрим те мифы, которые наши путники усиленно внедряют в общественное сознание.

2. МИФЫ

Миф первый: строительство дорог в России во много раз дороже, чем в других странах.

Надо сказать, что в этом направлении путники достигли определенных успехов. Уже и официальные лица, которые по определению должны владеть достоверной информацией, без смущения заявляют: *«по сообщениям средств массовой информации, строительство дорог в России во много раз дороже, чем за рубежом»*. Не зря уже не один год в популярных изданиях с миллионными тиражами печатают «знатоки» дорожного дела свои опусы. Разберем некоторые выступления более детально.

Так, в еженедельнике «Аргументы и факты» № 50 за 2009 год со статьей «Один километр четырехполосной трассы обходится России почти в пять раз дороже, чем Китаю» выступил господин В. Иноземцев, он у нас специалист по широкому кругу вопросов. В АиФ № 32 за 2010 год засветился известный экономист господин Н. Кричевский. В еженедельнике «Аргументы недели» от 22 ноября 2012 года отметился К. Гурдин, а в «Комсомольской правде» за 3 июня 2013 года – Е. Белов и так далее. Я уж не говорю о различных телевизионных программах с участием депутатов, боксеров и шоуменов. Вот уже

и программа «Постскриптум» (от 21.06.14) подсуетилась и сообщила, что строительство дорог в России в три раза дороже, чем в США. Странно, почему не сказали, что в десять раз – было бы эффективнее.

Если внимательно читать то, что пишут Н. Кричевский и К. Гурдин, то можно обнаружить много забавного. Так, свое утверждение, что «строительство дорог в России в 220 раз дороже, чем в США», вынесенное в заголовок, Н. Кричевский сам в начале своего опуса и опровергает. Ведь если разделить две цифры из приведенных им, то получится, что стоимость строительства дорог в РФ в пять раз дешевле, чем в Китае, и, как оно может одновременно быть дороже в 220 раз, чем в США, загадка. Не отличается особой логикой и господин К. Гурдин. В своей статье «Черная полоса Росавтодора» он заклеил всех дорожников на веки вечные. Однако создается такое впечатление, что, написав свой опус, он его не перечитывал, во всяком случае, не потрудился проверить приводимые цифры. Так, читаем: *«Стоимость прокладки дублера Курортного проспекта в Сочи составила 180,5 млн руб. за один километр»*, далее он пишет, что цена прокладки километра аналогичной трассы в штате Мичиган – 15 млн рублей. Откуда он взял такую смешную цифру, не поясняет. Между тем, стоимость строительства 1 км полосы движения автомагистрали BigDig в Бостоне, проходящей по застроенной городской территории, которую действительно можно сравнить с дублером Курортного проспекта, составила 117,5 млн долларов [11] или 3 525 млн рублей. Это реальный проект, а не мифическая дорога в Мичигане. Где же тут «10–12-кратная разница в цене по сравнению с зарубежными стройками»? Разница действительно есть, только дублер Курортного проспекта обошелся на порядок дешевле, чем автомагистраль в Бостоне. Авторы подобных статей, как правило, не сильны в математике. Читаем К. Гурдина дальше: *«В мировой практике цена 1 км скоростной трассы лежит в диапазоне 42–210 млн руб. за полосу»*. Возьмем среднюю стоимость полосы – 126 млн рублей, умножим на 4 и получим, что аналог Курортного проспекта за рубежом стоил бы, даже по данным К. Гурдина, 504 млн рублей. И таким публикациям различных «знатоков» в наших популярных изданиях нет числа, но насколько им можно доверять, надеюсь, понятно.

Начиная с 2010 года, РосдорНИИ ведет базу данных по стоимости строительства автомобильных дорог в России и за рубежом. Здесь содержатся данные о сотнях объектах по всему миру. И, хотя говорить о средней стоимости строительства дорог нелепо, это как средняя температура по больнице, тем не менее, пойдем на встречу нашим путникам. По данным РосдорНИИ, средняя удельная стоимость строительства 1 км полосы движения много-

полосной дороги в ценах 2012 года в России составляет 67,9 млн рублей, в США – 105,2 млн рублей, в Германии – 94,3 млн рублей [11]. Где же тут трехкратная разница в стоимости строительства, как утверждают наши «знатоки»?

Все эти рассуждения о том, что строительство дорог стоит в России «безумных денег», просто миф, но для наших путников очень удобный.

А теперь давайте посмотрим, из чего складывается стоимость строительства дороги, так ли она высока и виноваты ли в этом дорожники. Характерная деталь: во времена существования дорожных фондов, с 1992 по 2002 год, когда экономика России была в развале и инфляция достигала трехзначных цифр, разговоров о том, что у нас страшно дорогое строительство дорог, почему-то не возникало. Тогда понять, что почему и сколько стоит, действительно было сложно, в магазинах все цены стояли в странной валюте – у. е. В этих единицах стоимость дорожных работ была невысокой, хотя каждый месяц индексировалась, и индексы были в виде трехзначных цифр. Здесь, как мне кажется, свою роль сыграли несколько обстоятельств. Во-первых, до 2004 года почти все дорожные предприятия были государственными и руководили ими дорожники – воспитанники советской школы. Потом началось акционирование, появились так называемые «эффективные» собственники, цель у которых только одна – извлечение прибыли. Во-вторых, в то время не было массового гражданского строительства, где цены никем не контролируются, потому что в одном лице существует заказчик, подрядчик и продавец, и которое было развернуто после 2000 года с появлением ипотеки. А так как дорожники, за исключением битумов, в своем производстве используют те же самые материалы: бетон, щебень, песок, цемент, арматуру, которые стали резко дорожать, а в стоимости дороги стоимость материалов составляет «львиную долю» затрат, то это, естественно, сказалось и на общей стоимости дорожных работ. Однако, несмотря на это, с 2000 года по настоящее время цены в гражданском строительстве выросли более чем в 10 раз, а цены на дорожные работы – только в 6 раз. Так, если стоимость одного квадратного метра жилья под самоотделку (то есть практически полуфабриката) в Кемерове 60 тыс. рублей, то стоимость одного квадратного метра полностью законченной скоростной магистрали вместе с мостами и путепроводами – 10 тыс. рублей. Мне могут возразить, что сравнение некорректно, и я готов с этим согласиться – дорога должна стоить дороже. Только представьте себе на минуту, что через вашу квартиру проходит 15 тыс. автомобилей в сутки. Ну и как? Что с ней будет через месяц? А дорога такие нагрузки выдерживает и эксплуатируется десятки лет без ремонта.

В стоимости строительства автомобильной дороги 70–75 % – это стоимость материалов, которые дорожники не производят, а покупают: битум, цемент, инертные материалы и так далее; от 17 до 20 % – это затраты на машины и механизмы и только 4–7 % – это заработная плата, которая, несмотря на то, что в сезон на вахте дорожники работают по 11 часов, в среднем составляет у нас в Сибири 25–30 тыс. рублей. Да и ту выплачивают нерегулярно, так как заказчики часто не могут вовремя расплатиться за выполненную работу. Далеко ходить не будем, после открытия движения по участку дороги Кемерово – Ленинск-Кузнецкий в 2013 году бюджет остался должен дорожным организациям 2,5 млрд рублей, что поставило многих на грань банкротства. В последнее время ретивые чиновники хотят заставить дорожников оплачивать и стоимость грунта, из которого возводится земляное полотно.

Хочу заметить, что если, как утверждают наши путники, строительство дорог в России такое сверхвыгодное занятие, то странно, почему господа Абрамович и Дерепаска и ижи с ними еще не начали строить дороги. И еще одно странное обстоятельство. В Москве и центральной России на многих стройках работают иностранные фирмы, а вот на дорогах их что-то не видно, хотя наши фирмы, как это ни странно, активно участвуют в тендерах на строительство дорог по всему миру, несмотря на утверждения наших путников, что цены там в 10–12 раз ниже. Я работаю на дорогах уже больше сорока лет, но до сих пор миллиардеры среди дорожников мне как-то не попадались.

Миф второй: в дорожном хозяйстве у нас «повальные воровство и коррупция», «на строительстве дорог разворовывается до 60 % средств», «проблема грандиозного дорожного воровства». Все это цитаты из статей наших путников, которые просто захлебываются от праведного гнева, но, что интересно, ни одного конкретного факта не приводят. Давайте посмотрим, как обстоят дела в действительности и где можно при строительстве дороги, по утверждению путников, легко украть 60 % средств.

Итак, мы хотим построить дорогу из пункта А в пункт Б. Пишем техническое задание на проектирование, где оговариваем все условия, какую дорогу нам надо, и объявляем торги на проектно-изыскательские работы. Начальную цену работы определяем по государственным расценкам. Так как среди проектных организаций конкуренция довольно большая, то стоимость проектных работ обойдется нам на 30 % дешевле заявленной. Проектная организация выполняет инженерные изыскания и разрабатывает проектно-сметную документацию (ПСД). В ходе работы проводятся экономические

изыскания, уточняется категория дороги, рассматриваются различные варианты трассы и т. д. Все основные проектные решения обязательно согласовываются. Далее проект отдается на государственную экспертизу, которая основной своей задачей считает снижение сметной стоимости, так что, если и захотите, ничего лишнего в проекте не будет. Кстати, стоимость экспертизы так же, как и стоимость проектных работ и авторского надзора, входит в стоимость строительства дороги. По замечаниям экспертизы проектировщики корректируют ПСД и вносят ее на повторное рассмотрение и, получив положительное заключение, выдают ее заказчику. Теперь, если у нас есть деньги, мы можем искать подрядчика и согласно закону ФЗ-44, а до 01.01.2014 года действовал закон ФЗ-94, выставляем объект на торги. Начальная цена контракта определяется утвержденной проектно-сметной документацией, и изменять ее заказчик не вправе. По результатам аукциона или конкурса определяется генеральный подрядчик, с которым и заключается государственный контракт. Конкуренция среди дорожных организаций небольшая, и выигрывает торги тот, кто назовет наименьшую цену. К сожалению, по нашему новому закону, по которому и простоквашу для столовой покупают, и генподрядчика для строительства определяют, цена – это основной критерий отбора. Если до 1995 года при определении подрядчика можно было спрашивать опыт работы, наличие техники и кадров, то теперь ни-ни. Ныне для участия в торгах нужно иметь только печать, авторучку и поручительство банка. Итак, контракт заключен и подрядчик приступает к выполнению работ. Цена контракта твердая и изменению не подлежит, и если в ходе реализации у подрядчика появляются дополнительные работы, то цена контракта может быть увеличена, но не более чем на 10 %, остальные работы подрядчик выполняет за свой счет. Все работы принимаются и оплачиваются лишь в том случае, если они выполнены с надлежащим качеством и в соответствии с проектом. После окончания работ и ввода объекта в эксплуатацию подрядчик выдает гарантийный паспорт. И в течение гарантийного срока устраняет все недостатки за свой счет. Где здесь можно разворовать 60 % средств?..

Миф третий: подрядчикам выгодно работать некачественно, они «не несут ответственности за качество проложенных трасс». Это цитата из статьи К. Гурдина. Не хочу придирааться, но замечу, что слова «трасса» и «дорога» имеют разные значения. Рассмотрим этот миф по существу. Во-первых, в контрактах всегда предусмотрены штрафные санкции за выполнение работ с ненадлежащим качеством. После оплаты штрафных санкций подряд-

чик эти работы переделывает. Так, в ходе выполнения строительных работ в 2013 году в Кузбассе на подрядчиков были наложены штрафные санкции в размере 15 309 тыс. рублей. Самого заказчика в ходе работ постоянно проверяют различные контролирующие организации, коих в последнее время развилось великое множество. В «урожайные годы» у нас было и до семи проверок. Кроме заказчика ход работ контролирует лабораторная служба и авторский надзор, который осуществляет автор проекта. Во-вторых, в контракте прописаны и гарантийные обязательства для каждого конструктивного элемента. Для земляного полотна – 8 лет, для покрытия – 4 года. И все ремонтные работы после окончания строительства в этот период подрядчик выполняет за свой счет. Так что работать некачественно подрядчику просто невыгодно. И все досужие разговоры о том, что подрядчик может получить деньги на ремонт сразу после того, как он дорожку построил, ложь.

Миф четвертый: «для привлечения частных инвестиций в дорожный сектор широкое распространение в мире получила практика строительства платных автодорог».

«Эта практика широко распространена и в Европе, да и вообще в мире», – сообщает министр транспорта РФ М. Ю. Соколов [9]. То есть, по мнению наших путников, от бездорожья нас спасет создание платных магистралей. Буквально на днях Росавтодор, взяв в качестве образца Израиль, начал говорить о создании платных полос. Посмотрим, как на самом деле обстоит дело с платными дорогами за рубежом. Платных дорог нет в Бельгии, Австрии и ряде других стран Европы. В Великобритании есть платный проезд днем по некоторым мостам. В Германии плату на автобанах берут только с грузовых машин. У нас в России с 1 ноября 2014 года так же вводится плата с грузовых автомобилей массой больше 12 т – 3,5 рубля за км на федеральных дорогах. В США доля платных дорог составляет 0,13 %, в Японии – 0,8 %, во Франции – 0,8 %, в Бразилии – 0,04 %, самое большое количество платных дорог в Португалии – 1,66 % [10]. То есть говорить о широком распространении платных дорог в мире, мягко говоря, преувеличение.

В законе об автомобильных дорогах сказано, что платные дороги могут существовать только при наличии альтернативного проезда. Но у наших законодателей есть страстное желание заставить владельца машины платить как только он выехал из гаража, и вот уже пошли разговоры о том, что закон следует изменить... Недавний скандал с принятием и отменой ставок транспортного налога – это цветочки по сравнению с тем, что нас ожидает, если попытка перенести основную тяжесть расходов на развитие,

ремонт и содержание дорог на их пользователей будет воплощена в жизнь. Я уже не говорю о других негативных последствиях. Еще одна цитата: «Попытка перенести на автомобильный транспорт всю тяжесть расходов на развитие, совершенствование и содержание дорог в условиях России может привести к ограничению уровня душевых доходов населения и, следовательно, на снижение спроса на конечные продукты потребления. В этих условиях представляется более целесообразным сохранение целевого дорожного налога на бизнес в целом как уже установившегося и потому не оказывающего негативных процессов на рост инфляции в стране».

Выскажу свое мнение, что для создания сети автомобильных дорог в наших условиях целесообразно введение целевого дорожного налога или выделение на эти цели части налога на добавленную стоимость. И эти средства должны пропорционально распределяться между федеральными и региональными дорогами. Вводя плату за проезд грузовых автомобилей, поднимая акцизы на горюче-смазочные материалы, мы все равно перекладываем эти затраты на всех жителей России, так как в стоимость товаров и услуг неизбежно войдет увеличение доли транспортной составляющей. Уже сегодня стоимость перевозки одной тонны щебня часто бывает дороже стоимости материала. Как показала практика прошлых лет, отмена налога на пользователей дорог не привела ни к снижению стоимости товаров и услуг, ни к снижению инфляции.

Конечно, дорожную проблему можно решать по-разному. Вот министр транспорта в своем интервью [9] предлагает убрать грузовые автомобили, оставив дороги только для легкового и пассажирского транспорта. Москва уже закрыла въезд на свою территорию грузовому транспорту. А вот путники выступают с законодательной инициативой привлечь к уголовной ответственности дорожников, если ДТП случилось по дорожным условиям. Тогда давайте будем последовательны и во всех других случаях привлечем сотрудников ГИБДД – не обеспечили безопасность движения. Можно договориться до полного абсурда, но дорог больше не будет.

Современная история знает немало случаев, когда выход страны из кризиса обеспечила реализация больших инфраструктурных проектов. Наверное, пора прекратить вкладывать свои средства в иностранные бумаги под 2 % и одновременно брать кредиты под 7 %. Сегодня, когда на Россию ополчились наши западные «друзья» со своими санкциями, самое время заняться своими собственными проблемами.

Так уж случилось, что моя жизнь непосредственно связана с дорогами. Для меня дорога начинает-

ся с двух точек на карте мелкого масштаба и оканчивается подписанием акта ввода. Как правило, между этими событиями проходит несколько лет. И мне хочется верить, что проблема с дорогами когда-нибудь будет у нас решена, пусть и не при моей жизни.

1. Как поработали дорожные фонды / Российский дорожник. 2014. № 17.

2. «Газета RU» от 28.02.2013 г.

3. Табаков Н. В. Дорожный каркас России. Коллапс или путь в будущее / Архитектура и строительство. 2013. № 10.

4. Глазьев С. Идеал либералов – мертвая экономика и никакого прогресса / Комсомольская правда. 2013. 12 июля.

5. История дорожной системы США. URL: http://www.engineering_ru.

6. Ларионова Т. Муниципалитеты ответят за дороги / Автомобильные дороги. 2013. № 11.

7. Алексашенко С. Нет никакого особого пути / Огонек. 2014. № 19.

8. Автомобильные дороги. 2010. № 14.

9. Российский дорожник. 2014. № 4.

10. Мировой опыт создания и развития сети автомобильных дорог. 2006 г. Госсовет РФ. Москва.

11. Верховенская Л. Почему у нас километр дороги? / Российский дорожник. 2014. № 10.

12. Дороги России XXI века. 2014. № 2.

13. Механик А. Эх, дороги / Неделя. 2014. 9 янв.



Сергей
ПОДГОРНОВ

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА № 17 *

(7.02.2008 – 19.12.2008)

От автора

Записную книжку можно приравнять к сачку, поймавшему вместо бабочки случайную мысль или мимолетное наблюдение. Из этих отрывочных мыслей и наблюдений вырастает иногда небольшое эссе, а иногда и целая повесть. Тому, кто занят сочинительством, записные книжки необходимы. Но бывают случаи, когда заметки в одну или несколько строк превращаются в особый, самостоятельный жанр и становятся «Крохотками», «Затесями», «Опавшими листьями». Не пытаясь проникнуть в этот великолепный ряд, я тем не менее веду нечто подобное.

И, наконец, почему книжка № 17, а не бывшие до нее, к примеру, 5, 8, 14? Или не 19?

Не знаю. Так вышло.

Начинать не трудно, начинать легко. Ведь не догадываешься, что из этого получится.

Даже в диалоге с самим собой невозможно установить своих пределов. Не потому, что чудовищно необъятен, а потому, что пределы размыты.

«Будни». Не сюжет, а отношение к тому, что вокруг – вот главная цель. Шум времени разложить на составляющие.

Все к лучшему! Чем больше негодяев наверху – тем меньше среди нас. И нечего пытаться их оттуда сюда перетягивать.

Из «важных» вопросов, не волновавших меня ни с какой стороны, первым можно назвать еврейский.

Я прошел мимо школы, которую в детстве мысленно не раз поджигал, с наслаждением представляя, как она разгорается.

Я терпеть не мог, когда ошибки в тетрадях исправлял красным карандашом. А вот к синему относился спокойно. Вероятно, потому, что любая правильность всегда с ледяным оттенком.

Чудовищно разные пути, но даже и тут сближающие моменты: и Кафка, и Гашек не закончили свои главные книги – не успели. А еще (но это уже мельче) оба были не подарком для своих родственников.

Если где-то ждут Бога – он обязательно появится. И ему нечего делать там, где от него отмахнулись. Он не назойлив.

* Публикуется в сокращении.

Гнев, злость, мстительность разрушают всякого, кто ими наполнен. Но, если после краткого приступа гнева направить разгоряченную мысль в другое, творческое русло – это может оказаться продуктивным.

Зачем исследовать чужие характеры? С собой бы как-нибудь разобраться.

Школа не формирует человека. То, что получил (помимо аттестата), отправляясь в самостоятельную жизнь, оказалось настолько скудным, что пришлось начинать почти с нуля.

Только чтобы память не притуплялась, только – не это.

– Чужой народ не возлюбил, а от своего – с души воротит.

«Ушло, ушло...» Вранье это все. Никуда не ушло.

Прочнее неба нет ничего. Вот в нем и надо искать опору.

К своим текстам отношусь так: если живые – значит, будут жить, пусть и не напечатали. Ну, а если мертвые, то и хорошо, что не напечатали, и сокрушаться не о чем.

– Наше правительство заглядывает вниз, морщит лоб и диву дается: чем же мы тут занимаемся?

Надо вслушиваться. Как можно внимательней вслушиваться. У новых примет времени голосок поначалу тихий.

Улица Милицейская здесь соседствует с улицей Родины. Да и вся жизнь в России так устроена.

– Читателей не видно, а вот графоманов – без счета. Этикие сплошные островки при отсутствии моря.

Самое важное, что ты можешь сделать – это вовремя вскопать землю, посадить лук, морковь, чеснок, огурцы, помидоры, капусту. Картошку, само собой, посадить. А на все остальное, чем ты занят, еще посмотреть надо: достойно ли оно чего-нибудь?

Крапива на пустыре колыхается на ветру и напоминает морские водоросли.

Фальшь – это когда заранее знаешь, что будет. Когда люди не просто «вмещаются» в слова и поступки, которые кем-то прописаны, но еще и пытаются имитировать чувства. Альтернатива фальши не правда, а непредсказуемость. Театр фальшив, а футбол нет. Перечитывание книги тоже фальшиво, если нет желания хорошенько обдумать те моменты, которые в предыдущие прочтения обдумал неглубоко.

Оттуда, от звезд, приходит свет, который душа научилась преображать в тепло. И хорошо, что звезды далеко. Не ко всему, что охватывает глаз, надо приближаться.

Только загадка по-настоящему волнует. Найденный ответ, как правило, разочаровывает.

Проснулся ночью, лежал и слушал тишину. Вначале она была непроницаема, потом тихий звон возник в ушах. Потом почудилось, что звон идет с улицы. Все за окном переменялось. Загадочная, неподконтрольная жизнь происходила там.

Здесь день сменяется ночью и потом наступает вновь, а там, глубоко под землей, в заброшенных, темных шахто-

158

вых выработках, и времени никакого нет – все едино. Только разложение и накопление впрок неведомых сил.

Не каждое впечатление расшевеливает мысль. Иными впечатлениями восторгаешься бескорыстно.

Есть то, что уходит и становится историей – пусть даже историей отдельного человека. Однако большинство дней, недель, месяцев никаких следов после себя не оставляет. Прошлое – всего лишь островки памяти в равнодушном океане ушедшей жизни.

Я вернулся в свой город больше десяти лет назад и с тех пор пытаюсь вжиться в него. Не всегда успешно.

Интеллектуал – это тот, кто говорит такие вещи, которые расхожими могут и не стать.

Огород в мае зачаровывает. Ничего не было, и вдруг все растет.

Тот, кто идет навстречу, не виноват, что ему надо в другую сторону.

Неужто и там, в космосе, мы разминемся с Богом? Не потому, что не любопытны, а потому, что мы ему неинтересны.

Хорошая проза подвергает сомнению и устоявшиеся взгляды, и устоявшийся образ жизни.

Подлинный писатель – сколь бы ни был мал его талант – всегда обнадеживает читателя.

– В окружающем хаосе надо найти такое подходящее местечко, где не дует и откуда все видно. И никого не обвинять. Ведь не обвиняем же мы сквозняк – просто пересаживаемся подальше от форточки.

Священные камни – священные, несмотря на то, что кто-то гвоздиком нацарапал на них разные слова.

Их беда в том, что они сбились в кучку. Стиснули друг друга в «товарищеском кругу». Нет простора, чтобы оглядеться и нормально дышать.

Та же дурь, но помпезности больше.

Там же, в небе, парит иногда С. и кричит: «Привет, старик! Я тоже сказал свое слово в литературе!» Я машу руками, призываю спуститься, но – тщетно.

На весь Асинск человека два-три литературно грамотных. И это уже много.

Я приучился смотреть в небо, когда ходил в море. Там не на что больше смотреть, только на воду и небо.

Вот и наступает мой вечер: зрение меняется, старые очки не показывают того, что видел раньше.

Надо больше доверять жизни – она все делает вовремя.

Самый большой мой враг – приблизительность. Фальшивые переживания, надуманные чувства – это тоже приблизительность. И время, как ни странно, против меня. То, что сегодня ясно, как день, через два-три года время делает приблизительным.

Мне нравятся люди с виноватой улыбкой.

За тридцать последних лет я, конечно, изменился. Но ничего, и в этой внешности уже пообтерся.

У моего сына нет толстой кожи, он абсолютно не защищен, любое прикосновение для него болезненно.

И одному – плохо, и с людьми – плохо, и перед чистым листом – тягостно.

Жизнь прибывает к тебе новых людей и отводит старых. И так год за годом. А один и тот же набор друзей и знакомых вызвал бы желание удавить их всем скопом.

То, что прочно, крепко – всегда дождется своих певцов. Меня же волнует зыбкое и ненадежное, о чем нормальному человеку и петь противно.

Уход Родины – кажущийся, мнимый. Она только за угол свернула, ленинскую кепочку в кусты забросила и – обратно. А мы все шарим и шарим глазами и пытаемся узнать ее по кепочке.

Постыдно навязывать себя кому-то. Но, если не навязывать, тогда всю жизнь можно прожить в одиночестве. А одиночество нестерпимо, это я знаю.

Обижать человека необходимо. Обида – удар по самолюбию. Конечно, из возникшей трещины может хлынуть грязь. Но иногда и золотой песок сыплется.

Не сразу, но я научился сопротивляться телевизору. Я позволяю ему воровать мое время лишь в умеренных количествах.

Как все-таки увлекательно жить на земле! Просто жить – мучиться над рукописями, копать землю под грядки, знакомиться с новыми людьми, ухлестывать за женщинами. И умными книгами дополнять разнобразие жизни.

159 Я изжил в себе глупую страсть – непременно печататься. Зато желание высказаться, высказать свое обострено необычайно.

И зачем эти десять или пятнадцать красавиц на подиуме? Красота впечатляет, если она штучная.

Большое, конечно, и на расстояние видится, а вот нужное на расстояние можно и не разглядеть. Поневоле приходится быть зорким.

Смешно говорить: прочно ли я здесь живу? Опираясь на окружающее, я балансирую – как бы даже пританцовываю. Но это заставляет быть чутким и внимательным.

Оценивая наши дни, будущие историки напишут: это было время, когда Медведев с Путиным объявили борьбу с коррупцией. И добавят: попытка вытащить скелет из организма, не повредив самого организма, не удалась.

Ну как не согласиться с Леонтьевым: Россию надо подмораживать, чтобы не подгнивала. А то ведь наши шендеровичи никакого удержу не знают.

Хорошая книга не прочитывается, а вычерпывается. Есть редкие книги, из которых черпать и черпать.

Родня моя крепкая, укрепленная в своих домах и огородах.

Генис хорош, но слишком быстр. Он так скачет по страницам, что за ним трудно поспеть. Что-то не верится, что в картинных галереях он любит подолгу смотреть на пейзажи.

– Все пишут и пишут о ком-то выдуманном. Нет бы – про себя написать. А про себя не пишут: сказать нечего.

Я пишу для того, чтобы не терять надежды. Писательство это позволяет.

И слабость можно обратить в силу, если разобраться, в чем она заключается, разложить на составляющие и опираться на сильные стороны своей слабости.

У каждого дня свои размеры. Один крохотный, невзрачный, промелькнет, и не заметишь. Другой широкий, большой – длится и длится нескончаемо.

Что можно сделать с примелькавшимися буднями? Из них можно вылучить прелесть повседневности.

Сколько ж вокруг поводов для радости. Вот, к примеру, сегодня. Выпал снег. Мороз – минус пятнадцать. А ведь почти середина апреля. И радость в том, что эта иллюзия зимы скоро кончится.

Надо быть великодушным и прощать себе абсолютно все недостатки. Кто, как не мы, обязаны это делать.

Два милиционера – майор и капитан вернулись из командировки в Чечню, крепко выпили и решили прокатиться до поселка Рудничный. По дороге легковушка влетела под лесовоз. Оба – насмерть... Коварный случай подстерегает человека, когда он расслаблен. Случай так и ходит за каждым из нас, и хорошо еще, что использует далеко не все моменты.

Связи с родственниками, когда-то живые и полнокровные, теперь превратились в формальность. Эта формальность необременительна, потому что почти ни к чему не обязывает. И тем не менее важно знать, что связи все-таки существуют, и тешить себя иллюзией, что в случае чего на родственников можно опереться.

Портреты из большой комнаты я перенес туда, где компьютер, и повесил над письменным столом. На них бородастый дед вместе с бабушкой, потом – отец в гимнастерке и военной фуражке, и – отдельно – я, двухлетний, в панамке. Все, кроме меня, умерли... Глядя на портреты, я думаю: у тебя немного сил, но, пока жив, ты кое-что еще можешь.

У меня и платки носовые, в основном, дешевые, неподрубленные, – те, что дают на похоронах в память об усопшем.

Прежде чем на что-либо решиться, я взвешиваю, какие трудности могут меня ожидать. Если препятствия основательны – я легко отказываюсь, а потом жалею об упущенной возможности.

– Асинск – как раз то место, где хапнуть у государства – только ему на пользу. Здесь капиталы за границу не вывозят, их тут осваивают. И город лишь краше становится. Поднимаются аккуратненькие особнячки, прокатит по асфальту немыслимой цены иномарка. Чем больше хапают – тем богаче граждане и сильнее государство.

Родня дается кому в нагрузку, кому в наказание. А мне сильно повезло.

Коты похожи на праздных асинских мужиков. Они сломятся без дела, ухлестывают за бабами и орут друг на друга.

Что сказать мне о жизни? Ничего оригинального не скажу, но и упрекать ее не за что.

Пишешь, пишешь. А потом посмотришь – слова какие-то, какие-то фразы. Откуда я их набрал? Все рассыпается...

Скворец-переселенец. Сидит, приунывший, на проводе. Скворечников в округе – раз-два и обчелся. Тоже ведь жертва перестройки: не стало пионеров – некому делать. Напряги на скворечном жилищном рынке.

Никто не спорит: каждому приятно сцапать водоканал. Это ж не магазин какой-нибудь – сегодня есть, завтра нету. Здесь одних двигателей больше сотни. Если медь из них выдрать да в приемный пункт сдать – озолотиться можно.

Один крытый соломой поэт написал стишок следующего содержания: а кто он, собственно, такой, этот Пастернак, и почему не пошел добровольцем на фронт?

Не всякая вода протечет сразу от истока маленькой речки до холодного океана. Иной уготован извилистый путь через трубы, желудки, стиральные машины. И пока она смешается с соленой морской водой – много чего намотается.

Скверно, когда смотришь на предмет, и не возникает никаких мыслей. Значит, ты его уже «зализал» глазами.

У Толика В. короткие, жестко торчащие усы. Из-за них лицо кажется оперенным.

Рождение – это уже надежда. Надежда для тех, кто нас зачал, кто позвал нас в жизнь. Они думают, что мы будем лучше их или по крайней мере не хуже. А мы, такие вот все из себя, только и делаем, что разрушаем эту надежду.

160

Каждый вправе читать вслух, как он хочет – хоть с запинками, хоть без запинок. Но если с запинками – тогда лучше не в мэры идти, а куда-нибудь в другое место. Хотя, да, и в мэры можно.

А некоторые так сдвинули брови, что и сами, казалось, готовы были произнести что-нибудь значительное.

Женщины в нашей родне округлы, мясисты, но без той рыхлости, которая появляется от ничегонеделанья. Они сбиты, как тугие резиновые мячи. Они не курят, не изводят себя диетами, а при случае могут выпить наравне с мужичками. Всякая вшивота их стороной обходит.

Опечатка: «гадко выбритые щеки».

В чужом городе и шаг неуверенный.

Грязи в Асинске несколько больше, чем нужно для умиления.

В прозе слова не такие, как в поэзии – их значение другое.

Если ты не замечаешь в окружающем здравого смысла, это еще не значит, что его нет.

Набегающее время слизывает, как следы на песчаном берегу, то, что прошло. Держаться, кроме памяти, больше не за что. И даже экспонаты в музее говорят о чем-то другом, а не о том, что было на самом деле.

Если человеку не досаждают власть – значит, человеку хорошо. Хорошо-о-о!

Как и в советские времена, мы опять дружим с монстрами.

Первый вариант текста напоминает новую постель: здесь жестко, там неудобно, а тут и вовсе яма. Вот и разглаживаешь, выравниваешь, разминаешь, пока не добьешься нужного.

Писательство – это растянувшаяся на годы автобиография.

Притягательность Ф. объяснима: мелким стихотворцам и кумир нужен не крупный, чтоб хотя бы до колен доставать, а не до пят.

Дай мне власть – я был бы тираном похлеще Сталина.

Можно ли говорить со звездами? Да. Так же, как и с луной. Но не с солнцем. С солнцем получалось разговаривать только у Маяковского.

Под настоящее не подделаешься. Надо самому быть настоящим, однако и тогда качественный текст получается не сразу.

Если собрать то, что я написал осознанно, ставя определенные цели, – получится ли внятная картина? Не знаю, не уверен.

В противном случае – а случай, действительно, противный.

Успокойся: интересно не будет.

В перестроечной кутерьме требовалась осторожность – чтоб ни бесхозной доской, ни бесхозным заводом не зацепило. Ничейная собственность, за которую хватались десятки рук, перемещалась хаотично, часто в одних руках подолгу не задерживаясь.

Главное в жизни – процесс. И нечего волноваться о результате – результат известен.

Свет без препятствий вкатывался в окно, наполняя комнату сверху донизу.

– Все: в «Москву», в «Москву» – а мои стихи не берут. Значит, не узнать мне счастья.

Ну и что из того, что мне больше пятидесяти? Я огрузнел, но тексты не огрузнили. Или огрузнили? Именно огрузнения, жирноватости текстов больше всего боюсь.

Я сейчас прямо скажу: меня поразила их бестрепетность.

– Я так ей и сказал: глядя на тебя, у меня постоянное желание не сбежать, но – путешествовать.

Моя сознательная неполноценность. Они идеальны, они отсекали от себя лишнее. А я этим, лишним, живу.

Жизнь обтесывает каждого из нас именно так, как мы ей позволяем. И то, что остается, и есть характер.

Мои соседки настолько колоритны, что выглядят не совсем натурально, а будто бы из романов «почвенников». Только вот рожают не помногу.

Я влюблен в упругие тексты Довлатова.

Вижу ли я в своей собственной жизни смысл? Думаю – да. Он кроется в пристальном рассмотрении того, что меня окружает. И если случаются маленькие открытия, они доставляют подлинную радость.

Когда в моих делах намечается успех – Судьба меня от него отводит. Не раз бывало.

Если там можно встречаться, я бы хотел встретиться с отцом и попросить прощения. К стыду своему, я его плохо знал и пренебрегал беседой с ним.

У меня нет литературного окружения, из писателей только один знакомый: П. Он абсолютно невежествен, ничего не читает и суждения его неглубоки. И все-таки я слушаю его, как слушают старую пластинку – что-то она такое навеивает.

После побелки куда-то девалась иконка, висевшая на стене кухни. В доме стало меньше уюта.

Индивидуальной физиономии у Асинска нет. Это лицо в толпе, похожее на все другие лица.

Жить в Асинске – да, тепло относиться к нему – да. Но гордиться – вот уж нет.

Норовят утащить все, что можно. В этом есть мушкетерский азарт и удалство. Р-раз – и свистнул завод, словно на шпагу его наколол! Я завидую. Мне это не по силам. Как, допустим, не пройти по канату.

Цель в «Буднях» я наметил дерзкую: создать текст, который вобрал бы живую жизнь.

Смотрю в окно. Тополь шумит всеми ветками. А сверху на него наползают тучи. Если над тополем они серые, то у горизонта, откуда появляются все новые и новые, цвет их равномерный – синий и густой. И внутри глухое рокотание. Кому предназначены угрозы? Что надо этим тучам, чего они хотят, кроме как опустошить отяжелевшее брюхо?

Нет, не в напряженном, а в расслабленном состоянии надо писать прозу. И чтобы настроение непременно было хорошим.

Место и время: я живу в коррумпированном государстве, коррумпированной области, коррумпированном городе в относительно вегетарианские времена.

Гришковец, Солоух, Самойленко... По одну сторону – талантливые люди, по другую – безликое ничто.

Не следует засорять предложения не обязательными словами.

Надо записывать все, о чем думаешь. Тогда недостойных мыслей будет меньше хотя бы потому, что скверное фиксировать стыдно.

Я очень высоко ставлю литературу. Очень. Жизнь не сырье для литературы, она неоформленная ее часть.

Если вокруг враги – это значит, что мы сами никому не друзья.

Путь Фета. Вдали от неизбежной грязьцы, что лепится к литературе в больших городах, человек жил в глуши, занимался хозяйством и сочинял стихи.

Хуже плохой власти может быть только безвластие. В России – особенно.

Алексей Герман. За сорок лет – пять фильмов. Тщательность отделки, которой можно позавидовать.

Беспорядочное мышление означает отсутствие мышления, как такового. Внутреннее внимание ни на чем не сосредоточено, оно не фиксирует ни одного явления. Однако ощущение, что прилагаешь усилия, не покидает. Как если бы штангист выходил на помост, натирал ладони тальком, приседал, напрягался, вскидывал руки над головой, только вместо штанги – пустота.

Мне нужна такая работа, при которой все восемь часов голова моя была бы загружена как можно меньше. Нынешняя работа меня устраивает. Вполне устраивает.

Помню: защитив диплом, с каким наслаждением я совал в мусорный ящик тетрадки с конспектами. Лекции, записанные в них, мне и впрямь больше негодились. От университета я взял главное (то, что напрасно ожидать от школы): я научился думать, размышлять.

Все ухватки и приемы, которыми автор стремится оживить текст, – ничто. Текст жив не описаниями, а прозрениями.

Любой установленный порядок, по сути, лишь малая часть временно организованного хаоса. Поэтому порядок не может быть долгим и прочным. Порядок – это всего-на-всего болезнь хаоса.

А ведь вцепишься в эту скудную почву, в эту крапиву и лопухи, и как опалит: а почему бы мне на этой земле не жить?

– «Зачем ты в своей литстудии возишься с этими старыми мухоморами? Толку ведь никакого не будет!» – «Пусть пишут. Надо же людям когда-нибудь высказаться».

У тех, кто приходит в литературу от станка и уверен, что «знание жизни» – это основа, а другие знания не обязательны, – и мозговые полушария мозолистые.

Собственность ходит по рукам. В дырявых она не держивается.

Старые фильмы про колхоз. Колхоз устроен, как пчелиный улей. Жужжат рабочие пчелы. Дурака валяет лишь трутень. Но и он в финале становится рабочей пчелой. Противоестественное глумление над природой.

Бывают тексты: прочитал – и тут же забыл. Абсолютно. До последней запятой. «Дом на набережной», «Пушкинский дом»... Может, дело в домах? Ведь, допустим, «Герой нашего времени» или «Москва – Петушки» врезались в память сразу. И навсегда.

Зуд переустройства Асинска (а такое со мной бывает) желательно давить в зародыше. Ведь и остальное население имеет точно такие же права на город, который я считаю своим.

Люди не всегда вписываются в пейзаж. Часто они из него выпячиваются.

Леденящий душу холод, от которого разум делается внимательным и медлительным.

Сразу после смерти покойник, скорей всего, отдыхает. Отдыхает от болячек, вогнавших его в гроб. Он с изумлением прислушивается к себе. В груди болит? Не болит! А поясница? Тоже. И ему наплевать на суматоху вокруг. В этом смысле он – эгоист.

В минуты уныния думаешь о чем угодно, только не о том, что и эти минуты пройдут.

Меня угнетало не одиночество – нет, а мерзкое ощущение никому не нужности. Вот. Когда ты твердо знаешь, что никто не придет и не скажет: «Слушай, ты где потерялся? Без тебя так плохо...».

Воровство в Асинске настолько захватывает, что в него втягиваются отдельные иностранцы. Один австриец умудрился стащить химический завод, но помыкался, помыкался и бросил за ненадобностью.

Я думаю, кружка «бархатного» пива и блюдец сушеных кальмаров были бы этой депутатше к лицу.

Я постоянно отступаю. Не самая, кстати, плохая привычка.

Надо обмануть себя, обмануть! Придумать какое-нибудь хобби и – увлечься.

Большая глупость – обнадеживаться. А я и не считаю себя умным.

Терпение и еще раз терпение. Можно подумать: им делать больше нечего, как только рукопись твою читать.

Почти каждый норовит плюнуть на власть, представленную сволочами и придурками. А если нежно полюбить ее? Неказистую, как березка у дороги? Вен. Ерофеев взял и полюбил, хотя власть ему не поверила – дулась, сопела и глядела исподлобья.

У меня амбиции совсем небольшие. Если что-нибудь не так, я не начинаю кроить Российскую Конституцию под себя, а стараюсь приспособиться к той, какая есть.

Если Бог вмешивается в мои дела – разве я против? Но это вряд ли дает мне право вмешиваться в дела Бога.

Как бездумно я разбазаривал время по молодости. И хорошо, что разбазаривал – теперь есть, что собирать!

И начал я глумиться над собой. Да что толку.

«Никто из моих учеников не понял моей системы», – сказал Гегель. А из моих учеников мою систему кто поймет? Ведь я и сам: то понимаю ее, а то в недоумении – что за система такая дурацкая?

Я предполагаю, что с возрастом буду наживать те же болячки, что и у мамы. И, может, тогда стану лучше понимать ее. Она знала многое из того, что меня ожидает.

Я похож на отца в привычках, в поступках; и это придает мне уверенности.

Отец умирал достойно. Он знал, что болезнь неизлечима, но ни жалоб, ни капризов от него никто не слышал. Вот и мне бы в мои последние дни такое самообладание.

Я всегда знал, что буду жить не так, как отец, а по-другому. Но во мне течет его кровь, и, насколько могу судить, ее с возрастом все больше.

Рукопись «Забег неудачников» пропала где-то в Москве. Название оказалось пророческим.

Люблю себя, когда обуреваем надеждами. Но это бывает нечасто.

Когда человек не развит, он иногда чудеса вытворяет. Например, безумные пенсионерки учат наизусть поэмы графоманов.

В идеале свой город должен быть, как разношенный пиджак: не жать в плечах, согревать в холод и иметь карманы, в которые ты засовываешь всякую мелочь.

Даже навязчивые мысли недолговременны. В отличие от постоянно растущих волос. Странно это. Ведь голова на все одна.

Мы столько раз поворачивали Историю вспять, что она уже ошалела и не разбирает дороги.

Мы по-прежнему в строю, мы шагаем в ногу... А то, что раскраска знамен впереди меняется, это нам по барабану.

Рядом с глубокими мыслями уместно наличие и мелких, и мельчайших.

В футболе, как и в литературе, усилия не всегда дают нужный результат. Иногда на эти усилия смотреть больно.

Асинск неровно намазан на ломтик земли, висящий над пустотой старых шахтовых выработок.

Чем старательнее пытаешься сгладить одиночество (компьютер, книги, телевизор и т. п.), тем дальше уходишь от людей.

Когда видишь себя неправильно, преувеличивая свои силы, то и цели ставишь неверные. Но что важно – их иногда достигаешь. Это значит: при движении к цели ты изменился сам.

Вот Виталий Иванович. У него маленькие глаза на выкате. Однажды его сильно что-то удивило. С тех пор так и 163 ходит.

В детстве я любил бороться с дядей Петей и, пятилетний, захлебываясь счастливым смехом, валил его на пол. Я еще не знал, что значит «поддаваться».

Хорошо, когда не только имеешь две-три реальности, но и живешь в каждой из них.

Где бы я ни работал, на всех работах любил только одно: час обеденного перерыва.

Чужая банальность не так уж плоха. Она вроде чернозема, на котором можно возделывать грядки.

Когда известная плавбаза со всеми механиками, бабами, штурманами, консервными банками и гофтарой причаливает к берегу – никто не говорит, что это пришвартовались «50 лет Октября». Нет, «Полтинник» – и все.

Ему ведомы дела наши, но пока Он не вмешивается – значит, мы еще не совсем испаскудились.

Когда матушка, устав от болячек, призывала смерть, я был уверен: Он где-то рядом и ничего плохого не допустит.

К какой истине мне стремиться, если она вокруг? Куда бы я ни пошел, я вечно на нее натыкаюсь. А выпью если – она подкатывается под ноги. Я знаю: истина – это не свет, истина – это помеха.

Мне неведомы замыслы Твои. А если б и знал – разве что-нибудь понял.

И всю жизнь я выполнял работу, к которой не лежала душа. А ту, к которой лежала, – урывками, в промежутках, в утренний час до выхода на «дежурку».

Работая над повестью, не я диктую условия тексту, но текст, показывая свои слабости, подтягивает меня к себе.

Заспанные мысли. Т. е. мысли, пришедшие ночью, но из-за лени подниматься и записывать – утром не вспомнил.

И, возвращаясь к себе прежнему, опять придется пройти через разные паскудства.

Своим одиночеством я чаще всего тяготился, а ведь им дорожить надо и никого к нему не подпускать.

Моя работа, несмотря на кажущееся бездействие, мучительна. Я пропускаю сквозь себя потоки пустого времени, стремясь задержать хоть какие-нибудь крохи; допустим: рассуждения Набатникова о дисциплине, сочинение глупого ответа на глупый запрос из городской администрации, ликвидацию старого тополя за окном. И чем меньше крохи, тем больше усилий тратится на их задержку.

Желание обрести известность у меня есть, но оно спокойное, не будоражит. Отрезвляет вот что: смог ли бы я дальше нормально работать, начни мои вещи печататься где-нибудь в центре?

Я серьезно отношусь к своему положению мелкого чиновника, поскольку оно дает мне средства для жизни. Но я ненавижу то, что мне каждый день, кроме выходных, приходится ездить на работу. Работа отнимает массу замечательных утренних часов, когда голова ясная и пишется легко. Ежегодный месячный отпуск – вот моя отдушина. Но к концу его я основательно выжат и ни на что не способен. И я даже рад, что надо возвращаться на службу. Лучшим вариантом было бы до обеда находиться дома, а после обеда в конторе.

Короткие периоды одиночества – благо. Но я не могу быть долго один. Я ощущаю это не как свободу, а как брошенность. Ржавое велосипедное колесо на обочине дороги.

Не приманивать смерть. Никогда. Даже в шутку. Она шуток не понимает.

Есть признаки, позволяющие сказать, что я веду себя не так. От меня отворачиваются, не ведут со мной разговоров и старательно делают вид, что меня нет.

Переделать жизнь, появившись такая возможность – годов не хватит. Столько глупого было и пошлого, что легче было бы прожить совсем другую, новую жизнь.

Я выгоняю из себя то, что мешает: лень, апатию, безчувственность. Сами они не уходят. И хоть твержу им: «Идите, идите и не возвращайтесь!» – они постоянно возвращаются.

Я оседлый человек. Но при условии, что родного вокруг больше, чем чужого. Если чужое перевешивает, я вытаскиваю корни и качусь туда, где, как мне кажется, будет все наоборот... Теперь я в Асинске. Дальше катиться некуда.

«Дневники» Кафки мне, помимо прочего, нужны в качестве камертона.

Телефоны в Питере не отвечают. Жизнь в Питере замерла.

Моя внешняя жизнь не блещет разнообразием, но это меня мало волнует. По-настоящему гнетет, что и внутренняя почти такая.

Любые социальные потрясения бюрократия проходит с минимальным ущербом. Какую бы идеологию на нее ни натянуть, она обязательно, даже тесную, разносит и делает удобной для себя.

Фальшивого в моих записях больше, чем нужно.

Чрезмерностей хочется не от жадности – от недостатка.

«Она говорит, что я неуступчив. Но куда уж дальше отступать, если я сдал все свои позиции. Самое тяжелое – бороться с теми, кто тебе близок».

Идиотизм – это всего лишь другое мировосприятие.

Ну что, ты посмотрел на город? Задерни шторку и уйди в себя.

Одиночество можно заглушить только безмерностью. Безмерностью общения, безмерностью еды, безмерностью выпивки.

Обведешь взглядом улицы: вот он – твой город перед тобой. И дыхание перехватит... Что это – злоба, отчаянье? Не восторг, это точно.

Асинску и положено быть в Сибири – хотя бы на полгода снег укрывает дела рук человеческих.



**Василий
КИСЕЛЕВ**

РОЖДЕННЫЕ В СССР. КАВАЛЕР «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЫ»

ПЕСНИ. РЕКА. ПЛАМЯ

...Я познакомился с ним на Всекузбасском фестивале бардовской песни «Зори над Томью». Ежегодно, летом, на берегу Томи, близ деревни Журавли проводится этот фестиваль, куда со всей Сибири съезжаются поющие поэты, выступают, знакомятся, общаются. «Наша кузбасская Грушинка», – улыбается Татьяна Болотова, организатор этого мероприятия. «Где-то далеко-далеко, за уральскими горами, течет величавая Волга, на берегу которой каждый год, проводится Грушинский фестиваль бардовских песен. Велика Россия! Текут на север, на юг и на восток к океану братья и сестрички Волги – Иртыш, Обь, Томь, Ангара, Амур, Зея... И почти на каждой из них проводится свой фестиваль авторских песен», – поясняет Татьяна... Вечер, костер, звон серебряных гитарных струн, огромная луна напомнили мне мою далекую юность. «Искры камина горят, как рубины, переливаясь огнем голубым. Из молодого, цветущего, юного стал я угрюмым, больным и седым...» – ля-минорно пел парень в черной кожаной куртке из Мариинска. Так уж устроен человек, что везде, где б он ни был, ищет своих земляков, и когда объявили: «Поет Геннадий Лузянин, поселок Красный Брод», – я восторженно воскликнул: «Бог ты мой! Земляк! Интересно! Надо бы встретиться, поговорить...» Я тогда сотрудничал внештатно с одной газетой, где вел рубрику «Герои среди нас», и в каждом своем собеседнике видел потенциального главного персонажа своих будущих статей. Геннадий Лузянин исполнял песни на стихи своей жены Ирины Воробьевой, и эти песни всем очень понравились. Мы познакомились. «Пенсионер Гена», – представился он и протянул руку. Этого статного, молодежничавшего мужчину трудно было назвать пенсионером, – если пенсионеров ассоциировать с сидением на лавочке, домино, скепсисом, нытьем, сплетнями, вечными жалобами и огульным охаиванием всего и всех... Нет! Гена (позволю так его называть, ибо у нас не большая разница в возрасте) был другой: веселый, талантливый, интересный собеседник. Завязался разговор, зазвучали серебря-

ные струны его гитары, плыли песни над ночной Томью. Изредка плескалась какая-то огромная рыбина. Неподалеку, возле своего костерка, расположились кружком парни и девушки. Одна из них, с белокурыми выщипанными локонами до плеч, в синем спортивном костюме, пела красивым грудным голосом: «Весна, апрель!.. В тайгу умчались двое, и на снегу не видно их следа. А над моею над самой головою горит огромная Полярная звезда. И блеск Полярной меня зовет и манит, Поэму Встреч читаю я с листа...» «Любимая!.. Возьми ее на память! Пусть для тебя горит Полярная звезда!». Отблеск пламени плясал на щеках, волосах девушки, на деке ее гитары... «Боже правый! – промолвит Геннадий. – Как же она похожа на мою Алену!.. Алена... Алена... Где ж ты теперь?..» – задумчиво добавил он, вспоминая свою первую любовь... Я бросал дрова в костер, они с треском разгорались, салютуя искрами лету, реке, звездам, ушедшей юности... О волшебная пора нашей юности! Где, в каких краях отзвенели твои синие колокольчики?... В каких мутных водах черных дней утонул твой златоглавый Китеж?... Нет мне ответа... И только быстрая Томь несет свои воды на Север, чтобы, обнявшись с Обью, течь к океану... Было уже далеко за полночь, кто-то ушел спать в свои палатки, мы пили крепкий чай, читали свои стихи, и я попросил Геннадия рассказать немного о себе...

МОНГОЛЬСКАЯ ОДИССЕЯ ГЕННАДИЯ ЛУЗЯНИНА

– Родился я 27 сентября 1953 года, окончил в 1970 году десятилетку и сразу пошел работать в мехцех. Ну, думаю, поработаю тут до армии. Ушел в армию в 1971 году, служил в поселке Пограничный Приморского края, укрепрайон там, пограничные войска, и 28 мая каждый год я отмечаю День пограничника. Ну хоть я и по связи, но тем не менее пограничник. Два года пролетели как один день. После демобилизации вернулся в родной Красный Брод и опять устроился на работу в свой мехцех, меня там ждали... Однажды увидел бурстанок, который нам привезли на ремонт, и спросил мастера: «Что это за техника?». Заинтересовался... «Буровой станок 2СБШ-200», – ответил мне Иваныч, и я решил пойти на курсы. После окончания этих курсов стал работать на бурстанке... На дворе стоял 1975 год... В то время было модно работать в одно лицо, до тех пор, пока на Новосергеевском разрезе не придало машину. Он пошел деталь менять, зажал штангу плохо, и она упала на его руки, он стал замерзать, кричать, пока кто-то его там не нашел... Его услышал белазист, проезжавший мимо, ос-

вободил, и с той поры стали работать в два лица: помощник и машинист...

...Так я и работал до 1982 года, и тут мне предлагают поехать в командировку во Вьетнам. Что-то я начал раздумывать, ехать не ехать?.. Во второй раз предложили, опять во Вьетнам, не поехал... Поехал Чернов Иван Федорович. А в третий раз предлагают: «В Монголию поедешь?..» Ну я и согласился... Уехал в Монголию в 1982 году, оформил документы через «Зарубежуголь»... Там тогда открывался молодой Баганурский угольный разрез и нужны были специалисты по обучению местного персонала... Баганур – это небольшой город в три тысячи жителей. Бурые угли там вертикального залегания... Идут вот ЭШ15/90, ЭШ20/90, «шагари», вскрывают пласт угля – добычные экскаваторы, здоровенные монстры. И следом идет уступом другой экскаватор и эту яму засыпает, будто и не было ничего... Отличная рекультивация! Нет там этих страшных ям «лунного пейзажа». Потом бульдозера – раз!.. раз!.. – зачистили и хоть боком катись на легковушке! Уголь, конечно, уступает по качеству нашему, бурый – одно слово, я его в Кузбассе никогда не видел и здесь встретился с ним впервые.

– Что там, в Монголии, понравилось?

– Рыбалка! Отменная!.. Ах, каких я там тайменей вытаскивал! Красавцы! Японский бог!.. Я ведь на Родине ничего кроме окушков и карасей не видывал, а там такая рыба: и ленок, и хариус, и таймень! Просто обалденно!.. Хотя там мы и на разрезе были, но совсем недалеко обитала непуганая рыба. В четырех километрах от города протекала река Керулен, по ней мы иногда уезжали дальше на моторке километров за пятьдесят... Такое ощущение: приедешь, и кажется, что здесь не ступала нога человека, до чего все чисто, нет мусора, следов... Никаких следов! Прямо Робинзонами себя чувствовали! Однако, конечно же, был тут человек, конечно, был... Где-то здесь неподалеку, как гласит легенда, была могила Великого Монгола – Чингисхана, но, несмотря на многочисленные поиски, ее никто не нашел... Не дается ханское золото в алчные руки кладоискателей...

Выпрыгнет к небу, будто синий марлин папы Хэма, здоровенный тайменище, резко натянется – словно струна! – леска. Начнется борьба Человека и Рыбы, не на жизнь, а на смерть! Рыба – не мальчик для битья, она еще покажет себя!.. Ломается катушка спиннинга, Геннадий наматывает на ладонь леску, она режет кожу, врезаются все глубже и глубже в плоть, будто раскаленный нож сквозь масло, капает, капает его русская кровь в монгольскую реку, теперь они побратимы, братья по крови, русский

парень Геннадий и монгольская река Керулен, поившая своими водами конницу Чингисхана, помнящую много чего на своем долгом веку... Бьется, бьется таймень – Красава! – но круги его все ближе и ближе к берегу. Геннадий шепчет: «Врешь, не уйдешь!..», и уставший Человек вытаскивает уставшую обессиленную Рыбу на пологий берег... Бежит, бежит река, падает за сопку пурпурное солнце. Вечереет... Геннадий закуривает папиросу, глядит на Рыбу. Теперь можно и передохнуть. В этом поединке он – Победитель!..

– Ну вот, стал обучать я монгол, сначала работе на бурстанках. Правда, бурстанки там – СБР-160, шнековые, восемь метров шнеки, у нас таких нет. Учил, как нужно его эксплуатировать, сам немного подучивался, работа не стояла на месте... Если что у моих учеников не получалось, они у меня уточняют, вторая группа – у первой учится. Я по бурстанкам из Союза один был инструктор там. Так же по одному человеку было по экскаваторам и по БелАЗам инструктора...

Кружит, кружит холодный ветер, вздымая снежную пыль... Вращаются, вращаются шнеки, и острые, как ханские стрелы, коронки вгрызаются в мезозой и более поздние эпохи, тревожа вечный сон соратников Чингисхана. Недовольно бормочут они в своих курганах, посылая проклятья прогрессу и тем, кто их разбудил... Геннадий, словно Прокоп из чапековского «Кракатита», колдует над аммоном, засыпая его в набуренные скважины, помогают ему монголы. КОНТАКТ! ЕСТЬ КОНТАКТ! ВЗРЫВ!!! Сотрясаются основы мирозданий, хмурит брови вечно улыбающийся Будда, летят к черному небу полуистлевшие щиты, мечи, наконечники копий сподвижников Великого Монгола, летят к звездам бивни мамонтов, зубы драконов, останки кочевников и черепа их лошадей... Не все перетерли в пыль Жернова Времени, не все утонуло в зыбких песках прошедших Эпох... «Взорвано! Уложено! Сколото! – бурое монгольское золото», – бормочет, перефразируя Высоцкого, Геннадий... На того, кто сегодня движет горами, на русского парня Геннадия, монголы глядят с благоговением. Сейчас, здесь, в карьере – он подобен Богу...

– Контракт у меня подходил к концу, и больше не было возможности его продления по этой специальности, и нужно было возвращаться в Союз. Но я-то работал еще и в мехцехе, довольно долго, знал эту кухню, имелись неплохие навыки, а там как раз сдавался в эксплуатацию огромный мехцех, прям как небольшой завод... А еще специфика работы бурстанков там такая: пород крепких, скальных, как здесь, у них нет, в основном мы бурили зимой по мерзлоте... А летом там бурильщикам делать нечего, «шагарь» и так все возьмет... Сам разрез –

шесть миллионов проектной мощности бурых углей... И вот сдается механический цех, станки надо запускать, осваивать, почти все они – гидравлические, а мне все это оборудование давно знакомо... Пресс там был – шестьсот тридцать тонн усилия, огромный пресс! Поршень – метр с гаком в диаметре! Они, монголы, не фурычили ничего в гидравлике, а там все – гидравлика! Но я разобрался с этим прессом, отрегулировал его. Он стал работать. И пошел я как инструктор по механическому оборудованию. Монгольский механик там был – мой ученик. Были наладчики, были слесаря...

...Кружится, вертится шар голубой – Земля, день сменяет ночь, летит, летит по эллипсу вокруг Солнца, повинувшись законам Создателя, весну сменяет лето, осень – зима... Как быстро минул год! Вращается шпиндель бурстанка, вращаются шнеки, вращаются коронки, растет количество скважин. Позади остается дырчатая земля, будто пошехонский сыр. Геннадий смотрит на восток. Там, в столице, его уголь ждет прожорливый Молох – Улан-Баторская ТЭЦ, которая требует десять тысяч тонн угля в сутки. Ревут сирены, грохочут взрывы, освобождая пласт угля от пустых пород. К 15 декабря будет выполнен годовой план. Вращаются генераторы электростанции, ток течет по проводам в самые дальние монгольские поселения... Скоро Новый год... Где-то там, за сопками, есть страна Сибирь, седые выюги занесли мамино крыльцо, лохматый Шарик ходит по цепи, глядит с портрета девичье лицо... Геннадий закуривает, отхлебывая глоток крепкого чая. Над сопками встает алое солнце. Помощник-монгол старательно укрывает мешками набуренные скважины... Как быстро минул год!..

– Были там кое-какие невспашечки, например, полетела огромная шестерня на дробилке. Привезли запчасть... Надо на одну шестерню одеть другую, они и так и сяк, но не получалось... «Не ту деталь привезли...», – говорит монгол. «Но там же по документам, по чертежам заказали, по кинематике». Собрались все и говорят: «Не та деталь!..» Но так получилось, что я – раз! – и одел эту шестерню вовнутрь другой!.. Ну а те там уже рапортуют, рапорт пошел: «Японский городской! Не та деталь!..» А это же опять транспортные расходы – везти новую, возвращать старую. Я звоню, чтобы они отложили эту депешу на «верха», даю отбой всей этой лабуде. Они были уверены: «Да не может быть!.. Зубья там, модуль такой-то, профиль зуба вроде как другой, не должен одеться!..» И наш главный механик согласился с этим. А я – раз!.. – и одел! Были и другие там нештатные ситуации. Допустим, лебедку, которая вагоны толкает, тепловоз раздавил... Мне

монгольский главный механик говорит: «Ну что, сделаете?» «Ну, сделаем. Почему нет?.. Посмотрим, объем работы каков...» – «А за сколько?» – «Ну, дня за четыре – пять». – «А побыстрее?» – «Ну не знаю, если ночами работать будем...» И сделали, ничего страшного... Лебедка стала работать.

Какие казусы были в обучении монголов? Есть там хорошие парни, смекалистые, понятливые, а были и не очень... Токаришки, в основном, там девчонки, лилипуточки такие: «Геня!.. Геня!..». Они никак не могли выговорить «Гена». Ну и вот... Молодцы, в общем-то... Но иногда попадались и «дубовые». Однажды в детали дробилки нужно было просверлить отверстие диаметром в шестьдесят миллиметров. Положили эту деталь на радиальный сверлильный станок, настроили подачу, настроил я обороты. Как известно, существует аксиома: чем больше сверло, тем меньше обороты, и наоборот. Настроил я все, сделал пару отверстий, подзываю ученика и говорю: «Делай, как я! В том же духе!» – «Понял!» Я ушел по другим делам в другой конец цеха, через несколько минут возвращаюсь назад. Смотрю, он хватает эту стружку, выходящую из-под сверла, и, хлоп, обламывает! Я увидел, испугался, подбегаю: «Ты что делаешь? Нельзя так!» Он смотрит на меня... Я говорю: «Тебе руку вот так разрежет!» – показываю. «Стружка, – говорю, – как острый нож! Кинжал! Ятаган! Ты понял?» – «Понял...» Опять иду минут через двадцать и думаю: «Как он там?» И вижу: опять ломает стружку рукой, паразит. Будто этим хочет помочь сверлу... Да что ты будешь делать! Я говорю: «Я сейчас пойду к начальнику цеха Чемидоржу (Чемидорж был начальником цеха, хороший мужик!) и скажу ему про тебя, что ты не слушаешься! Нельзя рукой под рабочее сверло лезть!» Он: «Ничего, Геня! У меня – верхонка!» Я говорю: «Станок твою верхонку в лоскуты порвет. Не делай этого больше!» – «Ладно». В третий раз иду, и у меня на глазах – как резанет ему! И он схватился за руку, кровь хлещет. Я подбежал – хлоп ему подзатыльник! И говорю: «Беги в медпункт, я тебе говорил, что нельзя так делать!»

...Бегут, бегут первые весенние ручьи, скоро Байкал сбросит лед. Окончатся эти бесконечные выматывающие душу песчаные бури, вот-вот зацветет вишня, и охватит Геннадия темная тоска... Домой хочется!.. Как там мама, отец?.. Как Ирина?.. Как сыночек Женя?.. Стал он думать о них много по ночам, не высыпаться... А какой с невыспавшегося работник? Нет, думет, так дело не пойдет! Дай, думает, песни писать начну, ведь музыкальную школу по классу гитары окончил, все какое-то отвлече-

ние... Уезжая из Союза, с собой целый чемодан книг взял! Есенин, поэтов Серебряного века, Гумилева, фронтовиков наших – Левитанского, Слуцкого, Поженяна, а также – Рождественского, Вознесенского, Евтушенко. Он ведь с детства поэзию любил. «Сережка ольховая» – Боже правый! Какая же прекраснейшая песня!.. Сидит, мелодию подбирает к чужим стихам, понравилось это дело, втянулся... А то – хоть криком кричи, как домой охота!.. Оттуда, из Монголии, растут крылья моих сегодняшних песен...

– Улепетывали, словно молодые сайгаки от пуль охотников, годы... Все задачи, которые ставило наше руководство, мы выполняли... Работали на совесть... И вот меня летом 1987 года представили к награде – ордену «Полярной звезды». Собралось нас в Улан-Баторе человек шестьсот, праздник большой был. Зал огромный. И вдруг ведущий объявляет: «Орденом «Полярной звезды» награждается Геннадий Леонидович Лузянин!» У меня аж мурашки по спине побежали... Двоих нас наградили этим орденом, остальных медалями. Приятно очень было. Так Монголия благодарила нас, русских, за самоотверженный труд.

...Когда вернулся в Союз, пошел работать в свой родной бурцех. Работали хорошо, не хуже других. Получил новый бурстанок 5СБШ-200, и давай мы со своей бригадой рекорды ставить: рекорд сменной производительности – триста девяносто погонных метров за смену! И рекорд суточной производительности – семьсот девяносто погонных метров за сутки! Наша бригада гремела!.. Я стал полным кавалером «Шахтерской славы»... Вот и все, собственно говоря... Время текло, менялись лидеры. Славы мне хватило года на четыре, а потом другой парень побил все наши рекорды... В 2005 году я вышел на пенсию. Так и закончился мой трудовой стаж – без малого тридцать пять лет! А вообще-то, совокупный трудовой стаж династии Лузяни-

ных, включая дядьев и племянников, триста пятьдесят лет! Это в пять раз больше возраста поселка... Вышел на пенсию... Но без дела сидеть не люблю: я стал писать песни и участвовать во всех культурных мероприятиях, проводимых на Кузнецкой земле, вместе со своей женой, поэтессой Ириной Воробьевой... Гляди-ка, рассвет над Томью уже занялся, давай Васек, хоть часок покемарим...

НОЧНАЯ ДОРОГА ДОМОЙ

...Закончился песенный фестиваль, вечеровые зори опускались над Томью. Участники и гости собирались домой, укладывали палатки, чехлили гитары... По решению жюри, Лузянин Геннадий и Ирина Воробьева стали лауреатами фестиваля и были награждены почетными грамотами и подарками... Мы, собираясь домой, прогревали моторы своих железных коней. Над деревней вставала огромная луна, словно большущий новогодний апельсин из детства, проклюнулись первые звезды... Прогуливаясь по летнему небосклону, Большая и Малая Медведицы лакали Млечный Путь, гордо сияла Полярная звезда... Откуда-то из поднебесья вдруг нежданно-негаданно зазвучала музыка: «Над земляничными полянами, где повесть дней июль верстал – взойдет звезда моя Полярная, моя прощальная звезда... И поезда кричат, как пьяные, вздымая пыль чужих дорог... Гори, сияй, моя Полярная, – с тобою я не одинок... Меня ты помнишь «хлопцем гарным» далеких лет... забытых чисел... В моих скитаньях ты, Полярная, была частичкою Отчизны. Поляны запах терпко-пряный напомнит о годах далеких... Гори в ночи, моя Полярная, стучи в окошко к синеокой... И в лунном свете окаянном – мелькнет... поманит чей-то стан... Над земляничными полянами взойдет Судьбы моей Звезда...». Мне подумалось, что на таких людях, как Геннадий Лузянин, держались и держатся село и город, мегаполис и полустанок, деревня и столица... Да и вся наша Россия.



КРУГ ЧТЕНИЯ

ЦАРСКИЙ ПОДАРОК СИБИРСКОГО КНИЖНИКА

Вечером вдруг остро вспомнился красноярский библиофил Борис Николаевич Варава, недавняя встреча с ним. Он записал мой точный почтовый адрес, обещал выслать книгу своих библиофильских воспоминаний, которая должна была выйти вот-вот.

А на следующий день я получал на почте его прекрасно изданные «Воспоминания сибирского книжника и антиквара». Вот и спорьте с тем, что не бывает точных предчувствий.

Книга великолепно внешне во всех отношениях. Серебряное тиснение на корешке и лицевой стороне обложки лишний раз подчеркивает страстное увлечение собирателя – Серебряный век русской культуры. «В тему» нарядные форзацы, иллюстрирующие книжное направление собирателя: знаменитые книжки и искусство гравюры – рисунки, экслибрисы, акварели, малая толика из коллекции автора.

А еще и автографы Серебряного века (совсем не случайно на титульном листе к заглавию добавлены слова: «В поисках Серебряного века»), на книгах, автографы-письма, в числе которых и письма открытые, записки самого разного назначения, листы, к которым прикасалось перо поэтов, писателей, художников, иных знаменитостей тех легендарных времен. Неутомимое собирание автографов – одно из основных коллекционных направлений сибирского уникала Варава, о чем напоминает суперобложка, с разбросанными по всему полю словами, писанными в благословенное для собирателя время замечательными людьми.

Книга имеет довольно большой тираж по нынешним временам – тысячу экземпляров, но из них – только сто нумерованных (вот это для избранных), включая десять особых, в цельнокожаных переплетах. Опять-таки в полном соответствии с библиофильскими традициями в нумерованные экземпляры вложена цветная подписная ксилография М. Верховланцева с экслибрисом Бориса Варава.

Я не могу точно вспомнить, как и когда познакомился с собирателем на родной для меня красноярской земле. До знакомства регулярно наезжал в город моей студенческой юности, с непременным посещением антикварных магазинов, принадлежащих Борису Николаевичу. Время было страшноватое, инфляция свирепствовала, книги, как и все остальные товары, сильно тяжелели в ценах, а тут я увидел прекрасные, ранее труднодоступные издания, в числе коих были и с экслибрисами знаменитых питерских и московских библиофилов. На некоторых книжках была лаконичная надпись: «Б. Варава». Я легко догадался, что это книги из библиотеки собирателя и антиквара. Как узнал позднее, что-то он изымал из личного собрания и пускал в продажу, какие-то издания находил в лучшем виде.

А прославленная «Академия»! Десятки томиков переключали после посещения его магазинов на мои книжные полки. А зарубежные издания классиков русской литературы, записки заокеанские, альбомы, журналы начала XX века, – чего только ни добавилось в моей библиотеке!..

Радость бесед, пусть даже они и были короткими, но буквально переполненными информацией о библиофильских ценностях, случаи из его богатой библиофильской и антикварной жизни – это же настоящее счастье!

И вот теперь эта роскошно изданная книга!

Борис Варава начинает со студенческих воспоминаний о городе Томске. Я бывал там неоднократно, покупал и привозил оттуда книги, каких в нашем Кемерове днем с огнем. Даже Новокузнецк – родина автора, и то лучше нашего областного центра в отношении старины: в южной столице Кузбасса можно было почти всегда отыскать что-то из искомого. Как повезло, что наш автор оказался в старом сибирском городе с огромными культурными пластами. Именно там – в Томске – «книжная болезнь» поразила Бориса Варава, о чем он повествует в «Воспоминаниях». А потом был Красноярск – тоже старый культурный город со своими книжными редкостями, в числе коих сибирская тема, небезразличная Борису Варава. Ну и, конечно, поездки по городам и весям, прежде всего в две столицы (заграница тоже).

Варава сразу определяет свое отношение к результатам книгособирательства – что делать в конце концов с библиотекой, остающейся после тебя? В советское время поощрялось дарить (иногда наследники могли получить кой-какой гонорар, мизерный, естественно) государственным книгохранилищам. Допускаю, что совсем уникальные издания можно и подарить. Но я целиком согласен с автором книги в том, что после тебя, дабы не лишать поколения последователей радости собирательства, твоё собрание лучше распылить, попросту распродать.

Автор вспоминает тех, с кем ему повезло встретиться на своем собирательском пути. С некоторыми из них я тоже был знаком либо просто встречался. Как уважительно он вспоминает этих людей, даже тех, кто мог допустить двусмысленные поступки. Мне тоже доводилось писать об Иване Маркеловиче Кузнецове – библиофиле, известном не только красноярцам, но и всей стране. Сколько новых его черточек отмечает Борис Варава. А его размышления о Геннадии Юдине, которого поносили и хвалили в одно и то же время: юдинская библиотека, как известно, ушла в книгохранилище Конгресса США. Об этом можно прочитать у Варава, еще больше он может рассказать о всех перипетиях этой истории в разговоре. Дело в том, что автор нашей книги поступает как заправский историк: ищет потомков знаменитых коллекционеров. Кто-то скажет, чтобы что-то получить (приобрести) из доставшегося им наследия. И это, безусловно, тоже. Но сколько нового он

узнает и делает достоянием «города и мира» – разве это не здорово, когда информация не исчезает, а продолжает жить и обогащать всех?

А как замечательно томик «Воспоминаний» иллюстрирован! Все развороты украшены или фотографиями, или автографами, или великолепной графикой – только за это автору можно сказать огромное спасибо. И только во второй части, где Варава проясляет себя недюжинным антикваром, пара-тройка разворотов не несет изобразительного ряда.

Автор материален в своих мемуарах, так как имеет дело с книжной вещественностью. Тем более его книги очень дорого стоят на рынке, да многие просто уникальны, о таких говорят: «Цены им нет!». В самом деле, попробуйте отыскать два одинаковых автографа классиков Серебряного века?..

Но куда без духовного, когда рассказываешь о книгах. И это высокая духовность. Ведь у него в коллекции сплошь выдающиеся, великие, либо вообще гении. Блок, Ахматова, Волошин, Ремизов и иные – у какого библиофила не защемило сладко сердце только при разглядывании почерка замечательного творца на книжной странице! Потому-то и обилие фото в книге Варавы, чтобы и погордиться обретениями, и дать возможность другим посмотреть-почитать. Неслучайно он не расшифровывает автографы в тексте – читайте, если же с глазами проблемы, вооружитесь лупой.

Сложение материального и духовного дает удивительный эффект этим мемуарам, буквально выстреливает.

Замечательная книга! И сохраняющая культурное наследие, и воспитывающая. Царский подарок!

Валерий ПЛЮЩЕВ

ВЛАСТЬ СОЛОВЕЦКАЯ

Пятый роман Захара Прилепина «Обитель» – самый объемный из написанных писателем. Несмотря на то что книга издана, продолжается печатание ее фрагментов в газетах, а журнал «Наш современник» начал публикацию на своих страницах. О романе много говорят, будут говорить еще больше. Одни сравнивают писателя со Львом Толстым, другие – ругают почем зря. Сие означает, что писательский горячий посыл попал в узел общественного напряжения и противостояния.

«Обитель» – исторический роман, полифоничный, одновременно плутовской, с захватывающим авантурным сюжетом. Ну, конечно, и любовь – куда же без этого в настоящей прозе?

Герои обитают в Соловецком концлагере – первом в Советском Союзе учреждении подобного рода, где происходила «отработка механизма полноценного использования труда заключенных»: ГУЛАГ начинался в Соловках. Получается, что роман – лагерный?..

Прилепин поднимает тему лагерей, сильно отличающуюся от изображенного Варламом Шаламовым и Александром Солженицыным, у них ГУЛАГ на пике своего гибельного расцвета. У Прилепина – лагерь двадцатых годов: система рабского труда заключенных еще лишь в становлении, в пробах и ошибках. «Что мы должны сделать? – вопрошает один из героев, убитый позднее за попытку покушения на главного организатора первого концлагеря, большевика Федора Ивановича Эйхманиса. – То, что не сделали толстовцы и народники – вдохнуть дух просвещения в туземные уста и – уйти с миром». Но близкую цель, кроме «ухода», ставит и «гражданин начальник»: «Перевоспитать и поднять наверх, – и уточняет. – Это не лагерь, это лаборатория». Его слова подтверждает главный герой Артем Горяинов: «Создаете нового человека». Неслучайно в месте, где неволя, вывешивается лозунг: «Да здравствует свободный и радостный труд!».

Сюжет движется стремительно. Ноев ковчег Соловков густо населен палачами и жертвами: справиться с уймой народа было трудно, по словам автора. Все текуче: мастера заплочных дел легко превращаются в жертв, последние становятся палачами – варится адова похлебка из людей. Прилепин, рассказывая о биографии Эйхманиса, поднимается до высокой патетики: «Время титанов, полубогов и демонов». Дескать, так всегда происходит, когда история переламывается. Мальчишки становятся вершителями судеб огромных людских масс, им человека убить, что плюнуть. Но зато какие проекты мобилизационные воплощаются (мечта некоторых престарелых нынешних идеолухов) в жизнь: на северах вырабатывают то, что там отродясь не росло, разводят животных, каковые там никогда не обитали, закладывают основы будущей добычи полезных ископаемых, и главное – выковывают нового человека.

«Голый» человек Артем Горяинов – из лишних людей, волею судьбы и советского закона оказавшийся в этом месте. Помните «героя нашего времени» Печорина? Артем из этой породы, только век следующий: москвич, что-то прочел, места в жизни не определил, немного учился, немного думал. Несется по жизни в «гибельном восторге», словно пух. Случай – и он становится убийцей родного отца. По канонам православной веры – грех тяжчайший. Артему бы замаливать свершенное ненароком, однако он, на манер многих представителей интеллигенции того расхристанного времени, играет в показной упорный атеизм. Его бросает на ухабах: собирает ягоды, затем корячится до отупения «на баланах» – таскает из воды исключительно на руках – другого ничего не было, стволы деревьев. Рушит по приказу старинное монашеское кладбище – надругательство над мертвыми, да кто на такое обращает внимание, когда живые превратились в рабов. Затем оказывается на Лисьем острове, где пьянствует в компании Федора Эйхманиса – «полубога», как его определяет любов-

ница «из чекистов» Галина Кучеренко. В ее восприятии Соловки напоминали знаменитый поезд Льва Троцкого из Гражданской войны – то, что было у Льва Давыдовича, появилось тщанием троцкиста Эйхманиса на островах. Что увидел в молодости, впитал, то и строил. Кстати, а дневник этой дамы, тоже казавшейся по воюющей стране в этом поезде, привидимый в конце повествования как документ – это не писательская мистификация?..

Показать атмосферу, суть бытия через восприятие такого «отдельного» героя – задача, успешно решаемая многими русскими писателями-классиками, ряды которых после «Обители» пополнил, по мнению критиков, Захар Прилепин. Его Горяинов стихийно справедлив, наверное, еще и поэтому вступает в конфликт и с блатными, и с администрацией: мотает вверх – вниз, от гибельного низа до соблазнительного верха.

Прилепин рассказывает в интервью, что в реальности Артем (или кто-то иной из собирательного образа) соблазнил «чекистку»: в те хаотические времена такое было возможным. В 30-е же все настолько застывает, что половая связь мужчины-эзэка и женщины из лагерного персонала – дело немыслимое. Великолепно выписаны сексуальные сцены двух героев. И ведь в побег голубки ударились, хотя и неудачный, как и положено героям романтических писаний.

Претензии к написанному Прилепиным. Уже в самом начале, в обращении от автора он утверждает: «Истина – то, что «помнится». Поспорим?.. Или вот герой мечтает о шампуне. Да, в Германии это моющее средство изобрели в самом начале XX века, но до России оно добиралось чуть не тридцать лет. Откуда Артем узнал о шампуне? Ответа нет. Вот еще: авантюрист Френкель из соловецких заключенных освободился в мае 1927 года и сразу пошел по линии НКВД, уехав в Москву. А он мелькает воочию в романе, как упоминается и роман прилепинского любимца Леонида Леонова «Вор», стоящий на книжной полке у одного из обитателей Соловков, – этот роман тоже вышел в первой редакции в том же году. Как-то это плохо по времени совмещается.

Писатель Прилепин – человек патристических убеждений, как он самопрезентуется и как его представляют, особенно после известной «сталинской» статьи. Однако автор в романе несколько не оправдывает лагерную систему (прилепинский прадед прошел школу Соловков и выжил). Искать слова оправдания – дело невозможное и неблагодарное. Но он и не осуждает напрямую того, что происходило там: «Работа СЛОН не регламентировалась общегосударственным законодательством». А все, на мой взгляд, потому, что у нас «времени и власти Соловецкой» в загашнике прошлого гораздо больше кусочков патриотизма с либерализмом: живодерня здравствовала и процветала веками. Подобное из истории в какой-то мере объясняет цепляющие углы

романа, над которым писатель работал три с половиной года: восхищение создателем Эйхманисом и одновременно ужасная оступка перед зраком человека, за которым «сотни трупов» и руки по локоть в крови. Самое же главное – не подразумевалось в «Обители» нравственных мук от «слезинки ребенка». Когда извращенно, под звон колокольчика, тащат на смерть, убивают, пытаются, рвут и бьют, тогда некогда и некому уповать на добро.

Вот и мечется автор, «плывет» между извечными рабством и свободой, не зная и не говоря ничего читателю, куда же причалить в конце концов. Бои во всем и везде. И даже в создании СЛОН, где, вот идиллия, розы разводят, спектакли смотрят собственного театра, журнал с газетами выпускают, спартакиаду проводят, оркестры репетируют и играют, 8 школ функционирует, 22 ликбеза, 12 профкурсов, 18 библиотек, включая передвижные.

При чем здесь люди, когда владычка Иоанн, из церковных «обновленцев», волею автора тычет носом в то, что все предопределено высшей силой: «Я сам воспринял Соловки как суровую школу добродетелей – терпения, трудолюбия, воздержания. Благодарю Бога, что попал сюда...». И еще его же слова: «Верующий во Христа и живущий во Христе – богочеловек. А ты просто человек, тебе трудно», – говорит он Артему. Так, может, СЛОН – это начало Божьего наказания русскому народу за предательство веры? «Здесь всегда была живодерня, потому монахи и не ушли – им привычно! – Эйхманис засмеялся...» Ключевые слова – «живодерня» и «привычно». Замечательное оправдание всех преступлений государства. И еще цитатка: «Здесь фабрика людей». При царях вообще в ямы сажали, чтобы подышали, как животные, но ведь Синод на исходе самодержавия запретил в конце концов темницы. А Советы дали выбор: либо становись человеком, либо – смерть. Ну а что чекисты «наверху» со щеками, «которые невозможно ущипнуть», так то предопределено новым государственным укладом. И то, что гопэушники убивают, как мух прихлопывают заключенных и насилуют лагерных женщин – должны же они немного отвлекаться от трудной службы. И то, что психопаты с садистами каким-то чудесным образом просачивались в охрану, – то промысел или случайность? В «Обители» приводятся, как я понимаю, документальные данные: «Среди 600 человек обследованных вольнонаемных и заключенных работников ГПУ оказалось около 40 процентов тяжелых психопатов-эпилептоидов, около 30 процентов – психопатов-истериков и около 20 процентов других психопатизированных личностей и тяжелых психоневротиков». Если учесть, что периодически наезжали московские комиссии, которые «за провинности» расстреливали, в числе прочих и чекистов, а часть из них переводили в заключенные – картинка проступает еще та!

По большому счету, Прилепин показал, и это писательское мастерство, приход самого настоящего

Апокалипсиса, когда «полезли невесть откуда всякие гады: жабы и слизняки, скорпии и глисты, хамелеоны и ящерицы, пауки и сороконожки... и даже гады были кривы и уродливы...» И далее чуть не на страницу описание приближения гибели вселенской и раскаяния ввиду скорой смерти страшных преступников-грешников.

Выход для главного героя – в вере. Его тычут, как несмышленного щенка, на протяжении всего романа; и интересующийся «темой» Всевышнего Эйхманис, и лагерники, и островные монахи со священниками – вольнонаемными и заключенными, и бывшие белогвардейцы, и каэры, и революционеры, разошедшиеся с большевиками после революции – все и все буквально вопиет к Артему: спасение в Боге!

Однако даже на краю бытия герой не прозревает, на Секирке, откуда прямой, без задержек, выход на тот свет, он ни на йоту не ближе ко всем намекам...

И это несмотря на то, что на протяжении всего романа идет диалог с Господом, а Артем выпадает из него. Лишь на самом краю, в океане, где ни дна, ни покрышки, его стихийно толкнуло на молитву, обращению к Богу. Здесь Артем впервые почувствовал настоящую мужскую ответственность за женщину. И потом, когда эту же женщину ставят под расстрел, он как истинно русский человек становится рядом.

...Так, значит, русский человек неизменен, Россия – отдельная от всех?.. Именно такими словами объясняется Захар Прилепин в многочисленных публичных рассуждениях, воспоследовавших за выходом «Обители».

Ну тогда можно прогнозировать канты нашей русской цивилизации, которые не за горами, если не будем гуманизироваться, меняться, конкурировать за место под солнцем. Если русский народ в основных своих чертах характера и жизнеустановок неизменен, о чем с напыщенностью говорят некоторые критики вслед за Захаром Прилепиным, тогда исторически дело – швах; все народы меняются, меняют-

ся сильно, когда требуется выжить или соответствовать историческим вызовам. А чего, римская цивилизация навернулась, греческая с египетской туда же. Уже совсем рядом с нами австро-венгерская – приказала долго жить, только ошметки национальные разлетелись. Человек меняется, общество в постоянных изменениях – об ином даже как-то неловко говорить. Спасение – в рождении нового человека, более совершенного общества. Мучительно?.. А куда же без мук!?. Оглянитесь окрест, всмотритесь, как веками трясло французское общество, с пролитием кровушки. А трагедия немцев, к которой руку протянуть. Да и Япония – с тугими экономическими мышцами не по волшебству возникла после страшного военного поражения. И эти примеры можно множить и множить, достаточно сравнить две нынешних Кореи... При этом нисколько не покушаюсь на национально-самобытное, не об этом спор.

И все-таки, несмотря на вышесказанное, Захар Прилепин написал свой лучший роман, который, конечно же, будут читать и перечитывать в разных странах. «Обитель», как представляется, станет одним из претендентов на самые разные литературные премии – этот прогноз как раз предсказуемый, уже стала: вошла в короткий список литпремии «Большая книга» с хорошими шансами на победу. Книга еще и исключительно кинематографична, художественные образы буквально перенасыщают текст, написанный очень хорошим русским языком.

Не знаю, как – сознательно или случайно, но роман этот четко укладывается в литературную классическую традицию постижения христианского жизненного идеала под углом православных ценностей.

После выхода «Обители» можно с полным правом сказать, что разговоры о кризисе русской литературы яйца выеденного не стоят. Подобные упаднические утверждения особенно нелепы, когда параллельно с «Обителью» выходят другие интересные и глубокие книги, постигающие нашу жизнь.

Валерий ПЛЮЩЕВ



ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

В издании «Московский обозреватель» вышла статья Дмитрия Мустафина «Детдомовский людодворот» о романе В. Переводчикова «Кукушата» (Кемерово, 2013).

29 сентября в Доме литераторов Кузбасса прошло представление четвертого номера журнала «Огни Кузбасса». На представлении был вручен писательский билет поэту Андрею Пятаку. Писатели вспоминали В. Баянова, к 80-летию которого журнал напечатал его письма, присутствовала вдова поэта – А. Баянова. О своей прозе рассказали В. Переводчиков и С. Павлов, со стихами выступили И. Фролова и Т. Колач. В. Коняев разъяснил свою позицию по нынешнему состоянию родной речи. Вечер вел главный редактор журнала С. Донбай.

1 октября в Доме литераторов Кузбасса состоялся творческий вечер Василия Феданова, посвященный 75-летию поэта.

15 октября поэт Сергей Донбай выступил в школе-интернате № 27. Учащиеся читали стихи С. Донбая и задавали вопросы. Поэт отвечал, тоже читал свои стихи.

15 октября в библиотеке семейного чтения «Встреча» к 200-летию со дня рождения Михаила Юрьевича Лермонтова прошел фестиваль поэзии «Лермонтовское созвездие». В круглом столе «Мой Лермонтов» приняли участие поэты И. Куралов, Д. Мурзин, прозаик С. Павлов. В дальнейшем И. Куралов провел мастер-класс, а Д. Мурзин и С. Павлов представили свежий, четвертый номер журнала.

17 октября в городской гимназии г. Юрга прошло представление книги стихов Екатерины Дубро «Светись окно», приуроченной к 67-летию со дня рождения писательницы. Встречу вела глава фонда Дубро Майя Туралкина. В мероприятии приняли участие писатель Виктор Чурилов и поэт Дмитрий Мурзин.

Салаирцы узнают свою историю.

24 октября в городской библиотеке Салаира состоялась встреча кемеровского писателя-прозаика Сергея Павлова. На суд читателей автор вынес свою третью книгу романа «Кузбасская сага», где речь идет о далеких событиях 1919 года, когда в маленький рудничный поселок нагрянула банда «красных партизан» Рогова, о коллективизации и последующем времени политических репрессий. Писатель рассказал салаирцам о том, как он работает над книгой, затем в исполнении автора и работников библиотеки прозвучали фрагменты из романа, состоялся обмен мнениями о произведении. Кемеровский гость подарил библиотеке свои книги, а все желающие их могли приобрести с автографом автора.

Автора и участников встречи приветствовали заместитель главы городской администрации М. И. Суворова и начальник орготдела администрации Л. С. Конышева. Год культуры, каким в России был объявлен 2014-й, для салаирцев заканчивается на творческой волне.

О. Д. ЕВДОКИМОВА, учитель

23–24 октября литературный Томск праздновал 130-летие со дня рождения поэта Николая Алексеевича Клюева. Как известно, последний горестный остаток своей жизни вплоть до расстрела, еще не до конца понятый

и оцененный, прекрасный русский поэт Николай Клюев провел в Томске. На Клюевские чтения собрались писатели из Москвы, Омска, Томска, Кемерово, Иркутска. Гости смогли увидеть домик, в котором жил поэт, посетили мемориальный музей истории политических репрессий, это бывшая следственная тюрьма НКВД, в ней сидел Н. А. Клюев. Провел экскурсию по музею его заведующий В. Ханевич. Посетили также школу № 58, где единственный в Сибири школьный музей Н. А. Клюева (рук. музея Г. Погребняк). Там же был праздник в честь юбилея поэта, на котором дети читали стихи Клюева. На круглом столе поэт, главный редактор нашего журнала С. Донбай подарил школьному музею журнал «Огни Кузбасса» с подборкой стихов Николая Клюева.

В Томской областной библиотеке прошло представление девяти томника «Томская классика», где были вручены сертификаты на ее приобретение.

Литературный критик, зав. отделом критики и поэзии журнала «Наш современник» Сергей Куняев привез на Клюевские чтения свою только что вышедшую в издательстве «ЖЗЛ» книгу «Николай Клюев». Поэт, главный редактор альманаха «Тобольск и вся Сибирь» Ю. Перминов привез его последние выпуски и рассказал о планах издания пятитомной антологии стихов к 70-летию Победы.

На следующий день в облбиблиотеке под председательством поэта, первого секретаря СП России Геннадия Иванова прошел конкурс чтецов «Кровь моя связует две эпохи...» Школьники читали стихи Клюева, а гости, известные писатели, оценивали их чтение. Но всем достались проникновенные, ободряющие слова поэтов Г. Иванова и В. Скифа. И, конечно, дети получили в подарок книги с автографом.

Кульминацией праздника было награждение лауреатов Всероссийской премии имени Н. А. Клюева за 2014 год. Ими стали: Геннадий Иванов, Юрий Перминов, Владимир Скиф, Сергей Донбай и Николай Серебренников. Потом воспитанники музучилища пели песни на стихи Клюева. И все это на высоком уровне, а иногда просто великолепно!

ИЗДАНЫ КНИГИ:

Гапоник Антон. Собираясь в дальнюю дорогу...: стихи. Кемерово: Фирма Полиграф, 2014. 244 с.

Ярошук Александр. Великие тайны пирамиды Хеопса. Заблуждения и реальность. Исследование инженера. Кемерово, 2014. 164 с.

Дубро Екатерина. Светись, окно: стихотворения. Юрга, 2014. 178 с.

Литературный альманах «Образ». Кемерово: Офсет, 2014. № 4. 86 с.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ:

Журнал «Литературный меридиан» в 7-м номере за 2014 год дал подборку стихов поэта **Дмитрия Мурзина**.

Журнал «Алтай» в 5-м номере дал развернутую подборку стихов **Бориса Бурмистрова**.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Огни Кузбасса» проводит курс на расширение творческих связей с писателями, а также с журналами других регионов России:

«Наш современник» (Москва),
«Родная Ладога» (Санкт-Петербург),
«Сибирские огни» (Новосибирск),
«День и ночь» (Красноярск),
«Врата Сибири» (Тюмень),
«Алтай» (Барнаул),
«Бийский вестник» (Бийск),
«Дальний Восток» (Хабаровск),
«Сибирь» (Иркутск),
«Начало века» (Томск),
«Сихотэ-Алинь» (Владивосток),
«Литературный меридиан» (Приморский край, г. Арсеньев),
«Подъем» (Воронеж),
«Север» (Петрозаводск).

По отдельности тиражи наших журналов небольшие, но если их сложить, сумма света, который они несут, будет значительной.

Наше издание распространяется в библиотеках и учебных заведениях Кузбасса, высылается авторам журнала, в редакции вышеперечисленных журналов и литературных газет, а также подписчикам.

Редакция журнала принимает только первые экземпляры рукописей, отпечатанные на машинке через два интервала либо выполненные на компьютере через полтора интервала (12–14-й кегль), с обязательным приложением диска или флешки с набором текста в любом формате. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция знакомится с рукописями авторов, не вступая в переписку. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Наш электронный адрес: sp_kuzbass@mail.ru

Наш сайт: www.ognikuzbassa.ru

Журнал «Огни Кузбасса» и книги писателей Кузбасса можно приобрести в Доме литераторов, г. Кемерово, пр. Советский, 40. В Новокузнецке – в киосках фирмы «ВестиЧ» во всех районах города, подписаться на журнал можно в «Курьерской службе» фирмы «ВестиЧ» по адресу: пр-т Metallургов, 54. Справки по телефону 60-05-85.



Журнал «Огни Кузбасса» зарегистрирован Сибирским окружным межрегиональным территориальным управлением

Свидетельство № ПИ 12-2373 от 14 мая 2004 г.
Учредители: Кемеровское областное отделение «Союз писателей Кузбасса»
общероссийской организации «Союз писателей России»;
ГУК «Дом литераторов Кузбасса»

Технический редактор **В. И. Труханова**
Корректоры: **Е. В. Фефелова, Т. А. Козяева**
Компьютерная верстка **П. Б. Исакова**

Подписано к печати 15.10.2014. Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Arial».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0 + 0,5 л. цв. вкл. Уч.-изд. л. 20,0. Тираж 1800 экз. Заказ № 223. Цена свободная

Адрес издательства и типографии «Кузбассвузиздат»: 650043, г. Кемерово, ул. Ермака, 7.
Тел. 8 (3842) 58-29-34, т/факс 36-83-77. E-mail: 58293469@mail.ru